

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

3

1976

Редакционная коллегия:

Ю. П. Петрова-Аверкиева (главный редактор), В. П. Алексеев, С. А. Арутюнов,
Н. А. Баскаков, С. И. Брук, Л. М. Дробижева, Г. Е. Марков, Л. Ф. Моногарова,
А. П. Окладников, Д. А. Ольдерогге, А. И. Першиц, Н. С. Полищук
(зам. главн. редактора), Ю. И. Семенов, В. К. Соколова, С. А. Токарев,
Д. Д. Тумаркин (зам. главн. редактора), К. В. Чистов

Ответственный секретарь редакции *Н. С. Соболь*

Адрес редакции: Москва, В-36, ул. Д. Ульянова, 19.

XXV СЪЕЗД КПСС И ЗАДАЧИ СОВЕТСКИХ ЭТНОГРАФОВ

XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза явился крупнейшим политическим событием современности. Он вошел в историю нашей партии и Советского государства как знаменательная веха, обозначившая важный этап в имеющей всемирно-историческое значение борьбе советских людей за построение коммунистического общества.

В Отчетном докладе Центрального Комитета партии, сделанном Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым, были подведены основные итоги пятилетия, прошедшего после XXIV съезда КПСС, и намечена программа нашей дальнейшей борьбы за мир во всем мире, за счастливое коммунистическое будущее. Съезд в принятой Резолюции целиком и полностью одобрил политическую линию и практическую деятельность ЦК КПСС и предложил всем партийным организациям руководствоваться в своей работе положениями и задачами, выдвинутыми Л. И. Брежневым в Отчетном докладе.

Обсудив доклад Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина, съезд утвердил Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 гг.

Все выступавшие в прениях делегаты съезда, выражая свое полное согласие с содержанием докладов, высоко оценивали мудрость и дальновидность руководства нашей партии во главе с ее Генеральным секретарем Л. И. Брежневым, правильность марксистско-ленинского курса, осуществляемого Центральным Комитетом КПСС во всех направлениях государственного и партийного строительства, в международной и внутренней политике, в руководстве хозяйством, в развитии науки и культуры, в идеологической борьбе с враждебными марксизму-ленинизму силами и течениями. Столь же единодушно была принята съездом сокращавшаяся в докладах Л. И. Брежнева и А. Н. Косыгина программа деятельности партии на грядущее пятилетие. В этом проявилась монолитная сплоченность нашей партии, несокрушимость ее принципиальных марксистско-ленинских позиций.

В докладе Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева были глубоко и ярко освещены все кардинальные политические, экономические и идеологические проблемы современности, в первую очередь те процессы, которые знаменуют в наши дни прогрессивное развитие человечества: строительство развитого социализма и коммунизма в странах социалистического содружества, развитие коммунистического и рабочего движения в капиталистических государствах, ликвидация колониальной системы и повышение роли освободившихся стран на мировой арене. Определяющим фактором всего процесса революционного развития является международная социалистическая система, составляющая авангард трудового человечества. Ее успехи в строительстве новой жизни, ее победы в хозяйственном строительстве, в области науки, техники и культуры, в непрестанном повышении материального и культурного уровня людей, в создании нового, принципиально более высокого по своему типу образа жизни являются мерой движения всего человечества

по пути прогресса. «Развитие стран социализма,— сказал в своем докладе Л. И. Брежнев,— рост их мощи, усиление благотворного влияния проводимой ими международной политики — вот что составляет ныне главное направление социального прогресса человечества»¹.

Особенно велика роль Советского Союза, наиболее крупной и мощной из социалистических стран, первой в истории совершившей победоносную пролетарскую революцию и имеющей наибольший опыт борьбы и строительства нового общества. Руководитель венгерских коммунистов Янош Кадар сказал в своей речи на съезде: «Прошлое Советского Союза является великим историческим уроком, его настоящее — примером для подражания, а будущее — блестящей перспективой для народов мира»². Итоги развития советской страны и ее Коммунистической партии в период между XXIV и XXV съездами КПСС наглядно демонстрируют справедливость этого тезиса.

Определяющим фактором международного положения в течение этого пятилетия была борьба за разрядку международной напряженности, которую вела наша страна в соответствии с Программой мира, принятой XXIV съездом КПСС. «То, чего удалось добиться в этом отношении за последние пять лет, — отметил Л. И. Брежнев, — имеет поистине непреходящее значение. Сделано все возможное для обеспечения условий мирного строительства в нашей стране и в братских странах социализма, для мира и безопасности всех народов». Преодолевая ожесточенное сопротивление, которое оказывалось политике разрядки силами мировой реакции, Советский Союз добился принятия большинством государств мира ряда важнейших документов, поставивших разрядку напряженности на международно-правовую основу. Это несомненная победа дела мира.

Освещая эту проблему, Л. И. Брежnev подчеркивает, что наш курс на мирное сосуществование и успехи в деле разрядки международной напряженности ни в коей мере не означают исчезновения идеологических разногласий между марксистско-ленинским и буржуазным мировоззрениями. Не может быть и речи о конвергенции идеологий, о компромиссах в философских, социально-экономических и политических взглядах. Как отметил Л. И. Брежнев, «коммунистические идеалы — свобода от эксплуатации и угнетения, полновластие людей труда, развитие социалистической демократии, расцвет культуры и подъем благосостояния широчайших народных масс, равенство и братство всех народов и национальностей». Эти идеалы чужды и враждебны стремлениям и политике международного империализма, который прилагает все усилия к тому, чтобы затормозить ход всемирного революционного процесса.

За последние годы империализм потерпел ряд серьезных поражений. Победы, одержанные народами Вьетнама, Лаоса и Камбоджи, освобождение Анголы из-под власти империалистов и их прихвостней, крушение фашистских режимов в Португалии и Греции — важнейшие события в этом глобальном процессе. Та моральная, а в некоторых случаях и материальная поддержка, которая была оказана борющимся прогрессивным силам Советским Союзом и другими социалистическими странами, ярко продемонстрировала значение братской солидарности различных отрядов мирового революционного движения, животворную силу пролетарского интернационализма.

¹ Доклад Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева «Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики», «Правда», 25 февраля 1976 г. Далее доклад цитируется по этому номеру газеты.

² «Правда», 27 февраля 1976 г.

Народы, бывшие до недавнего времени объектом колониальной эксплуатации, обрели независимость и стали хозяевами своей судьбы. На руинах колониальной системы возникли суверенные государства, которые ищут свой путь в будущее. Это сложный и противоречивый процесс, в ходе которого ряд арабских, африканских и азиатских стран выбрал социалистическую ориентацию, а в других развитие пошло по капиталистическому пути. По поводу нашей позиции в этих вопросах Л. И. Брежнев сказал: «Отношение Советского Союза к сложным процессам в развивающихся странах четкое и определенное. Советский Союз не вмешивается во внутренние дела других стран и народов. Уважение священного права каждого народа, каждой страны избирать свой путь развития — незыблемый принцип ленинской внешней политики. Но мы не скрываем своих взглядов. В развивающихся странах, как и повсюду, мы на стороне сил прогресса, демократии и национальной независимости и относимся к ним, как к своим друзьям и товарищам по борьбе».

В противоположность капиталистическому миру, переживающему в течение последних лет серьезнейший экономический кризис, сравнимый лишь с катастрофическим кризисом начала 30-х годов, советская страна неуклонно идет по пути материального и духовного прогресса. Следуя курсу, указанному ХХIV съездом КПСС, говорит Л. И. Брежнев, «мы достигли новых рубежей в создании материально-технической базы коммунизма. Могущество Родины возросло. И материально, и духовно советские люди стали жить богаче. Это для нас, безусловно, самое важное». Рост материального и духовного богатства советских людей в равной мере коснулся всех народов нашей многонациональной страны. В своих выступлениях на съезде делегаты, представляющие различные союзные и автономные республики и сами принадлежащие к разным нациям и народностям, рассказывали о достижениях своих народов, добившихся за время существования Советского государства и особенно в последнее пятилетие громадных успехов в подъеме благосостояния, развитии хозяйства и культуры.

В этих выступлениях подчеркивалась незыблемость дружбы советских народов и ее значение для борьбы за коммунизм. Так, Первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Ш. Р. Рашидов сказал: «Наши успехи будут тем выше, чем крепче наша дружба, наше братство, взаимопомощь и поддержка между всеми народами великого и могучего Советского Союза». Оратор подчеркнул ведущую роль русского народа в семье советских социалистических наций: «У узбека, как и у всех наших народов, равных среди равных, один старший брат — это великий русский народ»³. Первый секретарь ЦК Компартии Грузии Э. А. Шеварднадзе сказал: «Грузию называют, товарищи, солнечной страной. Но для нас истинное солнце взошло не с Востока, а с Севера, из России, солнце ленинских идей»⁴. В этих высказываниях с новой силой раскрылись те чувства любви и уважения, которые питают к русскому народу остальные нации и народности Советского Союза.

Делегаты съезда с негодованием отвергли клеветнические измышления маоистов о якобы угнетенном положении национальных меньшинств в СССР. Подобными измышлениями китайское руководство пытается прикрыть свой собственный оголтелый национализм и великороджавный шовинизм. Как подчеркнул Первый секретарь ЦК Компартии Киргизии Т. У. Усубалиев, в маоистском Китае уйгуры, казахи, дунгане, киргизы, узбеки и другие национальные меньшинства, насчитывающие в общей сложности более 50 миллионов человек, «не имеют никаких социальных прав, влачат жалкое существование и фактически

³ «Правда», 27 февраля 1976 г.

⁴ Там же.

обречены на вымирание. А вина их только в том, что они не родились ханьцами, испытывают глубокую симпатию к Советскому Союзу, к социалистическим республикам Средней Азии и Казахстану, где национальный вопрос получил свое блестящее разрешение для всех народов, больших и малых»⁵. В Отчетном докладе ЦК КПСС и выступлениях на съезде отмечалось, что маоисты играют предательскую роль в национально-освободительном движении и смыкаются с самыми реакционными империалистическими силами — от милитаристов и врагов разрядки в западных странах до расистов Южной Африки и фашистских правителей Чили.

Полное — не только юридическое, но и фактическое — равноправие всех народов Советского Союза нашло свое яркое выражение в утвержденных съездом Основных направлениях развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 гг. и в докладе по этому вопросу Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина. «Сейчас, — сказал А. Н. Косыгин, — все наши союзные республики имеют высокоразвитую промышленность и крупное механизированное сельское хозяйство. Объединенные нерушимыми узами дружбы и братства, они располагают всем необходимым для дальнейшего прогресса во всех областях материального производства, науки и культуры»⁶. Как подчеркнул А. Н. Косыгин, в новой пятилетке еще больше «возрастет эффективность территориального разделения труда, повысится вклад каждой республики, каждого района в решение общегосударственных задач. В соответствии с ленинской национальной политикой партии будет обеспечен значительный подъем экономики всех союзных и автономных республик, экономических районов, автономных областей и национальных округов»⁷. Наша партия последовательно и неуклонно придерживается ленинской национальной политики, что с исключительной наглядностью и полнотой проявилось в работе XXV съезда КПСС.

Как в докладах на съезде, так и в выступлениях ряда делегатов было уделено большое внимание проблемам развития науки в нашей стране. При этом отмечалось, что в современную эпоху роль науки неуклонно возрастает. «Мы, коммунисты, исходим из того, — заявил в Отчетном докладе Л. И. Брежнев, — что только в условиях социализма научно-техническая революция обретает верное, отвечающее интересам человека и общества направление. В свою очередь, только на основе ускоренного развития науки и техники могут быть решены конечные задачи революции социальной — построено коммунистическое общество».

Нерасторжимая связь науки и социализма — источник вдохновения для советских ученых. В документах съезда ускорение научно-технического прогресса рассматривается как первоочередное дело, как одна из основ успешного выполнения десятой пятилетки, как могучее средство достижения долговременных целей стратегии партии.

Огромную роль в развитии науки в нашей стране играет Академия наук СССР. «Курс партии, — сказал Л. И. Брежnev, — состоит в том, чтобы и впредь проявлять постоянную заботу о развитии большой науки, о ее главном штабе — Академии наук, 250-летний юбилей которой широко отмечался прошлой осенью. Там сосредоточен цвет нашей науки — умудренные опытом основатели научных школ и направлений и наиболее талантливые молодые ученые, прокладывающие новые пути к вершинам знаний. Партия высоко ценит деятельность академии и будет поднимать ее роль как центра теоретических исследований, координатора всей научной работы в стране».

⁵ «Правда», 28 февраля 1976 г.

⁶ «Правда», 2 марта 1976 г.

⁷ Там же.

Чем выше роль науки в развитии нашего общества, тем большие требования к ней предъявляются. И одно из основных требований — дальнейшее укрепление связи науки с практикой, с задачами коммунистического строительства. «Только связь с практикой, — подчеркивает Л. И. Брежнев, — может поднять эффективность науки, а это сегодня — одна из центральных проблем». Сказанное в полной мере относится к деятельности этнографов.

Среди сформулированных в документах съезда основных задач, стоящих перед общественными науками, немало таких, которые непосредственно касаются этнографии и должны решаться ею совместно с другими научными дисциплинами. Сюда относится прежде всего углубленное исследование вопросов, относящихся к тенденции развития нашего общества, изучение социалистического быта и развития многообразной культуры советского народа, разработка проблем народонаселения. В качестве одной из важнейших задач выдвигается исследование социалистического образа жизни.

Для успешного решения этих ответственных задач этнографам необходимо всемерно расширять и углублять изучение современности, а также уделять больше внимания прогнозированию этнических процессов. Диалектическая сущность этих процессов в нашей стране коренится во взаимосвязи и взаимном переплетении явлений, характеризующих, с одной стороны, внутреннее развитие наций, а с другой стороны, их неуклонное сближение. Ход этнических процессов оказывает непосредственное воздействие на развитие культуры и быта народов. Из многообразия традиционных, исторически сложившихся, национально-специфических особенностей выкристаллизовываются в условиях советского социалистического образа жизни черты общесоветской бытовой культуры. Исследование того, как преобразовываются при этом традиционные элементы и как происходит процесс становления нового — одна из важнейших задач советских этнографов. Отметим такие стороны этой задачи, как изучение новой общественной и семейной обрядности, изменений в ценностных ориентациях, в семейных отношениях, в типе жилища, пище и одежде, в характере использования свободного времени, в специфике городского и сельского быта и т. д. Большое практическое значение имеют исследования этнографов в области дальнейшего совершенствования культурного строительства и межнациональных отношений в СССР.

Важную роль в разработке очерченного круга проблем призвана сыграть этносоциология, которая изучает на конкретном материале взаимосвязи между собственно этническими и социально-экономическими аспектами национальных процессов в нашей стране. Этносоциология оформилась как особая научная дисциплина на стыке этнографии и социологии в годы девятой пятилетки. Отметим также практическую значимость двух других пограничных дисциплин, созданных советскими учеными, — этногеографии и этнодемографии. Перед ними стоят такие задачи, как изучение географического размещения и динамики численности народов, исследование сложных современных демографических процессов с учетом этнических факторов.

Выдвижение в качестве центральной задачи советской этнографической науки изучения тенденций и перспектив современных этнических процессов в нашей стране не означает ослабления внимания к проблемам происхождения и этнической истории народов СССР, к исследованию их традиционных культур. Актуальность этих исследовательских направлений определяется, в частности, тем, что они имеют важное значение как для патриотического и интернационального воспитания трудящихся, так и для борьбы с отдельными проявлениями национализма, шовинизма, местничества, неклассового подхода к оценке исторических событий и с попытками воспевать патриархальщину.

Как отметил на съезде Л. И. Брежnev, «все больше увеличивается значение научного исследования кардинальных проблем мирового развития и международных отношений, революционного процесса, взаимодействия и единства различных его потоков...» Применительно к этнографической науке это означает необходимость развивать и совершенствовать исследования тенденций и перспектив современных этнических процессов в зарубежных странах и в мировом масштабе, выявлять взаимосвязи собственно этнических, социально-экономических и политических аспектов конкретных национальных проблем, изучать роль этнических факторов как в развитии стран социалистического содружества, так и в национально-освободительной и классовой борьбе в странах капитализма и «третьего мира». Разумеется, сохраняют свою актуальность также исследования этногенеза и этнической истории народов зарубежных государств, этногеографических и этнодемографических проблем нашей планеты. Принцип пролетарского интернационализма, которым проникнута вся деятельность нашей партии и который так мощно прозвучал на XXV съезде КПСС, воодушевляет советских этнографов, работающих над зарубежной проблематикой, в их научной деятельности.

В докладах и выступлениях ряда делегатов на съезде неоднократно подчеркивалось, что партия проявляет неустанную заботу о развитии не только прикладных сфер науки, имеющих непосредственное практическое значение, но и фундаментальных, общетеоретических ее областей. И это не случайно: полноводный поток научно-технического прогресса иссякнет, если его не будут постоянно питать фундаментальные исследования. «Акцент на развитие фундаментальных проблем науки чрезвычайно знаменателен, — сказал на съезде Президент Академии наук СССР А. П. Александров. — Он показывает, что партия и правительство ясно и глубоко видят логику развития науки, механизм научно-технического прогресса»⁸.

Разработкой ряда фундаментальных научных проблем занимаются и советские этнографы. Среди этих проблем следует отметить прежде всего общую теорию этноса и этнических процессов, а также закономерности развития первобытного общества и его перехода в общество классовое.

В разработке теории этноса и этнических процессов за последние годы достигнуты значительные успехи. Они позволили четче определить как предметную область этнографии, так и сферы и методы ее сотрудничества с другими научными дисциплинами, способствовали подъему уровня конкретных исследований по таким практически значимым разделам нашей науки, как современные этнические процессы и этническая история. Это еще одно наглядное свидетельство глубокой истинности тезиса «нет ничего более практического, чем хорошая теория», о котором напомнил на съезде Л. И. Брежнев. Разработка общей теории этноса и этнических процессов будет продолжена в годы десятой пятилетки.

Одно из традиционных направлений советской этнографии — теоретическая разработка марксистско-ленинской концепции первобытности и процесса возникновения классов и государства. Эти фундаментальные исследования и связанные с ними работы более частного характера играют важную роль в борьбе с буржуазной идеологией, обосновывая исторически преходящий характер таких явлений, как классы, частная собственность, государство, эксплуатация человека человеком. Следует учитывать, что исследование архаических форм социальной

⁸ «Правда», 27 февраля 1976 г.

организации имеет в наши дни и практическое значение, так как распад колониальной системы чрезвычайно обострил вопрос о путях развития многих народов, еще находящихся на разных ступенях распада первоначальнообщинного строя или сохраняющих его многочисленные пережитки. Разработка этих проблем должна вестись еще более широким фронтом, в ряде случаев совместно с представителями других общественных наук.

Захист материалистической концепции исторического процесса — один из аспектов идеологической борьбы КПСС с врагами марксизма-ленинизма, в которой активно участвуют советские этнографы. Этнография в комплексе с социологией, психологией и антропологией дает нашей партии мощное оружие и в борьбе против расизма и шовинизма во всех их видах и псевдонаучных облачениях. Для повышения эффективности этой важной идеологической работы, включающей также пропаганду решения национального вопроса в нашей стране, необходимо расширять публикацию книг и статей советских этнографов на иностранных языках.

Важнейшее условие научного прогресса — творческий подход к явлениям и процессам действительности. Указав на необходимость создания творческой атмосферы в научной работе, Л. И. Брежнев в своем докладе на съезде отметил, что «эта задача и сегодня остается такой же важной, как и вчера». Она сохраняет свое значение и для общественных наук, в том числе для этнографии. «Разумеется, — подчеркнул Л. И. Брежнев, — творческое сопоставление взглядов должно основываться на нашей общей марксистско-ленинской идейной платформе. Важно, чтобы последовательно соблюдались принципы партийности в науке, чтобы давался решительный отпор правооппортунистическим и „левакским“ взглядам зарубежных идейных противников».

Большое научно-познавательное и воспитательное значение науки об этносах ставит перед этнографами ответственную задачу — распространять накопленные ими специальные знания среди широких народных масс. Эта работа включает публикацию популярных книг и статей, выступления по радио и телевидению, деятельность этнографических и историко-краеведческих музеев. В период между XXIV и XXV съездами КПСС на этом поприще были достигнуты определенные успехи. Однако масштабы работы по распространению этнографических знаний едва ли могут нас сегодня удовлетворить. Еще более активизировать популяризацию накопленных знаний, поднять ее на уровень новых задач, поставленных XXV съездом КПСС — почетный долг советских этнографов. Важную роль в этом отношении призвана сыграть рассчитанная на массового читателя серия книг «Страны и народы», выпуск которой начнется в годы десятой пятилетки.

Выступая с речью на закрытии XXV съезда КПСС, Л. И. Брежnev сказал: «История нашей ленинской партии отмечена замечательной плеядой съездов. Каждый из них был важной вехой в жизни партии и страны. И можно не сомневаться, товарищи, что XXV съезд займет среди них свое особое, неповторимое место — как съезд больших свершений, прошедший под знаком реализма и деловитости, спокойной уверенности в своих силах, уверенности в новых победах нашего великого дела строительства коммунизма, нашей борьбы за прочный, справедливый мир на земле!»

Вся партия, весь советский народ полностью одобряют работу XXV съезда КПСС, его исторические решения. В этих решениях — программа новых побед.

Этнографы, как и все советские ученые, не пожалеют усилий для претворения в жизнь предначертаний партийного съезда, внесут свой вклад в дело научного и социального прогресса в нашей стране.

Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробижева

СОВЕТСКИЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ: ОБЩЕЕ И НАЦИОНАЛЬНО-ОСОБЕННОЕ

В утвержденном XXV съездом КПСС документе «Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы» изучение развития социалистического образа жизни выдвигается в качестве одного из важнейших направлений исследований в области общественных наук¹. В последние годы уделялось большое внимание теоретической разработке этой проблемы². В литературе обсуждались вопросы, связанные с определением характерных черт социалистического образа жизни, выделением его основных структурных элементов, соотношением понятий «способ производства», «образ жизни», «уровень жизни» и др. Многие аспекты образа жизни изучались и прежде, например, труд, повседневное поведение людей в быту, нерабочее время, проведение досуга, нормы морали, ценностные ориентации, обычаи, обряды. Поэтому наиболее важными задачами на этапе теоретической разработки проблемы было решение методологических вопросов, определение подхода к уже изучавшимся явлениям с точки зрения включения их в рассмотрение образа жизни. Решались и методические вопросы, связанные с конкретизацией качественной и количественной характеристики образа жизни.

Проблема образа жизни комплексная, она является предметом многих общественных наук, в том числе социологии и этнографии³.

Образ жизни, по определению К. Маркса и Ф. Энгельса, «это определенный способ деятельности данных индивидов, определенный вид их жизнедеятельности»⁴. Понятие это конкретное в социальном плане. Как писал В. И. Ленин, «у каждого общественного слоя свои „манеры жизни“, свои привычки, свои склонности»⁵.

Советский образ жизни — явление интернациональное. У всех народов СССР он характеризуется общими чертами в труде и общественной деятельности, в быту, в человеческих взаимоотношениях. Этим об-

¹ См. «Правда», 7 марта 1976 г.

² Г. Глезерман, Ленин и формирование социалистического образа жизни, «Коммунист», 1974, № 1; П. Николаев, Образ жизни как социальная категория «Политическое самообразование», 1974, № 7; С. Г. Струмилин, Э. Е. Писаренко, Социалистический образ жизни: методология исследования, «Вопросы философии», 1974, № 2; М. С. Джунусов, О некоторых национальных особенностях образа жизни в условиях социализма, «Социологические исследования», 1975, № 2; М. Н. Руткевич, Социалистический образ жизни и его развитие, «Вопросы философии», 1975, № 11; А. Бутенко, К вопросу о социалистическом образе жизни, «Коммунист», 1976, № 1; Ш. Рашидов, Социалистический образ жизни и национальное самосознание, «Проблемы мира и социализма», 1975, № 9, и др.

³ См. Г. Е. Марков, Советский образ жизни и проблемы этнографии, «Сов. этнография», 1976, № 2.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 19.

⁵ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 25, стр. 342.

щим чертам принадлежит ведущая роль. Различия же, сохраняющиеся в образе жизни советских наций и народностей, определяются историческими условиями жизни, особенностями их социальной структуры, национальными традициями, а также экологической средой.

В условиях социализма сохраняются различия в образе жизни городского и сельского населения, классов, социальных групп и слоев внутри них. Степень урбанизации, доля рабочих и колхозников, интеллигенции и служащих у отдельных народов различаются. Как показывают конкретные исследования, в трудовой деятельности и особенно в использовании нерабочего времени, в бытовом укладе, в психологии межличностных отношений в классах и социальных группах наблюдаются свои особенности. Это накладывает отпечаток и на образ жизни каждого народа в целом. Кроме того, в различных элементах образа жизни существует, хотя и социально дифференцированное, но все же в какой-то мере общее для данного народа исторически обусловленное национальное своеобразие. Оно меньше проявляется в сфере труда и больше в организации быта, в структуре материального потребления, в формах использования свободного времени, в удовлетворении духовных потребностей, в человеческих взаимоотношениях. Таким образом, в советском образе жизни органически сочетается национальное и интернациональное.

Советский образ жизни, уже сложившийся, находится в развитии. Одни элементы в нем появляются как ростки нового, другие должны быть преодолены, как несоответствующие нормам социалистического общества.

Важный аспект развития советского образа жизни — преодоление различий в образе жизни наций и народностей (так же как городских и сельских жителей, классов и социальных групп). Этот процесс происходит на основе дальнейшего сближения уровня экономического и социально-культурного развития народов нашей страны. Ибо речь идет о преодолении различий, которые носят не антагонистический, но все же социально значимый характер. Это важно подчеркнуть, поскольку в «укладе жизни» народов есть отличия и другого порядка — национальные особенности, имеющие отношение только к специфике выражения тех или других общих явлений. Последние сохраняются в условиях социалистического общества, как сохраняется и национальная форма культуры.

При таком подходе очевидно, что изучение процесса развития и сближения наций, уже давно ведущееся в нашей стране, открывает возможность проанализировать распространение общих черт в образе жизни народов, преодоление различий, связанных с условиями их труда и быта, уровнем благосостояния и культуры. Исследование же культурно-бытовой, этнической специфики позволяет шире раскрыть проявления национальных особенностей советского образа жизни применительно к отдельным народам.

Встает вопрос, какие факторы стимулируют утверждение общих черт в образе жизни наций и народностей, каковы наиболее существенные направления сближения жизненного уклада народов, в каких сферах общественной жизни, социальных средах и ситуациях данный процесс идет наиболее активно, где сохраняется больше национального своеобразия⁶. Естественно, в рамках статьи мы сможем наметить лишь основные тенденции, акцентируя внимание на этносоциальных аспектах

⁶ Пытаясь ответить на эти вопросы, приходится сравнивать усредненные количественные показатели, отражающие качественные характеристики образа жизни. Если при сравнении образа жизни народов, живущих в разных общественных системах, использование «средних» далеко не всегда правомерно, то при анализе образа жизни народов внутри одной общественной системы оно вполне допустимо (как по горизонтали — между народами, так и по вертикали — в хронологическом аспекте).

образа жизни. При этом мы опираемся на материалы обследования, проведенного сектором конкретно-социологических исследований Института этнографии АН СССР.

Как известно, народы нашей многонациональной страны находились в прошлом на разных ступенях социально-экономического развития, что и определяло глубокие различия в формах их жизнедеятельности и повседневного поведения. Решающий шаг в достижении фактического экономического и культурного равенства наций и народностей был сделан в 30-х годах в связи с преодолением многоукладности в экономике республик. Была создана однотипная социально-классовая структура, представленная у всех наций рабочими, колхозниками и интеллигенцией. Однако однотипность ее не означала полного сходства. Различия в уровне экономического и культурного развития наций еще сохранялись, и это находило отражение в социальной структуре народов. Заметно различались пропорции основных общественных групп, городского и сельского населения, квалификационного и общеобразовательного уровня населения, что не могло не влиять на особенности образа жизни наций.

Дальнейшее развитие общих черт в образе жизни советских народов происходило в процессе усиления их социальной однородности, сближения социальной структуры, повышения уровня экономического и культурного развития.

Выравнивались пропорции городского населения как в республиках в целом, так и у отдельных народов. Если в 1939 г. лишь в шести союзных республиках доля городских жителей составляла или немного превышала третью часть населения, то в 1970 г. в восьми союзных республиках горожане составляли половину или более всего населения; что касается национальностей, то у русских, армян, эстонцев, латышей, татар, осетин в 1970 г.— от 50 до 69%, у украинцев, белорусов, азербайджанцев, грузин, литовцев — от 40 до 49%, у большинства других народов союзных и автономных республик — от 20 до 39%⁷. Не осталось республик, для которых сельский уклад был бы господствующим. И дело не только в увеличении городского населения. Урбанизация изменила уклад жизни в небольших городах, городских пригородах; она означала усиление связи города с деревней, распространение городских стандартов среди сельских жителей. Этот процесс стимулируется сейчас индустриализацией сельскохозяйственного производства, изменением характера сельскохозяйственного труда, приближением условий труда на селе к городским.

Урбанизация и индустриализация привели к увеличению доли рабочих и служащих в составе населения республик. В 1939 г. лишь в РСФСР, Казахстане и на Украине рабочих и служащих было больше, чем колхозников. В 1970 г. во всех республиках в государственном секторе было занято больше населения, чем в колхозно-кооперативном. У основных коренных национальностей республик Средней Азии и молдаван доля рабочих и служащих с 1959 г. по 1970 г. по крайней мере удвоилась. Причем значительно большее увеличилась доля рабочих⁸.

Сближение двух форм социалистической собственности выравнивало условия труда рабочих и колхозников. Это имело особое значение для народов, у которых колхозники составляли значительную долю сельских жителей.

Последовательно уменьшались различия между нациями по удельному весу населения, занятого промышленным и другим несельскохозяйственным трудом (отклонение от среднесоюзных показателей, рассчитанных по большинству основных коренных

⁷ «Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г.», т. IV, М., 1973, стр. 20—42.

⁸ См. «Современные этнические процессы», М., 1975, стр. 129.

национальностей союзных республик, сократилось только за 1939—1959 гг. с 50 до 38%⁹). Сближение этих показателей отражало процесс промышленного развития народного хозяйства республик. А, как известно, в жизни индустриально развитых народов национальных различий сохраняется значительно меньше.

Уже к началу 60-х гг. отклонения от среднесоюзных показателей по основным коренным национальностям союзных республик, по удельному весу лиц, занятых непосредственно умственным трудом, уменьшились по сравнению с 1939 г. на 23,5% и составили 35%. К 1970 г. эти показатели еще более сблизились. Если сравнивать долю работников умственного труда среди горожан союзных республик, то (исключая Грузию, где показатели более высокие) различия не превышали 4—5% (среди сельских жителей они были более заметными)¹⁰.

Сходство в жизненном укладе народов достигалось также за счет социальных изменений внутриклассового характера. Постоянно увеличивалась доля квалифицированных работников среди рабочих и колхозников. Это косвенно отражалось в росте образовательного уровня. У рабочих различных национальностей, занятых в одинаковых отраслях производства, он существенно не отличается и достигает для основного ядра индустриальных рабочих не менее семи лет обучения. Среди сельскохозяйственного населения повысилась доля механизаторов. У русских она выросла за период между последними переписями с 11 до 21%, у эстонцев — с 6,6 до 21%, у латышей — с 6 до 17%, у литовцев, молдаван, белорусов — с 4—5 до 8—13%.

Повышалась специальная подготовка работников умственного труда разных национальностей. В предвоенные годы среди людей, фактически занимавшихся умственным трудом, было немало выдвиженцев, которые не имели специального образования. Чаще это явление встречалось среди народов, у которых интеллигенция была малочисленной. В 50—60-е гг. темпы подготовки специалистов позволили выдвинуть для занятий квалифицированным умственным трудом людей с необходимым средним специальным и высшим образованием.

Произошло существенное сближение внутренней структуры интеллигенции различных наций, особенно в 50—60-е гг. В годы первых пятилеток у всех народов сформировалась собственная социалистическая интеллигенция, однако состав ее различался. Если наиболее массовые отряды интеллигенции — учителя, врачи, а также работники административно-управленческого аппарата — были представлены у всех народов относительно пропорционально, то различия в доле производственной, научной и особенно научно-технической интеллигенции были существенными. У узбеков, туркмен, киргизов, казахов научная и особенно техническая интеллигенция только начала формироваться. В современных условиях все нации располагают не только интеллигенцией массовых профессий, художественной и административно-управленческой, но также производственной и научной¹¹.

Для сближения образа жизни советских наций и народностей эти сдвиги в численности и составе интеллигенции имели большое значение. Во-первых, ускоренный рост интеллигенции у менее урбанизированных народов шел в значительной мере за счет выходцев из села. Это были именно те сельские мигранты, которые активно воспринимали интегрированный городской уклад жизни. И вместе с тем, новое пополнение интеллигенции, не порвавшее соседские, дружеские и родственные связи с сельскими жителями, передавало им вновь приобретенный город-

⁹ См. Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробижева, Социально-культурное развитие и сближение наций в СССР на современном этапе, М., 1972, стр. 10.

¹⁰ Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробижева, Указ. раб., стр. 11; «Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г.», т. VI, М., 1973, стр. 7—13.

¹¹ Подробнее см. Ю. В. Арутюнян, Изменение социальной структуры советских наций, «История СССР», 1972, № 4.

ской опыт. Во-вторых, увеличение производственной и научно-технической интеллигенции означало рост именно тех слоев населения, в образе жизни которых, так же как у наиболее квалифицированных рабочих в городе и механизаторов на селе, больше всего интернациональных черт.

Усиление сходства в социальной структуре народов отражало выравнивание уровня их социально-экономического развития. Постоянно увеличивались общие черты в такой важной сфере образа жизни, как труд. Особенности, сохраняющиеся в трудовой жизни народов, решавшим образом были связаны со спецификой промышленного и сельскохозяйственного труда, уровнем технической вооруженности отраслей народного хозяйства, преобладавших в отдельных республиках. Конечно, влияет и традиционное отношение к тем или иным занятиям. Например, даже в современных условиях быстрого роста городского населения во всех республиках, у некоторых народов все же больше распространена исторически сложившаяся ориентация на различные виды сельскохозяйственного труда (например, у коренных народов Средней Азии, в ряде автономных республик). Так, в Узбекистане ^{3/4}, сельских тружеников полностью удовлетворены своей работой. Только 5% узбеков хотели бы переехать жить в город. При этом осуществить свои намерения в течение ближайших двух лет собирается лишь 2% ¹² (для сравнения: в Калининской области 16% хотят уехать из села, а 11% — в ближайшие два года ¹³). Конечно, нежелание переехать в город связано с целой совокупностью факторов — крепкими родственными связями, знанием только родного языка и рядом других. Но среди них традиционная ориентация на привычные виды сельскохозяйственного труда совершенно очевидна.

Известные национальные особенности в ориентациях на виды труда мы наблюдали и в урбанизированной автономной республике — Татарской АССР. В одних и тех же сельских условиях Татарии, как показали этносоциологические исследования, русские сильнее татар ощущают городской «магнетизм». У них больше родственников, в том числе детей, проживающих в городах, они сами чаще стремятся переехать в город и т. п. Сельские татары реже покидают села, более удовлетворены сельскохозяйственным трудом ¹⁴.

Однако при всем разнообразии профессиональной ориентации принципиально важным с точки зрения сближения образа жизни различных наций является то, что в советских условиях производственные отношения, формы социалистической организации труда, его социальное значение едины для всех национальностей нашего государства.

При всех особенностях в степени ориентации на работу, семью, общественные занятия и т. д., труд всегда занимает важное место в жизни народов. Повсюду чрезвычайно высок престиж трудовой деятельности. Не случайно, отвечая на вопрос: «Что важно для того, чтобы чувствовать себя удовлетворенным, счастливым?», большинство городских и сельских жителей, опрошенных в Грузии, Молдавии, Эстонии и Узбекистане, поставили интересную работу на одно из первых мест.

Несмотря на то, что сам трудовой процесс в различных отраслях промышленности и сельского хозяйства, в области духовного производ-

¹² Здесь и далее данные по Грузии, Молдавии, Эстонии, Узбекистану и РСФСР приводятся по результатам этносоциологического исследования, проводимого по проекту «Оптимизация социально-культурных условий развития и сближения наций в СССР» сектором конкретно-социологических исследований Института этнографии АН СССР. О целях, задачах, обосновании выборки см. Ю. В. Арутюнян, Социально-культурные аспекты развития и сближения наций в СССР, «Сов. этнография», 1972, № 4.

¹³ Ю. В. Арутюнян, Развитие общественных отношений и изменение психологии сельского населения, «Коммунистическое воспитание тружеников села и вопросы повышения культуры сельского быта», М., 1975, стр. 146.

¹⁴ См. «Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР», М., 1973, стр. 58—61.

ства имеет различия, а пропорции занятых в них представителей тех или иных национальностей неодинаковы, в трудовой сфере сходство в образе жизни людей всех наций достигается в наибольшей мере.

Принципиально важным для утверждения единства в существенных, характерных чертах образа жизни советских народов являлось их развитие в составе одного государства, осуществляющего общую для всех наций и народностей политику как в области социально-политических отношений, так и в области экономики, народного благосостояния, культуры.

Существенное значение для сближения в непроизводственной, бытовой жизни народов СССР имело то обстоятельство, что у всех них едины основы социально-бытовых условий жизни, пути удовлетворения потребностей в жилье, пище, одежде, системе здравоохранения и просвещения, распределения общественных фондов. Это находит свое проявление в показателях заработной платы, обеспеченности жилой площадью, сетью розничной торговли, общественного питания, школьного и медицинского обслуживания.

В 1970 г. отклонение в реальной заработной плате трудаящихся различных республик практически не превышало 10% от среднесоюзных показателей¹⁵. Правда, доходы на душу населения отличаются более заметно, что связано главным образом с разным количеством иждивенцев в семьях людей различных национальностей. У народов Средней Азии рождаемость, как известно, выше и размер семьи в Узбекистане и Таджикистане например, в 2 раза больше, чем в Латвии или Эстонии. Поэтому, если совокупный доход на семью в этих республиках почти одинаков, то доход на одного члена семьи различается пока еще заметно. Именно различным составом семьи объясняются и колебания в обеспеченности жилой площадью. В городах Среднеазиатского региона приходится меньше площади на одного человека, чем в других республиках. В целом же по обеспеченности жилой площадью горожан отклонения в отдельных республиках не превышают, как правило, 25% от среднесоюзных норм. Только с 1960 по 1970 г. обеспеченность жилой площадью в расчете на одного жителя увеличилась по республикам на 3,5—4,5 кв. м¹⁶. Различается в республиках потребление промышленных и продовольственных товаров. В начале 70-х гг. розничная продажа продовольственных товаров на душу населения в Эстонии или РСФСР была примерно в два раза больше, чем в Узбекистане. Конечно, это не означает, что материальное благосостояние в Узбекистане ниже, чем, скажем, в РСФСР. В этих республиках разное соотношение городского и сельского населения, а там, где преобладают сельские жители, имеющие приусадебные участки, продовольственных товаров покупают меньше.

Что касается медицинского обслуживания, то по числу врачей (без Таджикистана, где медицинского персонала было меньше) различия варьируют в пределах не более чем 30%, а отклонения по республикам от среднесоюзных показателей по числу медицинских коек на 10 тыс. жителей не превышают 17—20%¹⁷.

Совершенствование и сближение условий жизни наций осуществляется также на основе достигнутого сходства в культурной среде. Школа, клуб, библиотека — это те культурные учреждения, которыми населе-

¹⁵ Несколько ниже была, к примеру, заработная плата в Молдавии и Белоруссии, но надо иметь в виду, что в этих республиках значительная доля населения живет в сельской местности. Заработная плата в структуре совокупного дохода сельского населения составляет приблизительно 80%. Доходы выравниваются здесь за счет поступлений от личного подсобного хозяйства.

¹⁶ «Народное хозяйство СССР в 1970 г.», М., 1971, стр. 9, 541.

¹⁷ Расчеты проведены на основе данных сб. «Народное хозяйство СССР в 1974 г.», М., 1975, стр. 728, 731.

ние большинства районов может пользоваться почти в равной мере. На 10 тыс. жителей во всех союзных республиках сейчас приходится около трех клубов, и в большинстве республик — три-четыре библиотеки¹⁸.

Усилиению сходства в культурной жизни способствовало широкое распространение средств массовой информации. Уже давно в быт повсеместно вошло радио, а в 50—60 гг.— телевидение; в среднем на каждую семью приходится не менее двух газет, если учитывать только местные издания, а в республиках Прибалтики и в Грузии — три. Горожане повсеместно имеют практически равные возможности посещения кинотеатров. Различия сохраняются в кинообслуживании главным образом сельских жителей — в несколько худших условиях оказывается население отдаленных, труднодоступных сельских районов. Конечно, далеко не все различия в условиях культурной жизни уже преодолены. Так, отстает еще культурное обслуживание в сельских районах республик Средней Азии.

В десятой пятилетке наша страна будет располагать вдвое большими материальными и финансовыми ресурсами, чем в истекшем пятилетии. «Тем самым, — говорится в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду Коммунистической партии Советского Союза, — создаются новые возможности для решения основных социально-экономических задач, поставленных Программой партии... Это относится прежде всего к дальнейшему повышению благосостояния советских людей, улучшению условий их труда и быта, значительному прогрессу здравоохранения, образования, культуры — ко всему, что способствует совершенствованию социалистического образа жизни»¹⁹.

Выравнивание условий жизни, социальные гарантии (обеспечение охраны здоровья, получения образования, социальное обеспечение по болезни и старости и др.) создают основу для общности повседневного поведения людей. Организация быта, проведение досуга, участие в общественной жизни существенным образом зависят также от образования людей, культурных стандартов и сложившихся в обществе и в той или иной среде норм поведения. С этой точки зрения громадное значение имело преодоление диспропорций в образовании у народов СССР. Уровень образования у них сейчас существенно сблизился. Если в 1939 г. у народов, в прошлом отстававших, менее урбанизированных, лиц с высшим и средним образованием было в 3,6 раза меньше, чем у более развитых наций, то в современных условиях эти различия сократились более чем вдвое.

Поскольку в целом образ жизни людей принципиально детерминирован социальным положением, возможностями культурно-бытовой среды, позволяющими удовлетворять их потребности, то сходство в социальной структуре, уровне жизни и относительное единообразие материальной базы культуры способствовали складыванию общих черт в быту людей различных национальностей.

Быт в целом значительно, чем другие элементы образа жизни, и по сей день сохраняет национальные особенности. Однако важно выявить как те области быта, где активнее утверждаются общие черты, так и те, где прочнее сохраняется национальное своеобразие.

Материальная бытовая культура как таковая не входит в понятие образа жизни, так же, впрочем, как фольклор, литература, музыка и другие элементы духовной культуры, взятые вне деятельности людей. Но они включаются в рассмотрение образа жизни, включаются по-

¹⁸ Если накануне Великой Отечественной войны коэффициент вариаций, фиксирующий отклонения в обеспеченности клубами жителей различных республик, составлял 58,5%, то к началу 60-х гг. он не превышал 18%. См. «Народное хозяйство СССР в 1970 г.», М., 1971, стр. 11, 666, 667, 671.

¹⁹ «Правда», 25 февраля 1976 г.

стольку, поскольку функционируют в повседневном поведении людей, т. е. связаны с жизнедеятельностью людей — удовлетворением и направленностью их потребностей, ведением домашнего хозяйства, проведением досуга и т. п.

Поэтому, когда обращаются к материальной стороне быта с точки зрения характеристики образа жизни народов, то важны национальные особенности вкуса, предпочтения тех или иных видов пищи, одежды, интерьера жилищ и тому подобное.

Более стойко сохраняются традиционные вкусы в питании. Хотя городские условия жизни, расширение общественного питания вносят известную стандартизацию, все же в повседневной пище и особенно в праздничной национальные блюда употребляются часто и предпочтение их прослеживается вполне очевидно во всех социальных слоях.

Расширение межнационального общения приводит вместе с тем к распространению многих национальных блюд в иноэтнической среде. Как показывают опросы населения, шашлык в Грузии так же любим русскими, как и грузинами, а так называемый украинский борщ с различными оттенками в приготовлении давным-давно «перешел» национальные границы.

Что касается интерьера, то, разумеется, многие вещи люди используют в повседневной жизни не выбирая, по привычке, в связи со сложившейся традицией, из уважения к старшим. Поэтому национальное своеобразие сохраняется во многих районах страны в украшениях, в сочетаниях различных элементов интерьера и т. д. При условии свободного выбора люди предпочитают прежде всего то, что удобно, соответствует современным стандартам, символизирует известную «престижность».

В ситуации, предлагаемой опрашиваемым, — «Представьте, что Вы получили новую квартиру. Материально Вы совершенно не стеснены. Какими предметами вы бы ее украсили?» — эстонцы, грузины, молдаване, живущие рядом с ними русские намереваются приобрести чаще всего мебельные гарнитуры; из предметов украшения в Молдавии и Грузии называли также ковры, грузины иногда — кувшины. Более стойкий интерес к национальному стилю убранства домов проявили узбеки, особенно сельские жители. У народов Средней Азии, как известно, больше своеобразия сохраняется в одежде.

В данной статье мы не имели возможности подробно проанализировать сочетание общих черт и национальных особенностей в материальной стороне быта у тех или иных народов и констатируем лишь ведущие тенденции.

Итак, пища и в гораздо меньшей мере отдельные элементы одежды, некоторые особенности во внешнем и внутреннем убранстве домов в ряде районов страны, главным образом в Средней Азии (особенно в сельских условиях), — вот зоны сохранения национальной специфики²⁰ в материальном быту. Рядом с ними функционируют современная стандартная мебель, одежда, холодильники, стиральные машины, газовые плиты, пылесосы, телевизоры и другие унифицированные вещи, без которых немыслимо теперь представить быт советских людей, в каких бы республиках они ни жили.

В элементах быта, связанных с духовной культурой, в условиях Советского государства также существует прочная межнациональная общность. Она обусловлена прежде всего единой системой идеологии и моральными нормами социалистического общества. Исчезли существенные различия, связанные с религией, которая в прошлом затрудняла культурные контакты народов с разной конфессиональной принадлеж-

²⁰ Подробнее об этом см.: «Современные этнические процессы в СССР», М., 1975, гл. VII.

ностью. Но, как известно, единая мировоззренческая база культуры не исчерпывает полностью всего содержания духовной жизни и не исключает сохранения национальных особенностей. Особенности эти в непропроизводственной сфере образа жизни проявляются не только в предпочтении тех или иных национальных праздников и обрядов, но и в направленности духовных интересов, ценностных ориентаций, эстетических и нравственных нормах, обычаях, определяющих жизнедеятельность людей.

Наиболее обобщающим показателем, фиксирующим элементы этой стороны образа жизни, является использование нерабочего времени.

В повседневном поведении людей разных национальностей сходство наблюдается прежде всего в структуре распределения нерабочего времени, в количестве его, отводимом на домашнее хозяйство, воспитание детей, на общеобразовательную и общественно-политическую подготовку.

В отношении этих видов занятий можно сказать, что они наиболее широко распространены в любой этнической среде, ибо вызваны первейшими жизненными потребностями. Значительная доля нерабочего времени, уделяемая дому и воспитанию детей, результат не только необходимости обеспечения жизнедеятельности, но и выражение жизненных ценностей, ориентаций. Семья, дети в жизни людей разных национальностей представляют одну из самых первостепенных ценностей, не так уж значительно различаясь в возрастных и социальных группах. Не случайно, раскрывая свое представление о счастливой жизни, люди чаще всего называют хорошую семью наравне с удовлетворяющей работой или даже прежде. Высокая значимость семьи и детей, наблюдавшаяся повсеместно, особенно подчеркивается народами Кавказа, Закавказья и Средней Азии.

Хотя люди всех национальностей уделяют дому приблизительно одинаковое время, это не снимает национальных особенностей в его распределении и в специфике ведения домашнего хозяйства (например, мужчины-грузины чаще, чем русские в Грузии, занимаются покупками; мужчины-узбеки чаще принимают участие в приготовлении пищи, особенно праздничной и т. п.), в стиле воспитания детей. Таким образом, не только время, отводимое на домашнее хозяйство и детей, но и само содержание проведения этого времени имеют существенное значение для характеристики образа жизни народов.

Что касается использования свободного времени, то здесь показательно количество времени, затрачиваемое на чтение литературы, газет, просмотр телепередач и кинокартин, посещение театров. Уже сам факт выделения времени на такие виды занятий характеризует образ жизни.

Люди всех национальностей расходуют часть нерабочего времени на чтение газет и просмотр телепередач. Так, чтение газет стало привычкой у абсолютного большинства эстонцев, татар и русских (80—90%). 70—80% молдаван, грузин и эстонцев в городах, 60—80% грузин, эстонцев и узбеков в сельской местности — постоянные телезрители²¹. Различия в склонностях к этим видам досуга в современных условиях связаны с возрастными и социально-профессиональными особенностями групп, но не носят какой-либо выраженной национальной специфики. Даже в использовании досуга на такие виды занятий, которые связаны с эмоциональными запросами, больше общих черт, чем различий. Приведем для примера структуру расходования свободного времени молдаванами и грузинами на некоторые виды подобных занятий (см. табл.).

Эстонцы используют на эти занятия приблизительно столько же свободного времени. Например, художественной самодеятельности от-

²¹ См. Ю. Кахк, Черты сходства, Таллин, 1974, стр. 54, «Социальное и национальное», стр. 89.

Использование свободного времени грузинами и молдаванами (в Грузинской и Молдавской ССР) на некоторые виды занятий (в % к числу опрошенных)

Виды занятий	Горожане				Сельские жители			
	квалифицированные работники физического труда		интеллигенция		квалифицированные работники физического труда		интеллигенция	
	молдаване	грузины	молдаване	грузины	молдаване	грузины	молдаване	грузины
Спорт, туризм, загородные прогулки	40,4	50,9	34,9	36,7	30,1	н/св	23,6	33,7
Художественная самодеятельность	4,0	6,9	8,7	8,7	3,9	4,5	6,6	7,8
Любительские занятия	22,0	28,3	37,6	43,6	16,6	19,8	48,1	22,9

дают досуг примерно 4% квалифицированных рабочих, 14% специалистов средней квалификации, 6% специалистов высшей квалификации в городе, примерно 5% работников квалифицированного физического труда и 6—10% интеллигенции на селе.

Эстонцы чаще, чем другие национальности, в свободное время встречаются в кафе и посещают театры (2—3 раза в месяц посещает театр примерно 60% специалистов высшей и средней квалификации у эстонцев, а у грузин — 37%, у русских в Эстонии — 39%).

Мы не располагаем данными о той роли, которую играет в непроизводственной жизни людей разных национальностей несемейное общение. Но этносоциологические исследования подтверждают, что в характере такого общения сохраняются национальные особенности. В сопоставимых социально-профессиональных группах у молдаван, грузин, узбеков общение с родственниками и соседями занимает большее место, чем, например, у эстонцев или русских.

У всех народов наблюдаются общие тенденции в изменении этой стороны образа жизни: в более образованных и квалифицированных группах, в младших возрастах расширяется общение по интересам, с друзьями, товарищами по работе. Сильно разрушает традиционную структуру общения городская жизнь.

При общении в производственных коллективах, в семье, в кругу друзей, как известно, проявляются нравственные нормы, целевые общественные устремления.

Повсюду логика изменений такова, что с повышением образования людей и их потребностей меньше становится приверженность к тем нормам, которые так или иначе сковывают поведение. В семейном быту с ростом образования и квалификации людей утверждаются более равноправные отношения между супружами, возрастает самостоятельность детей. Основанием для этих суждений служат, например, ответы на вопрос: «Обязательно ли получать согласие родителей при вступлении в брак?» В городе среди работников неквалифицированного труда 34% молдаван и 24% грузин считают необязательным иметь согласие родителей при вступлении в брак, среди же интеллигенции 61% молдаван и 39% грузин придерживаются того же мнения.

В среде городских рабочих муж и жена вместе решают важные семейные вопросы почти у 50% молдаван, свыше 40% эстонцев и 32% грузин. Что касается городской интеллигенции, то здесь совместно решают важные вопросы в семье почти 58% молдаван, свыше 50% эстонцев и 41% грузин.

Более квалифицированные и образованные люди у разных народов чаще выступают за предоставление женщине активных общественных и профессиональных ролей. Для них меньшее значение имеет хозяйственность женщины, но возрастает оценка ее общественного труда.

Ослабевают интерес и привычки к строгой регламентации в обычаях и ритуалах. В качестве индикатора изменений в обрядовой жизни при этносоциологических исследованиях нами был выделен свадебный обряд. Он довольно устойчив и предполагает наибольшую заинтересованность в самостоятельном решении. Ответы на вопросы о предпочтении свадьбы с прежним национальным ритуалом или свадьбы с отдельными, отвечающими условиям современной жизни элементами национального ритуала, а иногда простого застолья в честь этого события, показали, что с повышением образовательного уровня и квалификации в группах уменьшаются национальные предпочтения. Даже те, у кого собственная свадьба происходила с соблюдением полного ритуала, далеко не всегда считают это целесообразным.

Как известно, республиканские партийные организации и общественность ведут борьбу против тех обычаем и ритуалов, которые не соответствуют нормам социалистического общества²².

В ноябре 1975 г. ЦК КП Грузии принял специальное постановление «О мерах по усилению борьбы с вредными традициями и обычаями». ЦК обратил внимание на то, чтобы положительные обычай и традиции — «солидарность, душевная щедрость, гостеприимство, уважение к старшим и особенно к женщине, к матери, святость семейных устоев, память об усопших» приобрели новый, соответствующий социалистическому укладу жизни, смысл²³.

При всей общности основных тенденций в изменении норм взаимоотношений в быту уклад домашней жизни еще в значительной мере обладает национально-традиционной спецификой. Она сохраняется даже в условиях высокой культуры и урбанизированности народа. Не случайно в кавказских семьях главой семьи чаще, чем у русских или молдаван, является муж, хотя важные вопросы, как уже упоминалось, в грузинских, например, семьях нередко решаются совместно. В кавказских семьях шире поддерживается ориентация на то, чтобы женщина занималась главным образом семьей, детьми. Как показывают этнографические наблюдения, у казахов и у народов Средней Азии главенство мужчины в семье является обычно правилом, и женщина не только по причине многодетности, но и в силу традиции, чаще, чем у других народов, занимается домашним хозяйством и воспитанием детей. Широко известно почтение, оказываемое родителям и вообще старшим по возрасту людям на Кавказе, в Средней Азии.

До 90% узбеков даже среди наиболее квалифицированных и образованных групп населения, отдавая дань традиций, считают, что выбор супруги, супруга должен происходить с согласия родителей.

Вместе с тем в утверждении общих черт образа жизни у всех народов существеннейшую роль играет распространение общесоветских норм морали, общих представлений и ценностей. Гуманное отношение к человеку, взаимопомощь, уважение к общественно-полезной деятельности стали господствующими этическими нормами, не знающими национальных границ. Что касается общественно-производственных ценностей, то по мере роста квалификации возрастает значение «условий для творчества», «интересной работы», «инициативы» и снижается значение в прошлом традиционных ценностей «материального достатка», «спокойствия». Эта тенденция к снижению ориентации на материальный достаток, прослеживаемая во всех национальных группах, в которых проводились исследования, есть результат не только роста благосостояния, распространения новых моральных норм, но и самих общественных отношений, при которых богатство перестало быть источником общественного влияния и престижа.

²² См. об этом подробнее: Г. Е. Марков, Указ. раб.

²³ «Заря Востока», 25 ноября 1975 г.

Общими и объединяющими для всех социальных и национальных групп являются и такие ценности, как моральная устойчивость молодежи, ее знания. Это находит отражение в определении опрашиваемыми значимых для нашего общества проблем: «борьбы за мир», «воспитания молодежи», «роста образования народа».

Общесоветской мировоззренческой и моральной ценностью является интернационализм, который «превратился из идеала горстки коммунистов в глубокие убеждения и нормы поведения миллионов и миллионов советских людей всех наций и народностей»²⁴.

Взаимная заинтересованность в сотрудничестве на равноправных началах, общие цели в годы войны и мирного строительства сплотили народы нашей страны. Принципиальное значение имело осуществление политики партии, направленной на достижение фактического экономического и культурного равенства народов, решение всех проблем, исходя из общих задач социалистического и коммунистического строительства при учете национальных интересов. Сыграла свою роль постоянная идеологическая работа партии по воспитанию трудящихся в духе интернационализма, равенства и братства народов, оценка исторического прошлого народов с классовых позиций.

Дружественные отношения между людьми разных национальностей проявляются как в поступках, так и в настроении и ориентациях. Можно вспомнить немало примеров, которые отражают характерные явления в национальных взаимоотношениях: семьи, воспитавшие в трудные военные и послевоенные годы детей других национальностей, тысячи русских, украинских, латышских, грузинских, армянских юношей и девушек, добровольно приехавших восстанавливать разрушенный землетрясением Ташкент, строить Нурекскую ГЭС, и другие подобные факты.

Не менее важны повседневные доброжелательные отношения между людьми разных национальностей на производстве, межнациональные браки, личные дружеские контакты. Например, в среде городского населения Молдавской ССР, где 80—90% населения работают в многонациональных коллективах, более чем 60% молдаван и русских имеют среди друзей людей других национальностей. До 60% молдаван имеют ближайших родственников, состоящих в национально-смешанных браках с русскими, украинцами и представителями других национальностей.

Интернационализм во взглядах людей благотворно сказывается на распространении общесоветских норм как в производственном обществе, так и в быту.

Как известно, отсутствие национальной замкнутости, ограниченностя является одним из элементов гуманизма, не согласующегося с жесткими, ограничивающими свободу личности правилами, ритуалами. Поэтому вместе с постоянно увеличивающимся сходством в условиях труда и быта интернационализм выступает одним из существенных завоеваний, способствующих сближению в образе жизни советских людей всех национальностей.

Это сближение является важной составной частью общего процесса возрастающего единства советского народа.

Одним из главных итогов исторического пути, пройденного советским народом, в Отчетном докладе Центрального Комитета КПСС XXV съезду Коммунистической партии Советского Союза назван наш советский образ жизни. «Атмосфера подлинного колLECTивизма и товарищества, сплоченность, дружба всех наций и народов страны, которые крепнут день ото дня, нравственное здоровье, которое делает нас сильными, стойкими — таковы яркие грани нашего образа жизни»²⁵.

²⁴ Л. И. Брежнев, О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик, М., 1967, стр. 46.

²⁵ «Правда», 25 февраля 1976 г.

THE SOVIET WAY OF LIFE: THE UNIVERSALLY DIFFUSED AND THE NATIONALLY SPECIFIC

The Soviet way of life has its concrete forms of realization among the nations and nationalities of the USSR. In the paper are shown the factors that further the diffusion of common features in the tenor of life of the various peoples. When the authors speak of surmounting the differences in the way of life they have in mind the differences in working and living conditions and in cultural levels.

Other differences, those closely knit with the ethnic-national form of culture will, in the authors' opinion, survive under socialism. The greatest similarity in the life of different peoples has been achieved in the sphere of work. Greater differences survive in domestic life. Considerable similarity exists in the structure of spare time, in its utilization for educational purposes. National peculiarities are more abundant in the organization of domestic life, in using free time for emotional varieties of leisure, in values and manner of intercourse.

The authors examine these problems mainly on materials of ethno-sociological studies in Moldavia, Georgia, Uzbekistan and Tataria.

С. И. Б рук

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ

В ПОСЛЕВОЕННОМ МИРЕ

(ИЗМЕНЕНИЯ В ЭТНИЧЕСКОМ, РАСОВОМ И РЕЛИГИОЗНОМ
СОСТАВЕ НАСЕЛЕНИЯ)

В ранее опубликованных статьях¹ мы показали изменения, которые произошли в послевоенное время в динамике и воспроизведстве населения, в его возрастной и половой структуре. Были отмечены также наиболее характерные для этого периода миграционные процессы и в особенности тенденция к сосредоточению все большей части населения в городах. По мере возможности мы стремились выявить связь между различными демографическими факторами, а также их взаимозависимость (например, влияние того или иного уровня рождаемости на возрастной состав населения, воздействие урбанизации на рождаемость и т. д.).

Вместе с тем многие демографические факторы оказывают большое влияние и на изменение этнического состава населения. В частности, миграционные процессы послевоенного времени существенно изменили этническую картину в некоторых регионах земного шара²; еще большее влияние на динамику этнической структуры оказали неодинаковые темпы естественного прироста у различных народов мира. И все же решающее воздействие на этническую структуру населения мира оказали социально-экономические факторы, а также многие политические события послевоенного времени.

Как известно, в послевоенный период произошел ряд событий всемирно-исторического значения. Победа социализма в ряде стран Европы, Азии и Латинской Америки, подъем национально-освободительной борьбы в колониальных и зависимых странах и последующее достижение ими государственной независимости, освобождение национальной экономики многих стран от гнета иностранного капитала, далеко идущие социально-экономические реформы в ряде государств мира, рост промышленных и культурных центров, широкие преобразования хозяйства и быта, в частности, переход кочевых племен и народностей к оседлости, — все это привело к ломке рода-племенной структуры у народов отставших в своем развитии стран, ускорило их этническую консолидацию и рост национального самосознания. «Этническая мозаика», характерная до недавнего времени для многих развивающихся стран, постепенно ослабевает. Из рода-племенных и локальных этнических групп формируются новые народности и нации. Так, в Африке сложились из племенных групп такие крупные народности, как сомали, хауса, йоруба,ibo и др. Быстро идет процесс консолидации многих народов Индии, Филиппин и других стран Азии. Во многих странах так называе-

¹ «Сов. этнография», 1976, № 1, 2.

² «Сов. этнография», 1976, № 2, стр. 21—24.

мого «третьего мира» с полигетническим составом населения в результате межэтнической интеграции образуются крупные этно-политические общности, постепенно сплачивающие все или большинство народов той или иной страны³. Такие общности формируются обычно в рамках сложившихся государств, даже в тех случаях, когда границы между государствами являются в этническом отношении искусственными. Можно, например, с определенной долей условности говорить об этно-политических общностях Индии, Индонезии, Бирмы, Филиппин, Танзании, охватывающих все народы соответствующих стран, или многие из них; государственное единство, как это неоднократно бывало в истории, оказывается здесь ведущим фактором.

Процессы ассимиляции более типичны для экономически развитых стран, где основная масса населения давно сложилась в нации и имеет четкое национальное самосознание, а живущие среди этой массы другие национальные группы немногочисленны и зачастую менее развиты в социально-экономическом и культурном отношении. Как известно, в развитых странах в последние десятилетия быстрыми темпами шла урбанизация, широкие масштабы приняли внешние и особенно внутренние миграции. Все это, естественно, не могло не оказать влияния на ускорение ассимиляционных процессов. Ассимиляция охватила разные группы населения, как национальные меньшинства, так и иммигрантов.

В опубликованных в двух предыдущих номерах журнала статьях мы рассмотрели количественные изменения различных демографических показателей за весь послевоенный период. Что касается этнической структуры населения, то проанализировать ее динамику за такой же период не представляется возможным, так как до начала 1960-х годов вообще отсутствовали какие-либо сводные цифровые данные о численности и расселении народов мира⁴. Поэтому в настоящей статье мы можем показать лишь изменения, которые произошли с 1961 г. по настоящее время. Тем не менее и за это короткое время население Земли увеличилось почти на 1 млрд. чел., или на одну треть. Однако прирост населения в различных регионах мира был неодинаковым: численность одних народов возросла более чем в полтора раза, других — увеличилась очень незначительно. Это существенно изменило удельный вес различных народов в общей численности населения мира.

Кроме того, в последние пятнадцать лет была проведена большая работа по изучению ранее плохо исследованных в этническом и лингвистическом отношениях районов мира. Это позволило существенно уточнить прежние оценки (чем и объясняется уменьшение численности таких народов, как раджастханцы и чокве). В свете новейших достижений науки были внесены и некоторые корректизы в классификацию народов мира.

³ Подробнее об этом см. С. И. Брук, Н. Н. Чебоксаров, Современный этап национального развития народов Азии и Африки, «Сов. этнография», 1961, № 4.

⁴ Впервые данные о численности 584 основных народов мира были опубликованы в нашей работе «Население земного шара» (приложение к карте «Народы мира», М., 1961 г.). Оценка была дана на середину 1958 г. Затем в серии «Народы мира. Этнографические очерки» вышел в свет том «Численность и расселение народов мира» (М., 1962), где была определена численность на 1959 г. уже более 880 народов. Эти данные были уточнены и пересчитаны на середину 1961 г. (по СССР — на начало 1962 г.) в «Атласе народов мира» (М., 1964), причем были добавлены сведения еще по 30 народам. В этих же работах содержатся и данные о расовом составе населения мира, а в «Атласе народов мира» — также и о религиозном составе. Имеются аналогичные по характеру публикации и более позднего времени. Так, в пятом томе «Краткой географической энциклопедии» приведены данные о численности народов на середину 1963 г., в справочнике «Народонаселение стран мира» (М., 1974) — сведения о численности народов на разные годы (например, по Зарубежной Азии на 1963 г., по СССР и Зарубежной Европе — на 1970 г. и т. д.). Однако в большинстве случаев все последующие подсчеты являются весьма приближенными и сделаны в значительной мере путем экстраполяции (численность народов увеличивалась пропорционально общему росту численности населения той или иной страны), с отдельными лишь поправками.

Таблица 1

**Группировка народов (насчитывающих свыше 100 тыс. чел. каждый)
в зависимости от их численности**

Группы, объединяющие народы в зависимости от их численности (в определенных количественных интервалах)	1961 г. *			1975 г.		
	Количество народов	Общая численность группы в млн. чел.	% к общей численности населения мира	Количество народов	Общая численность группы в млн. чел.	% к общей численности населения мира
свыше 100 млн.	4	1065	34,7	7	1645	41,4
от 50 до 100 »	6	444	14,5	8	494	12,4
от 25 до 50 »	14	504	16,4	14	520	13,1
от 10 до 25 »	19	280	9,1	33	474	11,9
от 5 до 10 »	47	324	10,6	48	343	8,6
от 1 до 5 »	136	310	10,1	147	351	8,8
от 500 тыс. до 1 млн.	67	48	1,6	95	65	1,6
от 100 до 500 тыс.	226	58	1,9	199	50	1,3

* Здесь и далее за основу сведений на 1961 г. взяты материалы, опубликованные в «Атласе народов мира».

При определении этнического состава населения Земли на 1975 г. учтены данные переписей населения конца 1960 — начала 1970-х гг.⁵. Однако в большинстве этих переписей отсутствовали прямые сведения о национальном составе населения. Как и прежде, для определения численности народов в этих случаях нами использованы данные о родном языке, а также о стране происхождения или рождения, гражданстве, расовой, религиозной, племенной и кастовой принадлежности⁶. Для определения численности национальных меньшинств той или иной страны использовались материалы текущего учета, имеющиеся в справочниках или ежегодниках по странам⁷. Метод экстраполяции применялся лишь для установления роста численности народов за последние несколько лет (от момента проведения последней переписи в стране до середины 1975 г.). Использование косвенных данных, употребление метода экстраполяции и неполная достоверность исходных сведений об общем размере населения некоторых стран, естественно, оказывают отрицательное влияние на точность определения численности различных народов. В связи с этим мы сочли целесообразным привести сведения о крупнейших народах (насчитывающих свыше 10 млн.) с округлением до 1 млн. и более мелких (от 1 до 10 млн.) с округлением до 100 тыс. чел.

В настоящее время в мире известно не менее двух тысяч различных народов⁸ — от мелких племен, численность которых измеряется сотнями, а иногда лишь десятками человек (андаманцы-минкопии в Индии, тоала в Индонезии, ботокуды в Бразилии, алакалуфы и ямана в Аргентине),

⁵ Все они опубликованы в «Demographic Yearbook», 1969—1973, N. Y., 1970—1974.

⁶ Подробно о методике использования этих данных для определения численности народов см.: «Численность и расселение народов мира», стр. 45—53.

Весьма компетентным и оперативным (материалы в нем обновляются ежегодно) международным справочником, в котором содержатся данные об этнической структуре населения многих стран, является «Statesman's Yearbook», издаваемый в Лондоне.

⁸ В «Атласе народов мира» было выделено около 1,5 тыс. народов, объединенных под 910 номерами (под одним номером часто объединялись несколько мелких родственных народов). В большинстве случаев такое объединение племен и народностей было связано с генерализацией, потребность в которой была вызвана сравнительно мелким масштабом карт атласа (например, в атласе не выделены многие небольшие индейские народы, мелкие народы Индонезии и других стран Юго-Восточной Азии, малочисленные этносы стран Африки). В других случаях объединение было обусловлено тем, что ряд живущих по соседству близких по языку и культуре этносов находился в процессе консолидации. Следует подчеркнуть определенную условность таких объединений, чем и объясняется разнобой в данных различных источников об общем количестве народов на Земле.

до крупнейших этносов в 100 и более млн. чел. каждый. За последние 14 лет группировка народов в зависимости от их численности изменилась следующим образом (см. табл. 1).

Из табл. 1 видно, что 257 народов (их список дан в Приложении 1), насчитывающих более 1 млн. чел. каждый (в 1961 г. таких народов было 226), составляют в настоящее время 96,2% всего населения Земли, причем 62 наиболее крупных народа, численностью свыше 10 млн. чел. каждый (в 1961 г. их было 43), образуют почти четыре пятых всего человечества. Еще 294 народа насчитывают от 100 тыс. до 1 млн. чел., а их общая численность составляет 115 млн. чел. (2,9% всего населения мира). Общая численность многих сотен самых мелких народов достигает всего около 35 млн. чел.

В Приложении 1 отмечено несколько крупных этнических массивов, которые могут быть названы народами лишь с большой долей условности. Известно, что в ряде стран Азии и Африки, недавно получивших независимость, усилились процессы этнической консолидации групп, говорящих на близких языках или диалектах; процессам консолидации в подобных странах весьма благоприятствует создание единого литературного языка для группы родственных этносов, проведение административных границ по этнолингвистическому признаку и ряд других факторов. И хотя все это пока еще не привело к окончательному сложению этносов, многие исследователи, учитывая явно выраженные консолидационные тенденции, уже сейчас выделяют находящиеся в процессе формирования общности в качестве единых этносов (правда, оговаривая в каждом конкретном случае условность такого выделения). Это относится к таким крупнейшим этническим массивам, как бихарцы, раджастрханцы, лахида, висайя, малайцы Индонезии и некоторые другие. В состав бихарцев, например, входят три многомиллионных народа — бходжпури, магахи и майтхили и около десятка более мелких групп; в состав раджастрханцев — марвары, джайпуры, мевати и др.; лахида — джаты, аваны, кхокхары, джанджуа и др.; висайя — себуанцы, панай-хилигайнон, самар-лейте и др.; малайцев Индонезии — риау, палембангцы, джамбийцы, джакартцы, малайцы Калимантана и др.

Еще сложнее обстоит дело с хиндустанцами, заселяющими огромные пространства индийских штатов Уттар-Прадеш и Мадхья-Прадеш, г. Дели, а также восточные части штатов Раджастрхан и Хариана (историческая область Хиндустан). Хиндустанская общность состоит из многочисленных, близких по культуре и быту локальных групп, границы между которыми весьма неопределенны; объединяет их всех единый литературный язык — хинди. Разные группы хиндустанцев говорят на многочисленных диалектах этого языка — кхари боли (на его основе сложился литературный язык), бангару, брадж, канавуджи, бундели (диалекты западного хинди), авадхи, багхели, чхаттисгархи (диалекты восточного хинди), причем носители некоторых из этих диалектов друг друга не понимают. Литературным хинди как вторым языком в той или иной форме владеет все образованное население Северной Индии; являясь государственным языком Индии, он все шире распространяется и за ее пределы.

В перспективе, в зависимости от конкретно-исторических условий, все эти группы (у которых этническое самосознание развито пока слабо) должны либо консолидироваться в единые народы (по нашему мнению, такая тенденция является преобладающей), либо стать основой для формирования нескольких самостоятельных, хотя и близкородственных народов. Из всех названных выше групп лишь у бихарцев заметно преобладание процесса этнодифференциации, идущей по линиям, разграничающим три крупнейших народа. Хиндустанцы, несмотря на их колоссальную общую численность, разнообразие групп и большую разбросанность скорее должны сформироваться в единую этническую,

Классификация народов Африки южнее Сахары

Дж. Гринберг	«Атлас народов мира»
I. Конго-кордофанская (нигеро-кордофанская) семья	
1. Группа нигер-конго	Семьи банту и манде, группы атлантическая, гур, гвинейская и восточная бантойдная, часть народов Центрального и Восточного Судана
а) Западноатлантические народы	То же
б) Народы манде	Атлантическая группа (западная бантойдная)
в) Народы Вольты	Семьи манде
г) Народы ква	Группа гур (центральная бантойдная)
д) Народы бенуэ-конго	Гвинейская группа
е) Народы адамауа-восточные	Семьи банту, восточная бантойдная группа, народ буте *
2. Группа кордофанская	Чамба *, банда *, гбайя *, нгбанди *, азанде *, сере-мунду *, мба *
а) Коалиб	Коалиб *
б) Тегали	Тагой *
в) Талоди	Тагой *
г) Тумтум	Кадугли-кронго *
д) Катла	Катла *
II. Нило-сахарская семья	
1. Группа сонгай	Нилотская семья, группы сонгай и канури, часть народов Центрального и Восточного Судана
2. Сахарская группа	Группа сонгай
3. Маба	Группа канури
4. Фур	Маба *
5. Шари-нильская группа	Фор *
а) Восточносуданские народы	Нилотская семья, часть народов Центрального и Восточного Судана
б) Центральносуданские народы	Нилотская семья, народы тама *, даго *, мурле *, бареа *, темани *
в) Берта	Багирми *, мору-мангбету *
г) Кунама	Берта *
6. Кома	Кунама *
III. Койсанская семья	Кома *
1. Южноафриканская койсанская	Койсанская группа
2. Сандаве	Бушмены, готентоты, горные дамара
3. Хадзали	Сандаве Хадзали

* Отмеченные народы были отнесены в «Атласе народов мира» к группе Центрального и Восточного Судана, которая из-за недостаточной изученности соответствующих языков была построена не по генетическому, а по чисто географическому принципу.

общность. Что касается лахнда Пакистана, то образующие эту общность группы постепенно сливаются с панджабцами.

О быстром естественном приросте населения во многих регионах мира свидетельствует то обстоятельство, что за четырнадцать последних лет из 257 крупных народов 105 (живущих главным образом в развивающихся странах) увеличили свою численность более чем в полтора раза (среди них и такие крупнейшие народы, как хиндустанцы, бразильцы, мексиканцы и другие), а еще 58 народов — более чем на одну треть. В то же время численность европейских народов возросла, как правило, менее чем на 15% (немцы, португальцы, чехи, шотландцы, ирландцы, финны, словаки и некоторые другие дали прирост лишь от 2 до 7%).

В Приложении II дана численность (в млн. чел.) разных языковых семей и групп, объединяющих народы мира. По сравнению с прежней классификацией в новую внесены, как уже отмечалось выше, довольно существенные изменения. В частности, для группировки народов Африки

Классификация индейских народов Америки

Новая классификация (Дж. Гринберга, Маккоуна и Э. Сэпира)	Старая классификация («Атлас народов мира»)
Группа на-дene	Семья на-дene
Алгонкино-мосанская группа	Алгонкино-вакашская семья
Группа пенути	Семьи пенути и майя-соке, народ хуаве
Группа хока-сиу	Семья хока-сиу, народ хикаке
Ацтеко-тананская группа	Юто-ацтекская семья
Группа макро-от-манге	Семьи отоми-миштеко-салотекская и чинантекская
Тараски	Тараски
Группа макро-чибча	Семьи чибча и мискито-матагальпа, народы ленка, пайя, шинка, итонама, мура, ширнана, варрау
Же-пано-カリбская группа	Семьи карибская, же, пано, уитото, матако-матагайо, гуайкуру и маскоя, народы чимане, мосетене, чураба, намбиквара, бороро, отуке, чикито, каражса, леба и ягуа, тарума, ботокудо, канинганс, гуато, юре
Андо-экваториальная группа	Семьи тури-гуарани, кечуа, аймара, арауканская, аравакская, чон, тукано, саларо, хиваро, чапакура и самуко, народы каювава, мовима, юракаре, каничана, катукина, яуро, гуахиво, салива, маку, пуйнаве, маку, мавака, алакалуф, ямана
Каритиана, пуруборе (неклассифицированные)	Народы каритиана, пуруборе

принята классификация Дж. Гринберга, получившая в последние годы широкое распространение⁹. Для того чтобы можно было сравнивать новые данные со старыми, мы показываем в табл. 2, как соотносится группировка, предложенная Гринбергом, с языковой классификацией народов Африки, приведенной в «Атласе народов мира».

В состав китайско-тибетской семьи многие лингвисты включают теперь лишь две группы — китайскую и тибето-бирманскую. Место тайской группы в системе лингвистической классификации пока окончательно не определено: одни исследователи относят ее к китайско-тибетской семье, другие — к австроазиатской. Существуют также работы, утверждающие, что эта группа (или семья) отдаленно родственна австронезийской семье¹⁰. Отмечавшаяся рядом ученых близость многих языков Юго-Восточной и Южной Азии нашла свое выражение в выделении австроазиатской семьи, к которой были отнесены группы: вьетская, мон-кхмерская, ва-палаун, малаккская, кхаси, никобарская, мунда, мяо-яо. Австронезийскую семью раньше подразделяли на четыре группы: индонезийскую, полинезийскую, микронезийскую и меланезийскую. Однако в свете последних исследований такая группировка не представляется оправданной. Был предложен ряд новых классификаций австронезийских языков¹¹, однако ни одна из них не является общепринятой. В связи с этим в таблице данная семья дается без подразделения на группы. Группировка индейских народов Америки дана в соответствии с классификацией Гринберга, Маккоуна и Э. Сэпира¹² (см. табл. 3).

⁹ J. H. Greenberg, *The languages of Africa*, The Hague, 1966.

¹⁰ См., например, S. E. Yakhotov, *Glottochronology and the Sino-Tibetan Linguistic Family*, «Труды УП МКАЭН», М., 1970, т. 9, стр. 266—273.

¹¹ См., например, классификацию И. Дайена в работе Дж. Мэрдока: G. P. Murdoch, *Genetic classification of the Austronesian Languages: A key to Oceanic culture history*, «Ethnology», vol. III, 1964, N 2, pp. 117—126.

¹² J. H. Greenberg, *The general classification of Central and South American languages*, «Men and Cultures. Selected Papers of the 5-th International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences», Philadelphia, 1960; «Indian, Latin American» в: «Encyclopaedia Britannica», vol. 12, Chicago, a. o., 1965, pp. 56—61; «Indian, North American», Там же, стр. 66—67.

Таблица 4

Изменение численности народов, принадлежащих к различным языковым семьям и группам

Языковые семьи и группы	1961 г.		1975 г.		1975 г. по отношению к 1961 г. (в %)
	Численность в млн. чел.	% в общем населении мира	Численность в млн. чел.	% в общем населении мира	
Всего населения	3068	100,0	3976,5	100,0	130
Индоевропейская семья	1471	47,9	1871	47,05	127
Славянская группа	243	7,9	271	6,8	112
Германская группа	360	11,7	404	10,15	112
Романская группа	362	11,8	484	12,2	134
Иранская группа	43	1,4	64	1,6	149
Индоарийская группа	425	13,8	605	15,2	142
Другие группы	38	1,3	43	1,1	113
Семито-хамитская (афразийская) семья	129	4,2	192	4,8	149
Семитская группа	101	3,3	149	3,7	148
Берберская группа	6	0,2	9	0,2	150
Кушитская группа	11	0,35	15	0,4	136
Чадская группа	11	0,35	19	0,5	173
Кавказская семья	5	0,2	6,5	0,2	130
Дравидийская семья	116	3,8	157	3,9	135
Южная группа	72	2,3	98	2,5	136
Юго-восточная группа	40	1,4	53	1,3	132
Другие группы	4	0,1	6	0,1	150
Уральская семья	22	0,7	23	0,6	105
Финно-угорская группа	22	0,7	23	0,6	105
Алтайская семья	69	2,25	97	2,5	141
Тюркская группа	62	2,0	89	2,3	144
Другие группы	7	0,25	8	0,2	114
Корейцы	39	1,3	52	1,3	133
Японцы	95	3,1	111	2,8	117
Конго-кордофанской (нигеро-кордофанская) семья	135	4,4	213	5,35	158
Западноатлантические народы	12	0,4	18	0,45	150
Народы манде	8	0,25	10	0,25	125
Народы Вольты (группа гур)	8	0,25	11	0,3	138
Народы ква	25	0,8	42	1,1	168
Народы бенуэ-конго	78	2,6	126	3,1	160
Другие народы	4	0,1	6	0,15	150
Нило-сахарская семья	15	0,5	23	0,6	153
Шари-нильская группа	11	0,4	17	0,45	155
Другие группы	4	0,1	6	0,15	150
Китайско-тибетская семья	722	23,5	875	22,0	121
Китайская группа	688	22,4	828	20,8	120
Тибето-бирманская группа	34	1,1	47	1,2	138
Тайская семья	36	1,2	52	1,3	144
Австроазиатская семья	46	1,45	63	1,6	137
Вьетская группа	28	0,9	38	1,0	136
Мон-кхмерская группа	7	0,2	10	0,25	143
Другие группы	11	0,35	15	0,35	136
Австронезийская семья	135	4,4	196	4,9	145
Индийские народы	22	0,7	33	0,8	150
Другие семьи и группы и неизвестные	11	0,4	12	0,3	109

Имеются и некоторые другие спорные вопросы классификации. Так, корейский язык некоторые лингвисты сближают с алтайскими языками (прежде всего с тунгусо-маньчжурскими). Японский язык многие исследователи сближают с алтайскими языками, находя в нем, однако, субстрат австронезийского типа. Отрицается и сама общность алтайских языков, и тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские языки выделяются в качестве самостоятельных семей. Некоторые ученые отвергают генетическое единство кавказских языков, считая картвельские,

абхазско-адыгские и нахско-дагестанские языки тремя самостоятельными семьями. В прилагаемых таблицах все эти гипотезы не учтены.

В таблицах нашей статьи несколько изменен, по сравнению с «Атласом народов мира», также порядок расположения семей и групп. Новый порядок, в частности, лучше учитывает так называемую «ностратическую» или «борейскую» гипотезу, согласно которой индоевропейские, семито-хамитские (афразийские), кавказские, дравидийские, уральские и алтайские языки отдаленно родственны¹³.

Уточнены, а в некоторых случаях и изменены названия народов. Особенно это относится к Африке: в названиях ряда народов сейчас нет префиксов — «ба» и «ва» и других, означающих на языках банту «народ» (например, прежнее написание *балуба*, теперешнее — *луба*).

Вследствие неравномерного роста численности различных народов произошло довольно существенное изменение удельного веса различных языковых групп в общем населении мира (см. табл. 4). Больше всего увеличилась доля народов, принадлежащих к следующим семьям: конго-кордофанской (с 4,4 до 5,35%), семито-хамитской (с 4,2 до 4,8%) и австронезийской (с 4,4 до 4,9%). В то же время уменьшился процент народов индоевропейской, китайско-тибетской и уральской семей, а также японцев.

* * *

Как и в «Атласе народов мира», при определении численности человеческих рас (см. Приложение III) использованы данные о процентном соотношении тех или иных расовых типов в составе каждого народа¹⁴. В связи с тем, что такие данные являются ориентировочными, а границы между расами — весьма условными, численность отдельных рас следует считать приближенной. Мы полагаем, что каждая величина определена примерно с точностью $\pm 10\text{--}20\%$.

За последние 14 лет произошло определенное перераспределение доли отдельных рас в населении мира (см. табл. 5). Прежде всего в глаза бросается некоторое увеличение смешанных и переходных форм, что является естественным в связи с непрерывно происходящим смешением рас. В то же время доли европеоидной и монголоидной больших рас существенно уменьшились. Заметные изменения претерпел и удельный вес в общем населении мира разных ветвей внутри каждой из рас. Так, южная ветвь европеоидной расы несколько возросла, а переходные и среднеевропейские формы и особенно северная ветвь — сильно уменьшились.

В табл. 5 учтены последние данные антропологической науки о существовании двух расовых стволов. С этим связано разделение на две большие расы (негроидную и австралоидную) ранее выделявшейся экваториальной большой расы и изменение порядка расположения в таблицах отдельных рас¹⁵.

* * *

В послевоенное время научно-технический прогресс, огромные достижения естественных наук, быстрый подъем культурного и образовательного уровня населения привели к отходу от религии все более широких масс населения. Темпы этого процесса различны в странах с разными

¹³ См. А. Б. Долгопольский, Какие языки родственны европейским? «Наука и человечество», 1971—1972, М., 1972, стр. 106—119.

¹⁴ Исключительно оригинальную и трудоемкую работу по определению численности человеческих рас провел в свое время Г. Ф. Дебец, подготовивший соответствующий материал для упомянутого выше «Атласа народов мира».

¹⁵ См. А. А. Зубов, О расово-диагностическом значении некоторых одонтологических признаков, «Сов. этнография», 1968, № 3.

Таблица 5

Изменение численности человеческих рас

Человеческие расы	1961 г.		1975 г.		1975 г. по отноше- нию к 1961 г. (в %)
	Числен- ность в млн. чел.	% в общем населении мира	Числен- ность в млн. чел.	% в общем населении мира	
Всего населения	3068	100,0	3976,5	100,0	130
I. Негроидная большая раса	163	5,3	251	6,3	154
II. Смешанные и переходные формы между негроидной и европеоидной большими расами	263	8,6	357	9,0	136
а) Эфиопский тип	35	1,1	45	1,1	129
б) Южноиндийский тип	164	5,4	220	5,6	134
в) Мулаты	45	1,5	66	1,6	147
г) Другие типы	19	0,6	26	0,7	136
III. Европеоидная большая раса	1426	46,4	1804	45,4	127
а) Северная ветвь	127	4,1	140	3,5	110
б) Переходные и среднеевропейские формы	546	17,8	616	15,5	113
в) Южная ветвь	753	24,5	1048	26,4	139
IV. Смешанные формы европеоидной большой расы и американской ветви монголоидной большой расы	80	2,6	120	3,0	150
V. Смешанные и переходные формы между европеоидной большой расой и азиатской ветвью монголоидной большой расы	33	1,1	45	1,2	136
VI. Монголоидная большая раса	580	18,9	712	17,9	123
1. Американская ветвь	22	0,7	33	0,8	150
2. Азиатская ветвь	558	18,2	679	17,1	122
а) Тихоокеанские (восточные) монголоиды	551	18,0	671	16,9	122
б) Другие типы	7	0,2	8	0,2	114
VII. Смешанные и переходные формы между азиатской ветвью монголоидной большой расы и австралоидной большой расой	508	16,6	665	16,7	131
а) Типы южноазиатской группы	411	13,4	550	13,8	134
б) Японский тип	94	3,1	111	2,8	118
в) Другие типы	3	0,1	4	0,1	133
VIII. Австралоидная большая раса	7	0,2	9,5	0,2	136
IX. Другие расовые типы и неизвестные	8	0,3	13	0,3	162

социально-экономическими системами. Быстрее всего он идет в социалистических странах и в первую очередь в СССР, где за годы советской власти подавляющая часть населения порвала с религией. Влияние религии падает и в развитых капиталистических странах Европы и Америки. В то же время в развивающихся странах Азии и Африки, где значительные массы населения неграмотны и их культурный уровень низок, влияние религии все еще велико. Темпы отхода от религии в определенной степени зависят и от религиозной системы, которая господствует в той или иной стране.

Падение влияния религии во многих странах мира, конечно, еще не означает, что церковь утратила все свои позиции. Приспособливаясь к новым условиям, религия продолжает оказывать большое влияние на все стороны жизни людей, на их общественно-политическую деятельность, быт и культуру. Многие политические события в послевоенном мире нельзя было бы понять, если бы мы не учитывали религиозной ситуации, сложившейся в тех или иных регионах. Достаточно перечислить такие важнейшие факты послевоенной истории, как раздел бывшей Британской Индии по конфессиональному признаку на самостоятельные государства (что вызвало миграцию в разных направлениях

более 18 млн. индуистов и мусульман), столкновения различных конфессиональных групп в Ольстере, Ливане, на Филиппинах, и многие другие. Во всех этих конфликтах, вызванных, в первую очередь, различными политическими и социально-экономическими причинами, религиозный фактор играл существенную роль. Религия влияет и на внутриполитическую жизнь различных стран; во многих из них политические партии построены по конфессиональному признаку. Религиозные организации часто занимают во внутригосударственных делах реакционные позиции, поддерживают наиболее консервативные круги и борются с прогрессивными идеями и движениями (хотя, впрочем, отдельные религиозные деятели и организации занимают и противоположные позиции).

Из всего сказанного видно, что для правильного понимания различных исторических событий и явлений современной жизни необходим анализ религиозной структуры населения.

Религиозный состав населения Земли можно исчислить лишь приблизительно. Статистический учет религиозной структуры ведется в ряде стран, однако официально определяемая численность последователей тех или иных религий часто значительно превосходит действительное число верующих, так как опрашиваемые при переписях населения нередко указывают свою принадлежность в прошлом к той или иной религии, от которой они в действительности уже отошли. В разряд атеистов фактически попадают лишь активные противники религии, а безразлично относящиеся к ней, как правило, отмечаются как верующие. Трудно определить число верующих в СССР, так как в нашей стране в связи с последовательным проведением в жизнь принципа свободы совести во время переписей не ставится вопрос о религиозной принадлежности. Отказалось от постановки в переписях вопроса о религиозной принадлежности и большинство социалистических стран, что также затрудняет выявление конфессиональной структуры их населения. С очень большой осторожностью следует подходить к данным церковных организаций, которые по-разному определяют, но обычно завышают численность своих приверженцев, что делает их данные плохо сопоставимыми. И все же даже официальный учет свидетельствует о росте рядов атеистов. Так, в Нидерландах, согласно данным переписи 1971 г., более пятой части всего населения признало себя атеистами, а в Амстердаме — даже около половины. Правда, имеющиеся материалы переписей населения других стран дают более низкий процент: в Финляндии, Австрии, Люксембурге, Чили, Мексике, удельный вес атеистов составляет от 2 до 5 %, а в других странах — еще ниже. С другой стороны, в Великобритании и Франции, по косвенным данным (в переписях этих стран вопрос о религиозной принадлежности не ставится), около трети жителей не связано с церковью¹⁶.

В 1973 г. в одном из зарубежных энциклопедических изданий¹⁷ были опубликованы сводные данные о религиозной структуре населения мира. В 1972 г. на Земле, согласно этим данным, насчитывалось 1024 млн. христиан, 529 млн. мусульман, 478 млн. индуистов, 305 млн. конфуцианцев, 268 млн. буддистов¹⁸, 60 млн. синтоистов, 52 млн. даосистов, 14 млн. иудаистов и 180 тыс. зороастрийцев. Примерная численность последователей других религий (данные о них отсутствуют в указанной сводке) такова: сикхов — 10 млн., джайнов — 3 млн., йезидов — свыше 100 тыс., мандейцев — 14 тыс. Трудно поддаются учету приверженцы местных традиционных верований в значительном числе сохранившиеся в Африке, Азии и Океании. Их трудно учесть хотя бы потому, что переход от традиционных верований к мировым религиям совершается очень постепен-

¹⁶ П. И. Пучков, Современная география религий, М., 1975, стр. 90—92.

¹⁷ «Britannica Book of the Year 1972», Chicago, 1973.

¹⁸ По разным источникам число буддистов колеблется от 150 до 500 млн. чел.

но и не всегда соотносится с подлинными верованиями населения; кроме того, это население слабее всего изучено в статистическом отношении. По очень приблизительным данным, их насчитывается по крайней мере 100 млн. чел.

Среди христиан преобладают католики — 578 млн., затем следуют протестанты — 323 млн. и православные вместе с последователями других близких им восточных церквей (монофизитов и несториан) — 123 млн. Из протестантов наиболее крупные группы образуют лютеране — 73 млн., реформаты и пресвитериане — 52 млн., англикане — 47 млн., методисты — 40 млн., баптисты — 31 млн. и др.¹⁹. Среди мусульман преобладают сунниты; шииты составляют лишь около одной десятой всех последователей ислама. Примерно три пятых буддистов принадлежат к махаянистскому направлению, две пятых — к хинаянистскому. Распределение по частям света основных религий и их направлений на 1972 г. дано в приложении IV.

Анализируя приведенные выше цифры, мы должны иметь в виду, что численность adeptов некоторых религий видимо существенно завышена²⁰. Кроме того, в некоторых восточноазиатских странах один и тот же человек нередко отправляет культ двух, а то и трех религий. В таких случаях один верующий оказывается включенным в число последователей сразу нескольких религий. Показательнее всего Япония, где многие одновременно являются синтоистами и буддистами. В некоторых отсталых странах к adeptам той или иной разновидности христианства часто причисляют лиц, фактически придерживающихся своих традиционных племенных верований.

В связи с указанными выше сложностями учета конфессионального состава населения трудно сравнивать приведенные выше цифры с ранее опубликованными данными²¹. Тем не менее, если мы все же проведем такое сравнение, бросится в глаза резкое увеличение числа индуистов и мусульман (первых за 11 лет — на 37% и вторых — на 33%) и сравнительно небольшой прирост или даже уменьшение последователей остальных религий. Это объясняется тем, что именно в странах, где господствуют индуизм и мусульманство, наблюдается наивысший естественный прирост населения. Кроме того, ислам активно продвигается на юг, в Тропическую Африку, а индуизм распространяется среди племен Индии. Нельзя не учитывать и того обстоятельства, что идеи атеизма пока еще не получили в районах господства этих двух религий широкого распространения.

Несколько изменилось соотношение различных религий и их направлений и по отдельным частям света, регионам и странам. Так, в Африке (к югу от Сахары) в результате прозелитической деятельности миссионеров заметно возросла численность христиан и мусульман за счет сокращения числа лиц, исповедующих племенные религии. В Латинской Америке, остающейся цитаделью католицизма, за последние десятилетия довольно сильно возросло число протестантов. Наоборот, в США, Канаде и некоторых европейских странах (Нидерланды, ФРГ, Швейцария), где имеются как протестанты, так и католики, удельный вес последних несколько повысился в связи с тем, что для них характерна более высокая рождаемость.

Отход от религии — процесс сложный и длительный. На первых порах он выражается в том, что лица, принадлежащие к определенной конфессии, не исполняют ее предписаний и плохо разбираются в тонкостях официального вероучения. Появляются также люди, которые, хотя и

¹⁹ П. И. Пучков, Указ. раб., стр. 83.

²⁰ О необходимости критического отношения к этим цифрам можно судить хотя бы по тому обстоятельству, что в число иудаистов включены все евреи мира, хотя хорошо известно, что среди них весьма высокий процент составляют атеисты.

²¹ См., например, «Атлас народов мира», стр. 126—128.

считают себя последователями той или иной церкви «по традиции», однако не верят в бога. И, наконец, постепенно все более возрастает число убежденных атеистов.

* * *

Исключительные по своей важности социально-экономические изменения, произошедшие в мире в послевоенное время, оказали огромное влияние на ход этнодемографических процессов. Проблемы народонаселения стали играть во внутренней политике государств все большую роль. Более того, ими начали заниматься Организация Объединенных Наций и многие другие международные учреждения. На правительственно-ном уровне созываются международные конференции, призванные решить встающие перед человечеством проблемы. И опыт изучения всех этих проблем показывает, что только целенаправленные социально-экономические преобразования могут создать условия для преодоления трудностей, связанных с изменившейся демографической ситуацией.

Л. И. Брежnev в отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду КПСС специально подчеркнул важность исследования проблем народонаселения: «Из поля зрения советских ученых не должны выпадать обострившиеся за последнее время проблемы окружающей среды и народонаселения. Улучшение социалистического природопользования, разработка эффективной демографической политики — важная задача целого комплекса естественных и общественных наук»²².

THE ETHNODEMOGRAPHIC SITUATION IN THE POST-WAR WORLD (CHANGES IN THE ETHNIC, RACIAL AND RELIGIOUS COMPOSITION OF THE POPULATION)

The paper is the concluding one of a series of three (the first two were published in previous issues of our periodical) dealing with the ethnodemographic situation in the post-war world. It is devoted to changes in the ethnic, racial and religious composition of the population.

Trends in the ethnic structure of the post-war world have been decisively influenced by social-economic factors and by recent political events. The ethnic mosaic, characteristic until recently of many developing countries, is gradually disappearing; the tribal structure is breaking down, ethnic consolidation and growth of national self-consciousness are accelerating. In many countries of the so-called «Third World», with their polyethnic populations, national-political communities are becoming formed and are gradually amalgamating all the peoples of each country. The ethnic structure has undergone enormous changes owing to the varying rates of natural increase among the different peoples of the world. As a consequence more than a hundred major peoples have increased to over one-and-a-half their former numbers in the course of the last 15 years; at the same time, the numerical strength of European peoples has, as a rule, increased by less than 15 p. c. Recent studies have made it possible to perfect the ethnolinguistic classification of the peoples of the world; the resulting classification is here adduced.

The second part of the paper deals with changes in the racial and religious composition of the population.

The paper concludes with extensive appendices showing in tabular form all peoples of the world numbering over 1 million, their classification by linguistic families and groups, the numerical strength and geographical distribution of human races.

²² «Правда», 25 февраля 1976 г.

**Численность народов мира
(на середину 1975 г.)**

№ № пп	Народы	Численность в млн. чел.		1975 г. в % к 1961 г.	Основные страны расселения, % от общей численности народа
		1961 г.	1975 г.		
1	2	3	4	5	6
1	Китайцы	683	823	120	— 97,3
2	Хиндустанцы	113	171	151	— 99,3
3	Американцы	148	168	114	— 99,6
4	Русские	121	136	112	— 99,1
5	Бенгальцы	87	129	148	— 58,8
6	Японцы	95	111	117	— 41,0
7	Бразильцы	71	107	151	— 99,1
8	Немцы *	83	88	106	— 90,9
9	Бихарцы	51	67	131	ФРГ — 64,7
10	Итальянцы	57	65	114	ГДР — 19,3
11	Яванцы	44	62	141	США — 6,8
12	Мексиканцы	33	55	167	США — 2,3
13	Телугу	40	53	132	Зап. Берлин — 94,6
14	Англичане	47	52	111	Индия — 84,3
15	Корейцы	39	52	133	США — 6,9
16	Маратхи	36	49	136	США — 13,2
17	Панджабцы (пенджабцы)	33	49	148	Индонезия — 99,3
18	Французы	43	48	112	Мексика — 86,7
19	Тамилы	35	47	134	США — 13,2
20	Украинцы	40	44	110	Индия — 99,5
21	Поляки	35	38	109	Великобритания — 88,1
22	Вьетнамцы	27	37	137	США — 3,9
23	Арабы АРЕ (египтяне)	26	37	142	ЮАР — 3,1
24	Турки	26	37	142	Южная Корея — 65,5
25	Гуджаратцы	21	32	152	КНДР — 30,1
26	Испанцы	24	27	112	Индия — 100,0
27	Канариа	18	25	139	Пакистан — 62,0
28	Колумбийцы	14	25	179	Индия — 37,6
29	Малаяли	16	25	156	Индия — 94,5
30	Бирманцы	16	23	144	Франция — 90,2
31	Ория	16	23	144	Индия — 7,0
32	Аргентинцы	18	21	117	Шри-Ланка — 96,6
33	Афганцы (пуштуны)	15	21	140	Канада — 1,4
34	Сиамцы (хонтай)	14	21	150	Польша — 89,0
35	Висайя	13	20	154	США — 6,3
36	Румыны	16	19	119	Великобритания — 98,7
37	Сунды	13	19	146	АРЕ — 99,9
38	Персы	9,6	15	156	Турция — 93,7
39	Лахнда	10,7	15	140	Индия — 96,8
40	Хауса	9,2	15	163	Индия — 94,2
41	Голландцы	12	14	117	Индия — 99,9
42	Венгры	13	14	108	Аргентина — 99,3
					Аргентина — 99,7
					Пакистан — 52,2
					Афганистан — 47,4
					Таиланд — 99,8
					Филиппины — 100,0
					Румыния — 97,3
					Индия — 100,0
					Иран — 97,4
					Пакистан — 99,7
					Нигерия — 84,9
					Нигер — 13,4
					Нидерланды — 91,0
					Канада — 3,8
					США — 2,8
					Венгрия — 71,4
					Румыния — 13,7

Приложение I (продолжение)

№ № пп	Народы	Численность в млн. чел.		1975 г. в % к 1961 г.	Основные страны расселения, % от общей численности народа
		1961 г.	1975 г.		
11	2	3	4	5	6
43	Арабы Алжира (алжирцы)	8,8	14	159	Алжир — 97,2
44	Раджастханцы	18	14	78	Индия — 97,8
45	Амхара	11	13,5	123	Эфиопия — 99,7
46	Кечуа	8,8	13	148	Перу — 54,0
					Эквадор — 27,4
					Боливия — 15,6
47	Узбеки	7,8	12	154	СССР — 85,1
48	Арабы Марокко (марокканцы)	8,0	12	150	Афганистан — 14,7
49	Фульбе	7,8	12	154	Марокко — 99,3
50	Лао	7,7	12	156	Нигерия — 52,8
51	Синдхи	6,5	12	185	Гвинея — 14,6
					Таиланд — 81,7
					Лаос — 17,8
					Пакистан — 84,0
					Индия — 16,0
52	Ибо	6,4	12	188	Нигерия — 99,7
53	Англо-австралийцы	8,8	11,5	131	Австралия — 99,3
54	Венесуэльцы	7,2	11,5	160	Венесуэла — 99,9
55	Йоруба	6,6	11,5	174	Нигерия — 96,7
					Бенин — 2,6
56	Греки	9,5	10,7	113	Греция — 78,9
57	Португальцы	10,1	10,5	104	Кипр — 4,9
58	Чехи	9,7	10,3	106	Португалия — 83,1
					Чехословакия — 95,1
					США — 3,9
59	Арабы Судана (суданцы)	6,7	10,3	154	Судан — 87,5
60	Азербайджанцы	6,5	10,2	157	Чад — 11,7
					Иран — 51,7
					СССР — 48,3
61	Ассамцы	6,1	10,2	167	Индия — 98,3
62	Чжуаны	8,5	10,0	118	КНР — 100,0
63	Сингалы	7,0	9,8	140	Шри Ланка — 100,0
64	Англо-канадцы	7,8	9,7	124	Канада — 89,4
					США — 10,3
65	Чилийцы	7,3	9,7	133	Чили — 99,3
66	Белорусы	8,3	9,6	116	СССР — 98,9
67	Кубинцы	6,9	9,6	139	Куба — 97,7
68	Сербы	8,0	9,4	118	Югославия — 98,0
69	Шведы	8,8	9,4	107	Швеция — 85,4
					США — 8,5
					Финляндия — 4,0
70	Курды	6,4	9,3	145	Турция — 43,0
					Иран — 29,0
					Ирак — 21,6
71	Мадурцы	6,3	9,0	143	Индонезия — 100,0
72	Франко-канадцы	6,3	8,8	140	Канада — 77,3
					США — 22,7
73	Евреи Зарубежной Европы и Америки **	7,9	8,7	110	США — 69,3
74	Арабы Саудовской Аравии	6,5	8,7	134	Великобритания — 5,8
					Саудовская Аравия — 100,0
					Филиппины — 100,0
75	Тагалы	5,6	8,6	154	Ирак — 100,0
76	Арабы Ирака (иракцы)	5,7	8,6	151	Непал — 82,5
77	Непальцы	5,4	8,5	157	Индия — 16,5
					Болгария — 94,4
78	Болгары	7,5	8,2	109	СССР — 4,4
79	Кхмеры	5,3	8,1	153	Кампучия — 85,0
					Вьетнам — 8,7

Приложение I (продолжение)

№ № пп	Народы	Численность в млн. чел.		1975 г. в % к 1961 г.	Основные страны расселения, % от общей численности народа
		1961 г.	1975 г.		
1	2	3	4	5	6
80	Австрийцы	8,1	8,0	99	Австрия — 87,3 США — 6,2 Италия — 3,0
81	Ньируанда	4,9	8,0	163	Руанда — 49,1 Заир — 31,4 Уганда — 18,9
82	Малагасийцы	5,4	7,9	146	Демократическая Республика Мадагаскар — 99,9
83	Малайцы Индонезии	5,3	7,6	143	Индонезия — 92,7
84	Перуанцы	4,8	6,8	142	Перу — 99,9
85	Казахи	4,6	6,7	146	СССР — 88,5 КНР — 11,5
86	Галла	5,2	6,6	127	Эфиопия — 98,4
87	Арабы Сирии (сирийцы)	4,2	6,6	157	Сирия — 100,0
88	Арабы Йеменской Арабской Республики	5,2	6,6	127	Йеменская Республика — 100,0
89	Таджики	4,2	6,4	152	Афганистан — 62,1 СССР — 37,3
90	Татары	5,4	6,4	119	СССР — 99,2
91	Каталонцы	5,4	6,3	117	Испания — 92,4
92	Шотландцы	5,8	6,2	107	Великобритания — 86,9 США — 4,9 Канада — 4,4
93	Ирландцы	6,0	6,15	102	Ирландия — 49,7 США — 24,4
94	Малайцы Малайзии	4,2	6,1	145	Великобритания — 21,5 Малайзия — 75,8
95	Рунди	3,5	5,9	168	Таиланд — 19,8 Бурунди — 63,3 Танзания — 15,3
96	Акан	4,1	5,8	141	Заир — 13,2 Гана — 80,7
97	Макуа	4,1	5,8	141	Берег Слоновой Кости — 18,9 Мозамбик — 81,3
98	Фламандцы	5,3	5,7	108	Малави — 15,4 Бельгия — 90,3
99	Арабы Туниса (тунисцы)	3,9	5,55	142	Франция — 6,1 Тунис — 99,2
100	Уйгуры	4,5	5,5	122	КНР — 96,3 СССР — 3,7
101	Коса	3,5	5,5	157	ЮАР — 100,0
102	Сомали	3,8	5,5	145	Сомали — 56,0
103	Датчане	5,0	5,4	108	Эфиопия — 36,2 Дания — 90,7
104	Илоки	3,7	5,2	140	США — 6,1 Филиппины — 95,9
105	Хуэй	4,3	5,2	121	КНР — 99,2
106	Хорваты	4,6	5,2	113	Югославия — 93,6
107	Моси	3,8	5,2	137	Верхняя Вольта — 63,0 Гана — 36,3
108	Минангкабау	3,6	5,1	142	Индонезия — 99,6
109	Доминиканцы	3,1	5,1	164	Доминиканская Республика — 99,7
110	Шона	2,5	5,0	200	Южная Родезия — 85,8 Мозамбик — 12,0
111	Финны	4,6	4,9	106	Финляндия — 88,0
112	Пахари	3,5	4,9	140	Индия — 100,0
113	Зулу	3,1	4,9	158	ЮАР — 98,7
114	Гаитийцы	4,3	4,8	112	Гаити — 98,3
115	Ицзу	4,0	4,8	120	КНР — 100,0
116	Словаки	4,5	4,8	107	Чехословакия — 90,1 США — 8,4

Приложение I (продолжение)

№ пп	Народы	Численность в млн. чел.		1975 г. в % к 1961 г.	Основные страны расселения, % от общей численности народа
		1961 г.	1975 г.		
1	2	3	4	5	6
117	Африканеры (вкл. «цветных»)	3,3	4,8	145	ЮАР — 99,8
118	Малави	3,0	4,8	160	Малави — 58,2
119	Норвежцы	4,5	4,75	106	Мозамбик — 23,1
120	Армяне	3,6	4,7	130	Норвегия — 82,3
121	Мандинго (малинке и бамбара)	3,5	4,7	134	США — 12,7
122	Пуэрториканцы	3,2	4,4	138	Канада — 4,0
123	Конго	2,8	4,4	157	СССР — 82,0
124	Луба	2,6	4,4	169	Мали — 49,0
125	Санталы	3,4	4,3	126	Гвинея — 24,1
126	Монго	2,5	4,3	172	Пуэрто-Рико — 68,0
127	Германо-швейцарцы	3,9	4,3	110	США — 32,0
128	Валлоны	3,9	4,2	108	Заир — 67,6
129	Лухья	2,3	4,15	180	Ангола — 15,8
130	Тибетцы	3,35	4,0	119	Конго — 15,8
131	Мяо	3,3	4,0	121	Заир — 99,5
132	Кикуйю	2,2	4,0	182	Индия — 98,1
133	Сальвадорцы	2,3	3,9	170	Заир — 100,0
134	Канури	2,1	3,85	183	Швейцария — 97,4
135	Буги	2,7	3,8	141	Бельгия — 96,4
136	Тив	2,1	3,7	176	Кения — 62,7
137	Галисийцы	3,1	3,6	116	Уганда — 26,5
138	Грузинцы	2,9	3,6	124	КНР — 100,0
139	Албанцы	2,7	3,6	133	КНР — 90,0
140	Маньчжуры	2,9	3,5	121	Вьетнам — 7,5
141	Гватемальцы	2,2	3,4	154	КНР — 100,0
142	Эквадорцы	2,1	3,4	162	Сальвадор — 98,9
143	Биколы	2,1	3,3	157	Нигерия — 83,1
144	Тсонга	2,25	3,25	144	Нигер — 11,7
145	Литовцы	2,9	3,2	110	Индонезия — 99,5
146	Батаки	2,2	3,1	141	Нигерия — 94,6
147	Евреи Израиля **	1,9	3,0	158	Испания — 80,7
148	Суто	1,9	3,0	158	Аргентина — 13,9
149	Ибибио	1,7	3,0	176	СССР — 97,2
150	Арабы Иордании ***	1,9	3,0	158	Албания — 65,9
151	Туркмены	1,9	2,9	153	Югославия — 30,5
152	Молдаване	2,4	2,9	121	КНР — 100,0
153	Уругвайцы	2,6	2,9	112	Гватемала — 99,6
154	Ньямвэзи	1,8	2,9	161	Эквадор — 100,0
155	Карены	1,9	2,8	147	Филиппины — 100,0
156	Гондурасцы	1,75	2,8	160	Мозамбик — 68,0
157	Арабы Ливана (ливанцы)	1,7	2,8	165	ЮАР — 24,7
158	Кашмирцы	2,1	2,7	128	СССР — 87,8
159	Белуджи	1,8	2,7	150	США — 11,0
					Индия — 100,0
					Пакистан — 68,4
					Иран — 25,9
					Афганистан — 4,4

Приложение I (продолжение)

№ № пп	Народы	Численность в млн. чел.		1975 г. в % к 1961 г.	Основные страны расселения, % от общей численности народа
		1961 г.	1975 г.		
1	2	3	4	5	6
160	Гонды	2,5	2,6	104	Индия — 100,0
161	Балийцы	1,8	2,6	144	Индонезия — 100,0
162	Бхилы	2,0	2,6	130	Индия — 100,0
163	Тиграи	2,1	2,6	124	Эфиопия — 100,0
164	Парагвайцы-гуарани	1,8	2,6	144	Парагвай — 94,6
165	Ньоро	1,6	2,6	162	Уганда — 64,9
166	Эве	1,7	2,55	150	Танзания — 34,4
167	Англо-новозеландцы	1,95	2,4	123	Гана — 55,1
168	Ямайцы	1,9	2,3	121	Того — 37,8
169	Овимбунду	1,75	2,3	131	Новая Зеландия — 97,9
170	Банджары	1,6	2,25	141	Ямайка — 84,4
171	Ганда и сога	1,8	2,2	122	Великобритания — 8,7
172	Никарагуанцы	1,4	2,2	157	Ангола — 100,0
173	Азанде	1,3	2,2	169	Индонезия — 93,3
174	Бини	1,3	2,2	169	Уганда — 100,0
175	Словенцы	2,0	2,2	110	Никарагуа — 98,4
176	Бемба	1,1	2,15	195	Заир — 68,5
177	Евреи СССР **	2,3	2,1	91	Судан — 22,8
178	Кру	1,8	2,1	117	Нигерия — 100,0
179	Монголы КНР	1,75	2,1	120	Югославия — 88,2
180	Динка	1,4	2,1	150	США — 11,4
181	Шань	1,45	2,1	145	Замбия — 81,4
182	Аче	1,5	2,1	140	Заир — 16,3
183	Боливийцы	1,3	2,1	162	Либерия — 100,0
184	Арабы Ливии (ливийцы)	1,1	2,2	200	КНР — 61,0
185	Костариканцы	1,2	2,0	167	Бирма — 34,3
186	Аймара	1,3	2,0	154	Боливия — 100,0
187	Шлёх	1,3	2,0	154	Судан — 96,6
188	Джолуо	1,1	2,0	182	Индонезия — 100,0
189	Кабилы	1,1	2,0	182	Ливия — 100,0
190	Буй	1,5	1,9	127	Коста-Рика — 96,6
191	Волоф	1,4	1,9	136	Кения — 100,0
192	Нубийцы	1,2	1,9	158	Сенегал — 95,6
193	Суахили	1,2	1,9	158	Судан — 83,1
194	Южные луо	1,2	1,9	158	АРЕ — 16,9
195	Гилянцы	1,2	1,9	158	Танзания — 5,1
196	Цыгане ****	1,1	1,9	173	Марокко — 91,8
197	Фон	1,2	1,9	158	Кения — 12,9
198	Киси	1,6	1,9	119	Алжир — 100,0
199	Тсвана (бечуаны)	1,1	1,8	164	Сенегал — 95,6
200	Чуваши	1,5	1,8	120	Судан — 83,1
201	Педи	1,2	1,8	150	Бенин — 16,9
202	Тамазигт	1,2	1,8	150	Сьерра-Леоне — 79,9
203	Хазарейцы	1,2	1,8	150	Гвинея — 18,6
204	Киргизы	1,2	1,7	142	ЮАР — 66,3
					Ботсвана — 30,4
					Марокко — 96,0
					Афганистан — 100,0
					СССР — 91,9
					КНР — 92,5
					— 5,8

№ № пп	Народы	Численность в млн. чел.		1975 г. в % к 1961 г.	Основные страны расселения, % от общей численности народа
		1961 г.	1975 г.		
1	2	3	4	5	6
205	Фанг	1,1	1,7	154	Камерун — 72,3 Экваториальная Гвинея — 17,5
206	Сенуфо	1,2	1,7	142	Мали — 47,0 Берег Слоновой Кости — 44,1
207	Нгала и банги	1,0	1,7	170	Заир — 95,2
208	Нупе	1,0	1,7	170	Нигерия — 100,0
209	Мору-мангбету	1,0	1,7	170	Заир — 58,8 Уганда — 34,1
210	Бамбунду	1,2	1,6	133	Ангола — 96,3
211	Камба	0,9	1,6	178	Кения — 100,0
212	Арабы Народной Демократической Республики Йемен	1,1	1,6	145	Народная Демократическая Республика Йемен — 100,0
213	Банда, гбайя	1,4	1,5	107	Центральноафриканская Республика — 92,5
214	Латыши	1,45	1,5	103	Камерун — 6,8
215	Панамцы	0,9	1,5	167	СССР — 96,9
216	Тесо и турканы	0,9	1,5	167	Панама — 98,4
217	Мазендеранцы	0,9	1,5	167	Уганда — 75,4
218	Эльзасцы	1,2	1,4	117	Кения — 19,7
219	Ораоны	0,8	1,4	175	Иран — 100,0
220	Македонцы	1,2	1,4	117	Франция — 100,0
221	Макасары	1,0	1,4	140	Индия — 100,0
222	Сасаки	1,0	1,4	140	Индия — 100,0
223	Мунда	0,8	1,4	175	Индия — 100,0
224	Пампанганы	0,9	1,4	156	Филиппины — 100,0
225	Тораджи	0,9	1,4	156	Индонезия — 100,0
226	Башкиры	1,05	1,35	128	СССР — 100,0
227	Календжин (нанди, сук)	0,7	1,3	186	Кения — 84,9
228	Джукун	0,8	1,3	162	Танзания — 8,9
229	Ваяо	0,8	1,3	162	Нигерия — 97,0
230	Яо	1,0	1,3	130	Малави — 51,9
231	Франко-швейцарцы	1,1	1,3	118	Танзания — 29,6
232	Тулу	0,9	1,3	144	КНР — 76,9
233	Чокве	1,8	1,3	72	Вьетнам — 20,6
234	Чокве	1,8	1,3	72	Швейцария — 90,2
235	Бретонцы	1,1	1,25	114	Индия — 100,0
236	Сонгай	0,9	1,25	139	Югославия — 100,0
237	Беджа	0,9	1,25	139	Индонезия — 65,1
238	Чамба	0,7	1,25	178	Мали — 23,8
239	Пангасинаны	0,9	1,25	139	Судан — 92,7
240	Мордва	1,3	1,25	96	Нигер — 54,0
241	Бамилеке	0,7	1,2	171	Нигер — 23,8
242	Багирми	0,7	1,15	164	Чад — 88,5
243	Баски	1,0	1,15	115	Чад — 11,5
244	Боснийцы	1,1	1,15	104	Судан — 97,4
245	Уэльсцы (валлийцы)	0,95	1,1	116	Югославия — 91,7
246	Халха-монголы	0,75	1,1	147	Великобритания — 73,1
247	Луры	0,7	1,1	157	Испания — 13,7
248	Хехе, бена	0,7	1,1	157	Франция — 100,0
249	Ацтеки	0,7	1,1	157	Мексика — 100,0
	Эстонцы	1,05	1,08	103	СССР — 93,9

Приложение I (окончание)

№ пп	Народы	Численность в млн. чел.		1975 г. в % к 1961 г.	Основные страны расселения, % от общей численности народа
		1961 г.	1975 г.		
1	2	3	4	5	6
250	Менде	0,8	1,0	125	Сьерра-Леоне — 100,0
251	Дун	0,8	1,0	125	КНР — 100,0
252	Арабы Кувейта	0,3	1,0	333	Кувейт — 100,0
253	Рифы	0,7	1,0	143	Марокко — 100,0
254	Бура и бата	0,7	1,0	143	Нигерия — 90,0
255	Батеке	0,6	1,0	167	Камерун — 10,0
256	Маконде	0,6	1,0	167	Заир — 68,6
257	Арабы Мавритании	0,6	1,0	167	Конго — 31,4
					Танзания — 94,1
					Мавритания — 100,0

* После образования ГДР началось формирование социалистической нации этой страны.

** Евреи — общее название народностей, исторически восходящих к древним евреям. Живут в различных странах общей экономической и общественно-политической жизнью с основным населением этих стран. В таблице выделены евреи СССР, евреи Израиля и условно объединены в общую группу евреи Зарубежной Европы и Америки (в своем большинстве говорящие на различных языках германской группы).

*** Численность арабов Иордании дана вместе с численностью палестинских арабов, живущих в этой стране.

**** Цыгане большими или малыми группами живут почти во всех странах мира.

Приложение II

Распределение народов мира по языковым семьям и группам
(в млн. человек, на середину 1975 г.)

Языковые семьи и группы	СССР	Zару- бежная Европа	Zару- бежная Азия	Африка	Амери- ка	Aвст- ралия и Океа- ния	Мир в целом
		1	2			6	
1	2	3	4	5	6	7	8
Всего населения	254,3	474	2266	402	559	24,2	3976,5
I. Индоевропейская семья	206,65	452,11	663,02	11,85	520,56	16,61	1870,8
Славянская группа	188,0	76,0	0,1	—	6,7	0,1	270,9
Летто-литовская группа	4,25	0,01	—	—	0,4	0,01	4,67
Германская группа	1,9	181,0	0,4	7,0	198,0	15,6	403,9
Кельтская группа	—	6,8	—	—	1,8	0,1	8,7
Романская группа	3,0	173,0	0,1	2,5	305,0	0,4	484,0
Албанская группа	—	3,6	0,02	—	0,01	—	3,63
Греческая группа	0,3	9,0	0,7	0,1	0,5	0,1	10,7
Иранская группа	3,0	—	61,0	—	—	—	64,0
Индоарийская группа	0,2	1,2	600,0	2,0	1,0	0,2	604,6
Армянская группа	3,9	0,1	0,6	0,05	0,15	—	4,8
Евреи (говорящие на языках индоевропейской семьи)	2,1	1,4	0,1	0,2	7,0	0,1	10,9
II. Семито-хамитская (афразийская) семья	0,03	0,6	45,1	146,0	0,2	0,1	192,03
Семитская группа	0,03	0,6	45,0	103,0	0,2	0,1	148,93
Берберская группа	—	—	—	9,0	—	—	9,0
Кушитская группа	—	—	0,1	15,0	—	—	15,1
Чадская группа	—	—	—	19,0	—	—	19,0
III. Кавказская семья	6,1	—	0,4	—	—	—	6,5
Картвелльская группа	3,5	—	0,15	—	—	—	3,65
Абхазско-адыгская группа	0,6	—	0,25	—	—	—	0,85
Нахско-дагестанская группа	2,0	—	—	—	—	—	2,0
IV. Дравидийская семья	—	—	157,0	0,03	—	0,08	157,11
Южная группа	—	—	97,5	0,03	—	0,08	97,61
Юго-западная группа	—	—	1,3	—	—	—	1,3
Юго-восточная группа	—	—	52,7	—	—	—	52,7
Центральная группа	—	—	0,3	—	—	—	0,3
Гондванская группа	—	—	3,3	—	—	—	3,3

Приложение II (продолжение)

Языковые семьи и группы	СССР	Зарубежная Европа	Зарубежная Азия	Африка	Америка	Австралия и Океания	Мир в целом
1	2	3	4	5	6	7	8
Северо-восточная группа	—	—	1,4	—	—	—	1,4
Северо-западная группа	—	—	0,5	—	—	—	0,5
V. Уральская семья	4,425	17,5	—	—	1,4	0,04	23,365
Финно-угорская группа	4,4	17,5	—	—	1,4	0,04	23,34
Самодийская группа	0,025	—	—	—	—	—	0,025
VI. Юкагиры	0,001	—	—	—	—	—	0,001
VII. Алтайская семья	36,51	2,0	58,3	—	0,05	—	96,86
Тюркская группа	36,0	2,0	51,0	—	0,05	—	89,05
Монгольская группа	0,5	—	3,7	—	—	—	4,2
Тунгусо-маньчжурская группа	0,01	—	3,6	—	—	—	3,61
VIII. Корейцы	0,37	—	52,0	—	0,02	—	52,39
IX. Японцы	—	—	110,0	—	1,0	—	111,0
X. Нивхи	0,005	—	—	—	—	—	0,005
XI. Чукотско-камчатская семья	0,025	—	—	—	—	—	0,025
XII. Баски	—	0,95	—	—	0,15	—	1,1
XIII. Буриши	—	—	0,05	—	—	—	0,05
XIV. Кеты	—	—	0,001	—	—	—	0,001
XV. Конго-кордофанская (нигеро-кордофанская) семья	—	—	0,2	212,6	—	—	212,8
Группа нигер-конго	—	—	0,2	212,0	—	—	212,2
Западноафриканские народы	—	—	—	18,0	—	—	18,0
Народы манде	—	—	—	9,6	—	—	9,6
Народы Вольты (группа гур)	—	—	—	11,0	—	—	11,0
Народы ква	—	—	—	42,0	—	—	42,0
Народы бенуэ-конго	—	—	0,2	126,0	—	—	126,2
Народы адамауа-восточные	—	—	—	5,4	—	—	5,4
Группа кордофанская	—	—	—	0,6	—	—	0,6
Коалиб	—	—	—	0,2	—	—	0,2
Тегали	—	—	—	0,15	—	—	0,15
Талоди	—	—	—	0,1	—	—	0,1
Тумтум	—	—	—	0,1	—	—	0,1
Катла	—	—	—	0,05	—	—	0,05
XVI. Нило-сахарская семья	—	—	—	23,16	—	—	23,16
Группа сонгай	—	—	—	1,3	—	—	1,3
Сахарская группа	—	—	—	4,2	—	—	4,2
Маба	—	—	—	0,3	—	—	0,3
Фур	—	—	—	0,4	—	—	0,4
Шари-нильская группа	—	—	—	16,95	—	—	16,95
Восточносуданские народы	—	—	—	14,0	—	—	14,0
Центральносуданские народы	—	—	—	2,8	—	—	2,8
Берта	—	—	—	0,1	—	—	0,1
Кунама	—	—	—	0,05	—	—	0,05
Кома	—	—	—	0,01	—	—	0,01
XVII. Койсанская семья	—	—	—	0,241	—	—	0,241
Южноафриканская-койсанская группа	—	—	—	0,2	—	—	0,2
Сандаве	—	—	—	0,04	—	—	0,04
Хатса	—	—	—	0,001	—	—	0,001
XVIII. Китайско-тибетская семья	0,04	0,01	874,0	0,03	0,6	0,05	874,73
Китайская группа	0,04	0,01	827,0	0,03	0,6	0,05	827,73
Тибето-бирманская группа	—	—	47,0	—	—	—	47,0
XIX. Тайская семья	—	—	52,0	—	—	—	52,0
XX. Австроазиатская семья	—	—	63,5	—	—	—	63,5
Вьетнамская группа	—	—	38,0	—	—	—	38,0
Мон-кхмерская группа	—	—	10,5	—	—	—	10,5
Группа ва-палаун	—	—	1,35	—	—	—	1,35
Малаккская группа	—	—	0,03	—	—	—	0,03
Хаси	—	—	0,6	—	—	—	0,6
Никобарцы	—	—	0,02	—	—	—	0,02
Группа мунда	—	—	7,5	—	—	—	7,5
Группа мяо-яо	—	—	5,5	—	—	—	5,5
XXI. Австронезийская семья	—	—	185,1	8,0	0,35	2,13	195,58

Приложение II (окончание)

Языковые семьи и группы	СССР	Зарубежная Европа	Зарубежная Азия	Африка	Америка	Австралия и Океания	Мир в целом
1	2	3	4	5	6	7	8
XXII. Андаманцы	—	—	0,001	—	—	—	0,001
XXIII. Папуасские народы	—	—	1,2	—	—	2,4	3,3
XXIV. Австралийцы-aborигены	—	—	—	—	—	0,05	0,05
XXV. Айны	—	—	0,02	—	—	—	0,02
XXVI. Эскимосско-алеутская семья	0,001	—	—	—	0,115	—	0,116
XXVII. Индейские народы	—	—	—	—	33,0	—	33,0
Группа на-дене	—	—	—	—	0,6	—	0,6
Алгонкино-мосанская группа	—	—	—	—	0,32	—	0,32
Группа пенутти	—	—	—	—	3,95	—	3,95
Группа хока-сиу	—	—	—	—	0,3	—	0,3
Ацтеко-танаанская группа	—	—	—	—	1,46	—	1,46
Группа макро-ото-манге	—	—	—	—	1,57	—	1,57
Тара斯基	—	—	—	—	0,07	—	0,07
Группа макро-чибча	—	—	—	—	0,45	—	0,45
Же-пано-カリбская группа	—	—	—	—	0,55	—	0,55
Андо-экваториальная группа	—	—	—	—	18,65	—	18,65
Индeйцы различных групп, в основном перешедшие на испанский, английский и другие языки	—	—	—	—	5,08	—	5,08
Другие и неизвестные	0,143	0,83	4,108	0,089	1,555	0,04	6,765

Приложение III

Численность и расселение человеческих рас (в млн. человек, на середину 1975 г.)

Человеческие расы	СССР	Зарубежная Европа	Зарубежная Азия	Африка	Америка	Австралия и Океания	Мир в целом
1	2	3	4	5	6	7	8
Всего населения	254,3	474	2666	402	559	21,2	3976,5
I. Негроидная (африканская) большая раса	—	0,1	0,1	215,45	35	—	250,65
Негры	—	0,1	0,1	215	35	—	250,2
Негриллы	—	—	—	0,2	—	—	0,2
Бушмены и готтентоты	—	—	—	0,25	—	—	0,25
II. Смешанные и переходные формы между негроидной и европеоидной большими расами	—	0,4	220,1	71	65	0,1	356,6
Эфиопский тип	—	—	—	45	—	—	45,0
Переходные формы Западного Судана	—	—	—	13	—	—	13,0
Южноиндийский тип	—	—	220	0,1	—	0,1	220,4
Смешанные формы Судана	—	0,2	—	10	—	—	10,0
Мулаты	—	—	0,1	0,6	65	—	65,9
«Цветные» Южной Африки	—	0,2	—	2,3	—	—	2,3
III. Европеоидная (евразийская) большая раса	220	473	684	107	303	16,5	1803,5
Северная ветвь	12	80	—	3,0	43	2,0	140,0
Переходные и среднеевропейские формы	193	243	2,0	4,0	160	14,0	616,0
Южная ветвь	15	150	682	100	100	0,5	1047,5
IV. Смешанные формы европеоидной большой расы и американской ветви монголоидной большой расы	—	0,2	—	—	120	—	120,2
Американские метисы	—	0,2	—	—	120	—	120,2

V. Смешанные и переходные формы между европеоидной большой расой и азиатской ветвью монголоидной большой расы	32,71	0,07	12,02	—	—	—	44,8
Среднеазиатские типы	12	—	11	—	—	—	23,0
Южносибирский тип	7,5	—	1,0	—	—	—	8,5
Типы уральской группы	0,2	—	—	—	—	—	0,2
Лапоноиды и субуральский тип	13	0,07	0,02	—	—	—	13,09
Смешанное население Сибири	0,01	—	—	—	—	—	0,01
VII. 1. Американская ветвь монголоидной (азиатско-американской) большой расы	—	—	—	—	33	—	33,0
Американские индейцы	—	—	—	—	33	—	33,0
2. Азиатская ветвь монголоидной (азиатско-американской) большой расы	1,43	0,03	677	0,03	0,72	0,05	679,26
Континентальные (северные) монголоиды	1,0	—	7,0	—	—	—	8,0
Эскимосы и палеоазиаты	0,03	—	—	—	0,12	—	0,15
Тихоокеанские (восточные) монголоиды	0,4	0,03	670	0,03	0,6	0,05	671,11
VII. Смешанные и переходные формы между азиатской ветвью монголоидной большой расы и австралиоидной большой расой	—	—	664	—	1,3	0,14	665,44
Типы южноазиатской группы (южные монголоиды)	—	—	550	—	0,3	0,1	550,4
Японский тип	—	—	110	—	1,0	—	111,0
Восточноиндонезийский тип	—	—	4,0	—	—	0,04	4,04
VIII. Австралиоидная (оceanийская) большая раса	—	—	6,12	—	—	3,31	9,43
Веддоиды	—	—	5,0	—	—	—	5,0
Австралийцы	—	—	—	—	—	0,05	0,05
Айны	—	—	0,02	—	—	—	0,02
Меланезийцы и папуасы	—	—	1,0	—	—	3,26	4,26
Негритосы	—	—	0,1	—	—	—	0,1
IX. Другие расовые типы (смешанные)	—	—	—	7,9	—	1,4	9,0
Малагасийцы	—	—	—	7,9	—	—	7,9
Полинезийцы и микронезийцы	—	—	—	—	—	1,0	1,0
Гавайцы	—	—	—	—	—	0,1	0,1
Неизвестные	0,16	0,2	2,66	0,62	0,98	—	4,62

Приложение IV

Распределение по частям света последователей основных религий и их направлений (в млн. чел., на 1972 г.)

Часть света	Христиане				Мусульмане				Буддисты				Другие			
	Католики	Протестанты	Православные и представители других восточных церквей	Итого	Сунниты	Шииты	Итого	Индусы	Конфуцианцы	Махаяна	Хинайна	Итого	Синтоисты	Даосисты	Иудаисты	
Европа	192	131	92	415	25	—	25	—	—	—	—	—	—	—	4	—
Азия	46	38	1,5	85,5	323	53	376	476	305	160	108	268	60	52	3,5	
Африка	38	45	25	108	127	—	127	1	—	—	—	—	—	—	—	
Америка	298	98	4	400	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	6,5	
Австралия и Океания	4	11	—	15	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Итого:	578	323	122,5	1023,5	476	53	529	478	305	160	108	268	60	52	14	

Г. В. Старовойтова

К ИССЛЕДОВАНИЮ ЭТНОПСИХОЛОГИИ ГОРОДСКИХ ЖИТЕЛЕЙ

(ПО МАТЕРИАЛАМ ОПРОСА НАСЕЛЕНИЯ
ТРЕХ ГОРОДОВ ТАТАРСКОЙ АССР)

В отличие от сельских поселений, по преимуществу моноэтнических, города на протяжении всей истории были ареной активных межэтнических контактов. Социально-психологические особенности городского образа жизни и городского общения способствуют формированию иных поведенческих стандартов, а также взаимообогащению контактирующих национальных культур. Массовое индустриальное производство предметов материальной среды, свойственное современной городской культуре, приводит к сужению сферы национальной специфики, к преимущественной локализации национально-специфического в области духовной культуры и в психолингвистической сфере¹.

По-видимому, указанные обстоятельства привлекают все большее внимание к этнопсихологии как отрасли социальной психологии², изучающей те психологические особенности социальных общностей, которые обусловлены этнической принадлежностью их членов.

Одним из важнейших структурных элементов этнической психологии³ является этническое сознание, понимаемое прежде всего как обыденное этническое сознание большинства членов изучаемого этноса.

Можно выделить следующие важнейшие эмпирические индикаторы этнического сознания: этническая самоидентификация, представление об этноконсолидирующих и этнодифференцирующих признаках, представление о так называемом «национальном характере», а также об общности черт внешнего облика этнофоров и др. Косвенными эмпирическими индикаторами этнического сознания могут выступать некоторые элементы традиционной национальной культуры (национальные праздники, обычай, обряды), язык, ориентации в межэтническом общении и др.

Указанные явления, прямо или косвенно связанные с этнопсихологической спецификой современных городских жителей, послужили пред-

¹ Историческая закономерность перемещения этнической специфики из сферы материальной культуры в духовную обосновывается в работе Ю. В. Бромлея и О. И. Шкарата «О соотношении истории, этнографии и социологии» («Сов. этнография», 1969, № 3, стр. 6).

² Этническая психология, по мнению ряда ученых, является разделом социальной психологии, см.: Ю. В. Бромлей, Этнос и этнография, М., 1973, стр. 79; С. И. Королев, Вопросы этнопсихологии в работах зарубежных авторов, М., 1970; Б. Д. Пaryгин, Социальная психология как наука, Л., 1967; его же, Основы социально-психологической теории, Л., 1971; Б. Ф. Поршнев, Социальная психология и история, М., 1966, и др.

³ К сожалению, в этнопсихологии, как и в общей психологии, сам термин «психология» употребляется неоднозначно: в одних случаях имеется в виду соответствующая дисциплина, в других — предмет ее изучения.

метом исследования, предпринятого нами в конце 1974 г. в городах Татарской АССР — Казани, Альметьевске, Мензелинске⁴. Для получения первичного материала была использована методика стандартизированного интервью, проводимого по месту жительства респондента, причем татарское население опрашивалось только интервьюерами-татарами на татарском или русском языке в зависимости от желания опрашиваемого. Эффективность этой меры (в сочетании с анонимностью опроса) значительно повышала надежность полученной информации⁵. Во-первых, мы стремились ослабить возможное влияние национальности интервьюера на характер ответов. Во-вторых, перевод опросника на родной язык опрашиваемого облегчал понимание им ряда сложных вопросов. Попавшие в выборку опрошенные (несколько сот человек) представляли основные демографические и социально-профессиональные группы взрослого населения трех городов с допустимой долей погрешности (не превышавшей 5 % для работающего населения).

Опросом были охвачены люди разного возраста (старше 16 лет) и образования. По социально-профессиональной принадлежности в число респондентов вошли: работники неквалифицированного и квалифицированного физического труда (главным образом рабочие); служащие без специальной подготовки; служащие со средним специальным или высшим образованием (интеллигенция); руководители среднего и высшего звеньев. Неработающее население представлено небольшой группой учащихся, пенсионеров, домохозяек. Помимо классификации в соответствии с социально-профессиональными группами, опрошенные делились еще на две группы по другому критерию — на уроженцев обследованных городов (их менее половины) и на мигрантов, приехавших в разные годы как из сел и городов самой Татарской АССР, так и из-за ее пределов.

Группа вопросов, отражающих эмпирические индикаторы этнического самосознания горожан-татар, открывалась вопросом, выясняющим представление о главном факторе этнической идентификации: «Что, по Вашему мнению, должно быть главным при определении национальности человека?». Респондент должен был выбрать один из предложенных вариантов ответа; кроме того, предлагалась проектная ситуация, включавшая возможность выбора таких факторов, как место или республика проживания, принятый в семье язык и др.

Национальные черты нельзя считать прирожденными, они приобретаются в процессе социализации личности. Поэтому сознательное определение своей национальности к моменту социального созревания человека в условиях тенденции интернационализации культуры советских народов может зависеть от многих факторов даже в национально однородной семье⁶.

Обратимся к распределению ответов. 47 % ответивших выбрали в качестве главного фактора индивидуальной этнической самоидентификации национальность отца, причем этому ответу отдали около половины своих «голосов» все социально-профессиональные группы, за исключением специалистов с высшим образованием (у них этот вариант избран примерно одной третью ответивших). Что же касается респондентов из последней группы, то они отдали относительно больше голосов, чем в

⁴ Этнопсихологическое изучение населения избранных городов представляло особый интерес, так как ему предшествовало комплексное этносоциологическое исследование населения этих городов, проведенное в 1967 г., см. «Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований», М., 1973.

⁵ В. С. Кондратьев, Эксперимент ex post facto в социологическом исследовании, «Сов. этнография», 1970, № 2, стр. 131—134.

⁶ Применительно к национально-смешанной семье вопрос исследован Л. Н. Терентьевой. См., например, ее статью «Определение своей национальности молодежью из национально-смешанных семей» («Сов. этнография», 1969, № 3, стр. 20—31); см. также: Л. Н. Жеребцов, К вопросу об определении национальной принадлежности детей в национально-смешанных семьях, в сб. «Ленинская национальная политика в действии», М., 1969.

других группах, в пользу желания самого подростка, во-первых, и национальности матери — во-вторых (фактор, занявший четвертое ранговое место — около 10% всех ответов).

Однако 56% лиц с образованием до 6 классов и 53% с неполным средним образованием считают, что национальность отца служит главным определителем национальности подростка; это повлияло на общую картину распределения ответов.

Характер ответа зависел не только от образования, но и от возраста опрашиваемого; старшие чаще выбирают национальность отца, младшие чаще выбирают другие варианты и в первую очередь «желание самого подростка». Этот вариант ответа, с одной стороны, самый «синтетический» (так как в сознании подростка преломляются все остальные факторы) и, с другой стороны, он самый демократический, так как не навязывает догматических образцов поведения в сфере национальной самоидентификации. Естественно, что более молодые люди, а также те, у кого выше образование, отдают предпочтение этому фактору определения национальности (выдвигая его на второе ранговое место по общему числу ответов).

Такие ответы, как «принятый в семье язык» и «республика, место проживания», занявшие третье и пятое ранговые места, в совокупности отражают (хоть и в неявной форме) этнокультурную ситуацию, которая, таким образом, в глазах респондентов не является значимым фактором. Даже язык внутрисемейного общения в качестве основы для выбора национальности избрали лишь 15% опрошенных. Возможно, здесь оказалась влияние неосознанность, «естественность» татарского «национального фона» населения в автономной республике, а в условиях иноэтнической среды частота этих ответов могла быть иной.

Возвращаясь к интерпретации преобладающего выбора национальности отца как определятеля национальности детей, можно высказать следующие соображения. Как уже отмечалось, большинство ответов на вопросы о мнениях, предпочтениях, предполагаемом поведении в воображаемой ситуации (проективное поведение), без которых этнопсихологическое исследование почти невозможно, нельзя интерпретировать буквально, так как изучению в этом случае подлежат лишь проявления обыденного сознания, в котором уровень осознанности мотивов невысок и несет на себе печать традиционных представлений. Так, доминирующая роль мужчины в семье в прошлом не только отражала его господствующее экономическое положение, но и была жестко зафиксирована в мусульманских обрядах и обычаях, в законах шариата. Разумеется, современное население татарских городов в подавляющем большинстве неверующее и в основном изжило религиозные пережитки в общественном сознании. Однако можно предположить, что традиционные мнения и бытовые привычки (связь которых с религиозными представлениями прошлого отнюдь не очевидна и не всегда осознается) могут иметь иногда даже большую устойчивость, чем породившие их идеологические системы.

В качестве важного эмпирического индикатора этнического сознания в исследовании анализировалось представление респондентов-татар об этноконсолидирующими и этнодифференцирующими признаках (у татар, как и у всех народов СССР, наблюдается действие объективной тенденции интернационализации различных сторон общественной и культурной жизни). Развитие экономики (освоение запасов татарской нефти и газа, строительство КАМАЗа и т. д.) способствует изменению социально-профессиональной структуры населения республики, повышению его общобразовательного уровня, притоку мигрантов из других областей страны и усилению этнокультурных контактов. Экономические процессы влияют на структуру факторов этноконсолидации, перестраивают картину символов национального сознания. Для анализа соответствующих представ-

лений были использованы следующие вопросы: «Что, по Вашему мнению, сближает Вас с представителями Вашей национальности?» и «Чем, по Вашему мнению, отличаются представители разных национальностей в первую очередь?»⁷. Предложенные варианты ответов разнородны по содержанию и по сложности, что дает возможность респондентам с разными этнокультурными ориентациями и образовательным уровнем выбрать адекватный их мнению ответ. Очевидно, что признаки этнического различия и сходства осознаются людьми по-разному: так, например, общность этнической психологии не так ощутима, как общность национального языка⁸.

Из внешних, явных признаков были названы язык, черты внешнего облика, народные обряды, обычаи, привычки и др. К неявным признакам можно отнести черты характера, общее историческое прошлое, общие перспективы, будущность (последние два варианта — только для вопроса о сближающих факторах) и др. Наибольшую значимость в качестве этноконсолидирующих черт получили следующие (в порядке убывания): язык, народные обряды, привычки, общие перспективы, будущность, общее историческое прошлое, сходные черты характера.

Ранговая последовательность выбора этнодифференцирующих черт несколько иная: язык, черты характера, особенности поведения.

В то же время значительная доля опрошенных (около одной шестой), главным образом работники квалифицированного физического труда с образованием 7—10 классов, отрицали существование сколько-либо значимых национальных различий. При этом, однако, они считали, что реально существуют черты близости к своему народу.

При ответе на оба вопроса примерно в 2,5 раза чаще указывались внешние признаки сходства и различия. Как и следовало ожидать, уровень образования респондента коррелирует с обращением его либо к внешним, явным признакам, либо к факторам психологического порядка: явные, очевидные черты этнического сходства и отличия (в частности, язык) называют преимущественно опрошенные с невысоким уровнем образования (среди них же, как будет показано далее, шире бытуют национальные обряды — по существу формы ритуализированного поведения, «материализующие» этноконсолидационные представления обыденного этнического сознания).

Лица со средним специальным и высшим образованием, напротив, чаще обращают внимание на неявные, но существенные черты этнического сходства и различия (черты характера, особенности поведения и т. п.). Выбор этих признаков обычно требует как более высокого культурного уровня, так и другой структуры этнического сознания, основанного уже не только на обыденных представлениях. К аналогичному выводу пришел Е. И. Клементьев, анализируя национальное самосознание карелов: «Оценка своей связи с этнической общностью в малоквалифицированных группах... связана с реальным бытованием национально особенного, а в группах работников умственного труда с высоким уровнем образования осознание внутриэтнических связей компенсируется

⁷ Эти вопросы представляют собой модификацию аналогичных вопросов, использовавшихся В. В. Пименовым и Е. И. Клементьевым при изучении удмуртов и карелов. См.: Е. И. Клементьев, Социальная структура и национальное самосознание (на материалах Карельской АССР), Автореферат канд. дис., М., 1971; В. В. Пименов, К проблеме межэтнических контактов (по удмуртским материалам), в кн.: «Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции, посвященной этнографическому изучению современности», Москва — Нальчик, 1975, стр. 98—100; его же, Некоторые черты национального самосознания (по материалам Удмуртской АССР), в кн.: «Торжество ленинской национальной политики», Чебоксары, 1972; Э. К. Васильева, В. В. Пименов, Л. С. Христолюбова, Современные этнокультурные процессы в Удмуртии (Программа и методика обследования), «Сов. этнография», 1970, № 2.

⁸ С. И. Королев, Указ. раб., стр. 17.

общетеоретическими представлениями о значимости признаков, формирующих национальное самосознание»⁹.

Заметна еще одна тенденция в распределении ответов на два рассматриваемых вопроса — одни и те же признаки чаще называются в качестве этнодифференцирующих, чем этноинтегрирующих. Так, например, язык как признак общности назван 119 раз, а как признак различия — 136 раз. «Черты характера» и «черты внешнего облика» в качестве различительных названы вдвое чаще, чем в качестве объединяющих признаков. Меньшую активность проявили респонденты при ответе на вопрос о том, что сближает их со своей нацией (меньше общее число выборов, относительно чаще затруднялись в ответе). Можно предположить, что опрошенным труднее определить черты общности представителей своего народа, чем отметить его отличия от других народов. На определяющее значение оппозиции «мы — они» для самовыделения этнической общности указывали Б. Ф. Поршнев¹⁰, И. С. Кон¹¹. Об этом же говорят западные социальные психологи У. Ламберт и О. Клайнберг, ссылаясь на выдающегося советского психолога Л. С. Выготского, который считал, что «осознание сходства требует более развитой способности обобщения и концептуализации, чем осознание различия; осознание сходства предполагает обобщение или понятие, охватывающее ряд сходных объектов, тогда как осознание различий возможно и на чувственном уровне»¹².

Наименьшее число выборов пало на «черты внешнего облика» как фактор, сближающий представителей данной национальности, и это естественно. Во-первых, опрашиваемые старались обратить внимание на более существенные признаки, такие, как лингвистическое единство или общность традиционной народной культуры (проявляющейся в обычаях и обрядах). Во-вторых, отрицание значимости черт внешнего облика как признака общности вполне соответствует объективной реальности: специфика этногенеза казанской группы татар и русских Поволжья привела к формированию антропологических типов, в которых отсутствуют резкие специфические черты, достоверно различимые визуально. Поэтому значительное число ответов о чертах внешнего облика следовало бы, на наш взгляд, интерпретировать как своеобразную иллюзию обыденного этнического сознания, как «обман зрения».

Вообще стереотипные представления о сходстве внешнего облика людей одной национальности заслуживают особого рассмотрения. Бытое в обыденном сознании мнение об однородности антропологических характеристик этносов и осознание этнических общностей как внесоциальных по происхождению¹³ позволяют рассмотреть проблему национального предрассудка в свете концепции «восприятия человека человеком», развиваемой в рамках социальной психологии А. А. Бодалевым¹⁴. От степени адекватности стереотипов представлений о внешности определенных этнофоров зависит, например, теснота внутриэтнических контактов в смешанной или иноэтнической среде, а также в значительной степени живучесть национальных предрассудков, так как стереотипные представления о внешнем облике, как правило, связаны со стереотипны-

⁹ Е. И. Клементьев, Социальная структура и национальное самосознание, Автограф. канд. дис., М., 1971, стр. 17.

¹⁰ Б. Ф. Поршнев, Указ. раб., стр. 73—111.

¹¹ И. С. Кон, К проблеме национального характера, сб. «История и психология», М., 1971, стр. 128, 129.

¹² Цит. по кн.: И. С. Кон, Указ. раб., стр. 129; см. также: Л. С. Выготский, Мышление и речь, Л., 1934, гл. V; O. Klinberg, Childrens views of foreign peoples. A cross-national study, N. Y., 1967, p. 184, 185.

¹³ К. В. Чистов, Этническая общность, этническое сознание и некоторые проблемы духовной культуры, «Сов. этнография», 1972, № 3, стр. 74.

¹⁴ А. А. Бодалев, Восприятие человека человеком, Л., 1965; его же, Формирование понятия о другом человеке как личности, Л., 1970.

ми суждениями о психологических качествах, о «национальном характере».

Эти моменты учитывались при анализе ответов на вопрос: «Узнаете ли Вы представителей своей национальности на городской улице по внешнему виду?». Вследствие унификации материальной культуры (в частности одежды) в городской среде вопрос может быть отнесен лишь к чертам физического облика (и в некоторой мере к нюансам поведения). Распределение ответов таково (в порядке убывания): «узнаю не всегда» — 38%, «да, узнаю легко» — 25%, «нет, не узнаю» — 19%, «не обращаю на это внимания» — 18%. Положительную безоговорочную форму ответа дала четверть опрошенных. Это мнение, как уже говорилось, мы относим к иллюзиям обыденного этнического сознания. Такого рода «обман зрения» в большей мере свойствен людям с невысоким уровнем образования; чаще других этот ответ выбирают респонденты с образованием до 6 классов (35% из них). В то же время лишь 10% лиц с невысоким уровнем образования не обращают внимания на национальность людей, встречающихся им на улице. Обратная картина наблюдается в ответах людей с более высоким уровнем образования: только 16% лиц с высшим образованием считают, что легко узнают татар по внешности, зато 26% не обращают внимания на национальность прохожих.

Кроме уровня образования (и соответственно социально-профессиональной принадлежности респондента) на ответы об определении национальности по внешнему облику заметно влияют и среда, характер социальных контактов, т. е. тип и величина города¹⁵. Так, в Казани значительно большее, чем в Альметьевске, число лиц заявили, что не обращают внимания на национальность людей на улице (около одной пятой опрошенных); относительно больше доля лиц, ответивших, что не узнают или не всегда узнают представителей своей национальности. Социально-психологическая специфика общения в большом городе, обилие контактов вообще создают своеобразный защитный барьер в виде «психологической индифферентности» между людьми, по крайней мере в общественных местах¹⁶. В деревне же каждый встречный воспринимается индивидуально-личностно, и на улице принято здороваться даже с незнакомыми.

В самом малом из охваченных исследованием городов — Мензелинске — выявились в определенном смысле противоположная картина: во-первых, здесь наиболее высок процент лиц, не ответивших на этот простой вопрос, — 29% (против 2% в Казани и 6% в Альметьевске); во-вторых, здесь очень невелика доля лиц, не обращающих внимания на национальность прохожих, около одной седьмой. Вероятно, в таком небольшом городе, как Мензелинск существует социально-психологическая структура общения, переходная между городской и сельской, в частности здесь минимален объем деперсонализованного «ролевого» общения (типа продавец — покупатель)¹⁷ и большинство контактов сопровождается личным знакомством. Поэтому вопрос о том, узнают ли респонденты на городской улице татар и в незнакомых людях, был плохо адаптирован к условиям Мензелинска. Кроме того, высказанное суждение о полной стандартизации в городской среде элементов национальной

¹⁵ Обследованные города сильно отличались не только по численности населения (в Казани — почти миллион жителей, в Альметьевске — около 100 тыс., Мензелинске — около 20 тыс.), но и по структуре представленных в городе отраслей производства и учреждений культурного обслуживания, по числу вузов и средних специальных учебных заведений и др. Подробнее о характеристике городов см. «Социальное и национальное».

¹⁶ Например, плотность контактов в таком крупном городе, как Ленинград составляет до 10 тыс. чел. в сутки (А. В. Баранов, Человек в городе, в сб. «Духовное становление человека», Л., 1972, стр. 88).

¹⁷ L. Wirth, Urbanism as a way of life, «American sociological review», 1938, № 6.

материальной культуры распространяется на Мензелинск в меньшей мере, чем на крупные города.

Естественно было бы предположить существование и других различий в сфере общения, объясняемых разницей в типах рассматриваемых городов, например в частоте дружеских контактов и встреч с родственниками. Действительно, частота этих связей сильно варьирует в зависимости от размера города (см. табл. 1).

Таблица 1

Частота встреч с друзьями, в %

Город	Не реже 1 раза в 2 недели	Не реже 1 раза в месяц	1 раз в 3 месяца и реже
Казань	39,8	32,8	27,4
Мензелинск	58,3	22,7	19,0
Альметьевск	61,1	21,1	17,8

Жители Казани встречаются с друзьями значительно реже жителей Мензелинска и особенно Альметьевска. Возможно, это обусловлено более высоким темпом жизни крупного города, столицы, значительными расстояниями, дефицитом времени. Кроме того, у жителей Казани — больший выбор вариантов проведения досуга, чем у жителей малого города.

Частота контактов с родственниками варьирует по городам гораздо меньше, оказывается устойчивее к воздействию факторов, обусловленных типом города. Во всех трех городах часто (не реже 1 раза в 2 недели) видятся с родными около 50% опрошенных. Дополнительный опрос русских жителей городов Татарской АССР (выборка русских выравнена с татарской по социально-профессиональным группам, полу и возрасту) показывает, что зависимость интенсивности дружеских контактов от типа города проявляется у русских и татар в равной мере, однако во всех городах татары обнаруживают большую тесноту дружеских связей, чем русские. Не вызывает сомнения и более близкое родственное общение татар по сравнению с русскими (см. табл. 2).

Таблица 2

Частота встреч с родственниками, в %

Национальность	Часто (не реже 1 раза в 2 недели)	Редко (1 раз в 3 месяца и реже)
Татары	76,2	23,8
Русские	63,1	36,9

Приведенные данные позволяют высказать предположение о более высокой значимости для респондентов-татар персонифицированных связей по сравнению с обезличенными контактами, характерными для городского образа жизни.

Хотя большая часть опрошенных поддерживает отношения главным образом с татарами, они дружат и с лицами других национальностей (прежде всего с русскими).

Еще более сильный, чем «национальность друзей», индикатор ориентаций в межнациональном общении — отношение к смешанному браку близкого родственника. Подавляющее большинство опрошенных проявили в целом положительное отношение к возможному браку близкого члена семьи с человеком другой национальности. В то же время здесь сильна зависимость от образования респондента: с ростом образования растет число положительных оценок национально-смешанных браков.

Отношение к национально-смешанному браку заметно варьирует и в зависимости от возраста: лица до 30 лет, как правило, оценивают такой брак положительно, в следующих возрастных группах число положительных и отрицательных выборов выравнивается, при этом большинство

Таблица 3

Распространенность национальных праздников в зависимости от этнического состава среды предыдущего места жительства мигрантов, в %

Предыдущее место жительства	Празднуют национальные праздники	Не празднуют
Города и деревни вне ТАССР	50	50
Города и деревни в пределах ТАССР	40	60
Уроженцы обследованных городов ТАССР (немигранты)	36	64

отвечают, что не возражали бы против такого брака, и лишь у лиц от 51 года и старше положительные выборы реже.

На отношение к смешанному браку влияет также место предыдущего жительства респондента. Так, мигранты из иноэтнической среды (из-за пределов Татарской АССР) выше оценивают межнациональные браки, чем коренные жители Татарии.

Тип города и этнический состав среды в предыдущем месте жительства опрашиваемого сказываются на степени сохранности традиционных бытовых форм народной культуры, связанных с этнопсихологической спецификой. Так, на вопрос о праздновании традиционных национальных праздников (имелись в виду обряды календарного цикла — курбан-байрам, ураза, сабантуй)¹⁸ положительно ответили почти половина опрошенных жителей малых городов и только 14% жителей Казани. При этом национальные праздники бытуют широко у мигрантов из села, в меньшей степени — у приезжих из малых и средних городов, еще реже они отмечаются у приезжих из крупных (областных и столичных) центров. Степень сохранности национальных праздников в зависимости от этнического состава прежней среды мигранта иллюстрируется данными табл. 3.

Здесь наблюдается несколько неожиданная картина: мигранты из-за пределов Татарии чаще отмечают национальные праздники, чем мигранты из городов и сел Татарской АССР и уроженцы городов республики. Вероятно, в иноэтнической среде национальные праздники являются фактором этноинтеграции, приобретают новые функциональные значения и потому лучше сохраняются. Кроме того, процессы проникновения черт городского образа жизни в село, в быт семьи в инонациональной среде идут медленнее. Это обусловлено, в частности, особенностями отношения к средствам массовой коммуникации как к источнику разнообразной информации, который не адаптирован к потребностям «экстерриториальной группы» и восприятие которого опосредуется лингвистическими и культурными барьерами. Новая информация в этих условиях дает не только непривычные культурные образцы, изменяющие весь уклад традиционного семейно-бытового поведения, но и воспринимается еще как инонациональная.

Действует ли аналогичная закономерность применительно и к семейным обрядам? Соответствующий вопрос задавался так: «Соблюдаются ли в Вашей семье национальные обычаи при следующих событиях: рождение ребенка, свадьба, похороны?». Варианты ответов — «да», «частич-

¹⁸ Исходя из специфической направленности исследования, мы не рассматривали сохранность самой структуры обрядов у горожан. Степень полноты бытующих в семье обрядов охарактеризована по оценке самих респондентов. На наш взгляд, эта оценка тоже косвенно отражает развитость этнического сознания.

но», «нет». Однако при анализе ответов мы пришли к выводу, что содержание обряда существеннейшим образом влияет на его бытование и необходим дифференцированный подход к названным группам семейных обрядов (см. табл. 4).

Таблица 4

Частота распространения традиционных семейных обрядов,
% к числу опрошенных *

Семейное событие, с которым связан семейный обряд	Соблюдают полностью	Соблюдают частично	Не соблюдают
Рождение ребенка	27,9	18,6	44,1
Свадьба	34,4	19,5	37,2
Похороны	49,7	18,6	23,1

* 9% не ответили на вопросы.

Частоты распределения обрядов, связанных с рождением ребенка и похоронами, расположились зеркально-симметрично относительно диагонали таблицы: насколько широко бытует соблюдение похоронных обрядов, настолько же обычным стало несоблюдение обычаем, связанных с рождением ребенка, и наоборот: насколько невелико число отмечающих рождение ребенка традиционным образом, настолько же мало и число не соблюдающих традиционные похоронные обряды. Распространенность свадебного обряда (по оценке данных в нашей выборочной совокупности) занимает почти промежуточное место между двумя другими группами обрядов.

Похоронные обряды инвариантны относительно размера города и этнического состава населения в прежнем месте жительства. Обряд соблюдается (полностью или частично) в 67—73% семей, и это число устойчиво для разных групп (кроме интеллигенции). По-видимому, подобная устойчивость определяется такими причинами, как дань уважения традиции, выполнение воли покойного и т. п.

Наименее устойчив комплекс обрядов семейного цикла, связанный с рождением ребенка, он испытывает влияние этнического состава городов и сел, откуда приехали мигранты (как и обряды календарного цикла). Мигранты из инонациональной среды несколько чаще соблюдают традиционные обряды, связанные с рождением ребенка (см. табл. 5).

Таблица 5

Частота распространения традиционных обрядов, связанных
с рождением ребенка, в % к числу опрошенных

Направление миграции	Соблюдают полностью или частично	Не соблюдают
Из-за пределов ТАССР	57,0	43,0
В пределах ТАССР	48,2	51,8

Если сопоставить рассматриваемые обряды с циклами жизни человека (рождение, детство, зрелость и старость), то оказывается, что чем моложе контингент лиц, к которому относятся данные обряды, тем они менее распространены и менее устойчивы под воздействием самых разных факторов, и наоборот.

Значительный интерес представляют данные о распространении семейных обрядов в зависимости от образования респондентов (см. табл. 6).

Из таблицы следует, что в более образованных группах семейные традиционные обряды распространены меньше в прямом соответствии со степенью их устойчивости, которая, в свою очередь, определяется со-

Таблица 6

**Зависимость распространения семейных обрядов от образования
респондентов**

Семейное событие, с ко- торым связан обряд	Образование				
	до 6 кл.	7—9 кл.	10—11 кл.	среднее спе- циальное	высшее
Рождение ребенка	+	—	—	—	—
Свадьба	+	+	+	—	—
Похороны	+	+	+	+	—

«+» — большинство соблюдает данный обряд; «—» — большинство не соблюдает дан-
ный обряд.

держанием обряда. Лишь респонденты с самым низким уровнем образования (до 6 классов) в большинстве своем соблюдают все традиционные семейные обряды, и только преобладающее число лиц с высшим образованием отказались от соблюдения всех групп семейных обрядов, включая похоронные.

С точки зрения этнографии, фольклористики и этнопсихологии, представляют интерес следующие вопросы: среди какого поколения приехавших в город деревенских жителей в большей мере бытуют национальные праздники и семейные обряды? У мигрантов какой «волны» они исчезают? На какие годы приходится рубеж, разделяющий мигрантов с различной сохранностью этих элементов традиционной национальной культуры?

Судя по полученным материалам, общая тенденция вполне соответствует существующим на этот счет представлениям: чем раньше респондент прибыл в город, тем чаще соблюдает он в быту семейные и календарные обряды. Подавляющее большинство мигрантов переезжало в города в трудоспособном возрасте, когда процесс социализации личности и освоения обрядовых норм уже завершен и, как правило, из села, где сохраннее традиционные формы семейного быта. Таким образом, тип социализации оказывает более сильное влияние, чем адаптирующее влияние города. Постепенно, особенно в послевоенные годы, черты городского образа жизни все активнее проникают и в татарскую деревню. Поэтому мигранты последних лет в меньшей мере сохранили элементы традиционного семейно-бытового уклада. В этой связи большой интерес представляет зависимость между временем миграции в город и распространенностью национальных праздников (см. табл. 7).

Таблица 7

**Бытование традиционных национальных
праздников в зависимости от срока
проживания в городе, в %**

Сколько лет живет в данном городе	Отмечает ли нацио- нальные праздники	
	да	нет
От 1 до 3 лет	4,7	7,7
От 3 до 5 лет	4,7	12,1
От 5 до 10 лет	9,4	10,9
От 10 до 15 лет	20,3	20,9
Более 15 лет	61,1	48,3
	100	100

Люди, недавно приехавшие из других районов, большей частью не отмечают национальные праздники и обряды календарного цикла (имеются в виду, главным образом, курбан-байрам, сабантуй и ураза), а среди переселившихся в город давно, более 15 лет назад, их отмечает большинство. Граница между этими двумя контингентами мигрантов проходит по волне миграции 1959—1964 гг., в которой обе группы представлены поровну. Как правило, мигранты — это молодежь трудоспособных возрастов, прибывшая из села. Если принять за условный средний возраст мигранта 30 лет, то можно считать, что «переломным» поколением в отношении сохранения обрядовой традиции являются люди при-

мерно 1930—1934 гг. рождения, т. е. времени коллективизации татарской деревни.

Анализ ответов на вопросы о традиционных праздниках применительно к нашей выборочной совокупности создает впечатление о разной социально-психологической значимости национальных праздников и обрядов календарного цикла и семейных обрядов. Видимо, семейная обрядность выполняет несколько иную семиотическую роль в системе этноса, чем календарная обрядность; она несет иные этнопсихологические функции. Однако это предположение требует проверки на более представительном и узко нацеленном исследовательском материале.

Последний вопрос, на котором нам бы хотелось остановиться в связи с материалами нашего опроса, касается проблемы изучения так называемого «национального характера» (термин, не раз признававшийся неудачным). Вероятно, можно говорить об исследовании стереотипных представлений о типичных характерологических чертах, получивших наибольшее развитие у большинства представителей определенной национальности. Эти стереотипы, в сжатом виде отражающие историю взаимоотношений народов включают неявную оппозицию «мы — они», зависят от эталонной шкалы, по которой ведется отсчет интенсивности развития характерологических качеств. Определенный прикладной и теоретический интерес имеет изучение «автостереотипов» — распространенных в обыденном сознании мнений о типичных чертах характера представителей своей нации. Помимо перечисленных факторов, вообще влияющих на формирование национальных стереотипов, на автостереотип влияет отраженная, опосредованная национальным сознанием характеристика своего народа другими народами.

В нашем исследовании выяснялась позитивная часть национального автостереотипа у опрошенных татар. Простейший экспертный контент-анализ ответов выделил три группы отмеченных качеств — коммуникативные, интеллектуально-волевые черты, а также некоторые бытовые привычки. Очевидно, что указанные опрошенными качества не являются исключительной принадлежностью татарского народа; опрашиваемые имели в виду бытующие мнения о высоком уровне развития или частоте проявления каких-то характерологических свойств. Но ведь уровень или частота не могут быть безотносительными, т. е. содержат неосознаваемую «шкалу отсчета», соотнесение с преобладающим этническим «фоном» и др.

Следует заметить, что изучение обобщенного позитивного автостереотипа национального характера имеет особый интерес в сравнительных исследованиях различных этносов. Расширение диапазона таких исследований позволит не только углубить представления об отдельных нациях, но и даст обширный материал для оценки межнациональных отношений внутри советского народа как социальной общности.

Разумеется, в настоящей работе предложены лишь отдельные элементы этнопсихологического изучения городских жителей, отнюдь не исчерпывающие всего многообразия возможных методических подходов к проблеме.

Подытоживая некоторые предварительные выводы исследования, отметим следующее.

Эмпирический материал свидетельствует о том, что степень проявления этнопсихологических черт зависит не только от социально-профессиональной принадлежности и демографических характеристик этнофоров, но и от размера и типа населенного пункта, в котором они проживают, определяющего некоторые существенные моменты образа жизни.

Этнический состав среды тоже влияет на распространность национальной специфики в формах поведения; в частности, иноэтническая среда обусловливает более осознанное самовыделение этнической группы и может способствовать большей сохранности некоторых традиционных

форм духовной культуры. Этнический «фон» определяющим образом влияет на бытование календарной традиционной обрядности, которая принимает на себя усиленную этноинтегрирующую функцию в условиях иноэтнического окружения; семейная же обрядность мало зависит от этнического состава среды. Ее распространенность ограничена уровнем образования и социально-профессиональной принадлежностью членов семьи, а также сильно дифференцируется в зависимости от содержания обряда.

Это позволяет предположить различные этнопсихологические функции календарных и семейных обрядов, которые, в свою очередь, могут являться предметом дальнейшего исследования.

A STUDY OF ELEMENTS OF THE ETHNOPSYCHOLOGY OF URBAN DWELLERS

The paper sums up the results of an ethnosociological research carried out by the author in three cities of the Tatar Autonomous SSR: Kazan, Al'metyevsk and Menzelinsk. The investigation covered specific features of ethnic consciousness and the prevalence of traditional rituals among Tatars belonging to different social, professional and education-level groups. The study has disclosed the influence of certain factors over the structure of ethnic self-identification, over orientations in inter-ethnic intercourse etc. The influence of the ethnic composition of the surrounding population over the persistence of ethnic specificity in family life was also investigated, as well as the ethnopsychological role of family rituals and of calendar cycle rites.

Е. И. К л е м е н т ѿ в

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ КАРЕЛЬСКОГО ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

В этнографической литературе проблема культурных взаимодействий занимает особое место, определяемое предметной областью этнографии как науки. Этнографы изучают тот аспект истории культуры, который отражает изменение этнической специфики в культурном облике народа¹.

В преобразовании этнического колорита культуры ведущая роль принадлежит культурным взаимодействиям народов. При генетическом подходе к строению культуры она предстает перед нами как сложное единство возникших в данной среде, без влияний извне и заимствованных компонентов культуры².

О результатах этнокультурных контактов обычно судят по тем изменениям, которые претерпевает культурный фонд этноса, прежде всего по изменению соотношения национально-специфического и инонационального. При этом само развитие культурных взаимодействий справедливо определяется сложным сочетанием исторически сложившихся социально-экономических и политических условий, степенью развития и состоянием культуры контактирующих народов, их территориальным размещением, численностью населения, длительностью контактов, психологическим климатом, возникшим в процессе общения и т. д.³

Соотношение национально-особенного и инонационального изменяется как путем непосредственных контактов представителей различных национальностей, так и через опосредованные контакты, возрастающая роль которых в современных условиях определяется бурным развитием средств массовой информации.

В условиях совместного проживания, тесного и разностороннего общения повышаются и информированность о культурных ценностях, культурных достижениях другого народа и обмен ценностями. Структурные изменения в культуре этнической общности — лишь одно из проявлений этих контактов. Перечислить работы, посвященные изучению этнических особенностей в культурном облике народов, — это значит составить сводную библиографию всех поколений этнографов.

Но как бы ни был широк круг изучаемых проблем культурных взаи-

¹ Ю. В. Бромлей, Этнос и этнография, М., 1973, стр. 210.

² С. А. Арутюнов, Процессы и закономерности развития бытовой сферы в современной японской культуре, Автореферат докт. дис., М., 1970, стр. 12.

³ См., например: В. И. Козлов, Динамика численности народов, М., 1969, гл. III; Л. М. Дробижева, Социально-психологическая обусловленность культурных контактов, «IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук (Чикаго, сентябрь, 1973)», М., 1973.

модействий, в конечном итоге он сводится к анализу основных тенденций этих взаимодействий через познание особенностей этнического развития того или иного народа. Эти тенденции проявляются в различных типах этнических процессов, генеральная линия развития которых — сближение национальных культур.

К сожалению, такие важные аспекты национального развития, как субъективное восприятие этнокультурных контактов, отношение к культурным ценностям других народов до настоящего времени изучались мало. В программе сектора социологии Института этнографии АН СССР «Оптимизация социально-культурных аспектов развития и сближения наций в СССР» впервые поставлена задача оценить итоги межнациональных культурных контактов и связей, определить меру и глубину усвоения как традиционно-национальных, так и профессиональных форм культуры, найти закономерности, влияющие на процессы культурного обмена между нациями. Одним из критериев оптимизации социально-культурных процессов является социально-психологическое изучение этнических предпочтений через систему установок, т. е. ориентаций⁴. Обобщение первых результатов показало перспективность этого направления в познании проблем культурного развития наций и, прежде всего, процессов интернационализации общественного развития⁵.

Именно этому аспекту — субъективному восприятию этнокультурных контактов — и посвящена настоящая статья. Задача состоит в том, чтобы изучить динамику культурно-ценостных ориентаций, показать, как изменяется соотношение ценностных ориентаций на национально-традиционные и инонациональные формы культуры, выявить те формы культуры, к которым существует наиболее устойчивое тяготение, и объяснить, с чем связаны изменения ориентаций, оценить роль различных факторов в перестройке национально-культурных ориентаций различных категорий карельского городского населения. При этом прежде всего учитываются три важнейшие типологические характеристики личности: возраст, образование и социальная принадлежность.

Для решения поставленных задач привлекаются материалы конкретно-социологического обследования карельского городского населения Карельской АССР (1972 г.). По данным выборочного массива, полученного с учетом целого ряда социально-экономических, географических, экономических, этнических и некоторых других характеристик, в миниатюре воспроизводится внутреннее единство всего объекта исследования, что дает нам право распространить полученные результаты на все карельское городское население республики⁶.

Сбор информации производился методом стандартизованного интервью по специально разработанному вопроснику. Группа вопросов (12) была направлена на выяснение национально-культурных ориентаций опрашиваемых. Среди них одна группа фиксировала знания национально-традиционных форм культуры, вторая — их бытование, третья — предпочтительные формы культуры. В наборе ответов на вопрос типа «Какие песни (танцы, музыка) Вам больше всего нравятся?» фиксировались установки на собственно национальные ценности, русскую народ-

⁴ Ю. В. Арутюнян, Социально-культурные аспекты развития и сближения наций СССР (Программа, методика и перспективы исследования), «Сов. этнография», 1972, № 3, стр. 4—6.

⁵ «Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР», М., 1973; Ю. В. Арутюнян, Указ. раб.; его же, О некоторых тенденциях в изменении культурного облика нации, «Сов. этнография», 1973, № 4; его же, О развитии и сближении культуры советских наций, «Социологические исследования», 1974, № 2; Л. М. Дробижева, Усиление общности в культурном развитии советских наций, «История СССР», 1972, № 4.

⁶ Е. И. Клементьев, Развитие языковых процессов в Карелии (на материалах конкретно-социологического исследования карельского городского населения), «Сов. этнография», 1974, № 4.

ную культуру, культурные ценности других народов СССР, зарубежную культуру. Оговорим сразу, что под карельской народной культурой подразумевается традиционно-бытовой слой национальной культуры. Его характерными чертами являются устойчивость, повторяемость, т. е. те компоненты культуры, в которых наиболее ярко улавливается этнический колорит⁷. На этом основании к карельским народным причислены издавна бытующие на карельском языке песни, т. е. национальные по происхождению: «Плачет девушка», «Красная девушка», «Мать меня растила» и т. д., различные игровые песни, запевки и т. п. К числу карельских народных танцев отнесены кадриль, лансье, ристу кондра и др.⁸ Хотя кадриль перенята от русских, но в среде карелов она широко и издавна распространена и, самое главное, воспринимается как собственно национальный танец. Традиционные национальные мелодии, воспроизведенные на кантеле, пастушьем рожке, пастушьей трубе, причислены к карельской народной музыке.

Содержание понятий «русские народные песни», «русские народные танцы», «русская народная музыка» определяет этимологию этих выражений. Следует, впрочем, отметить, что в разряд русских народных танцев карелы нередко относят танцы, бытующие у других народов. Это и понятно, так как линия преемственности в карельской культуре теснейшим образом переплетена с традициями русской народной культуры. Через русскую культуру, аккумулирующую лучшие достижения других народов, карелы знакомились с их традициями и поэтому воспринимали их как явления русской культуры.

Важно подчеркнуть, что в настоящей статье рассматривается тот вариант проблемы этнокультурных взаимодействий, когда один этнос (карелы) не имеет развитого слоя профессиональной культуры, а другой (русские), наоборот, обладают мощным ее фондом.

Исходя из поставленных задач, мы ограничиваемся выяснением знаний (информированности) о некоторых формах карельской народной культуры и анализом этнических предпочтений (выборов), касающихся этнически различаемых культур.

Поскольку установка является одним из средств внутренней регуляции направленности поведения человека и фиксирует состояние готовности к определенной активности, основанной на эмоциях, знаниях и убеждениях⁹, поскольку изучение установок дает возможность выявить связь человека с окружающим миром культурных ценностей, отношение к ним.

В типологии ориентаций мы придерживались схемы, предложенной Ю. В. Арутюняном: ориентации только на национально-особенное в культуре интерпретируются как узконациональные; интернациональное поведение предполагает наличие в ориентациях набора предпочтений и к национальным и инонациональным формам культуры¹⁰.

Обращаясь к анализу субъективных оценок (выборов) культурных ценностей индивидом, мы исходим из положения, что «наши эмоции являются следствием формы нашей общественной жизни и истории народа, к которому мы принадлежим»¹¹. Изменение ценностных ориентаций, следовательно, свидетельствует не только о вербальном поведении, но и о запросах личности, отражающих в значительной степени уже и реальное поведение. Из повседневного опыта заимствуются нюансы поведения,

⁷ См. Ю. В. Бромлей, Указ. раб., стр. 74, 75.

⁸ См. также «Народные танцы Карелии», запись Л. Степановой, Петрозаводск, 1959.

⁹ Д. Н. Узгадзе, Психологические исследования, М., 1966, стр. 247 сл.

¹⁰ Ю. В. Арутюян, О некоторых тенденциях в изменении культурного облика нации, стр. 5.

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 13, стр. 6, 7.

те элементы, которые помогают нам воскресить черты и прошлого и будущего, не говоря о настоящем.

Выбор сферы духовной культуры для изучения этнических предпочтений обусловливался также и тем, что в современных условиях этническая специфика все более смещается из материальной культуры в духовную, в сферу психологических явлений¹².

Материалы исследования свидетельствуют о том, что ни одна возрастная, социально-профессиональная или образовательная группа карелов не ограничивается в своих ориентациях только национально-специфическим.

Характерной чертой современного этапа является заметный отход городского населения от традиционных форм культуры: более половины горожан (54,5%) не знают карельских народных танцев, 71,3% не могут назвать ни одной карельской народной песни. 23,0% обнаружили слабое знание карельских танцев (имеют представление об одном-двух танцах, но не могут их воспроизвести и научить других), 27,0% знают одну — три карельских песни.

Процесс отхода от традиционных форм культуры явственно обнаруживается и в изменении этнических предпочтений. В составе всего городского населения лишь 8,4% карелов нравятся преимущественно карельские народные танцы, 6,3% отдали предпочтение только карельским народным танцам, 12,6% высказались за проведение свадьбы в строгом соответствии с традиционными обычаями и обрядами.

Значительное число карелов отдают предпочтение прежде всего русской культуре: 43,6% опрошенных предпочитают русские народные танцы, 56% нравятся русские народные песни, 52,6% хотят слушать музыку преимущественно русских композиторов (см. ниже).

Сравнительный анализ коэффициентов А. А. Чупрова, измеряющего тесноту связи признаков (характеристик) в социальных объектах (в нашей статье эта связь прослеживается между возрастом, социально-профессиональной принадлежностью и уровнем образования, с одной стороны, и культурными ориентациями — с другой.—Е. К.), показывает, что наиболее сильное воздействие на выборы культурных ценностей оказывает возраст. Социальное положение и уровень образования обладают различной силой влияния и направленности на избирательность выбранных нами индикаторов культуры (табл. 1).

Т а б л и ц а 1
Социально-демографические характеристики и установки
(в коэффициентах А. А. Чупрова)*

Характер предпочтений	Возраст	Образование	Социальное положение
Нравятся танцы	0,248	0,191	0,161
Нравится музыка	0,237	0,228	0,156
Нравятся песни	0,195	0,157	0,114
Предпочел бы сыграть свадьбу	0,142	0,122	0,145

* О расчетах коэффициента А. А. Чупрова см. подробнее: В. Ю. Урбах, Биометрические методы, М., 1964, стр. 356—358.

Однако данные табл. 1 оставляют в тени реальную картину этнических выборов в сфере культуры, фиксируя лишь различную меру значимости отдельных факторов в изменении психологической предрасположенности к тем или иным культурным ценностям. Целесообразно,

¹² «XXIV съезд КПСС и актуальные проблемы современной этнографической науки», «Сов. этнография», 1971, № 4, стр. 5.

Таблица 2

Зависимость между возрастом и культурно-ценностными ориентациями
(% в каждой возрастной группе)*

Возраст	16—19	20—24	25—29	30—34	35—39	40—49	50—59	60 лет и более
Абсолютное число опрошенных	90	137	102	164	182	317	142	28
Не знают карельских народных танцев	76,2	67,8	59,1	46,0	48,8	39,5	25,8	36,7
Нравятся танцы:								
карельские народные	0,9	5,2	6,4	2,5	7,1	9,1	15,0	36,0
русские народные	6,1	14,3	16,6	43,1	47,0	53,1	58,5	48,0
балет	21,9	24,0	27,5	30,6	25,7	25,3	17,0	4,0
современные	65,8	53,9	38,5	16,9	14,8	7,2	3,4	4,0
Не знают карельских народных песен	81,8	82,0	74,0	66,5	69,7	66,3	60,4	62,4
Нравятся песни:								
карельские народные	1,7	3,2	0,9	6,1	6,3	5,2	11,1	17,2
русские народные	11,1	23,4	33,6	54,7	53,1	61,6	64,7	69,0
современные советские	76,1	59,5	57,8	34,3	34,3	27,1	19,6	6,9
Нравится музыка:								
карельская народная	0,0	1,5	1,5	17,9	11,9	34,3	22,4	17,9
русская народная	11,5	14,5	27,7	46,8	52,8	66,9	68,9	67,9
классическая, симфоническая	3,8	11,8	12,5	10,5	10,6	6,7	6,8	6,0
эстрадная	84,6	69,7	57,1	32,7	28,1	16,4	11,5	0,0

* В этой и следующих таблицах не отражены установки на танцы, песни, музыку других народов СССР.

очевидно, привлечь материалы исследований, отражающие конкретный срез культурных ориентаций по отдельным рассматриваемым группам. Динамика национально-культурных выборов наиболее отчетливо улавливается в этнических предпочтениях различных возрастных групп карельского городского населения (табл. 2).

Карелы старше 30 лет ориентируются преимущественно на культурные ценности русского народа. В то же время избирательность людей среднего и старшего возраста чаще направлена на традиционное. В старших возрастных группах по сравнению с молодыми психологическая предрасположенность к культурным ценностям своей этнической области теснее согласуется со знаниями национально-особенного: личный и предшествующий опыт поколений закреплял привычные образцы поведения. Молодежь проявляет наибольшую готовность к восприятию современных форм урбанизированной культуры, не имеющей ярко выраженной национальной окраски. Высокий процент установок молодых на инонациональное определяется прежде всего сравнительно слабым знанием традиционных форм культуры. С другой стороны, расширение сети массовых коммуникаций приводит к быстрому внедрению современных общесоветских форм культуры, способствует приобщению к культурным достижениям других народов, трансформируя одновременно и структуру ориентаций. С уменьшением возраста усиливается интерес к сложным профессионально-музыкальным формам. Если в возрастной группе 50—59-летних симфоническая музыка нравится только 6,8%, то в группе 20—24-летних 11,8%, классическая музыка, балет соответственно 17 и 24%. Молодое поколение отличается от пожилых и в установках на эстрадную музыку, современные танцы. В вербальном поведении старшего поколения запас знаний и сведений о прежних традициях более широк, чем у молодых, в определенной мере он детерминирует психологическую предрасположенность к ним. Однако в установках на современные советские песни у различных поколений больше «родственных» черт, чем различий. Традиции, выражающие интернациональный харак-

тер советской культуры, закрепляются в общественной жизни и духовном облике советского народа как новые национальные черты.

В структуре ориентаций различных возрастных групп значимость русской культуры оценена по-разному. Среди карелов в возрасте 50—59 лет у 65% пользуются популярностью русские народные песни, а среди 16—19-летних соответственно у 11,1%. Аналогичные тенденции — ослабление установок на русскую традиционную культуру — характерны и по другим выбранным нами индикаторам этнических предпочтений.

Переориентация поколения, родившегося в послевоенное время, с русской традиционной культуры на современные общесоветские формы профессиональной культуры, культурные ценности других народов СССР и достижения мировой культуры, определяется совокупностью факторов: темпами социально-культурных преобразований, интенсивным развитием средств массовой коммуникации, коренной перестройкой национального состава республики, миграцией карелов в городскую среду и т. д. Увеличение объема культурно-информационных связей закладывает основы для создания равных для всех людей условий освоения культурных благ, духовного развития, формирования культурных навыков, привычек, интересов, новых культурных потребностей, лежащих в фундаменте культурного единства. Расширение доступа к духовным ценностям преобразует сам процесс культурного развития: переориентация на современные общесоветские формы профессиональной культуры убедительно доказывает, что в области духовной жизни ведущей тенденцией стало функционирование карельской национальной культуры на основе общесоветских форм. Важно отметить и то, что русскоязычная культура часто воспринимается, как показывают материалы конкретно-социологического обследования, как общесоветская культура.

Среди факторов, влияющих на перестройку ценностных ориентаций, видное место принадлежит росту образования и совершенствованию социально-профессиональной структуры городского населения.

Несмотря на некоторое варьирование показателей, с ростом образования приверженность карелов к традиционной культуре, выраженная в этнических предпочтениях, постепенно ослабевает (табл. 3). Четко прослеживается следующая закономерность: чем выше уровень образования, тем сильнее расхождение между знаниями о национально-своеобразном и установками на традиционные формы культуры. Так, у горожан с образованием выше среднего информированность о народных песнях, танцах не хуже, чем у тех, кто закончил неполную среднюю школу, однако знания не столь отчетливо согласуются с этническими установками. С ростом образования растут знания о достижениях других народов, современных формах культуры, широко распространенных в городской среде. Уровень культурного развития, определяя меру приобщения к духовным достижениям современности и традициям прошлого, способствует дальнейшему развертыванию процесса сближения национальных культур, утверждения черт интернационализма.

Традиционные формы культуры, очевидно, не могут в настоящее время полностью удовлетворять изменяющиеся, быстро растущие духовные потребности и интересы, а профессиональный слой национальной культуры у карелов развит слабо.

Вербальное поведение старшего поколения горожан с низким уровнем образования в определенной мере детерминируется знанием и реальным бытованием в их среде традиционных форм культуры, а также русских народных песен, хорошо известных и широко распространенных в Карелии в прошлом. Исполнение танцев, как правило, сопровождалось пением русских народных песен. Не случайно этнические выборы представителей старших поколений чаще ориентированы на знакомое, привычное, более известное. У карелов, имеющих семилетнее образование

Таблица 3

**Зависимость между образованием и культурными ориентациями
(% в каждой образовательной группе)**

Образование	До 4-х классов	4—6 классов	7—9 классов	Среднее	Среднее специальное	Высшее
Абсолютное число опрошенных	67	242	351	224	150	115
Не знают карельских народных танцев	38,2	52,3	59,5	64,3	50,0	42,7
Нравятся танцы:						
карельские народные	17,5	12,1	5,3	4,5	5,2	6,1
русские народные	61,9	59,8	40,4	18,4	39,0	29,5
балет	6,3	15,1	20,3	31,4	28,6	45,5
современные	6,3	7,9	28,4	41,2	22,7	15,9
Не знают карельских народных песен	76,1	72,2	73,8	72,8	70,0	61,5
Нравятся песни:						
карельские народные	10,0	7,1	4,6	3,7	1,2	5,7
русские народные	62,9	64,3	48,3	29,9	46,1	47,0
современные советские	24,3	23,0	39,8	54,2	44,8	41,4
Нравится музыка:						
карельская народная	10,1	7,1	4,3	3,2	2,0	5,0
русская народная	75,4	72,8	51,6	22,0	39,9	33,1
классическая, симфоническая	1,4	2,9	4,8	10,8	14,4	25,9
эстрадная	8,7	14,2	36,9	62,8	39,2	33,1

и выше, значительно шире спектр интересов. Хотя ценностям, созданным на языке межнационального общения, каким является русский язык, и отдается предпочтение, но в систему ориентаций все шире, с нарастающей степенью интенсивности входят современные формы урбанизированной культуры. Так, например, лишь 2,9% карелов, имеющих образование 4—6 классов, нравится классическая, симфоническая музыка, в то время как среди карелов с высшим образованием ее любят 25%. Перестройка структуры ориентаций с ростом образования происходит за счет расширения диапазона интересов к разным видам культуры, культурным достижениям других народов. Взаимопроникновение культур, расширяя духовный мир личности, способствует повышению его культурных запросов. С ростом образования культурные ориентации становятся все более интернациональными. Дальнейшее развитие общесоветской культуры как культуры новой исторической общности людей все более зримо влияет на духовный облик карельского городского населения.

По степени знаний традиционных форм культуры, ориентации на традиционную культуру карельское городское население может быть разбито на две большие группы: работники физического и умственного труда (табл. 4). Прослеживается следующая закономерность: чем выше социальный статус работников физического труда, тем ниже процент знающих и ориентирующихся на традиционный слой своей национальной культуры. И наоборот, чем более сложным видом умственного труда занято население, тем больше сведений о традициях своей культуры хранится в памяти людей. И в целом у интеллигенции и служащих не меньше этнических предпочтений, чем у работников физического труда средней (Γ_1) и высшей (Γ_2) квалификаций.

Карелы с образованием до 9 классов, а также все категории работников физического труда чаще всего отдают предпочтение русским народным песням и танцам.

В ориентациях работников умственного труда явственно ощущается тяготение к русской традиционной и современной общесоветской культуре. Степень информированности интеллигенции о народных танцах, песнях не хуже, чем у занятых физическим трудом. Это связано с тем,

Таблица 4

Динамика национально-культурных ориентаций в зависимости от социальной принадлежности (% в каждой группе)*

Социально-профессиональная группа	Γ_2	Γ_1	В	Б	A ₁	A ₂	A ₃	A ₄
Абсолютное число опрошенных	246	213	178	139	144	52	83	67
Средний возраст социально-профессиональных групп (лет)	42,5	35,8	36,6	32,5	35,0	38,8	39,9	40,9
Средний уровень образования (годы обучения)	5,1	7,4	7,7	8,6	10,7	9,9	12,8	13,0
Не знают карельских народных танцев	51,8	57,7	63,3	51,0	52,1	47,3	50,6	40,0
Нравятся танцы:								
карельские народные	16,5	5,5	3,0	7,4	6,0	6,1	8,0	2,0
русские народные	58,2	39,2	43,8	41,6	35,1	38,8	33,0	39,2
балет	14,2	17,5	21,3	22,1	32,5	30,6	43,2	39,3
современные	11,8	31,3	26,6	22,1	21,9	18,4	13,6	17,6
Не знают карельских народных песен	73,7	76,2	75,4	68,3	63,9	61,8	62,8	62,0
Нравятся песни:								
карельские народные	11,0	4,6	2,6	5,6	4,6	4,7	5,3	1,6
русские народные	55,7	50,4	52,1	47,8	42,2	54,4	47,9	53,2
современные советские	27,8	36,4	38,5	38,5	42,8	33,3	45,7	37,1
Нравится музыка:								
карельская народная	10,1	3,2	6,5	5,3	4,4	1,9	3,2	5,5
русская народная	65,6	47,7	51,6	45,4	39,0	43,4	40,9	47,3
классическая, симфоническая	2,0	7,3	5,4	9,2	10,7	15,1	21,5	20,0
эстрадная	18,2	41,4	34,9	36,2	41,5	35,8	31,2	25,5

* Условные обозначения: Γ_2 — неквалифицированные и малоквалифицированные работники физического труда, Γ_1 — работники физического труда средней квалификации, В — работники физического труда высшей квалификации, Б — служащие, А₁ — специалисты среднего звена, А₂ — руководители среднего звена, А₃ — специалисты высшего звена, А₄ — руководители высшего звена.

что формирование национальной интеллигенции происходило и происходит главным образом из неквалифицированных и малоквалифицированных групп населения: примерно у 60% руководителей и специалистов среднего и высшего звена отцы — работники физического труда, а более чем у 80% матери — малоквалифицированные рабочие.

Изменение социальных ролей в значительной степени детерминирует структуру и динамику культурно-ценостных ориентаций. Проективное поведение высококвалифицированных кадров отражает формирование новых потребностей и эстетических интересов, потребностей в развитых видах литературы и искусства, при известном сохранении интереса к культурным традициям своей этнической общности.

Судя по ориентациям, профессиональные формы современной урбанизированной культуры различных народов широко «прописаны» в их запросах. Очевидно, в условиях научно-технической революции сфера разноэтнической культуры расширяется, формируя и интернациональные черты поведения; «в процессах взаимного проникновения культур особую роль играют именно профессиональные, а не фольклорно-народные»¹³. Современный этап этнокультурного развития характеризуется прежде всего не замыканием в культуре своего этноса, а расширением этнокультурных взаимосвязей. Темпы и глубина процессов интернационализации в значительной мере зависят от того, этносы каких типов вступают во взаимодействие. Карельский этнос, имея слаборазвитый слой собственной профессиональной культуры, особенно интенсивно вос-

¹³ Ю. В. Арутюнян, О некоторых тенденциях в изменении культурного облика нации, стр. 7—10.

принимает культурную информацию более развитого в культурном отношении народа, прежде всего русских.

В социально-культурном развитии карельского народа на современном этапе видное место принадлежит русскому языку — языку межнационального общения. В преодолении фактического неравенства, в обеспечении ускоренного развития карелов русский язык играл и играет большую роль. Достижения мировой культуры становились близки и доступны карелам прежде всего через русскую культуру. Однако ее роль в этнокультурном развитии карелов не может быть сведена только к интернациональным функциям. В устойчивом психологическом тяготении карелов к традициям русской культуры, как в зеркале, отражается своеобразие исторических судеб карельского народа и его культуры. Культурные связи с русскими служили одним из мощных стимулов развития карельской культуры. Начиная уже с эпохи раннего средневековья этническая история карелов неразрывными узами связана с историей русского народа; социально-экономические, политические и культурные связи двух народов постоянно нарастали. Все исследователи, в той или иной мере касающиеся вопросов культурных взаимодействий двух народов, единодушно признают, что в течение многих столетий культура карелов испытывала мощное влияние русской культуры.

Уже начальный этап этнической консолидации карелов (XIII—XIV вв.), когда закладывались основные черты культурной общности, проходил под довольно большим воздействием русской культуры¹⁴. Русская культура, оставив неизгладимый след на бытовом укладе карелов, ощущается в обычаях, обрядах, верованиях, устном поэтическом творчестве, изобразительном искусстве, архитектуре и т. д., т. е. во всех сферах материальной и духовной жизни. Исследователи обнаруживают многочисленные карело-русские параллели, находят комбинацию общих и сходных черт, улавливают иногда еле видимые, а нередко и полные культурные аналогии¹⁵.

Неповторим этнический облик культуры карелов. Но самобытность проявляется не только в национально-специфическом, но и в сложном и своеобразном сочетании и напластовании интернационального, инонационального и собственно этнического, в сплаве национально-особенного и инонационального. Не вдаваясь подробно в анализ особенностей этно-культурного развития карельской народности на различных этапах этнической истории, заметим лишь, что диалектика этого развития карелов состояла как в динамике собственной этнокультурной традиций, так и в постоянном накапливании в процессе взаимовлияний и взаимообогащения объема адаптированных и заимствованных элементов из культурного наследия разных народов. Однако в сложном синтезе разноИэтнических культур пласти русской культуры особенно отчетливо различимы. Несомненно, черты этнической близости культур двух народов, явственно улавливаемые в материальной и в меньшей степени в духовной культуре, в значительной степени предопределяют психологическую предрасположенность, симпатии карелов к русской народной культуре. Но не следует недооценивать и другого.

¹⁴ «Очерки истории Карелии», т. I, Петрозаводск, 1957, стр. 74, 75.

¹⁵ «Очерки истории Карелии», т. I, стр. 100—103, 153—162, 192—199, 223—229; Р. Ф. Тароева, Материальная культура карелов, М.—Л., 1965; В. Я. Евсеев, Исторические основы карело-финского эпоса, т. I, М.—Л., 1957; т. II, М.—Л., 1960; его же, Руны «Калевалы» и русско-карельские фольклорные связи, «Изв. Карело-Финской научно-исследовательской базы», 1948, вып. 2; «Карельские народные сказки (южная Карелия)», М.—Л., 1967; У. С. Конкка, Карельская сатирическая сказка, М.—Л., 1956; В. Орфинский, Деревянное зодчество Карелии, Л., 1972; Г. Лапчинский, Музикальная культура Карелии, Л., 1968; Н. Ф. Онегина, Русско-карельские фольклорные связи, Автореферат канд. дис., Л., 1974, и др.

Практика длительных, разносторонних и устойчивых связей обеспечивала хорошую осведомленность карелов о традициях и достижениях русской культуры. Многие явления русской культуры, издавна прочно вошедшие в повседневный быт карелов, передаются из поколения в поколение. В этой связи уместно отметить повсеместное исполнение карелами русских народных песен на русском языке даже тогда, когда сами исполнительницы не вполне точно понимали смысл воспроизведенного на память текста¹⁶. В процессе языкового общения карелы свободно пользуются двумя генетически разнородными языковыми системами — русским и карельским языками одновременно. Причем смена языка наблюдается в самых разнообразных по жанру повествованиях¹⁷. О глубине проникновения русской культуры в карельскую среду очень убедительно говорит отнесение русских народных песен, танцев, национальных блюд в разряд собственно карельских; часть русской традиционной культуры приобретала роль символов внутриэтнической идентификации¹⁸. В результате длительных интеграционных процессов при благоприятном климате в национальных отношениях формировались зримые черты культурно-психологической общности двух народов, значительно перекрывавшие границы собственно этнических территорий.

Подобно незримому магниту предшествующий опыт общения определяет в настоящее время направленность ценностных ориентаций карелов на русскую культуру. Особенно влияют на национальные ориентации городского населения языковые характеристики (табл. 5).

Таблица 5
Влияние языковых характеристик на национально-культурные ориентации
(% в каждой группе)

Национально-культурные ориентации	Свободнее владеют языком		Свободно владеют обоими	Считают родным	
	карельским	русским		карельский	русский
Не знают карельских народных танцев	40,0	69,9	53,8	46,1	72,4
Нравятся танцы:					
карельские народные	14,9	3,5	9,6	10,7	1,7
русские народные	47,5	34,4	42,4	40,3	35,6
балет	16,3	25,0	25,8	25,5	23,4
современные	17,7	31,5	17,3	19,0	33,6
Не знают карельских народных песен	61,8	80,0	64,0	64,9	85,0
Нравятся песни:					
карельские народные	11,9	2,9	6,2	9,1	1,8
русские народные	56,6	38,2	55,4	51,1	39,6
современные советские	25,2	49,2	32,9	33,8	48,8
Предпочитают слушать музыку:					
карельскую народную	11,5	2,7	6,3	7,3	1,5
русскую народную	63,3	37,7	52,8	53,7	36,0
классическую, симфоническую	2,9	9,2	9,9	8,2	11,4
эстрадную	20,1	48,2	27,8	28,4	49,9

Среди свободно владеющих языком своей национальности и признающих его родным, наиболее высок процент лиц, ориентирующихся на специфические черты своей и традиции русской народной культуры.

¹⁶ В. В. Пименов, Р. Ф. Тароева, Этнические процессы в Карелии, «50 лет Советской Карелии», Петрозаводск, 1970, стр. 293.

¹⁷ А. П. Баранцев, Случай мены языка в речи карел-людиков, в сб.: «Прибалтийско-финское языкознание», Л., 1971.

¹⁸ Е. И. Клементьев, Социальная структура и национальное самосознание (на материалах Карельской АССР), Автореф. канд. дис., М., 1971, стр. 10.

Однако достаточно велик интерес и к современной культуре. Свободное владение двумя языками сравнительно слабо влияет на изменение структуры этнических предпочтений, если сравнить их установки с выборами тех, кто свободнее владеет карельским языком. Более заметное смещение в национально-культурных ориентациях наблюдается у тех, кто более свободно владеет русским языком. Это смещение проявляется и в снижении числа выборов карельских народных песен, танцев и т. д., и в усилении ориентаций на современные общесоветские формы культуры. С распространением двуязычия вширь и вглубь степень культурной общности карелов с другими народами, выраженная в национально-культурных ориентациях, имеет тенденцию возрастать: ориентации городских карелов, свободно владеющих русским языком, наиболее дисперсны, наиболее гармоничны. Лишь при возникновении расхождений между национальностью и родным языком (языковая ассимиляция) значительно сокращается процент лиц, имеющих установки только на традиционное; причем отмечается резкое усиление внимания к формам урбанизированной культуры. Так как существует связь между языковыми характеристиками и национально-культурными ориентациями, а перспективы языкового развития определяются дальнейшим распространением русского языка¹⁹, логично предположить, что в структуре ценностных ориентаций все более видное место будут занимать сложные формы городской культуры.

Таким образом, активное восприятие карелами современных культурных достижений различных народов нашей страны ведет к постепенному нарастанию в карельской культуре общесоветских черт.

У бесписьменного народа ведущая роль в процессе перестройки жизни в соответствии с современными требованиями культурного развития принадлежит языку межнационального общения — важнейшему средству социально-культурного роста карелов. Русский язык, однако, не только средство повышения уровня образования, средство познания культурных достижений, но в настоящее время и средство развития самой карельской культуры.

Превращению русского языка в важный фактор национального развития способствовала многовековая общественно-историческая практика взаимодействия двух народов — карел и русских — и их культур, скрепленная единством политических интересов в борьбе против иноземных вторжений, национального гнета, в борьбе за демократию и социализм. Дружественный климат в национальных отношениях закреплял преимущественную психологическую предрасположенность карелов к русской народной культуре. В условиях тесных контактов, широкого распространения русской культурной традиции в карельской среде перестраивались представления карелов о национально-особенном и инонациональном. Отнесение явлений русской культуры в разряд собственно этнических ценностей — наиболее яркое свидетельство упрочения межэтнических связей, своеобразная результаントа культурных взаимодействий и взаимовлияний.

Социально-экономическое и идеологическое единство нашего общества, явственно проявляющиеся процессы социально-культурного выравнивания наций и народностей, расширение доступа карелов к развитым формам современной профессиональной культуры создают благоприятные предпосылки для дальнейшей интернационализации общественной жизни и дальнейшего сближения с другими народами нашей страны.

¹⁹ См. Е. И. Клементьев, Развитие языковых процессов в Карелии (на материалах конкретно-социологического исследования карельского городского населения).

ETHNIC-NATIONAL CULTURAL ORIENTATIONS AMONG URBAN KARELIAN POPULATION

The paper is based upon analysis of the materials of an ethnoscological study of urban Karelians in the Karelian Autonomous Soviet Socialist Republic in 1972. It deals with such problems as the subjective perception of ethnocultural contacts and the trends in the changing culture-and-value orientations. Various factors influencing fundamental changes in the structure of ethnic predilections are evaluated. The author reaches the conclusion that under present-day conditions of constant cultural interaction between the Karelians and other peoples the governing tendency of ethnic evolution is the internationalization of social life.

М. А. Коростовцев

ЕГИПТОЛОГИЯ В СВЕТЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЛЬЮИСА ГЕНРИ МОРГАНА

В начале XX в. известный швейцарский египтолог Э. Навиль в своих трудах был склонен обращаться к этнографическим материалам для разрешения тех или иных проблем египтологии как историко-филологической научной дисциплины.

Так, касаясь генезиса египетской цивилизации и подчеркивая ее африканское происхождение, он писал: «Следует отказаться от того, чтобы усматривать азиатское влияние на Египет Древнего Царства, а также наaborигенов времени неолита: мы не можем констатировать следы такого влияния. Характер египетской цивилизации в основном африканский»¹.

В том же году Э. Навиль опубликовал рецензию на монографию Х. А. Жюно о южноафриканском народе тсонга². В этой рецензии он писал: «Такой-то обычай и такой-то обряд племени банту может дать египтологу путеводную нить к верному объяснению религиозной или погребальной церемонии, смысл которой ему неизвестен и которой, может быть, он давал ошибочное объяснение в силу своего (только) классического образования»³.

В моей статье «Древний Египет и народы Африки южнее Сахары» использованы разные исследования, проливающие свет на те или иные проблемы египтологии, эти работы в значительной своей части этнографические⁴. Африканистический акцент, все чаще встречающийся в трактовке тех или иных египтологических сюжетов, неудивителен, более того, он вполне понятен⁵. Однако в конечном счете во всех этих работах наблюдается хотя и очень полезное, но все-таки чисто эмпирическое использование этнографических данных в исследованиях по египтологии. Цель настоящей статьи — указать на возможность и плодотворность применения методов этнографической науки и ее общетеоретических выводов при изучении важнейших проблем египтологии. Само собой разумеется, что речь здесь идет о марксистской исторической этнографии, т. е. той отрасли этой науки, которая изучает ранние периоды истории человечества, основывая свои исходные положения на историко-материалистических принципах. Основы такой этнографии, как известно, заложил

¹ E. Naville, L'origine Africaine de la civilisation égyptienne, «Revue Africaine», 1913, t. 22, p. 61.

² H. A. Junod, The life of a South African tribe, Neuchatel, 1912 (2-е изд.—London, 1927).

³ E. Naville, La vie d'une tribu sud-africaine, «Sphinx», 1913, t. 47, p. 45, 46.

⁴ М. А. Коростовцев, Древний Египет и народы Африки южнее Сахары, «Вестник древней истории», 1963, № 4, стр. 12—29.

⁵ См., например: T. Obeng, L'Afrique antique, Paris, 1973; Ch. A. Diop, Nations Nègres et culture, Paris, 1955; его же, Antériorité des civilisations Nègres: mythe ou vérité historique? Paris, 1967, и др.

Ф. Энгельс в своем классическом труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства»⁶, широко использовав выводы, сделанные в работах американского ученого Льюиса Генри Моргана. Высоко оценивая вклад Моргана в историческую науку, Энгельс писал: «Морган в Америке по-своему вновь открыл материалистическое понимание истории, открытое Марксом сорок лет назад и, руководствуясь им, пришел при сопоставлении варварства и цивилизации в главных пунктах к тем же результатам, что и Маркс»⁷.

Такая характеристика заслуг Моргана одним из основоположников научного социализма делает правомерной попытку рассмотреть некоторые важнейшие вопросы истории Древнего Египта в свете тех тезисов, какие были сформулированы Морганом в 70-х годах прошлого столетия, особенно в его книге «Древнее общество»⁸. Конечно, за 100 лет, прошедших со времени выхода в свет этого исследования, изучение первобытности продвинулось далеко вперед, в огромной мере благодаря усилиям советских ученых, а также исследователей из других стран, стоящих на марксистско-ленинских методологических позициях; многое во взглядах Моргана сегодня оказывается устаревшим. Однако основное в выводах великого американского исследователя и прежде всего объективно материалистическая их направленность (хотя сам Морган отнюдь не был последовательным материалистом в объяснении исторического процесса) сохраняет все свое значение и поныне.

Для того чтобы дальнейшее изложение мыслей автора данной статьи было бы вполне ясным, целесообразно напомнить здесь некоторые высказывания Моргана о закономерностях переходной эпохи от доклассового общества к классовому из его основного произведения «Древнее общество». Ради удобства читателей пронумеруем эти высказывания.

1. «Все формы управления сводятся к двум основным планам... Оба они совершенно различны в своих основаниях. Первый по времени основывается на личности и чисто личных отношениях и может быть назван обществом (*societas*). Род является единицей этой организации...» (стр. 7).

2. «Второй план основывается на территории и частной собственности и может быть назван государством (*civitas*)» (там же).

3. «Опыт человечества, как уже было сказано, создал только два плана общественного строя, употребляя слово план в его научном смысле. Оба они были определенными и систематическими организациями общества. Первый и более древний представлял собой организацию социальную, основанную на родах, фратриях и племенах. Второй и позднейший представлял собой организацию политическую, основанную на территории и собственности» (стр. 38).

4. «С возникновением конфедерации племен впервые появляется должность главнокомандующего... «Великого воина». Теперь возникли случаи, когда несколько племен совместно в качестве союзников начинали войну, и ощущалась необходимость в высшем военачальнике для руководства движениями соединенных отрядов» (стр. 85).

5. «Превращение этой должности в постоянное учреждение было большим событием в истории человеческого прогресса. Она возникла из военных потребностей общества и имела свое логическое развитие» (стр. 86).

6. «Это была опасная, но необходимая для племени и конфедерации должность. Как показывает опыт человечества, начиная с низшей ступе-

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 23—178.

⁷ Там же, стр. 25.

⁸ L. H. Morgan, *Ancient society, or researches in the lines of human progress from savagery through barbarry to civilisation*, New York — London, 1877. Русское издание: Л. Г. Морган, Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации (пер. с английского под редакцией М. О. Косвена), Л., 1934 (далее цитаты из Моргана даются в тексте по этому изданию).

ни варварства и до настоящего времени, должность эта всегда была опасной. Конституции и законы гарантируют цивилизованным нациям, поскольку они обладают ими, безопасность» (стр. 121).

7. «Очевидно, что неспособность родовых учреждений удовлетворять усложнившимся потребностям общества вызвала движение, имевшее целью отнять у родов, фратрий и племен все гражданские права и передать новым единицам» (стр. 148).

8. «От первой попытки основать новую политическую систему и до того, как эта проблема была разрешена, прошло несколько столетий» (стр. 127).

9. «Введение новой системы совершилось так же постепенно, как и исчезновение старой, и в течение некоторого времени обе продолжали существовать бок о бок» (стр. 148).

10. «Собственность и должность были почвой, на которой выросла аристократия» (стр. 329).

Эти основные выводы Моргана, сделанные им на основании строгого научного анализа огромного историко-этнографического материала, имеют прямое отношение к событиям одного из важнейших периодов древнеегипетской истории — времени сложения централизованного государства в долине Нила.

Ниже все внимание будет сосредоточено на проблеме превращения *societas* в *civitas* в истории Древнего Египта и вместе с тем на генезисе пресловутого деспотизма египетских фараонов. Приведенные выше выводы этнографического порядка, сделанные Морганом, проливают свет на природу египетского общества так называемой «эпохи строителей пирамид» (иначе IV династии Старого Царства) и на генезис абсолютной монархии того времени.

«Никогда в истории человечества вся государственная жизнь не была до такой степени сосредоточена около царской резиденции или, лучше сказать, „вечной“ резиденции царя — могилы, как при Снофру, Хеопсе и Хефрена. Сооружение колоссальных царских гробниц, требовавшее огромного напряжения населения, возможно, правда, в земедельческой стране, но и предполагающее крепостное состояние значительной части последнего, указывает нам столько же на деспотизм египетских фараонов, сколько и на центральное положение в египетской культуре религиозных верований и культа»⁹. Несомненно, что строительство больших пирамид сопровождалось огромным напряжением всех сил страны. Во времена Геродота, посетившего Египет в V в. до н. э., ему рассказывали, что «Хеопс вверг страну в пучину бедствий», что пирамиду этого фараона строили 20 лет 100 тысяч человек, сменившихся каждые три месяца и т. п.¹⁰. Очень знаменательно, что во времена Геродота еще циркулировали такие предания о строителях великих пирамид, сооруженных в XXVII и XXVI вв. до н. э., т. е. за два тысячелетия до путешествия Геродота. Слова Геродота и колоссальные размеры больших пирамид послужили основанием для египтологов полагать и даже утверждать, что Египет во времена IV династии был уже не только абсолютной монархией, но и «деспотией». В приведенных словах Б. А. Тураева совершенно явно сквозит мысль о том, что во времена «строителей пирамид» Египет был государством с антагонистической классовой структурой, в которой эксплуатируемым классом были крепостные. Мысль об антагонистической классовой структуре Египта тех времен в целом не подлежит сомнению. Только термин «крепостные» никак не соответствует социально-экономической реальности Древнего Египта¹¹. Но возникает следующий вопрос: если во времена IV дина-

⁹ Б. Тураев, История Древнего Востока, т. I, Л., 1935, стр. 176.

¹⁰ Геродот, II, 124.

¹¹ См. Т. Н. Савельева, Аграрный строй Египта в период Древнего Царства, М., 1962, стр. 172 сл.

стии фараоновский Египет был уже сложившейся деспотией и фараон-деспот мог принудить огромное количество людей работать на себя долгие годы, если Египет в это время был уже не *societas*, а только *civitas*, то когда и как могло осуществиться это превращение? Оно происходило долго и постепенно, и начало его скрывается во мраке древности, причем в ходе такого превращения *civitas*, так сказать, накладывалось на *societas*, понемногу его вытесняя (ср. выводы Моргана 8 и 9). Но параллельно с этим процессом и в непосредственной связи с ним развивался и другой: возникновение, говоря словами Моргана, «политической организации, основанной на территории и собственности» (см. вывод 3). А появление такой организации, уже совершенно чуждой родовому обществу, т. е. *societas*, неизбежно влекло за собой и появление «опасной» должности главнокомандующего, сначала выборного, а затем уже и наследственного, фигура которого немыслима до того, как возникает первичная форма чисто политической организации в виде союза племен (ср. выводы 4, 5 и 6).

Что касается номов, то они первоначально были, несомненно, племенной территорией, а затем, по мере вытеснения *societas* новой формой организации, постепенно становились округами в ее структуре. В конечном счете они превращались в небольшие *civitas*, сохраняя, однако, множество совершенно явных следов прежнего рода-племенного *societas*. В этом отношении они существенно отличались от общеегипетского *civitas*, не связанного генетически с рода-племенной организацией и складывавшегося уже на такой стадии развития, когда в структуре номов произошли значительные изменения в направлении их превращения из *societas* в *civitas*. Общеегипетское *civitas*, с самого начала формировавшееся как таковое, во времена Древнего (или Старого) Царства было как бы суперструктурой над номовыми *civitas*, сохранившими в то же время многие черты прежнего *societas*. И это сосуществование в течение многих столетий черт *societas* и *civitas* прослеживается в Египте на протяжении всей истории страны. Когда по каким-либо причинам суперструктура *civitas* ослабевала и утрачивала контроль над множеством мелких единиц, сохранивших немалое число черт рода-племенного *societas*, воздействие таких черт на жизнь этих мелких единиц-*civitas* резко усиливалось, и территория долины Нила превращалась в конгломерат последних (хотя, конечно, самый процесс превращения номов из *societas* в *civitas* имел необратимый характер).

Таким образом, история Древнего Египта — это чередование центростремительных и центробежных сил в стране, это их постоянная борьба. Централизованная монархия Древнего Царства (суперструктура) после VI династии распалась. Возобладала центробежная тенденция, страна распалась на самостоятельные номы, бывшие носителями центробежной тенденции. В стране нарушаются порядки суперструктуры, страна погружается в хаос междуусобицы. Но сама эта междуусобица естественно порождает центростремительную тенденцию, подготовляет новое объединение страны, т. е. новую суперструктуру. Период после падения Древнего Царства называется в науке Первым переходным периодом, переходным от объединения Древнего Царства к объединению Среднего Царства (XI—XIII династии).

В истории Древнего Египта насчитывается три переходных периода и три объединения всех номов всей страны, т. е. три суперструктуры. Носителем же принципа этой суперструктуры, иначе говоря олицетворением единства страны, неизбежно становилась фигура монарха-фараона. Эта фигура выросла из уже упоминавшейся «опасной» должности военачальника союза племен. Фактически фараон и выполнял функции, в большей мере аналогичные тем, какие выполняли эти военные вожди. Как усмиритель центробежных устремлений номов и как развитие «опасной» для *societas* тенденции, присущей должности военачальника, еги-

петский правитель неизбежно должен был приобрести и приобрел, действительно, облик фараона-деспота, а возглавляемая им суперструктура — *civitas* — форму деспотии.

Таковы были конкретно-исторические предпосылки возникновения египетской деспотической монархии. Но именно скорее монархии, чем деспотизма как такового. Подобные же процессы происходили и в других районах земного шара, весьма удаленных от Египта. Как показали Морган и Энгельс, греческие выборные басилеи превратились в наследственные, т. е. определенная функция рода-племенного общества на известном этапе (превращения *societas* в *civitas*) стала политической функцией и должностю. То же самое мы находим и в Скифии (царский род «претендовал на господство над всей Скифией и даже над соседними с ней племенами»¹²). Та же картина наложения *civitas* на *societas* наблюдалась и в древней Южной Америке¹³. В целом — это процесс универсального характера. Что же касается специфического египетского «деспотизма», то, безусловно, он представлял собой политическую надстройку над антагонистическим классовым обществом, но если под термином «деспотизм» подразумевать не только неограниченную ничем абсолютную монархию, но и методы устрашения и подчинения широких масс, то эти методы появляются задолго до окончательного сложения антагонистических классов и их стабилизации, а именно — еще на стадии перехода от доклассового общества к классовому.

Очень характерным образцом того, как в действительности выборный вождь и полководец становился неограниченным деспотом, по мановению руки которого убивали десятки и сотни людей, может служить история возвышения знаменитого вождя зулусов Чаки, правившего в 1816—1828 гг. Это яркий пример превращения выборного вождя в абсолютного деспота в таком переходном обществе. Выбранный вождь, военачальник союза племен, приобретает ничем и никем не ограниченную власть над своими соплеменниками. Об этой власти можно судить по военным достижениям этого одаренного полководца: «За двенадцать лет его правления подвластная ему территория увеличилась со 100 кв. миль до 200 000 кв. миль, а его войско — с 500 до 50 000. После смерти отца в 1816 году Чака возглавлял лишь клан зулу, насчитывавший несколько тысяч человек, а к моменту смерти в 1828 г. распространил власть и влияние зулусов на всю территорию современного Наталя, половину нынешнего Трансваала и Оранжевого свободного государства, большие районы Мозамбика и Капской Колонии»¹⁴. Конечно, Чака был деспотом, но талантливым деспотом, человеком, сумевшим в полной мере воспользоваться теми преимуществами, какие обеспечивали зулусам, например, в военной области, еще сохранившиеся в их переходном обществе весьма сильные элементы организации, порожденные родо-племенным строем. Несомненно, что «строители» великих пирамид были деспотами в уже стабилизированном антагонистическом государстве. Но нам неизвестно, прибегали ли они к устрашающим методам принуждения. Это совершенно особая проблема, выходящая за рамки данной статьи. Во всяком случае можно сказать, что уже во времена Древнего Царства (или Старого Царства) египетское государство было явно выраженным антагонистическим государством, а власть фараонов — политической его надстройкой, выросшей из этого общества. Но сам по себе «деспотизм» царской власти в Древнем Египте восходит к еще более отдаленным временам. Он вырастал из порядков, господствовавших в долине Нила в переходную эпоху, из фактически (и в силу необходимости) неограниченной власти лица, выполнявшего «опасную» для рода-племенного

¹² А. М. Хазанов, Социальная история скифов, М., 1975, стр. 191.

¹³ Ю. А. Зубрицкий, Древнейшие перуанские цивилизации, в кн.: «Культура Перу», М., 1975, стр. 10—27; е о ж е, Таунтансуйо, там же, стр. 28—45.

¹⁴ А. Б. Дэвидсон, Предисловие к книге: Э. Риттер, Чаку-зулу, М., 1968, стр. 5.

строя функцию верховного военачальника союза племен, составлявших население страны в додинастическую эпоху. И процесс сложения такого деспотизма был достаточно осложнен сопротивлением древних норм организации общества, сложившихся еще в рамках родо-племенного строя. Эту сложность, на которую яркий свет проливают сравнительные историко-этнографические материалы, необходимо учитывать при изучении древнеегипетской проблематики. Но в нашей статье приведен лишь один пример их применения при исследовании принципиальных вопросов египтологии. Имеется немало других проблем, которые можно лучше понять и быстрее решить с помощью сравнительного метода и анализа этнографических материалов из истории обществ, отстававших в своем развитии.

EGYPTOLOGY IN THE LIGHT OF THE ETHNOGRAPHICAL RESEARCH OF LEWIS HENRY MORGAN

The author traces the course of the rise of statehood in Ancient Egypt. He collates this process to the theoretical theses of L. H. Morgan as formulated in his «Ancient Society».

И. Л. А ндреев, Д. Д. Т умаркин

**ОБЩИННЫЕ СТРУКТУРЫ
И ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ НАРОДОВ ОКЕАНИИ ***

Традиционные общинные структуры до сих пор играют важную роль в жизни островитян Океании. Но под влиянием товарно-денежной экономики и других аспектов «вестернизации» эти структуры постепенно перерождаются и распадаются. Неминуемо встает вопрос: что придет им на смену? Этот вопрос приобретает особую остроту в связи с тем, что подавляющее большинство коренного населения Океании живет в деревнях и занимается сельским хозяйством.

Дальнейшее развитие в океанийской деревне может идти в двух основных направлениях: по пути внедрения частных фермерских хозяйств или по пути использования коллективных методов ведения сельского хозяйства, главным образом кооперации.

Нам представляется, что насаждение частного землевладения и землепользования может принести неисчислимые бедствия основной массе сегодняшних общинников, ибо такое развитие неизбежно ведет к углубляющемуся социальному расслоению с выделением, с одной стороны, богатого меньшинства, а с другой — огромного большинства безземельных или имеющих маленькие нерентабельные участки крестьян, эксплуатируемых сельскими и городскими нуворищами. Более того, если раньше в промышленно развитых капиталистических государствах разложение крестьянства сопровождалось превращением оставшихся без земли крестьян в наемных рабочих и сравнительно быстрым ростом класса сельских капиталистов, то теперь в развивающихся странах разорение крестьянства намного обгоняет процесс становления капиталистических экономических форм. Основная масса крестьянства пауперизируется, не превращаясь в пролетариат. В то же время число зажиточных крестьян растет замедленными темпами, и они отнюдь не всегда становятся капиталистическими предпринимателями¹.

Следует также учитывать, что, как показывает накопленный опыт, индивидуализация земельных владений на островах Океании сама по себе не ведет к увеличению производительности труда, а иногда даже вызывает падение продуктивности сельского хозяйства². Мы уже не говорим о том, что мелкие частные крестьянские хозяйства не в состо-

* В основу статьи положен доклад, представленный авторами на XIII Тихоокеанский научный конгресс (Ванкувер, 1975 г.).

¹ См. К. Варенцов, Ю. Иванов, Специфика развития капитализма в сельском хозяйстве «третьего мира», «Международная экономика и международные отношения», 1974, № 7, стр. 113.

² R. G. Stocombe (ed.), Land tenure in the Pacific, Melbourne, 1971, p. 376—380.

янии сколько-нибудь эффективно использовать достижения быстро развертывающейся в наши дни научно-технической революции³.

Непригодность западных моделей развития сельского хозяйства для коренного населения Океании признает все большее число исследователей, работающих в этом регионе. Так, известный австралийский экономист Э. К. Фиск в недавно опубликованной статье критикует тех «экономических планировщиков», которые единственными приемлемыми аграрными институтами считают крупные капиталистические корпорации и мелкие частные хозяйства, а традиционную социальную организацию островитян Океании третируют как низшую и примитивную, как препятствие к развитию, признавая на деле лишь капиталистическое развитие⁴. Фиск отмечает, что в Индии и некоторых других азиатских странах, где длительное время отчуждаемые земельные владения были основой сельскохозяйственного производства, сложилась «общирная система лэндлордов и арендаторов, при которой мелкий индивидуальный фермер утрачивает право на землю и превращается либо в арендатора, либо в безземельного батрака и большая часть плодов развития достается немногим богатым землевладельцам»⁵. Он предупреждает также, что подражание западным моделям приведет к усилению господства в экономике иностранного капитала⁶.

Э. К. Фиск справедливо призывает рассматривать традиционные формы социальной организации океанийцев «в качестве фундамента, на котором должно быть во многом основано сельское развитие», а не в качестве «завала, который должен быть расчищен, прежде чем можно будет начать строительство»⁷. Но каковы же его практические рекомендации?

Фиск считает целесообразным предоставлять островитянам не «отчуждаемую и могущую быть заложенной земельную собственность», а «индивидуальный и наследственный узуфрукт», который «лучше совместим с туземными системами земельных прав, существующими во многих странах Океании»⁸. Но при этом он рекомендует ввести некоторую степень регламентации и контроля, которая позволила бы стоящей над фермерами организации обеспечить их рядом преимуществ, присущих крупным сельскохозяйственным предприятиям. «Такие преимущества,— пишет он,— включают массовую закупку импортируемых товаров, высококачественную технологию и управление, эффективную первичную переработку, транспортировку и сбыт продукции, а также обеспечение эффективности и своевременности различных земледельческих операций»⁹.

Предложения Фиска станут более ясными, если рассмотреть конкретные примеры, которые он считает достойными подражания. Фиск обнаружил два таких примера в Океании — на Новой Британии и на Фиджи.

В первом случае австралийская администрация Папуа Новой Гвинеи в партнерстве с крупной британской компанией создала в районе мыса Хоскинс комплекс по выращиванию и переработке плодов масличной пальмы. Комплекс включает маслоэкстракционное предприятие и крупную плантацию, принадлежащие этой корпорации, а также расположенные по соседству мелкие участки, предоставленные переселенным сюда фермерам-меланезийцам. Последние финансируются и об-

³ См. В. Растяников, Проблемы капиталистического развития в деревне современного Востока, «Международная экономика и международные отношения», 1974, № 5, стр. 172—175.

⁴ E. K. Fisk, Rural development, «New Guinea», vol. 9, № 1, 1974, p. 52—57.

⁵ Там же, стр. 58, 59.

⁶ Там же, стр. 52, 53.

⁷ Там же, стр. 51, 53.

⁸ Там же, стр. 59, 60.

⁹ Там же, стр. 59.

служиваются этой корпорацией, которая регламентирует их деятельность и скупает всю их продукцию. В качестве примера другого варианта отстаиваемой им «стратегии координации» Фиск приводит систему экономических связей в сахарной промышленности Фиджи — между земледельцами (в большинстве своем индийцами-арендаторами) и монополистической сахаропроизводящей компанией, которая до 1973 г. была филиалом крупной австралийской корпорации, а теперь контролируется государством.

Как видим, Фиск фактически предлагает подчинить в океанийском земледелии мелкотоварный уклад государственно-капиталистическому. Мы не усматриваем в этой модели какой-либо связи с «туземными системами земельных прав». Предложения Фиска в какой-то мере смыкаются с рассуждениями австралийского экономиста Дж. Лэнгмора о желательности для Папуа Новой Гвинеи «смешанной капиталистической» системы, сочетающей частное предпринимательство с государственным участием в экономике и государственным программированием ее развития. «Подходящая экономическая система,— пишет он,— должна включать в рамках смешанной капиталистической институционной структуры экономическое развитие на деревенском уровне и предприятия, которыми владеют и управляют маленькие группы новогвинеев»¹⁰.

Проекты, подобные комплексу на мысе Хоскинс, могут быть экономически эффективными и способствовать некоторому повышению уровня жизни вовлеченных в них островитян, до того занимавшихся потребительским земледелием в рамках традиционных общинных структур. Но такие проекты едва ли приемлемы в социальном отношении, если иметь в виду долговременную перспективу, ибо «стратегия координации» и сходные с ней модели развития могут несколько смягчить и модифицировать, но отнюдь не устранить глубокие противоречия и отрицательные социальные последствия, присущие «классическим» моделям развития капитализма в сельском хозяйстве. Об этом, кстати, свидетельствует и фиджийский опыт, на который пытался опереться Фиск. Ведь хорошо известно, что отношения в фиджийской сахарной индустрии в течение многих лет характеризовались большой социальной напряженностью, нередко перераставшей в острые классовые конфликты¹¹.

Проблемы эволюции традиционных социально-экономических структур и аграрных реформ на тихоокеанских островах подробно рассматриваются в работах Р. Г. Крокомба, одного из ведущих специалистов по этой проблематике. Он убедительно показывает, что введение частной собственности на землю и насаждение индивидуальных хозяйств сами по себе не способны обеспечить подъем продуктивности земледелия, что система частной земельной собственности и земельной аренды может иметь самые отрицательные социальные последствия для океанийского крестьянства. Крокомб критикует ряд аспектов деятельности колониальных держав в Океании, политику неоколониализма, отмечает наличие глубоко укоренившегося неравенства в социальных структурах некоторых океанийских стран, в частности Тонга, мешающих их прогрессивному развитию¹².

¹⁰ J. Langmore, Niugini: capitalist or socialist?, «The Journal of the Papua and New Guinea Society», vol. 4, № 1, 1970, p. 71.

¹¹ См.: J. W. Coulter, *The drama of Fiji*, Melbourne — Sydney, 1967, p. 114—119; A. Ali, A review of E. K. Fisk, *The political economy of independent Fiji*, Canberra, 1970, «The Journal of Pacific History», vol. 6, 1971; B. Norton, *Politics in Fiji*, «New Guinea», vol. 8, № 2, 1973.

¹² См., например: R. G. Crocombe, *Australian and New Guinean interests in the New Guinea economy*, в кн.: F. S. Stevens (ed.) *Racism: the Australian experience*, vol. 3, Sydney, 1972; его же, *The new Pacific*, Canberra, 1973.

Подчеркивая экономические преимущества крупных хозяйств перед мелкими, Крокомб выражает мнение, что в недалеком будущем «основная масса сельскохозяйственной продукции, поступающей из Океании, будет производиться крупными плантациями, находящимися в собственности и под управлением островитян, будь то компании, индивиды, кооперативы или правительственные предприятия»¹³. Но, как отмечает он, прямой переход от потребительского земледелия, основанного на традиционных социально-экономических структурах, к высокотоварным хозяйствам указанных типов едва ли возможен. Нужен промежуточный этап, когда основную роль будут играть различные формы группового землевладения переходного типа. Ту или иную форму такого землевладения можно встретить на многих островах, «даже там, где правительства его игнорируют или пытаются заменить индивидуальным землевладением»¹⁴.

«Если бы были признаны два уровня прав на землю,— пишет Крокомб, развивая свою концепцию переходного периода,— группа удерживала бы верховные права и действовала бы в качестве пула, откуда удовлетворялись бы новые нужды и куда возвращались бы земли уехавших и тех умерших, у кого не осталось тут наследников. Что же касается индивида, то он получал бы от группы участок, который нельзя было бы отобрать до тех пор, пока он или его наследники надлежащим образом пользуются землей. Группа забирала бы обратно землю, если бы ею не пользовались в течение трех лет»¹⁵.

Мы согласны с мнением Р. Г. Крокомба о необходимости промежуточного этапа, призванного облегчить в социально-психологическом отношении переход общинного крестьянства к новым, существенно иным формам собственности, производства и распределения, хотя, как будет показано ниже, мы несколько иначе понимаем сущность и задачи этого периода. В известных нам работах Крокомба нет развернутого анализа долгосрочных перспектив социально-экономического развития народов Океании. Но его концепция промежуточного этапа в развитии традиционных океанийских обществ, по-видимому, подразумевает социальные изменения в направлении смешанной капиталистической экономики.

Нам же представляется более перспективным развитие коллективных форм землевладения и землепользования, прежде всего сельскохозяйственной кооперации. Если такая стратегия развития будет должным образом учитывать и использовать традиционные общинные структуры, а также будет сопровождаться широкими демократическими реформами в других областях жизни, она сможет существенно поднять продуктивность сельского хозяйства (что очень важно, ибо население большинства океанийских стран, по прогнозам, удвоится за ближайшие 30 лет), причем осуществит это в социальных формах, наиболее благоприятных для основной массы сегодняшних общинников¹⁶. Не случайно один из виднейших государственных деятелей Папуа Новой Гвинеи, Дж. Гайз, еще в 1965 г. подчеркивал, что для социально-экономического прогресса его страны «жизненно важное значение имеет как можно более быстрое распространение кооперативного движения во всех частях Папуа Новой Гвинеи»¹⁷.

Идеи сельскохозяйственной кооперации близки и понятны общинному крестьянству Океании, ибо во многом созвучны традиционным нор-

¹³ R. G. Стосомбе, Improving land tenure, Noumea, 1968, p. 89.

¹⁴ R. G. Стосомбе (ed.), Указ. раб., стр. 383.

¹⁵ Там же, стр. 385.

¹⁶ О роли сельскохозяйственной кооперации в преодолении отсталости и прогрессивном развитии стран «третьего мира» см.: И. О. Фаризов, Сельскохозяйственная кооперация в развивающихся странах, М., 1973.

¹⁷ J. Guise, Blueprint for a future, «New Guinea», vol. 1, № 2, 1965, p. 12.

мам организации труда и распределения продукции¹⁸. Кооперативное движение в этом регионе имеет уже довольно длительную историю. Значение протокооперативов, создававшихся островитянами во второй половине XIX — начале XX в., выходит за рамки экономики. Как одну из форм протеста против иностранного господства, их обычно встречали в штыки белые торговцы и плантаторы, а нередко подавляли колониальные власти¹⁹. Кооперативное движение в Папуа Новой Гвинеи началось стихийно з годы второй мировой войны. В 1947 г. его существование было признано австралийскими властями, решившими взять в свои руки руководство этим движением²⁰. В послевоенный период сельскохозяйственная кооперация получила значительное развитие на большинстве тихоокеанских территорий, причем в Меланезии она в ряде случаев переплелась с религиозными и политическими движениями, имеющими антиколониальную направленность²¹.

Сельскохозяйственная кооперация в Океании имеет значительные достижения, которые не следует недооценивать. Они проявились более всего в снабженческо-сбытовой сфере и отчасти в области первичной переработки продукции, но известны также примеры успешно действующих производственных кооперативов²². Посетив в 1971 г. ряд океанийских территорий, один из авторов этой статьи²³ убедился в том, какую большую роль кооперативные общества играют в жизни островитян. Так, на острове Эфате (Новые Гебриды), атоллах Фунафути (острова Тувалу) и Бутаритари (острова Гилберта) местные жители говорили, что благодаря кооперативам уменьшились «ножницы цен» между продаваемой ими сельскохозяйственной продукцией и приобретаемыми товарами, что кооперативы помогают сбывать туристам и за границу ремесленные изделия, что участие в кооперативном движении развивает инициативу, укрепляет уверенность в своих силах, позволяет приобретать ценные деловые навыки. Хорошо известно, что из рядов кооператоров вышли многие известные государственные и политические деятели современной Океании. Специалист по кооперативному движению в Океании Р. Х. Бойен справедливо подчеркивал в 1963 г. важную роль кооперативов «в подготовке народов Тихого океана к самоопределению»²⁴.

Но в истории сельскохозяйственной кооперации на островах Океании известно и немало неудач. Они объясняются целым рядом причин, в большинстве своем лежащих за пределами кооперативного движения: недостаточной помощью кооперативам со стороны властей, слабой теоретической разработкой проблем кооперирования (особенно путей перехода от традиционных общинных структур к современным кооперативам), ошибками, допущенными при составлении и проведении в

¹⁸ M. Vigitua, Co-operative development and problems in Fiji, «Year Book of Agricultural Co-operation 1966», Oxford, 1966; J. I. Abbil, Le développement des coopératives aux Nouvelles-Hébrides, «Bulletin du Pacific Sud», vol. 20, № 2, 1970.

¹⁹ A. D. Couper, Protest movements and proto-cooperatives in the Pacific Islands, «The Journal of the Polynesian Society», vol. 77, № 3, 1968; N. Viviani, Nauru. Phosphate and political progress, Canberra, 1970, p. 61, 62. Жестоко страдая от действий иностранных торговцев, обманывавших и эксплуатировавших коренное население, островитяне пытались создавать свои собственные «торговые компании». Эти «неформальные» объединения, опирающиеся на местные коллективистские традиции, А. Каупер предложил называть протокооперативами.

²⁰ H. H. Jackson, Co-operatives, «Encyclopaedia of Papua and New Guinea», vol. I, Melbourne, 1972.

²¹ См.: П. Уорсли, Когда вострубит труба. Исследование культов Карго в Меланезии, М., 1963; R. F. Maher, New men of Papua, Madison, 1961; W. Davengport, G. Cooker, The Moro movement on Guadalcanal, «The Journal of the Polynesian Society», vol. 76, № 2, 1967.

²² R. G. Sgombi, Improving land tenure, p. 69.

²³ Д. Д. Тумаркин, По островам Океании, «Сов. этнография», 1972, № 2.

²⁴ R. H. Boyen, Co-operation in the South Pacific, «Year Book of Agricultural Co-operation 1963», Oxford, 1963.

жизнь кооперативных программ, острой нехваткой обученных кадров кооператоров, серьезными изъянами в законодательстве, отсутствием необходимой инфраструктуры, неблагоприятным положением на внешних рынках и т. д.²⁵ Эти неудачи не могли не отразиться на престиже кооперативного движения Океании. «В 60-х годах наблюдалось некоторое разочарование в кооперативах,— пишет Р. Г. Крокомб,— так как многие люди раньше связывали с их деятельностью слишком большие надежды»²⁶.

При оценке роли и перспектив сельскохозяйственной кооперации на островах Океании следует, на наш взгляд, учитывать, что сходные затруднения проявляются во многих развивающихся странах Азии, Африки и Латинской Америки, причем порождаются они в основном теми же факторами²⁷. В конце 60—начале 70-х годов в США и Западной Европе было опубликовано несколько книг, фактически ставящих под сомнение роль сельскохозяйственной кооперации в развитии стран «третьего мира». Эти работы были подвергнуты критике рядом авторитетных западных специалистов. Так, известная деятельница Международного кооперативного альянса американка Леонора Стетнер писала, что в этих книгах проявилась тенденция уделять основное внимание неудачам и игнорировать успехи, что их авторы склонны возлагать на кооперативное движение ответственность за то, что в действительности находится вне его компетенции, и главное, фактически не предлагают сколько-нибудь приемлемой альтернативы сельскохозяйственной кооперации²⁸. А другой известный деятель Международного кооперативного альянса, член британского парламента Берт Орэм, заявил: «Кооперативы иногда обвиняют в неудаче тогда, когда им не было дано шанса на успех. Если их высаживают в неплодородную почву, их нельзя осуждать за то, что они не растут»²⁹.

В ходе развернувшейся дискуссии назывались многие необходимые условия эффективности сельскохозяйственной кооперации в развивающихся странах и конкретные прагматические обстоятельства, способствующие успеху или неудаче кооперативных программ³⁰. При этом ряд ученых справедливо подчеркивал важность глубоких научных исследований и разработки методологических проблем кооперативного движения в развивающихся странах.

Несомненный интерес представляют соображения, высказанные известным британским специалистом по проблемам экономического развития стран «третьего мира» Гаем Хантером. Отметив, что в течение долгого времени в разработке всякого рода моделей и конкретных программ развития доминировали западные экономисты, для которых часто характерен «удивительно неисторический» подход к традиционным обществам, он призвал к проведению комплексных междисциплинарных научных исследований с участием антропологов (этнографов)³¹. К этому следовало бы, на наш взгляд, добавить, что необходимо в максимально возможной степени привлекать к проведению та-

²⁵ См., например: M. Vugiu'a, Указ. раб., стр. 257; D. Pitt, Tradition and economic progress in Samoa, Oxford, 1970; R. McSwain, Custom, kin and co-operatives. «The Journal of the Papua and New Guinea Society», vol. 4, № 1, 1970.

²⁶ R. G. Crocombe, The new Pacific, p. 27.

²⁷ G. Hunter, Methods of rural development, «The Journal of Administration Overseas», vol. IX, № 4, p. 241; N. J. Newiger, Prerequisites for the development of agricultural co-operatives in the developing countries, «Year Book of Agricultural Co-operation 1973», Oxford, 1973.

²⁸ L. Stettner, Co-operation and egalitarianism in the developing countries, «Review of International Co-operation», vol. 66, № 6, 1973.

²⁹ B. Oram, The co-operative development decade, «Review of International Co-operation», vol. 66, № 3, 1973.

³⁰ G. Hunter, Methods of rural development, p. 241—245; его же, Agricultural co-operatives—tradition and modernization, «The Journal of the Administration Overseas», vol. XI, № 3, 1972, p. 194—196; N. J. Newiger, Указ. раб.

³¹ G. Hunter, Agricultural co-operatives..., p. 196.

ких исследований и выработке практических рекомендаций ученых-обществоведов и других представителей интеллигенции, принадлежащих к коренному населению соответствующих стран.

Напомнив, что за более чем двадцатилетний период широкого экспериментирования накоплен огромный фактический материал, касающийся тысяч конкретных кооперативных проектов, что одни и те же ошибки повторяются в сходных обстоятельствах на разных континентах, Хантер выразил справедливое сожаление, что «эта совокупность опыта не была адекватно проанализирована и не превратилась в совокупность принципов широкого применения, которые обусловили бы по крайней мере *rgime facie*, формулирование приемлемых критериев для выбора. Директор сельскохозяйственного департамента или консультант, сталкиваясь в широких масштабах с проблемой развития мелкого крестьянства, не может вникать в эти принципы. Ему, конечно, известно кое-что и, возможно, даже многое из накопленного опыта, но неясно, что из этого опыта можно применить. Если какой-то метод оказался неудачным в Танзании, каковы шансы, что он приведет к Таиланду? Какие факторы при сравнении являются определяющими, а какие несущественными? Беда отчасти заключается в том, что этот опыт не был достаточно широко обобщен, особенно на межконтинентальном уровне»³². Возвращаясь к обсуждению данного вопроса в другой своей статье, Хантер снова подчеркнул нетерпимость того, что «масса сырого материала никогда не была изучена в свете общих гипотез... тем более не была подвергнута анализу, учитывающему взаимосвязь технических, экономических и социальных факторов. И если, как я полагаю, пока еще нет достаточно надежных, тонко разработанных подходов к этой проблеме, то уже сегодня можно избежать наиболее грубых ошибок и развеять некоторые из наиболее неприемлемых мифов»³³.

Не претендуя на сколько-нибудь полное рассмотрение поднятых Хантером методологических проблем, мы хотели бы затронуть лишь отдельные вопросы, наиболее близко касающиеся темы нашей статьи. Начнем с проблемы возможностей и границ сравнительного анализа и, следовательно, использования исторического опыта в кооперативном движении.

Мы исходим из признания того, что в поведении людей и классов, в их отношении друг к другу действуют общие закономерности. Последние объективны, т. е. независимы от воли и сознания как участников данных событий, так и других индивидов, групп, классов. Люди не могут ни создать, ни отменить законы общественного развития. Но именно в результате деятельности людей складываются объективные предпосылки и условия, благоприятные для действия одних закономерностей и губительные для других. Учет этого обстоятельства необходим для понимания внутренней противоречивости социальных процессов, для их прогнозирования и регулирования.

На сходном уровне производительных сил и при однотипности социально-экономических условий деятельности людей присущи в принципе близкие, сопоставимые мотивы, стимулы, стереотипы поведения, традиции, ценностные ориентации, независимо от того, где они живут — в тундре или в пустыне, в тайге или в джунглях, на заснеженном побережье Ледовитого океана или на тропических островах южных морей. Особенно рельефно это прослеживается при рассмотрении таких застойных социально-экономических форм, как традиционные общинные структуры.

Но в «чистом» виде общие закономерности общественного развития существуют только в учебниках. Действуя в многообразных условиях,

³² G. Hunter, *Methods of rural development*, p. 241.

³³ G. Hunter, *Agricultural co-operatives...*, p. 195—196.

они «впитывают» в себя особенности субъектов исторического действия, специфику окружающей социальной и природной среды. Эту сплавленность общесоциологических закономерностей и разнообразнейших ситуаций их проявления отражает понятие диалектики единства и многообразия исторического развития.

Отсюда вытекают два принципиальных положения. Во-первых, возможны сравнительный анализ и использование на островах Океании опыта кооперативного движения, накопленного как в Танзании и некоторых других странах Тропической Африки, так и на национальных окраинах СССР (Север и Дальний Восток, Средняя Азия и Казахстан), где живут народы, которые к началу аграрных преобразований находились на сходных ступенях социально-экономического развития и даже имели сопоставимые общинные структуры. Во-вторых, этот опыт следует анализировать в логическом обосновании от многих частностей и деталей, как соотношение определенных объективных тенденций, и заимствовать не механически, а творчески, с должным учетом сущности современной эпохи мирового развития, социально-политической обстановки в той или иной стране, неповторимых черт ее природы, истории и культуры, этнической и демографической структуры населения, степени и тенденций разложения местных общинных структур. При этом важное значение приобретает уточнение критериев методологически правомерных границ аналогии и выработка логических методов повышения достоверности получаемых эвристических результатов³⁴.

В связи с этим необходимо рассеять довольно распространенное заблуждение, которое встречается и в некоторых статьях, касающихся перспектив социально-экономического развития народов Океании³⁵. Авторы этих статей сводят советский опыт аграрных реформ, включая кооперирование крестьянства, к преобразованиям, осуществленным в тех районах СССР, где до Октябрьской революции 1917 г. в деревне господствовали капиталистические отношения и наблюдалось глубокое социальное расслоение, да еще нередко тенденциозно изображают ход и результаты этих преобразований. Между тем у народов Средней Азии и Казахстана до начала аграрных реформ преобладали докапиталистические патриархально-феодальные отношения с сохранением общинных структур и многих элементов родо-племенной организации, а у малых народов побережья Ледовитого и Тихого океанов, находившихся на разных стадиях перехода от первобытнообщинного строя к классовому обществу, очень важную роль играли коллективные формы собственности, труда и распределения. Эти глубокие различия были учтены при проведении аграрных преобразований³⁶.

Другая проблема, которую нам хотелось бы затронуть, касается преемственности между традиционными общинными структурами и современными сельскохозяйственными кооперативами. В понимании этой проблемы проявляются две крайности. С одной стороны, существуют концепции «силового» разрушения общины, трактуемой лишь в качестве источника отсталости и препятствия на пути интенсификации сельского хозяйства и его развития на кооперативных началах. С другой стороны, распространены иллюзии народнического толка, согласно которым традиционная община может стать основой современного кооперативного движения и даже является чуть ли не готовой ячейкой социализма. Эти два подхода особенно наглядно прослеживаются в программах развития и научных исследованиях, касающихся Тропиче-

³⁴ И. Л. Андреев, Общинные структуры и некапиталистический путь развития, Владимир, 1973, стр. 30—38.

³⁵ См., например, J. Langmoge, Указ. раб.

³⁶ И. Л. Андреев, Общинные структуры и некапиталистический путь развития, стр. 45—65, 201—235 (см. здесь литературу вопроса).

ской Африки³⁷, но их можно в какой-то мере обнаружить и в литературе, посвященной перспективам социально-экономического развития народов Океании. Обе эти крайности представляются нам неправомерными как в научном, так и в политическом отношениях.

Ключ к пониманию диалектической сущности общинных структур, их дальнейших судеб и в частности возможности их использования при аграрных преобразованиях заключен в дуализме общины, методологические основы исследования которого были заложены К. Марксом³⁸. Этот дуализм пронизывает механизмы социальной и экономической консолидации общинного крестьянства, отражается в его идеологии. Крестьянская община «соткана» из противоречий: с одной стороны, ей присущи древние традиции колlettивизма и взаимопомощи, стихийного демократизма в решении общественных дел, колlettивной собственности на землю и крупные орудия труда (во всяком случае — неразвитость частнособственнической идеологии); с другой стороны, для нее обычно характерна та или иная степень имущественного и социального расслоения, а ее традиционные институты постепенно трансформируются в средство эксплуатации рядовых общинников. Поэтому стратегия кооперирования должна предусматривать использование таких общинных традиций, как колlettивизм и демократизм (с постепенным наполнением их новым содержанием), и вместе с тем блокирование негативных тенденций общинных структур, объективно препятствующих прогрессивным социальным преобразованиям.

Мы хотели бы особо подчеркнуть, что использование общинных форм и традиций в кооперативном движении — отнюдь не идеал, а метод, к которому прибегают в переходный период, чтобы «смягчить» в социально-психологическом отношении вступление общинного крестьянства в новую для него историческую эпоху. Поэтому одновременно необходимо предусматривать действенные меры для защиты рядовых членов кооперативов от угнетения как со стороны новых эксплуататорских элементов, так и со стороны традиционной верхушки, борясь с тенденцией переноса в кооператив семейственности и межклановых трений. Стратегия кооперирования должна включать также всемерное стимулирование творческой активности общинников с целью постепенного преодоления статичных форм мышления и соответствующих поведенческих стереотипов. Исторический опыт свидетельствует, что к важнейшим условиям успеха относится также строгое соблюдение принципа добровольности, постепенность и своевременность в осуществлении кооперативных программ. Не следует, в частности, пытаться переходить от первичных к более высоким и развитым формам кооперативов до того, как будут созданы необходимые материальные и социально-психологические предпосылки.

Успешность процесса сельскохозяйственной кооперации в развивающихся странах во многом зависит от степени выявления и учета особенностей местных общинных структур. Нам представляется, что их объективные свойства и тенденции, а также степень разложения необходимо принимать во внимание при выборе начальных форм, направления и темпов кооперативного движения. Один из авторов этой статьи³⁹ предложил выделять два основных типа таких структур — патриархально-общинные и парцельно-общинные.

Для патриархально-общинного крестьянства характерно преимущественно автаркическое потребительское сельское хозяйство с использованием архаических орудий и методов, тогда как парцельно-общин-

³⁷ И. Л. Андреев, Некапиталистический путь развития (опыт философско-социологического анализа), М., 1974, стр. 67, 68, 170—175.

³⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 414—421.

³⁹ И. Л. Андреев, Общинные структуры и некапиталистический путь развития, стр. 63—65, 199—201, 284, 285.

ное крестьянство в основном занимается выращиванием товарных культур, чаще всего на экспорт, и нередко применяет несколько более современные орудия и агрономические приемы. В первом случае относительно преобладают коллективные, групповые формы собственности, труда и распределения продукции, а во втором более важную роль играют индивидуальные хозяйства и идет процесс формирования частной собственности на основные средства производства (землю, воду, скот, плодовые деревья). В рамках патриархально-общинных структур авторитет традиционных вождей, «больших людей» и старейшин (распоряжение людьми) служит основанием для распоряжения пастищами, водой, свободным земельным фондом. Напротив, в парцельно-общинных структурах формирующаяся частная собственность на главные средства производства служит важной предпосылкой власти над людьми. В рамках структур последнего типа община зачастую постепенно перерождается в оболочку формально-добровольной зависимости бедняков и середняков от традиционных вождей и новых эксплуататорских элементов.

Как показывает исторический опыт, кооперирование патриархально-общинного крестьянства предполагает интеграцию прежде всего трудовых усилий. Кооперативы первоначально возникают в виде простейших производственных объединений, генетически вырастающих из традиционных бытовых производственных коллективов, хотя нередко берут на себя и некоторые кредитно-сбытовые функции. В сфере общественного сознания эта тенденция опирается на традиции колlettivизма и вековые навыки коренного населения в сфере организации совместного труда.

Кооперирование парцельно-общинного крестьянства обычно начинается с первичных форм совместного сбыта, снабжения, кредита, взаимопомощи, а иногда и первичной переработки продукции, и только позднее, когда складываются необходимые предпосылки, осуществляется объединение средств производства (земли, сложных орудий и т. д.). Словом, там, где получил более или менее значительное развитие мелкотоварный уклад, на первый план вначале выступает снабженческо-сбытовая сторона кооперации. Политическая направленность такого рода преобразований нередко имеет в качестве одной из основных целей ограничение и государственное регулирование стихии мелкобуржуазных частнособственнических отношений с помощью контрактации продукции индивидуальных хозяйств через сеть кооперативных обществ в региональном и государственном масштабе. Следует, однако, учитывать, что кооперирование парцельно-общинного крестьянства может в известной мере опираться и на традиции общественного использования некоторых угодий, на слабое развитие частнособственнических настроений у большинства общинников, а также на традиции взаимопомощи и совместного выполнения определенных видов работ.

Переходя к возможности использования в условиях Океании концепции зависимости форм и методов кооперации от типа общинной структуры (изложенной здесь по необходимости кратко и упрощенно), мы хотели бы прежде всего сделать два замечания.

Во-первых, различие между двумя выделенными типами общинных структур может быть четким лишь в абстрактно-теоретическом плане, тогда как на практике они часто переплетаются. Это не исключает, однако, возможности выявления в каждом конкретном случае преобладающего типа общинной структуры или особенностей комбинации обоих типов⁴⁰.

⁴⁰ Например, в СССР до начала радикальных аграрных преобразований патриархально-общинные структуры преобладали у малых народов Севера и Дальнего Востока, а структуры второго типа — в Средней Азии и Казахстане (И. Л. Андреев, Общинные структуры и некапиталистический путь развития, стр. 44—65).

Во-вторых, следует учитывать значительную специфику социально-экономических форм в Океании, объясняемую уникальностью исторического развития и природной среды этого «островного мира». Под напластованиями местных особенностей подчас нелегко обнаружить действие общемировых, общесоциологических закономерностей. Это относится, в частности, к процессу развития здесь парцельно-общинных отношений.

Если в Европе процесс парцелизации крестьянства был связан с парцелизацией земли, особенно пахотной, обрабатываемой, то в Океании, для которой в целом все еще характерна групповая собственность на землю, этот процесс проявляется прежде всего в становлении частной собственности на кокосовые пальмы и другие деревья, плоды которых идут на экспорт. Старинный обычай, согласно которому индивиды или малые семьи владели (с некоторыми ограничениями) деревьями, посаженными ими на землях своей или даже другой родственной группы, приобрел в условиях развития товарно-денежных отношений новое социальное содержание. Во многих случаях он стал предлогом для фактической узурпации значительных участков общинных земель отдельными индивидами (нередко вождями или «большими людьми»), что ведет к разрушению местных патриархально-общинных структур, к развитию имущественного и социального неравенства⁴¹.

Во многом сходные тенденции наблюдаются в современной Тропической Африке. Здесь отмечено даже существование на общинных землях таких «владельцев деревьев и кустарников», которые не только не являются общинниками, но и вообще сельскими жителями. «К предпримчивым крестьянам, ставшим владельцами плантаций на «свободных землях», — пишет в связи с этим Л. Д. Яблочкин, — присоединяются городские торговцы, ростовщики и даже чиновники, которые скапливают земли в обход общинных обычая под видом закупки плодоносящих кустов и деревьев»⁴². Такова более высокая ступень развития «пальмовой парцелизации», четко наметившейся в Океании.

Не имея возможность дать в статье обзор традиционных общинных структур и возможных путей их использования по всей Океании, возьмем в качестве примера крупнейшую страну этого региона — Папуа Новую Гвинею.

В большинстве районов Папуа Новой Гвинеи пока еще господствуют патриархально-общинные структуры, хотя тенденция их сдвига в сторону парцелизации и наличие фрагментов структур второго типа фиксируются достаточно отчетливо. О преобладании здесь патриархально-общинных структур свидетельствуют — наряду с сохранением общинных и других групповых форм собственности на землю — все еще сильное «предпочтение к совместной работе и групповым трудовым усилиям»⁴³, а также преимущественно потребительский характер сельского хозяйства. Посетив в 1971 г. деревню Бонгу (бухта Астролябия), где столетие назад проводил исследования великий русский ученый Н. Н. Миклухо-Маклай, один из авторов этой статьи⁴⁴ обнаружил, что здесь сохранились иерархия групповых прав на землю и многие традиционные формы совместного труда, что обычай колLECTИВИЗМА пронизывает различные стороны жизни обитателей этой деревни. Ознакомление с экономикой бонгунцев выявило также большие адаптационные возможности патриархально-общинных структур в условиях проникновения товарно-денежных отношений.

⁴¹ R. G. Сгосомбе (ed.), Указ. раб., стр. 2, 322, 384.

⁴² Л. Д. Яблочкин, Принципы внешней политики африканских государств, М., 1974, стр. 33.

⁴³ Th. G. Harding, Land tenure, «Encyclopaedia of Papua and New Guinea», vol. 2, Melbouргe, 1972, p. 608.

⁴⁴ Д. Д. Тумаркин, Хозяйство папуасов бонгу, в кн.: «На Берегу Маклая (Этнографические очерки)», М., 1975.

«Производственные бригады (teams) того или иного вида, по-видимому, распространены повсеместно...» — пишет Т. Г. Хардинг о сегодняшнем потребительском земледелии народов Папуа Новой Гвинеи⁴⁵. Поэтому нам представляется перспективным создание здесь (как и в других районах с преобладанием патриархально-общинных структур) простейших производственных объединений, использующих традиционные формы собственности и организации труда, в качестве начальной, иногда зародышевой формы современной производственной кооперации. Примечательно, что такого рода корпоративные группы и организации коренных жителей, называемые иногда «неформальными кооперативами», стихийно возникают в разных частях Папуа Новой Гвинеи, причем некоторые из них самостоятельно делают шаги в сторону более сложных и во многом уже нетрадиционных форм организации труда и распределения доходов, успешно используют довольно сложную сельскохозяйственную технику⁴⁶. Разумеется, «неформальные кооперативы» нуждаются в поддержке и всесторонней помощи со стороны властей, особенно для превращения в более сложные и современные формы кооперативных объединений.

В условиях Папуа Новой Гвинеи перспективно, на наш взгляд, и создание производственных кооперативов в рамках переселенческих программ, особенно на базе плантаций, ранее принадлежавших европейцам. Десятилетний опыт одного из таких кооперативов, кокосовой плантации М'буке, продемонстрировал экономические и социальные преимущества этой формы ведения сельского хозяйства по сравнению с традиционным потребительским земледелием и многими программами, основанными на предоставлении переселенцам индивидуальных наделов⁴⁷. Подчеркивая важность и актуальность этого опыта, А. М. Макгрегор ссылался на политические и экономические факторы, делающие «весьма вероятным, что к папуасам и новогвинеям перейдут плантации иностранцев»⁴⁸. Закон о покупке земель, принятый Палатой Ассамблеи в августе 1974 г., и последовавшие за ним официальные комментарии, по-видимому, свидетельствуют о том, что правительство Папуа Новой Гвинеи намерено стимулировать этот процесс⁴⁹. Следует, однако, учесть, что стратегия создания производственных кооперативов на базе существующих крупных плантаций требует подготовки необходимых национальных кадров кооператоров и сельскохозяйственных специалистов и что по крайней мере часть членов этих кооперативов должна первоначально состоять из бывших плантационных рабочих, имеющих навыки работы на таких сельскохозяйственных предприятиях.

В заключение нам хотелось бы подчеркнуть, что преимущества кооперирования могут в полной мере проявиться лишь тогда, когда прогрессивные аграрные преобразования будут дополнены широкими демократическими реформами в других областях жизни океанийских стран. В современных условиях полностью сохраняет свое значение сформулированный В. И. Лениным методологический принцип связи:

⁴⁵ Th. G. Harding, Указ. раб., стр. 609.

⁴⁶ R. G. Crocombe, G. R. Hobbin, *The Erat mechanical farming project, Canberra, 1963; M. Reay, But whose estates?*, «New Guinea», vol. 4, № 3, 1969, p. 69; Th. G. Harding, Указ. раб., стр. 610; A. M. McGregor, *Langandrowa and M'buke corporate indigenous plantations, Canberra, 1971*, p. 1—20; B. Standish, *The Highlands, «New Guinea»*, vol. 8, № 3, 1973, p. 22; E. K. Fisk, Указ. раб., стр. 57, 58.

⁴⁷ R. G. Crocombe, *The M'buke co-operative plantation, Canberra, 1965*; A. M. McGregor, Указ. раб., стр. 21—47.

⁴⁸ A. M. McGregor, Указ. раб., стр. XIII.

⁴⁹ В связи с принятием закона о покупке земель премьер-министр М. Сомаре заявил, что «правительство стремится к постепенному переходу плантаций, принадлежащих иностранцам, в руки новогвинеев с целью разрешения проблемы нехватки земли и создания подлинно папуасско-новогвинейской плантационной экономики» («Pacific Islands Monthly», October, 1974, p. 92).

характера кооперации с социальной сущностью общественного строя, в условиях которого она складывается и развивается. Лишь в условиях прогрессивного политического курса национально-демократического государства кооперативное движение может стать, используя слова В. И. Ленина, формой «перехода к новым порядкам путем возможно более простым, легким и доступным для крестьянина»⁵⁰.

Судьбы коллективистских институтов и традиций общины также связаны с выбором социальной ориентации. В последние годы оживленно дебатируется проблема применимости в Папуа Новой Гвинеи опыта аграрных реформ в Танзании и Кении⁵¹. Нам представляется, что эта полемика по существу содержит спор не столько об однотипных равновозможных моделях, сколько о противоположных принципах и общей направленности процесса развития, что за этими двумя примерами стоит основная социально-экономическая альтернатива отношения к общенным институтам. В конечном счете эта альтернатива реализуется как выбор социалистической либо капиталистической ориентации развития бывших колоний и зависимых стран.

В настоящее время в Папуа Новой Гвинее преобладают снабженческо-сбытовые формы кооперации. Такие формы кооперативного движения сами по себе не оказывают глубокого влияния на долгосрочные перспективы социально-экономического развития страны. Австралийские руководители и консультанты этого движения исходили из того, что кооперативы в Папуа Новой Гвинее должны стать частью «системы свободного предпринимательства»⁵². Известно, что кооперативные общества послужили своего рода учебным полем для многих будущих мелких предпринимателей — папуасов и меланезийцев⁵³. Но социальная роль кооперативного движения может существенно измениться, если при благоприятных условиях и на основе полной добровольности начнется постепенный переход от снабженческо-сбытовых форм кооперации к ее более высокой форме — производственным кооперативам. И в этом отношении опыт кооперативной плантации М'буке представляет значительный интерес, ибо указанный кооператив «до приобретения плантации успешно функционировал в течение шести лет в сфере розничной торговли и сбыта продукции»⁵⁴. Вместе с двумя рассмотренными выше формами производственной кооперации постепенное преобразование снабженческо-сбытовых кооперативов в производственные может создать важные предпосылки для вступления Папуа Новой Гвинеи на некапиталистический путь развития. Этому способствовало бы, на наш взгляд, и создание сети государственных ферм, ибо они, как свидетельствует исторический опыт, могут при правильной организации дела стать не только крупным источником увеличения сельскохозяйственной продукции, но также витриной передовой технологии и проводником новых социальных отношений в деревне.

*
* * *

Прогрессирующий распад традиционных общенных структур ставит перед народами Океании задачу выбора путей дальнейшего развития, методов преодоления социально-экономической отсталости. Впереди

⁵⁰ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 45, стр. 370.

⁵¹ «Land tenure and economic development: problems and policies in Papua New Guinea and Kenya», Canberra, 1971; A. D. Ward, Agrarian revolution. Handle with care, «New Guinea», vol. 6, № 4, 1972; H. Schutte, Tanzania. A model for Papua New Guinea? «New Guinea», vol. 7, № 1, 1972.

⁵² W. Kidston, Planning for co-operative progress, «Australian External Territories», vol. 9, № 1, 1969, p. 8.

⁵³ P. Matane, Indigenous business development in Papua New Guinea, «Australian External Territories», vol. 12, № 1, 1972.

⁵⁴ R. G. Crocombe, The M'buке co-operative plantation, p. 39.

их ждут немалые трудности. Думается, что судьба прежде вымирающих, неграмотных и угнетенных народов Севера и некоторых других окраин бывшей царской России, которые при жизни одного-двух поколений совершили грандиозный скачок от примитивной техники и социальной арханки к самым современным формам производства и социальной организации, к лучшим достижениям мировой культуры, может служить для островитян Океании источником исторического оптимизма.

**COMMUNAL STRUCTURES
AND PROBLEMS OF THE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT
OF THE PACIFIC ISLANDS PEOPLES**

Traditional communal structures are still prominent in the life of Pacific Islanders. However, under the impact of market economy and other aspects of Westernization these structures are gradually degenerating and disintegrating. Subsequent evolution in Pacific rural life may take one of two courses: that of the development of private farming or that of applying collective methods of agriculture, particularly co-operation. The authors regard the second course as preferable. If the strategy of this course of development will take due account of the traditional communal structures and utilize them, and if at the same time it will be accompanied by wide-scale democratic reforms in other spheres of life, it will be able to considerably raise agricultural productivity in the Pacific Islands, and this will be done in those social forms most favourable to the bulk of the present-day community members. The authors examine certain theoretical problems of agricultural co-operation in developing countries. Particular stress is laid upon the possibility of utilizing in these countries the historical experience of the co-operative movement in outlying national regions of the USSR, whose peoples, at the time fundamental agrarian reforms were initiated, had occupied similar levels of socio-economic development and even possessed comparable communal structures.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Б. В. А н д р и а н о в

К ИЗУЧЕНИЮ АГРОЭТНОГРАФИИ

Статья Г. Г. Грэмова и Ю. Ф. Новикова, посвященная агроэтнографическим исследованиям, положила начало широкой дискуссии¹. Авторы статьи затронули некоторые малоразработанные разделы агроэтнографии и критически подошли к выводам и реконструктивным схемам, в которых вопросы о характере этнокультурных традиций в земледелии решались нередко априорно, без достаточно серьезных доказательств.

В своей статье Г. Г. Грэмов и Ю. Ф. Новиков попытались выявить факторы, определяющие развитие и дифференциацию типов традиционных пахотных орудий. Такими факторами, по их мнению, являются только социально-экономические и физико-географические условия. Авторы справедливо связывают особенности конструкции земледельческих орудий с различными системами обработки почвы². Однако, по мнению одного из участников дискуссии, чешского этнографа Я. Крамаржика, корреляция между географической средой и системами земледелия, с одной стороны, и конструкцией пахотных орудий — с другой, хотя и существует, все же носит более общий характер, и тут нельзя, по его словам, «исключить влияния этнических процессов, как и местных производственных традиций»³.

Совершенно ясно, что в земледельческом производстве, системах земледелия, типах и формах орудий труда аккумулирован огромный исторический опыт народов разных эпох. И для его изучения необходимо содружество разных специалистов, в том числе (как правильно подчеркнули Г. Г. Грэмов и Ю. Ф. Новиков) и специалистов в области агротехники. Впрочем, к этому следует добавить, что круг исследователей истории земледелия непрерывно расширяется с внедрением в исторические науки (особенно в археологию и этнографию) количественных и качественных методов естественных наук⁴. Многие вопросы ис-

¹ Г. Г. Грэмов, Ю. Ф. Новиков, Некоторые вопросы агроэтнографических исследований, «Сов. этнография» (далее — СЭ), 1967, № 1; Н. Н. Чебоксаров, Я. В. Чеснов, Некоторые проблемы агроэтнографии Юго-Восточной Азии, СЭ, 1967, № 3; Л. М. Сабурова, По поводу статьи Г. Г. Грэмова и Ю. Ф. Новикова «Некоторые вопросы агроэтнографических исследований», СЭ, 1967, № 6; А. А. Шенинков, Распространение животноводческих построек у народов Европейской России (к дискуссии об агроэтнографии), СЭ, 1968, № 6; В. М. Суринов, К определению этнических традиций в земледелии, СЭ, 1971, № 3; А. С. Бежкович, Еще раз об агроэтнографических исследованиях, СЭ, 1971, № 5; Я. В. Чеснов, Социально-экономические уклады и этнические традиции в агроэтнографии, СЭ, 1972, № 4; А. А. Шенинков, Необходимые разъяснения, СЭ, 1973, № 4; Я. Крамаржик, Некоторые замечания в связи с дискуссией по аграрной этнографии, СЭ, 1974, № 3; А. В. Чернецов, К изучению генезиса восточнославянских пахотных орудий, СЭ, 1975, № 3.

² Г. Г. Грэмов, Ю. Ф. Новиков, Указ. раб., стр. 81, 82.

³ Я. Крамаржик, Указ. раб., стр. 73.

⁴ См. Б. А. Колчин, Археология и естественные науки, «Археология и естественные науки». М., 1965, стр. 7—26.

тории земледелия и земледельческих орудий решаются теперь силами ученых разных научных дисциплин — археологов и этнографов, палеоэтноботаников, генетиков и агрономов, геоморфологов, почвоведов и историков техники⁵, даже специалистов по применению аэрометодов в археологии⁶.

Г. Г. Громов и Ю. Ф. Новиков справедливо ратуют за дальнейшую специализацию в области аграрной этнографии и за более широкое использование агротехнических знаний. Но они напрасно, как мне представляется, противопоставляют «характеристику хозяйственного быта этнографических общностей и групп» этнокультурной характеристике ареалов распространения отдельных видов и типов земледельческой техники⁷.

По мнению авторов, «трудности технического анализа» изучаемых явлений заставляют историков и этнографов уделять «большее внимание» второму аспекту. Это неверно. Огромный интерес этнографов к территориальным аспектам распространения тех или иных типов орудий труда объясняется не «трудностями» познания «хозяйственного быта», а задачами исторической этнографии, как раздела исторической науки — изучения сложной картины развития земледелия в различных странах и у разных народов мира.

Г. Г. Громов и Ю. Ф. Новиков весьма скептически оценивают современные успехи в области изучения истории земледелия⁸. Они утверждают, что у «этнографов-аграрников» отсутствует общий подход «к пониманию основных процессов в истории земледелия»⁹.

Так ли уж безнадежно обстоит дело? Думаю, что нет. В решении отдельных частных проблем в любой науке могут быть разногласия. Есть немало спорных вопросов и в агроэтнографии. Однако успехи исторической науки в целом (включая историческую этнографию) в области изучения вопросов происхождения и развития земледелия и земледельческих орудий бесспорны.

Г. Г. Громов и Ю. Ф. Новиков сосредоточили свое внимание почти исключительно на пахотных орудиях. По мнению Я. Крамаржика, они «сделали слишком общие выводы, перенеся их и на другие орудия. Необходимо подчеркнуть, что пахотное орудие было сложным, на него оказывал влияние уровень производственной техники в гораздо большей мере, чем на остальные земледельческие орудия. Поэтому и существует столько видов, типов и форм пахотных орудий»¹⁰. Уже более века в этнографии развивается особая область исследований (в Германии она получила название «Pflugforschung»). Существует огромнейшая литература; в ней много ценных капитальных исследований, но и немало противоречивых спекулятивных концепций националистического толка, которым, по словам Я. Крамаржика, «уже давно не должно быть места в подлинной науке»¹¹.

Широко известны капитальные монографии Л. Роу, П. Лезера, Е. Верта, А. Одрикура и М. Деламарра, основанные преимущественно на историко-этнографических материалах. Сравнительно недавно ста-

⁵ См.: R. J. Ucko and G. W. Dimbleby (eds.), *The domestication and exploitation of plants and animals*, London, 1969; E. G. Higgs (ed.), *Papers in economic prehistory*, Cambridge, 1972; Jane M. Renfrew, *Palaeoethnobotany. The prehistoric food plants of the Near East and Europe*, N. Y., 1973; С. А. Семенов, *Происхождение земледелия*, Л., 1974, и др.

⁶ R. Chevallier, *Les applications de la photographie aérienne aux problèmes agraires*, *Etudes Rurales*, 1964, № 13—14.

⁷ Г. Г. Громов, Ю. Ф. Новиков, Указ. раб., стр. 80, 81.

⁸ Там же, стр. 80.

⁹ Там же.

¹⁰ Я. Крамаржики, Указ. раб., стр. 72.

¹¹ Там же, стр. 74.

ли появляться работы, авторы которых привлекают и археологические данные¹².

В СССР под руководством С. А. Семенова комплексные исследования с моделированием древних процессов обработки земли ведутся в лаборатории Института археологии АН СССР. Из зарубежных центров по изучению пахотных орудий следует отметить Международный секретариат для исследований земледельческих орудий (издающий специальный журнал «Tools and Tillage» под редакцией проф. А. Стейнсберга, А. Фентона и Г. Лерхе).

Успехи археологической науки способствовали решению ряда важных вопросов развития земледельческой техники. К сожалению, Г. Г. Громов и Ю. Ф. Новиков не затронули в своей статье исторического аспекта разбираемого ими вопроса.

Причина кроется, вероятно, в их методологических позициях — отрицательном отношении к историко-сравнительным и формально-типологическим методам исследования истории земледельческих орудий (характерным для археологии), что вызвало справедливую, на мой взгляд, критику не только со стороны этнографов, но и археологов, изучающих историю земледельческих орудий труда по археологическим материалам¹³.

Две родственные исторические науки — этнография (исследующая культурно-бытовые особенности всех народов мира в их историческом развитии) и археология (изучающая вещественные исторические источники — остатки материальной культуры), дополняя друг друга, позволяют реконструировать хозяйственный и общественный быт давно исчезнувших народов, проследить путь развития культурных явлений, в том числе и земледельческих навыков, орудий труда и т. п.¹⁴

Как правильно отметил С. А. Семенов, с помощью археологических источников можно реконструировать главные этапы динамики исторического развития земледелия, в то время как этнографические и письменные материалы раскрывают многие стороны и детали технологии обработки почвы, региональные особенности орудий труда, характер сельскохозяйственных культур, календарные земледельческие циклы и многое другое¹⁵.

Фиксируемое этнографами территориальное распространение различных типов земледельческих орудий — результат сложного процесса, развивавшегося во времени и пространстве, в разных этнокультурных средах, в тесной связи с конкретной историей отдельных народов. Именно поэтому земледельческие орудия наряду с другими элементами культуры дают богатейший материал для реконструкции исторического процесса развития хозяйства в широких территориальных рамках. Следуя заветам выдающегося историка земледелия А. Декандоля, отдававшего предпочтение «археологическим документам», современные историки земледельческой техники и земледелия сумели приблизиться к решению важнейших вопросов происхождения и развития земледелия¹⁶.

¹² A. Steensberg, North West European ploughtypes of prehistoric times and the Middle Ages, «Acta Archaeologica», Bd VII, 1937; B. Vrentjes, Untersuchungen zur Geschichte des Pfluges, Bd I—III, «Wissenschaftliche Zeitschrift der Martin-Luther-Universität», Jahrg. 2, Heft 10, Jahrg. 3, Heft 1—2, Halle-Wittenberg, 1953—1954; С. А. Семенов, Указ. раб., и др.

¹³ А. В. Чернецов, Указ. раб., стр. 73; Ю. А. Краснов, Древнейшие упряженные пахотные орудия, М., 1975, стр. 10—21.

¹⁴ Б. В. Анидианов, Н. Н. Чебоксаров, Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования, СЭ, 1972, № 2, стр. 3; Ю. В. Бромлей, Этнос и этнография, М., 1973, стр. 240.

¹⁵ С. А. Семенов, Указ. раб., стр. 8.

¹⁶ R. J. Braidwood, The agricultural revolution, «Man and Ecosphere», San Francisco, 1971; K. V. Flannery, The origins of agriculture, «Annual review of anthropology», vol. 2, 1973, p. 271—310; Stuart Struever (ed.), Prehistoric agriculture, N. Y.,

Новые археологические и палеоэтноботанические исследования подтвердили в своих основных чертах полицентрическую концепцию зарождения земледелия Н. И. Вавилова. В то же время они выявили древние «пути» зерна, навыков земледелия, орудий труда и разведения одомашненных животных за пределами первоначальных древнейших очагов. К числу этих очагов относятся: переднеазиатский и восточно-средиземноморский (IX—VII тысячелетия до н. э.), индокитайский (VII—VI тысячелетия до н. э.), ирано- и среднеазиатский (VI—V тысячелетия до н. э.), нильский (V—IV тысячелетия до н. э.), индийский (IV—II тысячелетия до н. э.), индонезийский, китайский, мезоамериканский и перуанский (III—I тысячелетия до н. э.)¹⁷.

Дальнейшее распространение навыков земледелия — сложный историко-культурный процесс, который нельзя рассматривать как прямолинейную диффузию, что делал К. Зауэр¹⁸. В каждом самостоятельном ареале земледелия существовали свои отдельные и разновременные локальные очаги, где в ходе развития земледелия последовательно и постепенно развивались сложные процессы приспособления местных растительных и земельно-водных ресурсов¹⁹.

Исследования археологов позволили также сделать более или менее обоснованные выводы о древнейших типах пахотных орудий, центрах их возникновения, а также о путях их распространения и основных этапах развития²⁰.

Так, к весьма интересным выводам пришел археолог Ю. А. Краснов²¹. На основании обширного археологического и иконографического материала он сделал вывод о генетической связи трех самостоятельных типологических групп пахотных орудий (двухрукоятного кривогрядильного рала; однорукоятного прямогрядильного рала и рал грядильных и полозных) с тремя древнейшими земледельческими очагами: переднеазиатским (с центром в Древнем Двуречье), среднеазиатским и средиземноморским²². Распространение однорукояточных прямогрядильных рал фиксируется Ю. А. Красновым на огромной территории в эпоху бронзы и раннего железа — от Восточной Азии до Западной Европы. Весьма важно отметить, что древний ареал однорукояточных прямогрядильных рал с полозом, без стойки в значительной мере совпал с распространением традиционного среднеазиатского пахотного орудия, известного в XIX — начале XX в. в Хорезме под названием «кунде», в других районах «комач»²³. Этот тип пахотного орудия зафиксирован Ю. А. Красновым также в Индии и Юго-Восточной Азии, что, безусловно, отражает сложный историко-культурный процесс распространения традиций земледелия из более древних земледельческих очагов в периферийные области.

При этом следует заметить, что генезис любого традиционного земледельческого орудия — сложный исторический процесс, в котором переплелись самые различные традиции и технические навыки²⁴. Возьмем

1971; Б. В. Андрианов, Роль перехода к земледелию в историческом процессе, в сб. «Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф. Энгельса», М., 1972.

¹⁷ Б. В. Андрианов, Древние оросительные системы Приаралья (в связи с историей возникновения и развития орошающего земледелия), М., 1969, стр. 46—51.

¹⁸ С. О. Saucier, Agricultural origins and dispersals, N. Y., 1952.

¹⁹ Б. В. Андрианов, Древние оросительные системы Приаралья..., стр. 42—93, 229—231.

²⁰ A. Steensberg, A classification of ploughing implements before c. 1000 A. D. A functional outline, Copenhagen, 1966; B. Вгентјес, Указ. раб., стр. 175—179.

²¹ Ю. А. Краснов, Указ. раб., стр. 175—179.

²² Там же, стр. 180.

²³ Б. С. Гамбург, К характеристике орудий земледельцев Ферганской долины и Ташкентского оазиса конца XIX — первой четверти XX в., сб. «Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана», М., 1975, стр. 107—113.

²⁴ Ср. С. А. Семёнов, Указ. раб., стр. 226—236; см. также Я. Крамаржик, Указ. раб., стр. 74.

мем, к примеру, древнее пахотное орудие в Японии «кара-сукки», известное как обрядовый «плуг», использовавшийся в обряде «первой борозды» японскими императорами в VIII в.²⁵ Появление этого орудия на Японских островах исследователи объясняют этническими традициями и тесными этнокультурными связями между южнокорейским народом «кара» или «кая» и обитателями о. Кюсю. Еще в середине I тысячелетия до н. э. на этот остров проникла из Южной Кореи культура «яёй», включающая целый хозяйственно-культурный комплекс — рисосеяние, пахотное орудие, навыки разведения крупного рогатого скота, коневодство и гончарный круг. Весьма важно отметить, что древние формы пахотного орудия постепенно видоизменялись; это было обусловлено появлением зерновых культур пшеницы и ячменя на Японских островах в V—VI вв. н. э., а также приспособлением железного лемеха U-образной формы к более жестким и засоренным почвам Японии²⁶. Таким образом, в истории развития древнего японского пахотного орудия большую роль сыграли как этнокультурные факторы, так и природно-технологические.

Изучение региональных особенностей земледельческих орудий Восточной Европы помогло установить сложные пути развития орудий и роль самых различных факторов, влиявших на трансформацию конструктивно-типологических особенностей²⁷.

Участник дискуссии А. В. Чернецов попытался, опираясь на типологические ряды, проследить пути развития восточнославянских пахотных орудий. По его словам, «русская соха и украинское рало без полоза восходят к известному в Центральной и Северной Европе ралу с высоко расположенным центром тяжести»²⁸. Ему предшествовали в свою очередь прямогрядильные рала без полоза. Развитие пахотных орудий Восточной Европы, в том числе и орудий, распространенных у восточнославянских народов, было обусловлено как этнокультурными традициями, так и природно-технологическими факторами. В статье «Генезис плуга и этнография» Ю. Ф. Новиков обстоятельно рассмотрел природно-технологические факторы²⁹. Обоснован вывод о том, что при обработке засоренных и лесных почв широко использовались орудия с высоким расположением центра тяжести. Таковы, по его словам, «русские сохи, распространенные в Восточной Европе орудия сошного типа»³⁰. Весьма убедителен в этой статье анализ механики пахотных орудий. Однако категорическое исключение Ю. Ф. Новиковым этнокультурных факторов из комплекса причин, обуславливавших все разнообразие видов и форм пахотных орудий, в данной статье недостаточно аргументировано³¹.

О значении этнокультурных традиций в распространении пахотных орудий в Восточной Европе может свидетельствовать, например, тот факт, что ареал русской сохи в XVI в. стал шире, соха продвинулась к югу — на Украину, в лесостепь вместе с русскими переселенцами³².

Позже конструкция сохи под влиянием местных природных условий претерпела функциональные изменения³³. В новой, видоизмененной

²⁵ J. Iinuma, The Ne-No-Hi-Kara-Suki of Shōsōin, «Tools and Tillage», vol. 1, № 2, 1969, p. 105—117.

²⁶ Там же, стр. 111—113.

²⁷ См.: В. Велтjes, Указ. раб.; его же, Pflüge mit rissähnlicher Sterz-Zugbaumkonstruktion, «Beiträge zur Frühgeschichte der Landwirtschaft», III, Berlin, 1957; Д. В. Найдич-Москаленко, О происхождении и классификации русских пахотных орудий, СЭ, 1959, № 1.

²⁸ См. А. В. Чернецов, Указ. раб., стр. 81.

²⁹ Ю. Ф. Новиков, Генезис плуга и этнография, СЭ, 1963, № 2.

³⁰ Там же, стр. 105.

³¹ Там же, стр. 111.

³² А. В. Чернецов, О периодизации ранней истории восточнославянских пахотных орудий, «Сов. археология», 1972, № 3, стр. 147.

³³ Ю. Ф. Новиков. Указ. раб., стр. 110.

форме сохранились и определенные традиционные черты, отличные от особенностей пахотных орудий, распространенных на Украине³⁴.

Все эти факты говорят о сложности исторического развития каждого типа пахотного орудия³⁵. Трансформация и дифференциация отдельных форм определялись многими причинами, среди которых немалую роль подчас играли и этнокультурные традиции.

Г. Г. Громов и Ю. Ф. Новиков в своей статье довольно подробно останавливаются на соотношении конструктивных и функциональных особенностей пахотных орудий и делают ряд весьма интересных выводов. Однако трудно согласиться с их тезисом о том, что, «однажды возникнув в рамках определенной системы обработки почвы, почвообрабатывающие орудия продолжают развиваться только в пределах этой системы»³⁶. Как свидетельствует история земледелия, смена пахотных орудий при изменении системы земледелия не всегда была обязательна. Так, пахотные орудия одного и того же типа (например, рала) применялись и при переложной и залежной системах, при трехполье и двухполье, в поливном земледелии³⁷.

Центральным вопросом дискуссии был вопрос о роли этнографической специфики и этнических традиций в сельскохозяйственной технике. Еще в ходе дискуссии негативное отношение Г. Г. Громова и Ю. Ф. Новикова к роли этнических традиций в истории земледелия вызвало острую полемику. Участники дискуссии заняли как бы «полярные», взаимоисключающие позиции: Г. Г. Громов, Ю. Ф. Новиков и А. А. Шенников отрицают какую-либо связь развития различных типов и форм пахотных орудий и животноводческих построек с этнокультурными традициями³⁸, тогда как другие авторы — Н. Н. Чебоксаров, Я. В. Чеснов, Л. М. Сабурова, В. М. Суринов, А. С. Бежкович, а также Я. Крамаржик — приводят в своих статьях многие примеры этнической обусловленности ряда конкретных форм земледельческой культуры и настаивают на необходимости учета этнических традиций при объяснении тех или иных фактов истории и географии земледельческого производства.

Точка зрения Г. Г. Громова, Ю. Ф. Новикова и А. А. Шенникова предельно ясна и категорична: сельскохозяйственные орудия — это орудия труда, поэтому они лишены этнической специфики.

С такой крайней позицией трудно согласиться. В материальной культуре каждого народа (этноса) тесно переплетаются явления, свойственные только ему одному (или даже отдельным локальным группам), с этнографическими явлениями, распространенными чрезвычайно широко, у многих народов, на огромных территориях. Именно к таким широко распространенным этнокультурным явлениям и относятся навыки земледелия и земледельческие орудия, развитие которых во времени заняло многие столетия, а в пространстве — целые страны.

О соотношении общекультурных и этнических традиций в сельскохозяйственном производстве писал также А. А. Шенников. По его словам, « всякая этническая традиция в культуре есть культурная тради-

³⁴ А. В. Никитин, Русское кузнечное ремесло XVI—XVII вв., «Свод археологических источников», М., 1971, стр. 36, 37, 55 и др.

³⁵ См., например: F. Šach, K vývoji slovenského ořebního nářadí na základě materiálu z muzejních sbírek, «Československa Etnografie», 3, X, Praha, 1962.

³⁶ Г. Г. Громов, Ю. Ф. Новиков, Указ. раб., стр. 82.

³⁷ Ю. А. Краснов, Указ. раб., стр. 16, 17.

³⁸ См. также: Ю. Ф. Новиков, Указ. раб., стр. 101; Г. Г. Громов, Ю. Ф. Новиков, Указ. раб., стр. 92; А. А. Шенников, О понятии «этнографический комплекс», «Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР», вып. 3, Л., 1967, стр. 39—41, 55; его же, Распространение животноводческих построек у народов Европейской России..., стр. 105.

ция, но далеко не всякая культурная традиция есть традиция этническая»³⁹.

Против такого тезиса в общей форме трудно возразить. Корень разногласий и недопонимания кроется, прежде всего, в различном толковании этнических традиций. Одни рассматривают этнические традиции лишь как показатели межэтнических различий, как особенности, отличающие друг от друга народы (этносы); другие же включают в этнические традиции и многие особенности культуры, объединяющие ряд этносов.

А. А. Шенников в специальной статье, посвященной «этнографическим комплексам», призывает полностью отказаться от признания этнической специфики в земледельческих традициях⁴⁰. В статье, опубликованной в ходе дискуссии по агроэтнографии, он пишет: «В данном случае мы имеем дело с группами населения, связанными с определенными физико-географическими ландшафтами и находящимися на определенном уровне экономического развития»⁴¹.

Подобный подход характерен также для Г. Г. Громова и Ю. Ф. Новикова, объясняющих развитие тех или иных форм технологии и техники земледелия причинами, «которые отражают лишь устойчивое бытование культурной, а не этнической традиции у тех или иных групп населения, традиции, являющейся формой закрепления рациональной практической деятельности человека»⁴².

Что же это за группы населения и культурные традиции, бытующие на обширных пространствах?

А. А. Шенников, Г. Г. Громов и Ю. Ф. Новиков ограничиваются лишь констатацией факта. А ответ на поставленный вопрос очень прост, если обратиться к теоретической этнографии и рассмотреть проблему несколько шире, не споря по частностям.

Этнографическая наука имеет дело с этнокультурными комплексами различного плана. Это могут быть и локальные культуры и широкие пространственные макроструктуры⁴³. Но в любом случае необходим историко-этнографический и в то же время пространственно-временной подход.

Такой подход к явлениям традиционно-бытовой культуры был, как известно, разработан в советской этнографии С. П. Толстовым, М. Г. Левиным и Н. Н. Чебоксаровым, создавшими концепцию «хозяйственно-культурных типов» и «историко-этнографических областей».

Можно напомнить, что понятие «хозяйственно-культурный тип» — это исторически сложившийся комплекс особенностей хозяйства и культуры, характерный для различных по происхождению народов, но обитающих в сходных географических условиях и находящихся на близком уровне социально-экономического развития.

Хозяйственно-культурная и историко-этнографическая группировка этносов позволяет объективно выявить историко-генетические связи тех или иных ареалов явлений культуры (в данном случае типов пахотных орудий) с территориальными группами населения. Концепция советских этнографов дает возможность сочетать ареальные исследования этносов и традиционно-бытовых культур, учитывать как локально-этнические, так и широкие хозяйствственно-культурные общности, в среде которых и бытуют сходные типы земледельческих орудий. Если мы возьмем в качестве исходных структурных единиц не отдельные

³⁹ А. А. Шенников, Распространение животноводческих построек у народов Европейской России..., стр. 105; см. также Я. Крамаржик, Указ. раб., стр. 73.

⁴⁰ А. А. Шенников, О понятии «этнографический комплекс», стр. 39.

⁴¹ См. А. А. Шенников, Распространение животноводческих построек у народов Европейской России..., стр. 105.

⁴² Г. Г. Громов, Ю. Ф. Новиков, Указ. раб., стр. 92.

⁴³ Ю. В. Бромлей, Указ. раб., стр. 18.

этносы, а их хозяйствственно-культурные и историко-этнографические группировки, то станет ясно, что между подобными ареалами и ареалами типов земледельческих орудий возможны определенные корреляционные связи. Эти связи особенно заметны, если мы сопоставим пути развития земледелия и земледельческих орудий в границах крупных структурных единиц, например таких, как «историко-этнографические провинции» — Восточноевропейская, Африканская Тропическая, Юго-Восточноазиатская, Центральноазиатская и т. д.⁴⁴

Можно сожалеть, что никто из участников дискуссии не использовал этих теоретических достижений советской этнографии. Ведь концепция «хозяйственно-культурных типов» и «историко-этнографических областей» хорошо объясняет несовпадение ареалов этносов и тех или иных хозяйствственно-культурных явлений (в данном случае типов пахотных орудий). Следует также заметить, что традиционно-бытовые культуры разных народов часто отличаются друг от друга не просто отдельными деталями (на что особенно обращали внимание участники дискуссии), а прежде всего комплексами. Следует, безусловно, быть весьма осторожным в определении этнической специфики многих сторон материальной культуры, особенно земледельческих орудий. Видимо, не стоит говорить о «национальной основе сельскохозяйственных орудий», как это сделала Л. М. Сабурова в своей статье⁴⁵. Не убеждают нас и ссылки А. С. Бежковича на Д. К. Зеленина, который писал о сохе как о «великорусском пахотном орудии»⁴⁶. Говоря о распространенных, особенно в старой этнографической литературе, традиционных стереотипах «русская соха», «украинский плуг», «белорусское рало» и т. п., следует помнить о том, что каждый термин требует детального научного исследования и историко-генетического обоснования.

А. А. Шенников, ссылаясь на Г. Г. Громова и Ю. Ф. Новикова, делает вывод о том, что «эволюция сельскохозяйственной техники оказалась практически независимой от этнических традиций»⁴⁷. А. А. Шенников замечает также, что средства труда из всех элементов материальной культуры «наименее зависят от этноса»⁴⁸.

Г. Г. Громов, Ю. Ф. Новиков и А. А. Шенников рассматривают социально-экономические и физико-географические условия в качестве чуть ли не единственных факторов, определявших развитие и дифференциацию типов пахотных орудий. Большинство участников дискуссии высказалось, однако, против такого жесткого противопоставления этнических традиций «естественно-географическим» и «социально-экономическим условиям». Ибо этнические традиции сами по себе — сложное историко-культурное явление, детерминированное социально-экономическими, географическими и многими другими факторами. Нельзя забывать также и того, что большая часть этнических особенностей, отличающих один народ от другого, имеет, как правило, относительный характер. «...Уже давно обращено внимание на то,— подчеркивает Ю. В. Бромлей,— что ни один из компонентов культуры не является непременным этнодифференцирующим признаком. В одних случаях главная роль в этом отношении принадлежит языку, в других — религии, в третьих — характерным чертам поведения и т. д. Не случайно все попытки выделить один непременный для всех случаев основной этнодифференцирующий признак оказываются обреченными на неудачу.

⁴⁴ См. Б. В. Андрианов, Н. Н. Чебоксаров, Историко-этнографические области (проблема историко-этнографического районирования), СЭ, 1975, № 3; и ж е, Опыт историко-этнографического районирования некоторых регионов Африки и Зарубежной Азии, СЭ, 1975, № 4.

⁴⁵ Л. М. Сабурова, Указ. раб., стр. 78.

⁴⁶ А. С. Бежкович, Указ. раб., стр. 30.

⁴⁷ А. А. Шенников, Распространение животноводческих построек у народов Европейской России..., стр. 105.

⁴⁸ Там же.

Это подчас служит основанием для игнорирования вообще культуры как носителя этнических свойств»⁴⁹. Следует также учитывать, что ни один из элементов культуры полностью в своем территориальном распространении не совпадает с этносом. Всегда те или иные явления (в данном случае типы пахотных орудий) выходят за его пределы. В то же время совокупность элементов традиционной культуры достаточно ярко характеризует основное «ядро» этноса.

Изучение истории технического развития земледельческих орудий, развивавшихся на одной территории на протяжении многих веков, представляет не только научный, но и большой практический интерес и для современных инженерных решений. Это положение Ю. Ф. Новикова, прозвучавшее на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук, не вызывает возражений⁵⁰.

Исследования этнографов по агроэтнографии могут иметь, таким образом, и немалое практическое значение. Поэтому трудно согласиться с негативным отношением к деятельности этнографов и археологов в области истории земледельческих орудий и решения ряда агроэтнографических проблем.

TOWARDS THE STUDY OF AGROETHNOGRAPHY

The main significance of the discussion on problems of agroethnography lies in the fact that its participants have touched upon questions of importance for ethnography that far exceed the narrow limits of ethnographic studies of ploughing implements and of traditional agriculture. Among them is the principal question in the discussion: that of the role of ethnic specificity and of ethnic traditions in traditional agricultural technology. The point of view expressed by G. G. Gromov, Yu. F. Novikov and A. A. Shennikov is categorical: agricultural implements are labour tools and consequently possess no ethnic specificity. But it is difficult to agree with such an extreme thesis. The concept of «economic-cultural types» and «historical-ethnographic regions» known to ethnographical science makes it possible to discover areal links of types of labour tools and agricultural skills with economic-cultural or historical-ethnographic communities. These links between groups of peoples and types of agricultural implements are particularly noticeable if we compare the development of agriculture and agricultural implements within the boundaries of such broad structural units as historical-ethnographic provinces (the East European, the Central Asian, the East Asian etc.)

⁴⁹ Ю. В. Бромлей, Указ. раб., стр. 38.

⁵⁰ См. выступление Ю. Ф. Новикова на «Симпозиуме по аграрной этнографии», «Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук», т. XI, М., 1971, стр. 746—748.

Г. Г. Громов

**СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ ТЕХНИКА
И ЭТНИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ**

Изучение аграрной этнографии затрагивает очень широкий круг проблем. С одной стороны, познание истории развития земледелия невозможно без учета данных специальных разделов агротехники, истории техники, климатологии, ботаники и других наук. С другой — значение земледелия в истории человеческого общества так велико, что оно во многом определяет особенности развития культуры людей. Столь важное значение земледелия для культуры и большое число факторов, влияющих на саму историю земледелия, не позволяют в пределах журнальной статьи изложить сколько-нибудь полно хотя бы основные ее моменты, тем более что история земледелия все еще недостаточно изучена и нет единого понимания даже коренных проблем процесса развития.

В своей первой статье, вызвавшей дискуссию¹, мы ставили перед собой весьма ограниченную задачу — определить главные факторы, влияющие на развитие пахотных орудий. Поводом для такого выступления послужили разногласия между советскими и зарубежными специалистами в понимании определяющих сил развития земледелия, в частности развития пахотных орудий, выявившиеся во время работы специального симпозиума на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук. В своей исходной позиции мы опирались на достижения русской и советской науки о земледелии, в том числе и на работы этнографов (Д. К. Зеленина, Д. В. Найдич-Москаленко и многих других). Поэтому удивляют попытки некоторых оппонентов приписать нам желание противопоставить нашу позицию всему тому прогрессивному, что было сделано предшественниками². Именно Д. К. Зеленину принадлежит честь введения в классификацию нового принципа — рабочих свойств пахотных орудий, чего не было в классификациях зарубежных ученых того времени³. Наша критика некоторых положений в работах этнографов была направлена лишь против непо-

¹ Г. Г. Громов, Ю. Ф. Новиков, Некоторые вопросы аграрной этнографии (далее — СЭ), 1967, № 1, стр. 80—93.

² См. Л. М. Сабурова, По поводу статьи Г. Г. Громова и Ю. Ф. Новикова «Некоторые вопросы аграрной этнографии», СЭ, 1967, № 6, стр. 76—80.

³ Д. К. Зеленин, Русская соха, ее история и виды, Вятка, 1907. Классификация Д. К. Зеленина основана на анализе именно рабочих свойств орудий пахоты русских крестьян. Но в объяснении истории развития Д. К. Зеленин нередко отступает от этого принципа, что неудивительно для уровня науки самого начала XX в. П. Н. Третьяков еще в 1932 г. справедливо, с нашей точки зрения, подверг критике эти недостатки исследования Зеленина, хотя, учитывая новые факты, не все приемлемо сегодня и в работе П. Н. Третьякова (см. П. Н. Третьяков, Подсечное земледелие в Восточной Европе, «Известия ГАИМК», вып. XIV, М.—Л., 1932). Критику некоторых положений П. Н. Третьякова см. Г. Г. Громов, Подсечно-огневая система земледелия крестьян Новгородской области в XIX—XX вв., «Вестник МГУ. Историко-филологическая серия», 1958, № 4.

следовательности, отступлений от основной линии при изучении определяющих факторов развития пахотных орудий.

Справедливы упреки В. М. Сурикова и чешского ученого Я. Крамаржика в том, что для дискуссии не были должным образом сформулированы спорные вопросы⁴. Но мы не можем принять это на свой счет, так как наша статья и не писалась как дискуссионная. Публикация ее в разделе дискуссий была известной неожиданностью и для нас. Мы считали и считаем, что основные положения статьи и исходные позиции нашего подхода к истории пахотных орудий и факторов их развития для советской агроэтнографической школы не дискуссионны. Отдельные же расхождения в понимании конкретных вопросов истории пахотных орудий обычны при научном исследовании.

Это показала и дискуссия. Ее участники не только не критиковали основных положений нашей статьи, но, по мнению одного из них, Я. В. Чеснова, «Многие положения... нашли поддержку даже (!?) среди оппонентов»⁵. Правда, Я. В. Чеснов все-таки находит своеобразный способ критики статьи. Оказывается, нужно критиковать не «отдельные выводы», а некую «определенную концепцию», которую будто бы мы пытались построить⁶. Но так как такой концепции в нашей статье нет, то Я. В. Чеснов строит ее за нас и выступает уже против собственного построения. Следует согласиться с Я. Крамаржиком в том, что дискуссия «переросла границы первоначально обсуждавшейся проблемы»⁷; в основном наша статья оказалась для многих авторов лишь предлогом высказать свои соображения по тем или иным вопросам истории земледелия. Многих из этих вопросов мы вообще не касались в статье, а некоторые затрагивали лишь попутно, в связи с изложением главной темы.

Основные же положения действительно нашли поддержку среди большинства наших оппонентов. Л. М. Сабурова пишет: «Между авторами статьи и остальными советскими этнографами нет разногласий по вопросу о значении почвенно-климатических и иных факторов для конструкции пахотных орудий»⁸. «Как показывает материал по агроэтнографии Юго-Восточной Азии,— утверждают Н. Н. Чебоксаров и Я. В. Чеснов,— особенности земледельческой культуры разных народов складываются в определенных исторических условиях и детерминируются прежде всего социально-экономическим развитием и природной средой»⁹. Значительная часть статьи Л. М. Сабуровой посвящена защите того же тезиса об определяющем значении природных и социально-экономических факторов в развитии пахотных орудий¹⁰. Один из самых резких наших критиков, А. С. Бежкович, отвел этим факторам два раздела своей статьи¹¹. В основном соглашается с нами и Я. Крамаржик, отмечая лишь возможность иного понимания выдвинутых нами положений¹². В. М. Суринов считает, что мы не отразили нашего отношения к системам земледелия, особенностям растений и т. п.¹³, однако в целом и он критикует не то, что мы изложили, а указывает на то, что

⁴ В. М. Суринов, К определению этнических традиций в земледелии, СЭ, 1971, № 3, стр. 51; Я. Крамаржик, Некоторые замечания в связи с дискуссией по аграрной этнографии, СЭ, 1974, № 3, стр. 71.

⁵ Я. В. Чеснов, Социально-экономические уклады и этнические традиции в агроэтнографии, СЭ, 1972, № 4, стр. 64.

⁶ Там же.

⁷ Я. Крамаржик, Указ. раб., стр. 72.

⁸ Л. М. Сабурова, Указ. раб., стр. 77.

⁹ Н. Н. Чебоксаров, Я. В. Чеснов, Некоторые проблемы агроэтнографии Юго-Восточной Азии, СЭ, 1967, № 3, стр. 67.

¹⁰ Л. М. Сабурова, Указ. раб., стр. 76—79.

¹¹ А. С. Бежкович, Еще раз об агроэтнографических исследованиях, СЭ, 1971, № 5, стр. 88, 89.

¹² Я. Крамаржик, Указ. раб., стр. 72—74, 77, 84.

¹³ В. М. Суринов, Указ. раб., стр. 51.

следовало бы изложить. Но ведь в журнальной статье учесть все аспекты одних только пахотных орудий и их роли в культуре человеческого общества невозможно.

Критике подверглись главным образом не основные тезисы нашей статьи, а те замечания, высказанные, кстати, в очень осторожной форме¹⁴, которые касались роли этнических особенностей в развитии пахотных орудий.

Изучая историю развития пахотных орудий на фактическом материале, трудно понять, почему те или иные их особенности (или конструкция в целом) в трудах некоторых этнографов связываются с определенными этническими общностями. И чем тщательнее ведутся исследования, тем все более призрачными оказываются подобные причинные связи. Влияние естественно-географических и технических факторов гораздо логичнее объясняет эти особенности орудий, чем декларируемая роль этнокультурных традиций. Каждый, кто знаком с этнографическими работами по земледелию за последние сто с лишним лет, знает, сколь часто можно там встретить выражения «русская соха», «литовская соха», «немецкий плуг» и т. д. и т. п. Все это стало привычным, воспринимается без сомнений, хотя мне не известны работы, где бы доказывалось, именно доказывалось на основе анализа фактов, что данная форма или особенность орудия свойственна именно этой этнической общности и никакой другой, где бы объяснялось, почему этические связи должны неизбежно порождать ту или иную особенность в технике земледелия. Чаще всего дело ограничивается отнесением таких особенностей на счет «этнической традиции», за которой скрываются как за магической формулой.

К сожалению, подобные приемы были использованы и в развернувшейся дискуссии. Л. М. Сабурова, например, пишет: «Конечно, соха возникла вследствие определенных почвенно-климатических и социально-экономических условий, но на территории расселения определенной этнической общности, и впоследствии была заимствована другими этническими группами с переходом их к земледелию. Об этом свидетельствует и терминология — названия орудия и его отдельных частей, — например, у народов Поволжья»¹⁵. Еще четче подобную точку зрения выражает А. С. Бежкович. «На протяжении многих веков соха считалась русским (великорусским) национальным пахотным орудием. Это обстоятельство доказано Д. К. Зелениным... На огромной территории России соха приобрела областные особенности и наименования „московская с перекладной полицей“, „новгородская коловая“ и др., получили областные названия и усовершенствованные сохи — косули (костромская, ярославская, вятская, владимирская и др.), но в целом это была все та же русская соха»¹⁶. Далее Бежкович повторяет ошибочное утверждение Л. М. Сабуровой о том, что соха заимствована народами Поволжья у русских.

В приведенных выдержках что ни фраза, то противоречие с хорошо известными фактами, которые накоплены советской наукой в результате изучения истории земледелия. Так, благодаря прекрасному исследованию В. П. Левашовой¹⁷ мы теперь знаем, что орудия сошного типа появились в лесной зоне Восточной Европы на рубеже I и II тысячелетий н. э., причем не только в области расселения восточных славян,

¹⁴ Г. Г. Громов, Ю. Ф. Новиков, Указ. раб., стр. 80—82, 92.

¹⁵ Л. М. Сабурова, Указ. раб., стр. 78.

¹⁶ А. С. Бежкович, Указ. раб., стр. 90, 91. Почему-то основное доказательство русского «национального характера» сохи А. С. Бежкович видит в рисунке 28 из работы Д. К. Зеленина (Д. К. Зеленин, Указ. раб.).

¹⁷ В. П. Левашова, Сельское хозяйство (глава в сб. «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.»), «Труды Государственного Исторического музея», вып. 32, М., 1956; см. также приложенную к работе карту находок разных типов лемехов древнерусских пахотных орудий.

но и в Поволжье¹⁸. Заметим, что одновременно с сошниками появляются и «полицы», специальные лопатки, служившие отвалами у сох, хотя полиц найдено намного меньше, чем сошников. Распространение земледелия в лесной зоне Восточной Европы началось задолго до возникновения самого этнонима «русские» и распространялось оно не только из области Среднего Поднепровья, но и из Среднего Поволжья. Любопытно, что типология железных лемехов в Среднем Поднепровье и Среднем Поволжье в принципе одинакова, а появление в обоих центрах примерно одновременно сошников свидетельствует о приспособлении пахотных орудий к условиям лесных подзолов по одному конструктивному пути. Зная подобные факты, нельзя утверждать, что народы Поволжья заимствовали земледелие у русских или какой-либо славяноязычной этнической группы. Не подтверждает этого и анализ терминологии. Так, приведенная в хорошо известных этнографических сводах из серии «Народы мира» терминология по земледельческим культурам и по орудиям земледелия убедительно свидетельствует об их неславянском происхождении. Совпадают названия сохи лишь у русских и мордвы¹⁹.

Наши оппоненты не учитывают некоторые этнографические данные XIX в. о распространении сохи. Область распространения сохи намного шире ареала расселения русских даже в XIX в. Соха встречается не только в Поволжье, но и в Прибалтике, в северной Польше, Финляндии, не говоря уже о Белоруссии и северных районах Украины, т. е. по всей лесной зоне подзолов²⁰. Приведенные в работе В. П. Левашовой карты прекрасно показывают почти точное совпадение ареала распространения сохи с зоной лесных подзолов уже в древности²¹. Но необходимо уточнить и другое. У русских крестьян соха была далеко не единственным орудием пахоты. Не только южнорусские крестьяне широко использовали степной тяжелый плуг и рала как комплекс орудий обработки земли²², но и в ряде северных областей, там, где этого требовали местные почвенные условия, применялись орудия плужного типа, косули²³. И бытование плужного комплекса у русских на юге, и бытование бесполозовых плугов типа косули во Владимирском Ополье археологически засвидетельствовано с эпохи Древней Руси²⁴.

А. С. Бежкович ошибочно утверждает, что косуля — та же соха. Плужный характер косули отмечал еще Д. К. Зеленин, на которого А. С. Бежкович ссылается²⁵. Правда, в XIX в. стали распространяться асимметричные сохи с отвалом, также получившие название косуль²⁶.

¹⁸ Там же, стр. 23—49. Нам известны только железные части (лемехи) пахотных орудий. Благодаря современным достижениям технических наук можно реконструировать и деревянные части этих орудий. Но пока такая реконструкция, требующая кропотливого труда и постановки технических экспериментов, не сделана. Заменяется она гипотезами, выраженными в схемах. См., например, А. В. Чернепов, К изучению генезиса восточнославянских пахотных орудий, СЭ, 1975, № 5, стр. 77.

¹⁹ «Народы Европейской части СССР» (серия «Народы мира. Этнографические очерки»), т. II, М., 1964, стр. 37, 38, 128—130, 230, 231, 335—337, 366, 410—449, 514, 515, 557, 693.

²⁰ Там же. См. также «Народы Зарубежной Европы» (серия «Народы мира. Этнографические очерки»), т. I, М., 1964, стр. 102. О распространении пахотных орудий среди русских крестьян см. соответствующие карты в труде «Русские. Историко-этнографический атлас», М., 1967.

²¹ В. П. Левашова, Указ. раб.; ср. приведенные в работе карты находок железных лемехов и почвенную карту Восточной Европы.

²² «Русские. Историко-этнографический атлас», стр. 44, 48—54; Г. Г. Громов, География пахотных орудий русских крестьян в XIX в., «Доклады по этнографии. Отделение этнографии Географического о-ва СССР», вып. 5, Л., 1967.

²³ «Русские. Историко-этнографический атлас», стр. 42—44; Г. Г. Громов, География пахотных орудий русских крестьян в XIX в., стр. 39—42.

²⁴ В. П. Левашова, Указ. раб., стр. 35—37.

²⁵ Д. К. Зеленин, Указ. раб., стр. 69—82.

²⁶ В труде «Русские. Историко-этнографический атлас» косуля рассматривается

Но они характерны для северных губерний и конструктивно отличны от косуль, бытовавших во Владимирском Ополье и в соседних с ним районах. Произвольно излагает А. С. Бежкович и историю терминов. Название «русская соха» появляется только в работах этнографов XIX в. В русских документах XVI—XVII вв. упоминается просто «соха». Названия же «московская соха» и «новгородская соха» как термины для определенных разновидностей сохи введены в научный оборот Э. А. Каменецкой в ее дипломной работе²⁷, о чем уже мне приходилось писать²⁸ (кстати, и московская и новгородская соха употреблялись с полицей). Таким образом, само название «русская соха» нужно признать не древней традицией, а литературным изобретением этнографов. То же следует сказать и о «малороссийском», или «украинском», плуге, «татарском» сабане²⁹ и т. п. Эти названия вошли в оборот отнюдь не из народной терминологии. Насколько они правомерны, и следовало бы установить на основе тщательного изучения фактов.

Необходимо обратить внимание и на другую сторону подобной увязки типов пахотных орудий с этническими общностями. Если тяжелый степной плуг или соха известны нам уже тысячу лет как орудия обработки почвы у населения Восточной Европы, то как давно известны истории те этнические общности, с которыми их связывают? Я имею в виду не бытование самого этнонима, а время существования определенной этнической общности. Разве можем мы утверждать, что русские или украинцы, в современном этническом понимании, уже сформировались в X—XIII вв.? Когда Л. М. Сабурова пишет об «определенной этнической общности»³⁰, то не совсем ясно, о ком идет речь. О русских? Но в домонгольской Руси этот термин в узком значении относился к Киевской Руси, а в широком — ко всем древнерусским княжествам³¹. Может быть, о вятичах? Они еще упоминались летописями в то время, когда появились сошники, но последние известны и у соседей вятичей — кривичей (позже это владимирцы, суздальцы, ростовцы и др.), и у новгородцев, черемисов, мордвы и многих других. Как видим, не согласуется с фактами и вторая часть привычной формулы «русская соха». Само понятие русские как этническая общность оказывается много «моложе» того типа пахотного орудия, которое называют сохой.

И наконец, самый главный вопрос, возникающий перед исследователем истории культуры: как объяснить — не формальную, внешнюю, а смысловую, причинную — связь явления культуры и этнической общности? Никто из наших оппонентов не предпринял сколько-нибудь серьезной попытки сделать это на основе анализа фактов. Когда речь идет об орудиях обработки почвы, то области, где и до сегодняшнего дня встречается мотыга, чаще всего оказываются и зонами распространения пропашных культур (кукуруза, корнеплоды и т. п.), в выращи-

как единий тип, без выделения упомянутых историко-генетических подтипов. Указываются лишь областные разновидности.

²⁷ Э. А. Каменецкая, Народные пахотные орудия Русского Севера в XIX в. (научный руководитель дипломной работы М. В. Витов, работа защищена на кафедре этнографии Московского университета в 1958 г.).

²⁸ Г. Г. Громов, География пахотных орудий русских крестьян в XIX в., стр. 36.

²⁹ Название «татарский сабан» дано совершенно произвольно. Тюркским термином «сабан» называют тяжелый степной плуг, часто с колесным передком. Железные лемехи таких плугов и ножи-резаки встречаются в археологических находках еще I тысячелетия до н. э. в Поволжье. Этноним «татары» в этих местах стал известен много позже. Скорее всего этот тип плужного орудия и его широкое распространение в лесостепном Поволжье можно связать с населением, вошедшим в состав Булгарского государства.

³⁰ Л. М. Сабурова, Указ. раб., стр. 78.

³¹ А. Н. Насонов, Русская земля и образование территории Древнерусского государства, М., 1951.

вании которых особенное значение имеет послепосевная культивация (окучивание и др.), т. е. работа, выполняемая вручную мотыгой (до введения современной техники). Орудия же плужного типа обычно господствуют там, где распространены растения, не требующие послепосевной культивации (зерновые). Соотношения орудий обработки почвы и свойств растений в данном случае ясны, видна четкая смысловая, причинная связь того и другого. А какой причинной связью можно объяснить то, что земледелец, относящийся к одной этнической общности, должен пахать свое поле сохой, а его собрат, но входящий в другую этническую общность,— пользоваться ралом или плугом? То, что нам известно из истории земледелия, говорит об ином: крестьяне любой национальности сравнительно быстро, в течение нескольких поколений, приспособливали свою земледельческую технику к изменившимся условиям ведения хозяйства, не считаясь с «этническими традициями». Так было с переселенцами, обосновавшимися в Сибири, так было и на Украине после появления ряда новых культур, и в нечерноземной зоне России. Примеры подобных нововведений мы приводили ранее³².

Только двое из участников дискуссии предприняли попытку как-то объяснить наличие этнических традиций в материальной культуре, в том числе и в орудиях труда. Чувствуя шаткость тезиса, утверждающего, что у каждого народа свои собственные орудия труда, В. М. Суринов пишет: «Мы согласны с мнением тех авторов, которые полагают, что этнические особенности отражают прежде всего специфичность в развитии той или иной общности людей. Но нам думается, что эта специфичность формируется из *суммы признаков* (курсив мой.— Г. Г.), многие из которых будут характерны и для других этнически обособленных общностей. Все дело заключается, на наш взгляд, в характере и форме взаимного соотношения признаков. Именно на их основе происходит интегрирование национального самосознания». И далее: «...у каждой этнической общности складывается меняющаяся в своем развитии... мозаика признаков сельскохозяйственного производства»³³. А затем В. М. Суринов говорит о том, что по одним признакам — интенсивности — датчане близки китайцам, а по другим — взаимодействию с растительной субстанцией (?) — датская культура будет... ближе подходить «к такой малоинтенсивной (?) земледельческой культуре, как американская»³⁴. Таким образом, вместо одного нам предлагается сумма признаков, да еще постоянно меняющихся с изменением исторических условий. И все это порождает специфичность в развитии общности людей. В. М. Суринов вообще избегает в этой части своей статьи каких-либо конкретных фактов, примеров (исключая упомянутых датчан, китайцев и американцев и «растительную субстанцию»). Если следовать В. М. Суринову, то у русских крестьян XIX в., составлявших большинство русской этнической общности, должен быть и одинаковый набор, одна «мозаика» признаков. Однако обращение к любому сводному описанию хозяйства русских крестьян этого времени покажет, что такого набора признаков не было: одни возделывали ячмень, овес, рожь, другие — пшеницу, просо, овес; одни пахали сохой, другие — косулей, третьи — плугом и ралами; одни использовали на пахоте лошадей, другие — волов; одни ставили снопы в бабки (суслоны), другие — в «кресты» и т. д. и т. п.³⁵ То же можно сказать о сельском хозяйстве любой сколько-нибудь значительной по численности этнической общности. О разделении на локальные варианты писали и Л. М. Сабурова³⁶ и Я. Крамаржик³⁷. Может быть, я неправильно выбрал признаки и

³² Г. Г. Громов, Ю. Ф. Новиков, Указ. раб., стр. 82, 83, 86, 87, 88.

³³ В. М. Суринов, Указ. раб., стр. 56, 57.

³⁴ Там же, стр. 57.

³⁵ См. «Русские. Историко-этнографический атлас».

³⁶ Л. М. Сабурова, Указ. раб., стр. 76—78.

³⁷ Я. Крамаржик, Указ. раб., стр. 74 и сл.

В. М. Суринов имеет в виду нечто иное? Но выдвигая столь ответственное положение, стоило бы его более фундаментально обосновать. Трудно пройти мимо и «интегрирования национального самосознания», но эта тема уже другой дискуссии.

Более сложное построение предпринял Я. В. Чеснов, выступивший в дискуссии дважды. Нет возможности проанализировать здесь все его рассуждения, ибо они часто противоречивы. Так, в одном месте он критикует нас за то, что систему земледелия мы приравниваем к технологии, а в другом то же делает сам³⁸. В конечном счете дело не в мелких ошибках и противоречиях. Суть рассуждений Я. В. Чеснова такова. Крестьянские орудия крайне просты (?). Одни и те же операции у разных групп крестьян могут быть выполнены разными орудиями — отсюда их разнообразие, наблюдаемое этнографами³⁹. Та же простота орудий приводит к повышению роли навыков, мастерства работника. А это в свою очередь делает главным в развитии производства опыт, который закреплен в традиции, передающейся из поколения в поколение. Следовательно, именно традиции придают этническую специфику всему сельскохозяйственному производству в докапиталистических формациях. В такую устойчивую систему традиций Я. В. Чеснов включает не только орудия труда, но и технологию земледелия, которую он называет то технологическими отношениями между природой и человеком, то системами земледелия⁴⁰. По его мнению, «система земледелия — это прежде всего исторически сложившаяся система. В этом плане каждой из систем свойственны черты единобразия и устойчивости во времени и пространстве, что проявляется, в частности, в сохранении консервативных, традиционных черт, иногда даже вопреки экологической целесообразности»⁴¹. Понимая, что всех этих чисто умозрительных соображений недостаточно, чтобы объяснить, почему те или иные традиции не имеют узколокального распространения, а характерны для многотысячных и даже многомиллионных масс земледельцев, известных этнографам XIX в., Я. В. Чеснов призывает на помощь семиотику⁴². Оказывается, орудия труда наравне с украшениями, именами и т. п. также играют роль метки, знака при общении между разными этническими группами. Так, одна и та же соха при общении русских с татарами будет этническим признаком русских, а при общении русских с русскими или с литовцами не будет этническим признаком, так как и литовцы тоже употребляют соху⁴³.

Все то, что Я. В. Чеснов пишет о роли индивидуальных навыков при обращении с примитивными орудиями труда, вполне справедливо, хотя проблема эта имеет гораздо больше аспектов, чем представляется Я. В. Чеснову. Во-первых, понятия сложности или простоты орудия весьма условны. Палка-копалка совсем не равна по сложности сохе или плугу, особенно если учесть, что последние требуют применения тягловой силы, т. е. образуют единый «механизм» взаимодействия человека, орудия и животного. Как ни отличается эпоха доиндустриального общества от современной, но и в ней необходимо различать определенные этапы в развитии техники, орудий труда. Во-вторых, индивидуальный опыт, искусство не так уже специфичны, как это может показаться, ибо они прививаются человеку коллективом (родителями, соседями), и в

³⁸ Я. В. Чеснов, Указ. раб., стр. 67, 68.

³⁹ Там же, стр. 67.

⁴⁰ Там же, стр. 68, 69.

⁴¹ Там же, стр. 69.

⁴² Как известно, особое внимание к семиотике развились из потребностей ряда технических наук в общей теории информации. В исторических науках знаковое значение некоторых (но не всех!) явлений культуры известно давно. Об этом писал еще Э. Тейлор (см. Э. Тейлор, Первобытная культура, М., 1939, стр. 129).

⁴³ Я. В. Чеснов, Указ. раб., стр. 71. Это положение почти буквально со ссылкой на работу Я. В. Чеснова приведено в книге Ю. В. Бромлея «Этнос и этнография», М., 1973, стр. 66.

этом опыте уровень индивидуального, личного также нуждается в более точном определении.

Общие положения классиков марксизма-ленинизма о характере труда в докапиталистических формациях вовсе не связаны непосредственно с этническими общностями, как это следует из статьи Я. В. Чеснова. Например, К. Маркс писал о различиях между характером труда в докапиталистических формациях и капиталистической, вскрывая, как капитализм делает рабочего придатком машины⁴⁴. Я. В. Чеснов же, приведя цитату, где говорится о внутриобщинной кооперации в пределах одного селения, констатирует: «В этих словах К. Маркса заключена мысль о детерминировании процесса труда в докапиталистические эпохи не только социальными отношениями в производстве, но и вхождением работника в устойчивый коллектив, который является не чем иным, как этнической общностью»⁴⁵. К. Маркс и В. И. Ленин в тех работах, которые цитирует Я. В. Чеснов, не рассматривают племена, народы, нации и тому подобные понятия в этническом смысле. В статье же «Британское владычество в Индии», где К. Маркс более подробно пишет о внутриобщинной кооперации в некоторых селах Индии, приведена и обширная выдержка из одного отчета, которая не оставляет сомнения в том, что К. Маркс имеет в виду отдельную деревенскую общину, а не «этническую общность»⁴⁶.

Все та же «простота» помогает «традиции» охватывать весь этнос, так как этот этнос состоит в основном из крестьянства⁴⁷. Таким образом, получается, что простота (мифическая! — Г. Г.) орудий труда то приводит к большой роли индивидуальных навыков (а это в свою очередь рождает разнообразие орудий труда), то помогает охватывать весь этнос, ибо он состоит из крестьян. И все это утверждается без какой-либо попытки серьезно проанализировать факты, доказать декларируемые положения на конкретных примерах.

Здесь не стоит разбирать столь же сложные рассуждения Я. В. Чеснова о системах земледелия. Напомню, что в нашей первой статье речь шла об орудиях труда, а не о системах земледелия. Важно отметить, что Я. В. Чеснов, приписывая системе земледелия чуть ли не главную роль «в сохранении консервативных, традиционных черт», вместо доказательств приводит самые общие (всего на полстраницы) замечания об устойчивости локальных традиций во всем мире⁴⁸.

Не отрицая ни устойчивости систем земледелия и отдельных агротехнических приемов, ни того, что все они возникли исторически, позволим себе задать тот же вопрос: а как относит все это Я. В. Чеснов с этносами? Хотя бы один конкретный пример? Например, трехполье и русские, подсека таежного типа и карелы, «заливной» рис и китайцы. Но таких примеров наука не знает. Поэтому-то так много рассуждений вообще и так мало фактов.

⁴⁴ Многие страницы IV отдела I тома «Капитала» К. Маркс посвятил анализу роли прибавочной стоимости в преобразовании характера особенностей и процессов труда в капиталистическом производстве. Можно легко убедиться, что главное внимание в этом отделе, названном «Производство относительной прибавочной стоимости», К. Маркс уделил не крестьянству — о нем упоминается лишь попутно, для сопоставления, а первичным формам капиталистического производства (кооперация — мануфактура), применению машин и их роли в крупной промышленности. См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Собр. соч., т. 23, стр. 322—515.

⁴⁵ Я. В. Чеснов, Указ. раб., стр. 66.

⁴⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Собр. соч., т. 9, стр. 134—136. Заметим, что ремесло Индии имело разные формы организации, а не только ту, о которой пишет Я. В. Чеснов. Столы же своеобразно Я. В. Чеснов цитирует и В. И. Ленина. Так, в работе «Развитие капитализма в России» (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 3) на указанной Я. В. Чесновым стр. 354 речь идет только о труде ремесленников, а не крестьян. Красноречиво и название цитируемой главы — «Капиталистическая простая кооперация».

⁴⁷ Я. В. Чеснов, Указ. раб., стр. 67.

⁴⁸ Там же, стр. 69.

Привлекая семиотику, Я. В. Чеснов сам опровергает все свое построение, признав, что соха может быть и одновременно не может быть этнической спецификой земледельческой культуры⁴⁹. Уж либо этническое значение орудий вырастает из «свойств труда», как он пытался доказать в первой части статьи, и тогда эта «этничность» органически присуща земледельческой культуре, либо подобная «этничность» корениится лишь в сфере сознания, понимания самого явления. Но как раз такое понимание и, является предметом спора. Дело не только в том, что у разных этнических общностей и групп оказываются орудия пахоты почти идентичной конструкции (те же сохи у русских и литовцев и др.). Важно другое: у русских крестьян было несколько типов пахотных орудий, и «сабан» конструктивно — тот же плуг, который известен в литературе то как «южнорусский», то как «малороссийский», то как «украинский», а на деле его справедливее всего было бы называть «степным плугом». И когда этого требовали местные условия земледелия, то русские пахали плугом, а татары — сохой⁵⁰. Изучение же истории пахотных орудий в связи с этнической историей соответствующего региона вскроет еще более сложные соотношения между этническими группами и типами пахотных орудий. Как видим, попытка Я. В. Чеснова «теоретически» объяснить причинные связи между этносом и типами пахотных орудий не удалась.

В ходе дискуссии выявилось значительное расхождение и среди сторонников этнической специфичности орудий труда. Одни (Л. М. Сабурова и А. С. Бежкович) считают, что связь этноса с типами земледельческих орудий — исторически сложившееся явление. В. М. Суринов пытается объяснить эту связь с помощью «комплекса признаков», опуская вопрос о причинах. Я. В. Чеснов создает целую теорию, хотя основные ее положения не выдерживают проверки фактами и в конечном итоге оказывается, что это построение весьма условно (теория меток). Такие разногласия среди наших оппонентов не случайность. Они свидетельствуют о том, что многие представления об этнической специфичности тех или иных элементов народной культуры нуждаются в серьезном анализе. Современной наукой накоплено достаточно фактов, чтобы проверить, насколько те или иные особенности культуры, еще сто лет назад казавшиеся этнографам свойственными культуре народа, этноса, обладают такой специфичностью, всегда ли традиция в культуре, в том числе и устойчивая, связана с этносом.

Теоретическая разработка этнических процессов ставит перед исследователем немало неизученных, слабо изученных и спорных проблем. Об этом свидетельствуют длительные дискуссии в наших исторических и даже естественно-научных журналах⁵¹. До сих пор нет единства мнений в определениях этнической общности и отдельных ее типов. Еще более возрастает сложность задач перед учеными, исследующими взаимоотношения этнических общностей и культуры. Ведь и само понятие «культура» трактуется авторами различно: то в него включается вся жизнь человеческого общества⁵², то только духовная культура, то всего лишь сумма положительных знаний (без религии). Причем авторы порой не дают себе труда выявить объем понятия, которым оперируют. Дело осложняется еще тем, что исторически проследить эти процессы удается далеко не всегда: наши источники не щедры ни на сведения по этнической истории, ни на материалы по народной культуре. Приходится буквально по крупицам восстанавливать реальный ход процессов. И работа эта еще очень далека от завершения. Здесь особенно

⁴⁹ Там же, стр. 71.

⁵⁰ «Народы Европейской части СССР», т. II, стр. 645.

⁵¹ Ю. В. Бромлей, Этнос и этнография. В книге дан критический разбор различных точек зрения и приведена почти исчерпывающая библиография проблемы.

⁵² Там же, стр. 47—51.

нужна осторожность в обобщениях и определениях, опора на проверенные факты, а не на сомнительные теории, хотя и привычные.

Среди дискуссионных статей хотелось бы особенно отметить статью Я. Крамаржика именно за те ее качества, которые приглашают к размышлению, к уточнению понятий нашей науки, изучаемых ею явлений. И хотя Я. Крамаржик не принял категоричности нашего определения роли этнических традиций в земледелии⁵³, он не отрицал и справедливоости ряда наших положений. Многие из приведенных им конкретных примеров и наблюдений (различия между зоной распространения духовной печи и зоной камина, роль традиций в сохранении положительных знаний и др.) заслуживают внимания историков культуры, тем более что аналогичные наблюдения можно сделать и по археологическим материалам. Но я бы не решился, как не решается и сам Я. Крамаржик, приписать распространение, например, камина какой-либо волне переселенцев определенной этнической принадлежности⁵⁴. Что подобные явления не случайны — это ясно. Но чем, какими причинами они вызваны, как могут быть объяснены — нерешенная пока еще задача историков культуры. Согласен и с тем, что полное отрицание всех и всяких этнически специфичных свойств в культуре было бы так же неудачно, как и их произвольное утверждение. Я. Крамаржик очень осторожно, на конкретных примерах стремится это показать. Но и в нашей статье, когда речь идет о культуре в целом, проявлена необходимая осторожность. Я убежден, что целый ряд особенностей в культуре имеет непосредственную связь с определенными этническими группами. Надо лишь ограничить эти особенности от тех, которые не наделены такой специфичностью. И еще, необходимо каждый раз и убедительно доказывать, что и почему служит этнической особенностью. Уверен, что если этнографам пока не ясны «технические причины» тех или иных особенностей орудий пахоты или способов упряжи, то это еще не дает основания объяснить их этнической спецификой.

Видимо, и сами этнические общности Я. Крамаржик понимает по-своему. А ведь от понимания содержания понятия «этническая общность», места расселения этой общности, уровня ее исторического развития зависит многое в подобных исследованиях. Если считать, что была некая общеславянская культура, отличная от кельтской или германской, то это определит одни исходные позиции в изучении культуры и крестьян XIX в., если же считать, что такой единой культуры не было, а были местные, локальные этнографические группы (кажется, Я. Крамаржик склоняется к этому?)⁵⁵, то выводы будут другие.

Не могу не согласиться с заключением Я. Крамаржика: предстоит еще очень много работы, прежде чем мы придем к научно достоверным выводам по многим спорным проблемам⁵⁶.

Следует уточнить и наше отношение к роли тех формально-типовологических схем и классификаций, которые, по справедливому замечанию наших оппонентов, играют роль рабочего инструмента в обобщении фактов⁵⁷. В нашей статье мы вовсе не отрицали такой роли, а имели в виду те «теории», которые создаются на основе подобных формально-типовологических схем. Я. Крамаржик признает, что подобные теории сыграли небольшую роль в исследовании подлинной истории земледелия⁵⁸. Это и неудивительно. Схема-абстракция необходима в любой науке, особенно же в тех науках, где ограничена роль опыта, эксперимента. Но эта схема должна отражать действительные закономерности

⁵³ Я. Крамаржик, Указ. раб., стр. 73.

⁵⁴ Там же, стр. 77, 78.

⁵⁵ Там же, стр. 78, 79.

⁵⁶ Там же, стр. 82.

⁵⁷ Там же, стр. 73.

⁵⁸ Там же, стр. 73.

развития явления — тогда она помогает научному познанию; если же схема строится по несущественным, внешним, формальным признакам, она приводит к неверным выводам и заключениям. Против последних построений мы и выступали. Хотя классификации Г. В. Фирстова и Д. К. Зеленина в свете современных данных нуждаются в уточнениях, они и до сих пор сохраняют свою познавательную ценность, так как отражают реальную зависимость типов почвообрабатывающих орудий от условий их применения.

Когда перед исследователем встают проблемы соотношения этноса, этнических общностей и их культуры, необходимо учитывать некоторые общие моменты теоретического порядка. Прежде всего следует отдавать себе отчет в том, что за явление культуры перед нами, по каким законам оно развивается, какое место занимает в жизни человеческого общества, т. е. какова внутренняя логика его развития. Мы уже писали о том, что вряд ли правильно одинаково оценивать и одинаково подходить к разным в этом смысле явлениям культуры⁵⁹. Законы развития производительных сил отличаются от тех, что управляют развитием языка как средства общения людей, законы развития украшений — от развития жилых и хозяйственных построек и т. д. Каждое из этих явлений культуры, хотя все они так или иначе создаются человеческим обществом, развиваются по-своему, обслуживают разные сферы жизни людей. И специфику динамики каждого такого явления необходимо учитывать, когда речь идет о соотношении этноса и культуры.

Исходя из этого, надо рассматривать и те специальные отношения, связи, которые устанавливаются между этнической общностью и данным явлением культуры. Прежде всего следует установить, есть ли такая связь вообще. Здесь важно не просто формальное совпадение, хотя бы по территориальному принципу⁶⁰, а связь по существу, исходящая из внутренней логики развития обоих объектов исследования — этноса, этнической общности, народа (в этническом смысле этого слова) и данного явления культуры. Совпадение может быть и случайным, и времененным. То, что русские крестьяне Севера до начала XX в. пользовались подсечно-огневой системой земледелия, а среднерусские — нет, еще не дает права считать их разными этническими группами, и наоборот, то, что многие народы Севера Европейской России знали эту систему, не дает права причислять их к одной этнической общности. В этнографии давно известно понятие хозяйственно-культурного типа, объясняющее закономерность подобных совпадений совсем иными, не имеющими отношения к этносу, причинами⁶¹.

Для нас важны отношения органические, которые по внутренней логике обоих сопоставимых объектов изучения — этноса и явления культуры — делают связь между ними объяснимой, понятной. Так, например, обстоит дело с языком. Поскольку внутри общности людей устанавливаются постоянные и необходимые связи, приводящие и к необходимости постоянного общения в той или иной форме (непосредственного или опосредованного литературным языком в науке, производстве, обучении, торговле и т. д.), то естественно возникает и единство языка данной общности, будь то язык племени или нации.

Та же внутренняя связь явлений обнаруживается, например, при рассмотрении знаменитых комплексов височных украшений восточнославянских племен IX—XIII вв.⁶² Для тех, кто носил эти украшения,

⁵⁹ Г. Г. Громов, Ю. Ф. Новиков, Указ. раб., стр. 81, а также примеч. 33 к стр. 92.

⁶⁰ Как считает, например, Л. М. Сабурова (Указ. раб., стр. 78).

⁶¹ М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров, Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области, СЭ, 1965, № 4.

⁶² Л. А. Авдусин, Археология СССР, М., 1967, стр. 83—91; «История СССР с древнейших времен до наших дней», М., 1966, стр. 342, 343.

они были символами их племенной принадлежности, их особого места в племенных союзах, которые они возглавляли. Функциональное назначение украшений как социального отличия (в данном случае этнического) несколько не противоречит тому, что область распространения таких признаков отождествляется нами и с областью расселения определенной этнической группы. Здесь связь явления культуры и этноса вытекает из органической обусловленности этого явления, объясняется внутренними закономерностями.

И этнические общности, и любое явление культуры — не статические величины. Каждая из них развивается и изменяется вместе с развитием человеческого общества. Роль украшений в коллективе первобытных охотников в целом не та, что в племенном союзе вятичей, и наше отношение к украшениям отлично от того, каким оно было в прошлые эпохи. Традиционность локальных типов крестьянского костюма в Европе почти полностью исчезла не только под написком моды и индустриального производства тканей и готовой одежды, но и в связи с изменением отношения к назначению таких костюмов и их деталей в жизни.

В. И. Ленин неоднократно отмечал, что развитие товарных отношений, обмена приводит к уничтожению средневековой обособленности отдельных локальных и социальных групп населения, он подчеркивал прогрессивность «капитализма, который разрушает в самом основании старинные формы хозяйства и жизни с их вековой неподвижностью и рутиной, разрушает оседлость застывших в своих средневековых перегородках крестьян и создает новые общественные классы, по необходимости стремящиеся к связи, к объединению, к активному участию во всей экономической (и не одной экономической) жизни государства и всего мира»⁶³. Разрушение такой обособленности местных и сословных групп неизбежно приводит и к исчезновению характерных для них особенностей одежды, украшений и т. п.

Исторически меняются и сами этнические общности. Племенная общность перерастает в племенные союзы. Обособленность населения отдельных феодальных земель уступает место национальному единству. За этой сменой типов этнических общностей скрываются не только количественные изменения. Несомненно, меняются и сами этнические отношения, характер и степень этнических связей. Все это не может не оказывать влияния на соотношение этноса и его культуры.

В классовом обществе такое соотношение осложняется различием между культурой народных масс и культурой господствующих слоев населения. В связи с этим никак нельзя согласиться с тенденцией, которая достаточно ясно прослеживается в статье Я. В. Чеснова: крестьянская культура и есть культура этноса, всего этноса, раз крестьянство составляет большинство населения⁶⁴. Уровень культуры народа, степень ее развития определяется далеко не одним демографическим соотношением, и в любой капиталистической стране роль городской промышленности и городской культуры, их удельный вес в общенациональной культуре куда больше, чем значение крестьянской культуры, хотя крестьянство в отдельных случаях может и составлять большинство населения. Но и культура «докапиталистической эпохи»⁶⁵ (Я. В. Чеснов предпочтет таковой расширительный термин) достаточно сложна, так как кроме культуры эпохи первобытности в нее необходимо включить культуру феодального общества. И как ни называть этнические общности феодального периода — «народностями» или «протонародностями», — культура их не определяется культурой только крестьянских масс с сохами, куриными избами, армяками и лаптями и т. п. Культура русского народа, например эпохи феодализма, была несравненно богаче, и не случайно

⁶³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 3, стр. 382.

⁶⁴ Я. В. Чеснов, Указ. раб., стр. 67.

⁶⁵ Там же.

она тщательно изучалась не одним поколением специалистов различных наук⁶⁶. С полным основанием то же можно сказать о культуре каждого народа: культура любого этноса и в докапиталистические эпохи не исчерпывается тем уровнем, которым вынужден был довольствоваться беднейший класс феодального общества — крестьянство.

Как известно, орудия труда входят в неразрывной составной частью в «материальные производительные силы общества»⁶⁷. Оценивая роль и значение орудий труда, их место в культуре человеческого общества, мы исходили и исходим из хорошо известного марксистского положения о том, что «объективные условия производства материальной жизни» создают «базу всей исторической деятельности людей»⁶⁸ (курсив мой.— Г. Г.). «Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни»⁶⁹. Если исходить из этого ясного и определенного положения марксизма — производительные силы и производственные отношения лежат в основе всех форм общественного, социального развития,— то нужно сделать вывод, что они неизбежно лежат и в основе такой специфической, но все же социальной формы человеческих отношений, какой являются отношения этнические⁷⁰. Конечно, реальные отношения этих сфер жизни человеческого общества представляют собой весьма сложную систему, в которой и надлежит разобраться науке. Однако нельзя же при определении основных факторов путать причины и следствия. Если мы, говоря об орудиях обработки почвы, пытаемся выявить совершенно реальные и объяснимые причины тех или иных их особенностей — климат, почву, условия взаимодействия орудия с этими факторами, влияние более сложных, можно сказать, «косвенных» причин — свойств растений, социально-экономические факторы и т. п., то нам возражают, что мы не учитываем «национальной основы сельскохозяйственных орудий»⁷¹.

Несколько более туманно, но по сути дела в том же духе эта мысль выражена с помощью тезиса об «этнических традициях»: «Традиция эта приобретает известную устойчивость и сохраняется некоторое время (какое? — Г. Г.) тогда, когда условия жизни народа изменяются. Это не значит, конечно, что этническая традиция вообще остается неизменной. Однако темпы ее изменений обычно отстают от темпов социально-экономического развития тех народов, которые ее в свое время выработали»⁷².

Не стоило бы возражать авторам такого определения традиций, в том числе и этнической, если бы речь шла об обрядах, орнаментах или аналогичных явлениях духовной жизни. Но ведь речь идет об орудиях труда и их особенностях. Конечно, такие особенности, как украшение палки-копалки перьями или сопровождение работы боем барабанов, можно объяснить с помощью подобного толкования традиций⁷³. Но когда речь идет о чисто конструктивных деталях плуга, от которых, как мы пытались показать, зависит работа этого орудия и в определенной степени урожай, то сколько-нибудь длительное «отставание» в создании наибо-

⁶⁶ Только культуре древней Руси посвящено два тома большого исследования «Культура Древней Руси» (т. I, II, М., 1951). Последующий период рассматривается в сводных научно-популярных работах «Очерки русской культуры XIII—XV вв.» (М., 1969). Специальная же литература насчитывает тысячи книг, статей, заметок.

⁶⁷ К. Маркс, К критике политической экономии, К. Маркс и Ф. Энгельс, Собр. соч., т. 13, стр. 6.

⁶⁸ В. И. Ленин, Карл Маркс, Краткий биографический очерк с изложением марксизма, Полн. собр. соч., т. 26, стр. 58.

⁶⁹ К. Маркс, К критике политической экономии, стр. 7.

⁷⁰ Из ученых, принявших участие в широкой дискуссии об этнических общностях, только Л. Н. Гумилев выдвинул откровенный тезис о биологической природе этноса. См. Л. Н. Гумилев, О термине «этнос», «Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР», вып. 3, Л., 1957, стр. 15.

⁷¹ Л. М. Сабурова, Указ. раб., стр. 78.

⁷² Н. Н. Чебоксаров, Я. В. Чеснов, Указ. раб., стр. 59, 60.

⁷³ Там же, стр. 63.

лее целесообразных в данных условиях форм самого орудия и в совершенствовании методов работы с ним грозит голодной смертью. В этих условиях привычка, традиция, т. е. прежний опыт, держатся лишь до тех пор, пока владелец не убедится в непригодности орудия к новым условиям.

Не следует упрощать процессы сохранения или изменения орудий труда прежде всего потому, что орудия эти далеко не единственное условие успешной производственной деятельности человека. Рассматривая земледельческие орудия, а еще уже — орудия обработки почвы, следует обязательно иметь в виду, что перед нами лишь один из многих элементов, слагающих целый комплекс процесса земледелия. В таком комплексе, во-первых, есть определенные стадии общего технологического процесса: подготовка почвы, уход за растениями, уборка, переработка урожая. И на каждой используются свои орудия труда, свои приемы работы. Во-вторых, на каждой такой стадии (и в общем процессе труда) орудия строго скоррелированы с приемами работы, т. е. с технологическими способами и задачами технологии в целом. В-третьих, земледелие, если оно сколько-нибудь развито, практически превращается в длительный, многолетний цикл производства, так как кроме получения урожая в этом году земледелец создает тем или иным способом, в зависимости от местных природных условий и других факторов (в том числе и социально-экономических), условия для получения урожая и в будущем. Если главная цель земледелия — урожай, и в этом смысле правильнее говорить о «возделывании растений», а не земли, то забота по воспроизведству земли, поля как средства получения будущих урожаев для систематического земледельческого хозяйства становится необходимой частью работы. А это отражается на орудиях труда. Наконец, само земледелие — всего лишь одна из отраслей хозяйства. Даже в современном, глубоко специализированном хозяйстве земледелие в той или иной степени сочетается с животноводством или другими занятиями, не говоря уже о том, что почти всегда перед нами хозяйство, выращивающее различные культуры, т. е. сочетающее в себе разные «частные технологии», ибо растения требуют применения «индивидуальной» агротехники для каждого из них.

В натуральных и полунатуральных крестьянских хозяйствах⁷⁴ земледелие связано в пределах единой хозяйственной системы (хотя бы и локальной) со многими отраслями: животноводством, охотой, рыболовством, домашним ремеслом и др. Перед нами сложный комплекс отраслей хозяйства, обеспечивающий жизненные потребности крестьянской семьи или другого локального коллектива всем необходимым. Только по недоразумению можно представить себе внутрихозяйственные связи в таких коллективах как «простые». То, что они проще связей в современном индустриальном обществе, не делает их наглядными, «лежащими на поверхности», видимыми с первого взгляда. Если же прибавить к этому, что крестьянские хозяйства издавна были связаны с деятельностью хотя бы узколокальных центров металлургии и кузнецкого промысла⁷⁵ и так или иначе экономически взаимодействовали с городскими посадами, а позднее и с городской промышленностью, то это еще более усложняет процессы, которые происходили в пределах отдельного хозяйства или в пределах всей деревенской общины.

Поэтому, когда мы говорим об изменениях в традиционной технике крестьянского хозяйства, следует считаться с тем, что это сложный экономический организм, части которого как раз в силу традиционности в

⁷⁴ Я. В. Чеснов предпочитает употреблять собственный термин «мелконатуральное хозяйство». Чем оно отличается от просто «натурального» хозяйства или «крупнонатурального» — неясно.

⁷⁵ Археологические материалы о роли таких центров см. Б. А. Рыбаков, Ремесло Древней Руси, М., 1948.

течение многих поколений оказались прекрасно пригнанными друг к другу. Изменение в одной части вызывало цепную реакцию во всей системе. Несомненная устойчивость, «традиционность» многих приемов и методов хозяйства, орудий труда (хотя это не следует и преувеличивать) объясняется вовсе не приверженностью к некой модели этнической культуры, а тем, что какое-либо нарушение в одной части хозяйства неизбежно затрагивало и все остальное. Сопротивление русских крестьян введению картофеля стало хрестоматийным примером косности всей системы крепостнических порядков. Но происходило это не столько в силу «темноты», сколько потому, что сроки вегетации картофеля и весь цикл необходимых для его выращивания работ накладывались на привычную, хорошо «отработанную» систему традиционного зернового земледелия, нарушая баланс трудовых затрат, вызывая дополнительное напряжение в саду, и так перегруженную работами по уборке и обработке зерновых. То же нужно сказать и о культуре льна, так как льноводство стало широко распространяться в крестьянском хозяйстве ряда областей только со временем развития товарных отношений, когда крестьяне получили возможность покупать хлеб на рынке за деньги, вырученные от продажи льна. Любопытно, что известное дворцовое село Брейтово, производившее в XVII в. лен и льняные ткани для государева двора, получало тогда хлебное довольствие.

Прежде чем отнести те или иные элементы хозяйственной жизни крестьянства, в частности орудия труда, на счет этнической традиции, т. е. в конечном счете этнической психологии, этнического сознания, следовало бы каждый раз внимательно проверить, а нет ли более реальных и понятных причин устойчивости этих характерных черт во всей экономической системе (и не только экономической) изучаемой группы населения. Уверен, что многие из тех конкретных примеров, которые приводились нашими оппонентами, после такого подхода дадут отнюдь «не этнические» причины происхождения и стабильности как особенностей орудий труда, так и приемов земледелия. Но подобный анализ — дело специалистов, изучающих культуру данного народа, данной этнической группы, так как только они, владея материалом, могут проследить сложную систему взаимосвязей. Таким образом, когда оказывается, что у одной этнической группы одни приемы агротехники и орудия труда, а у другой — другие, хотя живут они в сходных экологических условиях, необходимо учитывать весь комплекс их хозяйственной жизни, а не только земледелие.

Выше уже было сказано, что наши оппоненты признают как роль «производственных факторов», так и роль этнических факторов в формировании особенностей земледельческих орудий. Подобная позиция в принципе не нова. Известный немецкий исследователь Р. Браунгарт в 1912 г. писал: «Земледелие и сельскохозяйственное производство любой страны в значительной степени носит отпечаток присущего этой стране климата, почвы, условий произрастания растений. Почвообрабатывающие орудия, напротив, меньше зависят от этих факторов, чем от проявлений деятельности народного духа»⁷⁶. Конечно, теперь трудно найти сторонников столь откровенно идеалистической позиции. Я. Крамаржик считает, что подобным построениям и места не должно быть в науке⁷⁷. Но для того чтобы действительно сдать в архив подобные идеи, нужно либо ясно и четко объяснить место и роль этнических традиций в сфере производства, вскрыв не только факты простого совпадения, но и внутреннюю, причинную связь этих явлений, либо отказаться от утверждения, что этнические традиции играют сколько-нибудь определяющую роль в развитии орудий труда и тому подобных явлений культуры.

⁷⁶ R. Braungart, Die Urheimat der Landwirtschaft, Heidelberg, 1912, S. 181.

⁷⁷ Я. Крамаржик, Указ. раб., стр. 73, 74.

Политическое значение национальных отношений в наше время сильно возросло. Проблемы истории развития культуры в этническом плане оказываются весьма актуальными. Здесь особенно важно выявить действительные причины, определяющие факторы развития. Задача эта не только сложна, но и очень ответственна. Конечно, в десяти статьях прошедшей дискуссии невозможно было решить все спорные вопросы даже одной сравнительно узкой темы. Можно надеяться, что этот обмен мнениями поможет дальнейшей работе в поисках истины.

AGRICULTURAL TECHNOLOGY AND ETHNIC TRADITIONS

One of the authors of the opening paper in the discussion on agroethnography here replies to his opponents. He notes that the discussion has to a considerable extent passed beyond the boundaries of the original subject. Most opponents recognize in one way or another the decisive role of natural, technological and social-economic factors in the development of ploughing implements; it was this that the authors of the initial paper in the discussion had sought to show.

However, most participants in the discussion disagree with the negative attitude taken by G. G. Gromov and Yu. F. Novikov towards the role of ethnic factors in the development of agricultural implements. In the present paper the author examines the objections that have been raised and strives to show that the proclaimed links between certain ethnic communities and concrete types of ploughing implements are not substantiated by the available factual material. The author stresses, supporting his views by theses maintained by K. Marx and V. I. Lenin, that labour tools (including ploughing implements) are elements of society's productive forces; these, together with the relations of production, determine all forms of social relations including ethnic ones. The author holds the view that historians of agriculture have much work before them in studying the complex interconnections between the various elements of the economic system as a whole. Regarding the role of ethnic aspects in other fields of culture the author stresses the importance of discovering in every case the internal causal links between the cultural phenomenon and the given ethnic unit.

К ИТОГАМ ДИСКУССИИ ПО АГРАРНОЙ ЭТНОГРАФИИ

Подводя итоги широкой дискуссии, развернувшейся на страницах журнала «Советская этнография» после появления в 1967 г. статьи Г. Г. Громова и Ю. Ф. Новикова «Некоторые вопросы агроэтнографических исследований», редакция, прежде всего, отмечает, что в дискуссии приняли участие многие видные специалисты в области истории земледельческой техники. Дискуссия была плодотворной, в ней было высказано немало ценных соображений. Особенно важно, что в ходе обсуждения затронут ряд теоретических проблем, далеко выходящих за рамки собственно этнографического изучения пахотных орудий и традиционного земледелия. При этом в центре дискуссии оказался вопрос о роли этнокультурных традиций в развитии материальной культуры вообще, трудовых земледельческих навыков и пахотных орудий в частности.

Г. Г. Громов, Ю. Ф. Новиков, а также поддержавший их позицию А. А. Шенников, справедливо критикуя «жесткую» привязку отдельных типов пахотных орудий к определенным этносам, вообще отрицают роль этнокультурных традиций в истории этого компонента материальной культуры. Они утверждают, что сельскохозяйственные орудия труда лишены этнической специфики, что все разнообразие видов и форм пахотных орудий обусловлено только общественно-экономическими и географическими факторами. Другие же советские участники дискуссии — Н. Н. Чебоксаров, Я. В. Чеснов, Л. М. Сабурова, А. М. Суринов, А. С. Бежкович, А. В. Чернецов, Б. В. Андрианов, а также чешский ученый Я. Крамаржик, не отрицают определяющего значения указанных факторов, не согласились с негативным отношением к роли этнических традиций в развитии земледельческих орудий; но некоторые из этих ученых не избежали излишне прямолинейной трактовки этой роли.

Оценивая основные точки зрения, выявившиеся в ходе дискуссии, необходимо прежде всего подчеркнуть неправомерность упрощенного подхода к проблеме соотношения этноса и земледельческих орудий труда. В основе такого подхода лежит, в частности, представление о том, что этнодифференцирующие функции выполняют только те компоненты культуры, специфические черты которых характерны лишь для данного этноса. Подобный подход ведет иногда как к отрианию роли этнических традиций в развитии пахотных орудий, так и к абсолютизации этой роли, что, как показала дискуссия, нельзя признать правомерным.

Взаимосвязь между этносом и земледельческими орудиями (как, впрочем, другими компонентами традиционной материальной культуры) отличается большой сложностью. Как показала, в частности, работа над историко-этнографическими атласами, границы распространения тех или иных компонентов материальной культуры (жилище, пища, одежда и т. д.) почти никогда точно не совпадают с ареалами расселения соответствующих этносов. Даже такой важнейший этноопределитель, как язык, очень часто, помимо основного народа, в той или иной мере обслуживает несколько других этносов. Точно так же границы распространения земледельческих орудий, в частности пахотных, чаще всего совпадают не с ареалами расселения отдельных этносов, а с границами определенных хозяйствственно-культурных типов или историко-этнографических областей.

Это, однако, не мешает специфическим особенностям земледельческих орудий выполнять этнодифференцирующие функции на рубежах хозяйствственно-культурных типов и историко-этнографических областей в той мере, в какой эти рубежи совпадают с границами этносов. Более того, известны случаи, когда даже у этносов, живущих по соседству, в сходных естественно-географических условиях и принадлежащих к одному и тому же хозяйствственно-культурному типу, обнаруживаются различия в некоторых элементах земледельческой техники в силу этнических традиций.

Для правильного понимания роли этнических традиций в развитии земледельческой техники важно учитывать, что наряду с орудиями труда главным элементом производительных сил является человек с его знаниями, опытом и навыками к труду. Эти навыки, приемы, необходимые для работы, в частности с пахотными орудиями труда, не могут быть механически отделены от самих предметов материальной культуры. Передача от поколения к поколению земледельческих навыков в прошлом, до внедрения науки в земледелие, была всегда так или иначе связана с этнокультурными традициями, которые включали как локальные, разделяющие народы особенности, так и компоненты культуры, характерные для многих соседних этносов. Разумеется, этнические традиции следует рассматривать как исторически преходящее явление, возникающее в определенных социально-экономических и экологических условиях развития этносов. Традиции эти приобретают, однако, известную самостоятельность, сохранившись даже некоторое время и тогда, когда условия жизни народа меняются, и порой продолжают оказывать влияние на производство, в частности на земледелие и типы пахотных орудий.

Отрицание роли этнокультурных традиций в истории земледельческих орудий по существу лишает агроэтнографию основного этнографического содержания. А между тем агроэтнография — одна из перспективных и важных отраслей этнографической науки. Несомненно, существует еще немало дискуссионных вопросов в истории земледелия. Для их решения целесообразно объединить усилия специалистов разных дисциплин.

Редакция

CLOSING THE DISCUSSION

An article by G. G. Gromov and Yu. F. Novikov («Agricultural technology and ethnic tradition», «Sovietskaya ethnografiya», 1967, № 1) provoked a wide discussion on the role of ethnocultural traditions in the development of agricultural technology. Most participants consider that an outright negation of the impact of ethnic factors on the evolution of agricultural implements, as proposed by G. G. Gromov and Yu. F. Novikov, is unfounded. The discussion proved that agroethnography is an important field of ethnographic research; that in studying its problems we have to avoid any oversimplified approach to the question of interrelations of ethnic traditions and agricultural technology.

Сообщения

К. К. Чербуленас

ОРГАНИЗАЦИЯ МУЗЕЯ НАРОДНОГО БЫТА ЛИТОВСКОЙ ССР

У нового поселка Румшишкес, расположенного на берегах Каунасского моря у устья Правена, недалеко от автомагистрали Вильнюс—Каунас летом 1966 г. начали создавать Музей народного быта Литовской ССР. К настоящему времени из разных мест Литвы сюда уже перевезено более 70 построек, в них создан соответствующий местности и назначению построек интерьер.

Идея создания музея народной архитектуры, искусства и быта литовцев сама по себе не нова. Попытки основать такой музей предпринимались в Литве еще в начале XX в. передовыми литовскими научными и общественными организациями¹.

Много говорилось и писалось об организации музея народного быта в годы буржуазной диктатуры. Инициативу в этом деле взяла на себя «Сельскохозяйственная палата»: в 1930 г. на площади Пародос («Выставочная») в Каунасе был восстановлен старый литовский дом — *numas* XVIII в. с открытым очагом в жилой части. До 1940 г. на площадь Пародос, кроме *numasa*, перенесли также пять клетей и большой скотный двор с открытым денником. Во время Великой Отечественной войны и в годы немецкой оккупации все эти постройки были уничтожены, а находившиеся в них экспонаты (мебель, утварь, орудия труда, образцы народного искусства) были расхищены. После войны музей народного быта надо было создавать заново.

12 февраля 1958 г. состоялся X съезд Коммунистической партии Литвы. В своем докладе первый секретарь ЦК КП Литвы А. Снечкус уделил большое внимание вопросам идеологической работы. Указав на необходимость усилить охрану архитектурных и исторических памятников, он поднял также вопрос о создании музея литовского народного быта².

В 1959 г. была начата организация Отдела народного быта восточной Аукштайтии (в форме музея на открытом воздухе) при Рокишском краеведческом музее; теперь здесь имеется семь построек. В 1964 г. при Тельшайском краеведческом музее начали работу по созданию такого

¹ K. Segulėnas, Die litauischen Freilichtmuseen, «Ethnographica», V—VI, 1963—1964. Možavskie museum v Brgne, s. 164—173, 246—250.

² А. Снечкус, Отчет Центрального Комитета на X съезде КП Литвы, «Советская Литва» 13 февраля 1958 г.

же отдела по Жемайтии, там уже возведено восемь построек различного назначения.

Организация же Центрального музея народного быта Литовской ССР была в 1958 г. поручена комиссии, в которую вошли представители культурно-просветительных учреждений, вузов и научно-исследовательских институтов, музеееведы. Комиссия выбрала для музея место в центральной части республики — деревню Пиевелес, расположенную невдалеке от поселка Румшишкес (Кайшядорский район). Выбор был обусловлен удобным сообщением, разнообразным микроландшафтом (сочетание поля, леса, равнины и возвышенности, наличие водоемов), напоминающим ландшафт основных областей Литвы.

В 1966 г. был создан научно-методический совет, в который вошли известные этнографы, архитекторы, историки, искусствоведы и музеееведы республики. Этот совет руководил составлением программы работы музея, определял структуру генерального плана и основных концепций планировки и застройки усадебных комплексов. Подготовить генеральный план музея было поручено главному архитектору Специальной научно-реставрационно-производственной мастерской Р. Яловецкасу. Проект был составлен в 1968 г. и в 1971 г. детализирован группой архитекторов и этнографов под руководством главного архитектора Института консервации памятников Б. Кугявичене.

Согласно проекту, территория музея разделена на три зоны: 1) обслуживания посетителей; 2) экспозиционная; 3) административный и научно-реставрационный центр. В первой зоне построено здание с помещением для экскурсоводов, кассы и т. д. Здесь запланировано помещение для выставок с лекционным залом. Начато строительство реставрационного центра.

В экспозиционной части музея (так же как и в подобных музеях Латвии³ и Эстонии⁴) представлены различные этнографические регионы Литвы: Жемайтия, Занеманье, или Судува, Дзукия и Аукштайтия (призывают к автомагистрали Вильнюс — Каунас). В отделах отражены особенности, характерные для деревень и хуторов каждого региона. Так, усадьбы в Жемайтии представляют собой двор свободной застройки; в Занеманье — это дворы четырехугольные в плане с постройками, расположеными по периметру. В секторе Дзукии воссоздается фрагмент деревушки с дворами свободной планировки и хутор с двором, спланированным в форме прямоугольника; в секторе Аукштайтии имеются хутор и фрагмент деревни уличного типа. В каждой усадьбе наряду с жилыми и хозяйственными постройками восстановлены и другие, присущие отдельным этнографическим регионам компоненты усадеб: изгороди, ворота, калитки, колодцы и пруды, сады с фруктовыми деревьями и ягодными кустами, палисадники, огорода.

В постройках сохранены подлинные строительные материалы перенесенных зданий; заменены новыми лишь разрушившиеся бревна и некоторые детали построек. Только в отдельных случаях, когда типичные здания были столь плохой сохранности, что перенос их оказался невозможен, они строились из новых материалов по точным данным, полученным при архитектурно-конструктивном обмере подлинных объектов *in situ*. Так из новых строительных материалов по точному обмеру построены аукштайтская курная изба-пиркя, изба-стуба занеманского лесоруба, маленькая жемайтская изба-троба асимметричного плана — с одним жилым концом.

Усадьбы комплектуются из построек разного назначения, находящихся в одной местности, что позволяет создавать единый архитектурный комплекс.

³ С. Цимерманис, Латвийский этнографический музей, Рига, 1964.

⁴ О. Корзюков, Эстонские музеи под открытым небом, Таллин, 1963.

Рис. 1. Усадьба Рудамина

Рис. 2. Усадьба Дауенай

Музей народного быта Литовской ССР подчинен Министерству культуры республики. Строительные и реставрационные работы ведутся консервационными мастерскими Каунаса. В создании музея принимают участие на общественных началах отдельные организации и общества — «Общество по охране памятников и краеведения», секции любителей цветоводства Каунасского общества садоводов и др. Научную помощь активно оказывают Институт консервации памятников, Институт строительства и архитектуры, Институт истории АН Литовской ССР, Институт истории партии при ЦК КП Литвы.

21 июня 1974 г. Музей народного быта Литовской ССР открыл часть экспозиции для посетителей. В музее почти полностью закончено комплектование десяти усадеб. Усадьбы носят названия поселков, из которых они перенесены.

В секторе Дзукии размещается полностью оборудованный хутор «Усадьба Рудамина». Он расположен в долине р. Правена и представляет собой усадьбу малоземельного (7 га) крестьянина второй половины XIX в., типичную для районов Дзукии с песчаными почвами. Постройки усадьбы расположены по периметру прямоугольного двора, что характерно для зоны, в которой смыкаются этнографические регионы

Занеманья и Дзукки. В усадьбу входит небольшое жилище-пиркя с сенями в центре, по одну сторону которых находится жилое помещение, по другую — две холодные каморки для хозяйственных нужд. Из хозяйственных построек во дворе стоят: маленький амбар, хлев с широким навесом с фасадной стороны, гумно с боковой пристройкой для мякины, колодец с журавлем. В усадьбе есть палисадник и маленький сад с ульями-колодами. На песчаных землях Дзукки выращивается гречиха, поэтому небольшой участок около усадьбы засеян гречихой.

Внутренние стены жилого помещения побелены. Интерьер скромный, присущий жилищу малоземельных крестьян. Там стоит оригинальная колыбель, самодельный шкаф с домашней утварью; картина, написанная народным мастером, изображающая св. Иозапаса (Иосифа), который напоминает более дзукского крестьянина, нежели святого, что вообще характерно для литовского народного искусства.

В долине, у дороги, оборудована полуземлянка — сушилка для грибов, постройка, часто встречающаяся в грибных местах южной Дзукки. Там же стоит небольшая баня с каменкой — *пиртис*, которая использовалась не только по прямому назначению, но и для мытья и сушки льна.

Сектор Аукштайтий начинается с маленькой ветряной мельницы. Такие мельницы для нужд собственного двора заменили ручные жернова в богатых, а иногда и середняцких хозяйствах. Они приводились в действие лошадьми (а ранее — волами). Недалеко от мельницы находится полностью оборудованная «Усадьба Дауенай». Это хозяйство крестьянина-середняка второй половины XIX в. (после отмены крепостного права). Усадьба состоит из избы-пирки (построена в 1864 г.), в которой по обеим сторонам сеней расположены просторные жилые помещения. В сенях отделена небольшая кухня. Поблизости от пирки находится часто встречавшаяся в Литве в прошлом столбовая часовенка, богато украшенная резьбой; два отдельных амбара; замкнутый хлев, состоящий из шести камер для скота с внутренним открытым денником; гумно с ригой Т-образного плана; сеновал; баня из трех помещений; жардас — зарод для сушки льна; колодец с журавлем; свободно засаженный сад; палисадник и хмельник. Такие просторные усадьбы характерны для хуторов равнинных районов Северной и Средней Аукштайтии второй половины XIX в.

На гумне усадьбы Дауенай выставлены орудия земледелия и обработки льна. Особенно интересна льномялка с круглым деревянным настилом-мостом, по которому двигались мнущие лен валы. Эти льномялки работали на конной тяге.

В пирке выставлены орудия ткачества, в сенях — утварь для варки домашнего пива, распространенного в Северной Аукштайтии. В светлице висит гравюра (1848 г.), в сюжете которой отражены классовые отношения феодальной эпохи. На гравюре крестьяне шествуют в рай, а в ад черти загаскивают представителей правящего класса — дворян, царских чиновников и даже духовных лиц, одетых сообразно той эпохи. Большой интерес представляет мебель с полихромной росписью, стоящая в светлице, а также декоративное украшение из соломы — *сад*, которое подвешивалось к потолку комнаты, где происходила свадьба.

Поблизости от усадьбы Дауенай у дороги поставлена кузница (начало XX в.) с маленькой пристройкой, где парили дерево для сгибания дуг и полозьев. Здесь экспонируются орудия кузнецкого труда и орудия для сгибания дерева. На откосе лога поставлены деревянная плотина и сукновальня (начало XX в.) с оборудованием для валяния домотканого сукна в одном помещении и глянцевания его в другом. Представленное оборудование позволяет судить о народной технологии производства.

За плотиной и сукновальней возвышается мельница-столбовка конца

XIX в. В мельнице полностью сохранены интерьер и вся система трансмиссий. Столбовые мельницы встречаются по всей Литве, они широко распространены в Эстонии, Латвии, на Украине и в других краях, однако литовские мельницы отличаются силуэтами и особенностями конструкции и пропорциями.

За мельницей — кузница оригинальной постройки, история которой связана с революционным движением в Литве.

Основной и самый большой комплекс в секторе Аукштайтии — фрагмент деревни с рядовой, так называемой *полосовой*, застройкой. Работы еще не закончены, но система застройки усадеб уже сейчас отражает специфику уличных деревень, начало формирования которых относится ко времени волочной реформы в Литве (1557 г.).

Рис. 3. Курная изба

На окраине этой деревни поставлена усадьба безземельного крестьянина. На ней — маленькая двухкамерная курная изба-пирка с глинообитной печью. Глинообитная печь в Литве может рассматриваться как заимствование у восточных славян, так же как и сам термин *пячус* — печь⁵. Дым выходил через дымовое отверстие в потолке. В углу за печью настилались жерди, на которых при необходимости сушили снопы. В прошлом такие курные пирки использовались и как баня, выполняя таким образом уже три функции.

В фрагмент аукштайской деревни входит также усадьба крестьянина-середника (12 га). На ней — гумно сложной столбовой конструкции, с высокой крышей и низкими стенами. Навесы крыши на таких гумнах часто спускались почти до земли (не доходя до нее всего на метр). Аналогичной конструкции гумна были широко распространены и в Белоруссии⁶.

На другой стороне улицы стоит относящаяся к этой же усадьбе клеть (конец XIX в.), построенная из сосновых бревен; кроме потолка, она имеет под крышей сводчатое перекрытие из бревен, предохраняющее клеть от воров. Такая сводчатая конструкция была широко известна в Литве уже в XVII в. (в Аукштайтии, Дзукии), встречалась она и в Белоруссии.

Обстановка пирки воспроизводит интерьер, характерный для Восточной Аукштайтии. В пирке три вида отопительных сооружений: печь для

⁵ В. Костельницкий, Историческое развитие русско-литовских языковых отношений до середины XVI в., «Vilniaus Valst. V. Kapsuko Universiteto Mokslo darbai», V, 1955, S. 205—218.

⁶ H. Söder, Das Dorf Tritschuny im litauisch-weissrutenischen Grenzgebiet, Darmstadt, 1918.

выпечки хлеба; печь типа голландки для отопления жилого помещения и передвижная печь в каморе, где обычно хранились овощи. Во внешней отделке пирки, горизонтально обшитой досками, широко использован резной геометрический орнамент. Особенно тщательно декорировано чердачное окно в щите пирки со стороны улицы. Разнообразные украшения особенно характерны для жилищ крестьян Восточной Аукштатии.

Однокамерный хлев, колодец с журавлем и разные заборы завершают комплекс усадьбы.

В рядовой — «полосовой» деревне начато строительство двора владельца целой волоки (24 га). Построена клеть — *свиринас* — из трех помещений с дверьми из двойных полихромно окрашенных досок. Ряд красивых резных столбиков, поддерживающих навес, придает клети особое изящество. Построен просторный хлев с закрытым двором и крышей с перекладиной.

В комплекс аукштатской деревни входит также изба-пирка (середина XIX в., Утенский район) из четырех помещений, в которой родился поэт С. Гимжаускас (1844—1897). В светлице этой пирки с 1897 г. действовала организованная на средства крестьян литовская школа. Обстановка комнаты, где занимались дети, очень проста: два длинных стола и скамейки с обеих сторон. Представлены здесь и некоторые учебные пособия.

От деревни дорога идет к лесу, на окраине которого стоят две двухэтажные клети с галереями, перенесенные из бывших поместий как интересные архитектурные памятники. Такие клети с галереями, где хранилось ценное имущество (на втором этаже — оружие, на первом — ткани, одежда), были характерны для поместий XVI—XVII вв. Третья клеть с боковым входом и арочной приклетью встречалась у литовцев Пруссии, в Латвии и Финляндии.

Занеманье, или Судува, известно своими революционными традициями. Здесь, в дер. Ужбалий (Капсукский район), 15 сентября 1918 г. состоялась первая конференция коммунистических организаций Литвы. В память об этом важном политическом событии в музее в секторе Судувы восстанавливается «Усадьба первой партийной конференции». Сюда перевозятся постройки, идентичные тем, которые стояли в усадьбе во время конференции. Усадьба воспроизводит хозяйство зажиточного крестьянина-середняка, имевшего 25 моргов (14 га) первосортной плодородной земли, которая в начале XX в. обрабатывалась уже передовыми способами по многопольной системе. Двор усадьбы просторный, прямоугольный, застроенный по периметру. В усадьбе стоит гумно (1903 г.) с пристройкой, в которой работала конная молотилка. На гумне экспонируются молотилка, веялка и другие приспособления для молотьбы, сделанные местными мастерами.

В усадьбе стоит характерная для Занеманья изба-стуба (середина XIX в.), разделенная тремя поперечными стенами на четыре части, в стубе имеется печь для обогрева помещения и выпечки хлеба. Ставни в стубе окрашены в красноватый цвет и украшены орнаментом в форме лилий. На чердаке стубы сооружена характерная для Занеманья коптильня для мяса, сплетенная из хвороста и обмазанная глиной.

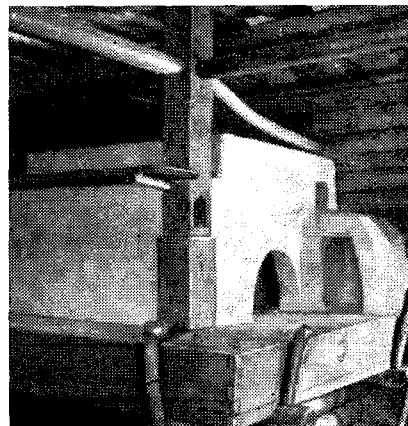

Рис. 4. Глинобитная печь

Партийная конференция проходила в клети и стубе. В помещении амбара устроена экспозиция архивных материалов о конференции. В интерьерах амбара и стубы выделяются украшенные узорами сундуки, скамья, служившая в то же время и кроватью. В стубе по традиции выделено отдельное отапливаемое помещение для престарелых родителей.

Недалеко от усадьбы Ужбаляй расположена усадьба лесоруба из Занеманья «Полуобяй» (начало XX в.), которая состоит из маленькой стубы с одним жилым концом. В сенях избы — открытый очаг — куд-

Рис. 5. Стуба в усадьбе Ужбаляй

ментас, окруженный каменной стенкой подковообразной формы. Над очагом дощатый колпак. Построенная из кирпича-сырца и обмазанная глиной печь топилась из сеней. В сенях много старинных орудий, употреблявшихся для подсеки и рубки леса. Скудный интерьер стубы, маленькая жилая площадь говорят о тяжелой жизни рабочего в условиях капитализма.

В усадьбе лесоруба под одной крышей стоят маленький хлев, амбарчик и сеновал. Такой комплекс усадьбы с немногочисленными постройками характерен для лесистых местностей Занеманья конца XIX — начала XX в., когда там велась интенсивная вырубка леса.

В секторе Судувы сооружена маслобойня (XIX в.), имеющая очень интересное оборудование для выжимания льняного масла. Недалеко от маслобойни возвышается большая шатровая мельница каркасной конструкции (построена в 1901 г.). В дальнейшем мельница будет показана в действии, и посетители смогут всесторонне ознакомиться с процессом помола зерна, системой трансмиссий и другим оборудованием мельницы.

Сектор Жемайтии в музее наиболее обширный и полный. В нем будут расположены пять усадеб, постройка которых частично уже завершена.

«Усадьба Гондинга» показывает хозяйство крестьянина-середняка Жемайтии середины XIX в. В усадьбе — уникальный старый дом-нумас (построен в 1858 г.) с открытым очагом, над которым устроен колпак. Вход в дом под типичным для нумаса навесом — леписом. Помещение не имеет потолка. Этот оригинальный тип старинного срубного жилища литовцев упоминается в письменных источниках с XV в.

Кроме нумаса, в усадьбе построены характерный для Жемайтии амбар из нескольких помещений и просторный сеновал.

Близ «усадьбы Гондинга» стоит «Корчма Вардува», возведенная в середине XIX в. Корчма служила трактиром и постоянным двором с каретными салями и помещениями для лошадей и повозок проезжающих, помещением для сходок и т. п. Интерьер деревянной корчмы в музее воссоздается таким, каким он был в начале XX в. Показаны резко отличающиеся друг от друга помещения, предназначенные для посетителей разного ранга.

Рис. 6. Дом-нумас в усадьбе Гондинга

Жемайтский сектор имеет разные в социальном отношении крестьянские усадьбы. Самая большая и богатая «Усадьба Дарбенай» представляет крупное хозяйство (три волоки — около 65 га) периода капитализма (конец XIX — начало XX в.). В таких хозяйствах использовалась наемная рабочая сила (шесть человек). В центре усадьбы — большая, сложного плана, состоящая из девяти помещений изба-троба. Напротив нее — две клети с входами с разных сторон — как с фасада, так и с торцов. Клети и троба образуют просторный двор, в углу которого стоит отдельная маленькая постройка — *убладе* с печью для выпечки хлеба, ближе к тробе — колодец. С другой стороны тробы — хозяйственный двор с погребом, хлевом, колодцем. За хлевом — отдельная постройка — *жардине* для сушки льна. Усадьба Дарбенай отражает жизнь малоизмененной группы богатых крестьян. Мебель и другие предметы в просторной тробе, светлице — *лангине* говорят о вкусах богатых крестьян, стремившихся иметь городскую обстановку, в то время как жилье наемных работников и хозяйствственные помещения сохраняют традиционный интерьер конца XIX в. В сенях в центре тробы — огромный каменный *каминас*, в котором сохраняется открытый очаг и сложена плита. В саду Дарбенай — пасека, где, кроме рамных ульев, имеются и традиционные, сплетенные из соломы.

На другой стороне дороги, около родника Саулетекис, расположена небольшая «Усадьба Импилитис», показывающая хозяйство малоземельного (4 га) крестьянина и ремесленника-гончара (конец XIX в.). В усадьбе небольшое жилище — *тробеле*, состоящее из трех помещений и сеней. В бывшей кладовой оборудована гончарная мастерская с ножным гончарным кругом, приводимым в движение ногами, жернова для растирания глазури. Устроена обширная экспозиция гончарных изделий. Напротив тробы расположены клеть и маленький хлев. В будущем здесь будет построена печь для обжига гончарных изделий.

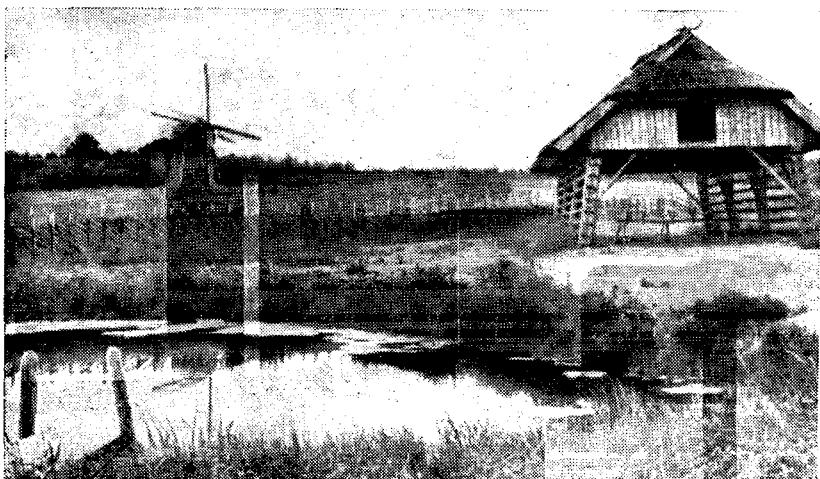

Рис. 7. Жардине в усадьбе Дарбенай

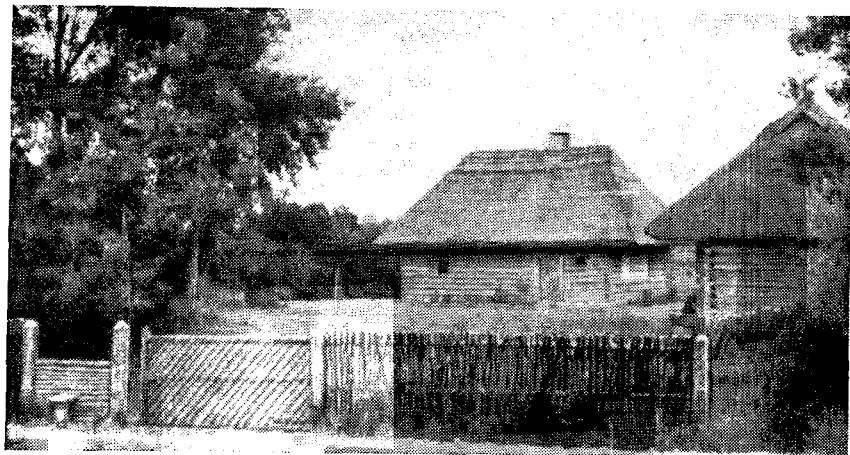

Рис. 8. Усадьба Импильтис

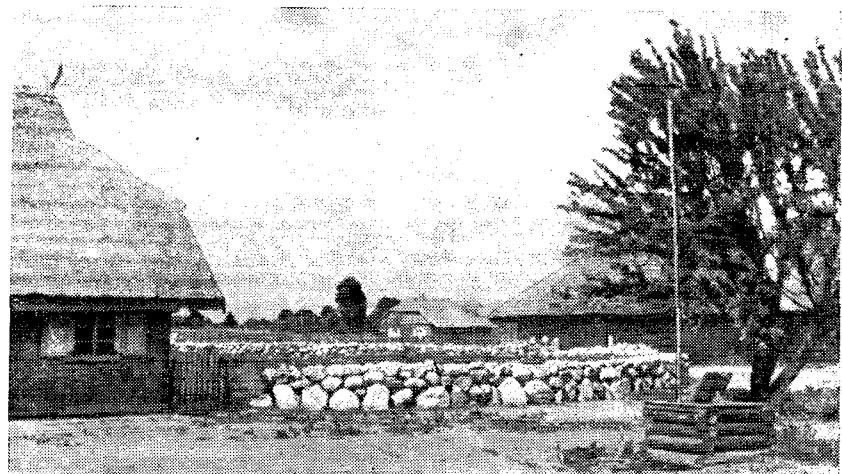

Рис. 9. Усадьба Гинталишкес, на заднем плане корчма Вардува

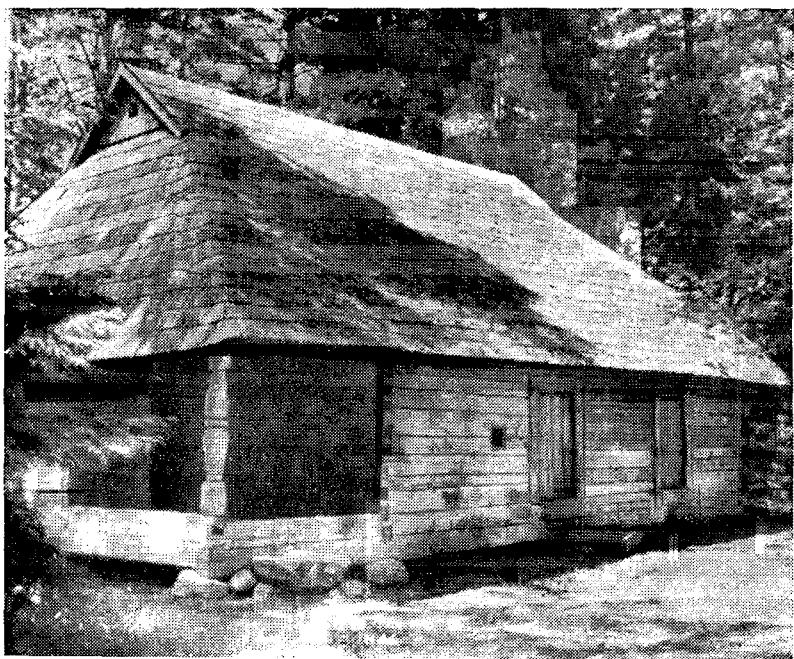

Рис. 10. Клеть с угловым навесом

Рядом с усадьбой малоземельного крестьянина, за плетеным забором находится «Усадьба Гинталишкес», воспроизводящая хозяйство крестьянина-середняка (18 га). В ней изба-троба (середина XIX в.) с двумя жилыми концами, клеть (1803 г.), две каморки (пристроены в 1855 г.), хлев с сеновалом (1871 г.), гумно с ригой, колодец с журавлем. Троба имеет боковую комнатушку-спальню для хозяев, часть ее отделена и в ней сложена плита. Есть здесь и большая изба-троба и камора-лангине, где оборудована мастерская по производству деревянных жемайтских башмаков — *клумпес*. В большой тробе на возвышении находится открытый очаг с вытяжкой-колпаком, выводящим дым в каминас. Очаг в тробе освещал помещение, а при необходимости на нем готовили ужин; в зимнюю пору он служил для обогрева комнаты. В углу тробы стоит кровать хозяйки с пологом из льняной ткани.

В секторе Жемайтии начато также строительство усадьбы второй половины XVIII — первой половины XIX в., отражающей архитектуру и быт сельского населения того времени. Уже восстановлено гумно с ригой и открытой пристройкой и сеновал. Поблизости от этих строений в лесу расположена летняя кухня и три различные клети, имеющие историческое, архитектурное и художественное значение. Интересна клеть из шести помещений, с угловым навесом, просторным чердаком, где в годы буржуазной диктатуры хранилась печатная машинка и тайно печатались листовки, направленные против буржуазного режима и фашизма. Неподалеку установлена клеть (1818 г.) из усадьбы ботаника А. Пабрежи (1771—1849 г.). Торцовую стену амбара двойная, между стенами — тайник для хранения ценных вещей и продуктов.

В XIX в. в этих тайниках прятались крестьяне-рекрутты, спасаясь от призыва в царскую армию⁷. Таким образом, клеть усадьбы А. Пабрежи не только мемориальный памятник, но и экспонат, отражающий социально-политические отношения в царской России.

⁷ M. Katkus, Raštai, Сочинения, Вильнюс, 1965, стр. 101—108; «Военно-статистический сборник России», вып. 4, СПб., 1871.

Недалеко от клети А. Пабрежи — маленькая зона, предназначенная для отдыха и народных игр; там стоит декоративная жемайтская клеть, а далее корчма, в которой посетители музея могут отведать литовские блюда. В зоне отдыха, поблизости от корчмы, посетители могут покачаться на качелях, отдохнуть в беседках, прокатиться на рысаках, запряженных в традиционные народные брички и линейки, полюбоваться прекрасными видами Каунасского моря и его берегов.

Музей народного быта Литовской ССР интенсивно строится. По намеченнной программе в музей предполагается перенести около 180 различных построек, в том числе разные типы жилых домов современного сельского поселка и экспериментальные жилые дома с полностью оборудованным интерьером. Они будут построены при въезде на территорию музея, в социалистическом секторе.

Задача Музея народного быта Литовской ССР — показать в экспозициях зодчество, искусство и быт народа. Кроме того, перед музеем стоят и другие задачи — познакомить посетителей со словесным, музыкальным и танцевальным фольклором. Здесь уже выступает группа народной музыки (руководитель П. Матайтис), дающая концерты. Имеется также фольклорный актив краеведов, периодически выступающий с концертами. Большое внимание он уделяет и исполнению новых советских песен и стихов. Музей народного быта уже сейчас стал важным центром культурного отдыха, центром народной культуры и искусства. Он имеет не только познавательное, но и практическое значение, оказывая активную помощь народу в его борьбе за построение коммунистического общества.

М. А. Сабурова

ШЕРСТЯНЫЕ ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ С БАХРОМОЙ ИЗ КУРГАНОВ ВЯТИЧЕЙ

Материалы погребений на территории Древней Руси свидетельствуют о большом разнообразии женских головных уборов домонгольского времени. Прослеживаются локальные варианты, для которых характерно определенное сочетание материалов. Так, наиболее часто с семилопастными височными кольцами встречаются шерстяные и полуsherстяные ткани, а также шерстяные ленты.

В пяти погребениях помимо тканей и лент была обнаружена также шерстяная бахрома. Головные уборы с бахромой выделяются нами в особую группу и являются предметом исследования данной статьи. Найдены они в курганах первой половины XII и начала XIII в. к западу и северо-западу от Москвы, в долине Москвы-реки и Клязьмы. В 1924 г. близ с. Никольского Пушкинского района в кургане № 8 впервые был обнаружен женский головной убор этой группы. В состав его входили разнообразные детали¹.

1. Бахрома из трех ниток. Нити тонкие, крученые. Максимальная длина бахромы 20 см. Она двухцветная: красно-коричневого и зелено-вато-серого цвета. По данным исследования Всероссийского художественного научно-реставрационного центра, бахрома ранее была красного и синего цвета² (рис. 1, 3).

2. Ткань шерстяная, усложненного переплетения, известного и по позднейшим крестьянским паневным тканям³. Она двухцветная, красного и коричневого тона. Размер фрагмента 7×6,5 см (рис. 1, 1).

3. Ткань льняная, плотная, хорошо отбеленная⁴. Размер фрагмента 0,5×1,5 см (рис. 1, 2).

4. Шерстяная узорная лента с геометрическим орнаментом красного и синего цвета. Элементы узора — косой крест, ромб, свастика. Ширина — 1,5 см, длина 8,5 см (рис. 1, 4). Подобные ленты служили поясами в крестьянской одежде XIX—XX вв.⁵.

5. Семилопастные височные кольца; у правого виска — бронзовое, у левого — два серебряных (рис. 1, 5). К сожалению, во время раскопок не был сделан чертеж, поэтому приходится пользоваться лишь

¹ См. отчет А. П. Смирнова, Архив Ленинградского отделения Ин-та археологии АН СССР (далее — Архив ЛОИА), Ф-П, д. 174 (1924 г.); материалы раскопок хранятся (далее — Хранение) в Государственном Историческом музее (далее — ГИМ), инв. № 56112.

² Сведения получены от ст. науч. сотр. ВХНРЦ А. К. Елкиной, пользуясь случаем, чтобы выразить ей благодарность.

³ М. Н. Левинсон-Нечаева, Ткачество, «Труды ГИМ», вып. 33, М., 1959, стр. 26, обр. 2, рис. 4, 4.

⁴ Там же, стр. 12, обр. 1, рис. 3.

⁵ Там же, стр. 33, 34, обр. 3, рис. 12, 6.

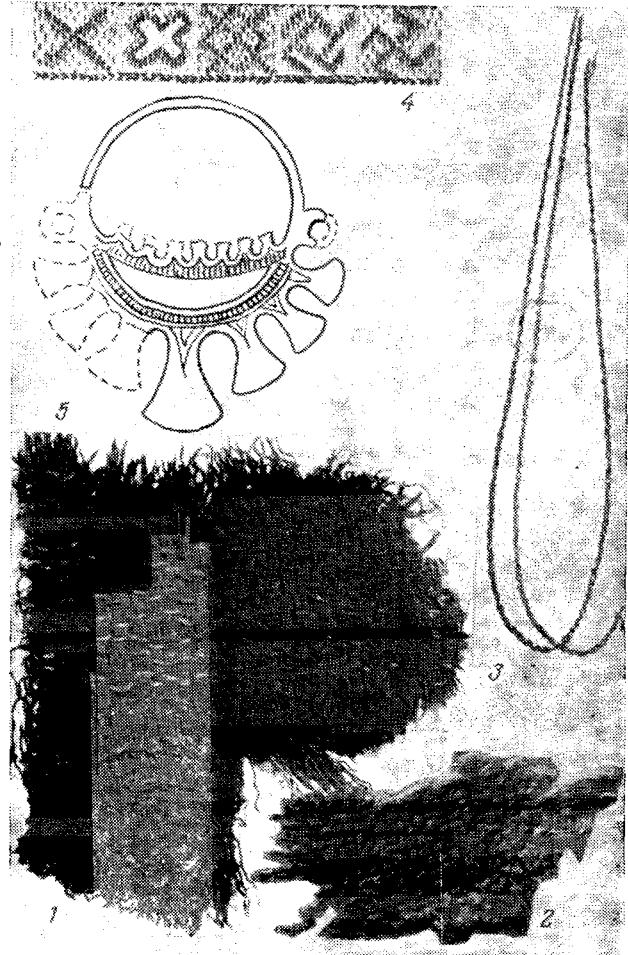

Рис. 1. Материалы головного убора из кургана № 8 Никольской курганной группы. Раскопки А. П. Смирнова: 1 — ткань шерстяная; 2 — ткань льняная; 3 — бахрома шерстяная; 4 — тесьма шерстяная узорная; 5 — височное кольцо семилопастное

данными описания. Из него мы узнаем, что головной убор был похож на «шапку», к основе которой прикреплялась бахрома. Головной убор включал шерстяную ленту с геометрическим орнаментом, найденную «на лбу черепа вместе с вышеупомянутым кусочком холста»⁶ («ткань льняная», по определению М. Н. Левинсон-Нечаевой, см. сноска 4).

По форме височных колец и комплексу вещей курган датируется серединой XII — началом XIII в.

В 1924 г. в кургане № 1 близ с. Иславское Звенигородского района был обнаружен головной убор, близкий по составу материалов к описанному выше⁷. В него входили следующие детали.

1. Бахрома крученая из двух толстых нитей серо-зеленого и коричневого цвета. Данные анализа красителей показали, что и здесь бахрома была первоначально красного и синего цвета⁸. От бахромы остались отдельные кусочки, максимальная длина которых 20 см.

⁶ Отчет А. П. Смирнова, л. 6, 7.

⁷ Отчет Л. А. Евтиховой, Архив ЛОИА, Ф-II, д. 176 (1924 г.), Хранение — ГИМ, инв. № 56112.

⁸ Анализ производился также ст. научн. сотр. ВХНРЦ А. К. Елкиной.

2. Ткань шерстяная с ажурными полосами от выпавших нитей из растительного волокна. Размер ее 15×14 см.

3. Лента шерстяная узорная. Она разорвана на три фрагмента. Общая длина ленты 23 см, ширина 1,5 см.

4. Височное кольцо проволочное перстневидное. Найдено оно слева у черепа.

К сожалению, на полевом чертеже (единственном для этого типа головных уборов) не зафиксировано взаимное расположение приведенных выше деталей, лента же вообще на чертеже не указана.

Из подробного отчета Л. А. Евтиховой узнаем, что на черепе в женском погребении находилась «шапка», которая имела «подкладку», что вокруг головы располагалась бахрома длиной 18—20 см. Найденная среди слежавшейся бахромы лента коричневого цвета с желтоватой продольной полосой и зелеными крестиками на ней служила «для прикрепления головного убора, т. е. завязывалась вокруг головы»⁹.

По комплексу вещей и находкам поздних семилопастных височных колец (решетчатые, с орнаментированными лопастями) курганный группу близ Иславского можно отнести к концу XII — началу XIII в.

В той же курганной группе, возможно, был еще один аналогичный головной убор. Л. А. Евтихова пишет, что в кург. № 2 были обнаружены справа от черепа 5, а слева 4 перстневидных височных кольца и остатки шерстяной ткани¹⁰. При знакомстве же с материалами данного кургана выяснилось, что вместе с кольцами были найдены не фрагменты шерстяной ткани, а шерстяные крученые нити¹¹, аналогичные нитям бахромы из кург. № 1.

Еще один головной убор был раскопан в 1951 г. в кург. № 1 близ с. Клопово Звенигородского района¹². Он состоял из следующих частей.

1. Шерстяные нити красно-коричневого цвета, скорее всего служившие бахромой. Отсутствие перпендикулярно расположенных нитей или следов от этих нитей не позволяет считать их фрагментами несохранившейся ткани.

2. Фрагмент ленты размером $4 \times 1,7$ см. Она ткалась на дощечках. Цвет нитей коричневый и зеленовато-синий. Аналогичная ей по технике тканья и по орнаменту тесьма найдена в кургане близ с. Пузикова Подольского района. Узор ее довольно сложный — внутри прямоугольных рамок «выбраны» парные ромбы¹³.

3. Семилопастные височные кольца. Они располагались по сторонам черепа по два экземпляра и были вплетены в косы.

А. В. Успенская считала, что сохранившаяся лента входила в состав головного убора, известного по материалам из кургана могильника в Иславском¹⁴. Судя по комплексу вещей, здесь найден более ранний материал для данного типа головных уборов. Очевидно, его можно отнести к первой половине XII в.

О наличии шерстяной бахромы от головного убора в погребении кург. № 2 близ ст. Матвеевская 1 Киевской железной дороги сообщается и в отчете Г. П. Латышевой¹⁵. Из отчета узнаем, что слева от черепа были обнаружены обломки трех семилопастных височных колец, одно малень-

⁹ Отчет Л. А. Евтиховой.

¹⁰ Там же, л. 8, 23.

¹¹ ГИМ, инв. № 56112, оп. № 127/18.

¹² Отчет А. В. Успенской, Архив Ин-та археологии АН СССР (далее — Архив ИА), Р₁ д. 565 (1951 г.); А. В. Успенская, Звенигородские курганы, «Краткие сообщения Ин-та археологии АН СССР», № 49, М., 1953, стр. 124, Хранение — Звенигородский историко-краеведческий музей, инв. № 775, 776.

¹³ М. Н. Левинсон-Нечаева, Указ. раб., рис. 12, 7 и стр. 32.

¹⁴ А. В. Успенская, Указ. раб., стр. 120.

¹⁵ Отчет Г. П. Латышевой, Архив ИА, Р₁ д. 800, 801 (1953 г.); Г. П. Латышева, Раскопки курганов у ст. Матвеевская в 1953 г., «Труды Музея истории и реконструкции Москвы», вып. V, М., 1954, стр. 41.

кое пятилопастное и одно проволочное перстневидное, которые примыкали к бахроме; справа от черепа находились три семилопастных височных кольца и одно пятилопастное. Материалы данного кургана, переданные на хранение в Музей истории и реконструкции Москвы, не сохранились, так что приходится пользоваться лишь письменными данными. Дата погребения — середина XII в.¹⁶

Состояние документации приведенных материалов во многом определило дальнейшую историю исследования головных уборов интересующего нас типа. Фиксация материалов по головным уборам, так же как и по одежде в целом, давно требует более четкой полевой документации.

Плохая сохранность тканей в археологических памятниках, быстрое исчезновение их в музейных коллекциях из-за отсутствия необходимых условий консервации и хранения, а также неточности в полевой документации приводят к ошибкам в определении вещественного материала. Сличение же описей с отчетными данными позволяет получить лишь единичные сведения о местоположении в погребениях фрагментов тканей (еще сохранившихся в музеях) и не дает возможности с полным основанием говорить об определенном типе головного убора.

Тем не менее, суммируя археологические данные по приведенным выше головным уборам, можно выяснить составные части головных уборов, их взаимосвязь и отдельные конструктивные элементы: шерстяная бахрома чаще обрамляла лицо, находилась рядом с височными кольцами и укреплялась на ленте; шерстяные ленты найдены лежащими на лбу или повязанными вокруг головы; под лентой, а также под бахромой отмечены фрагменты тканей (лен, шерсть, полуушерсть).

Для того чтобы представить в целом вид головного убора из указанных выше курганов, необходимо привлечь данные этнографии. Впервые мнение о форме археологических головных уборов с бахромой высказала Н. И. Лебедева, которой были известны материалы из кург. № 1 Иславской группы. Она отметила сходство головных уборов из курганов вятыней с головными уборами, бытовавшими в Рязанской губернии в XIX и начале XX в. — «увивками» и «ширинками». Ее точка зрения стала известна научной общественности из книги А. В. Арциховского¹⁷ еще в 1930 г. Несмотря на то, что научная догадка И. Н. Лебедевой утвердилась в исторической литературе¹⁸, существует и иное мнение. Так В. П. Левашова, вопреки данным Л. А. Евтиховой и Н. И. Лебедевой, отрицала наличие бахромы в кург. № 1 Иславской группы и считала, что там был найден однотонный платок из грубого понтика¹⁹.

Противоречивость мнений заставила автора данной работы вновь обратиться к исследованию головных уборов с бахромой. При этом были использованы все археологические находки указанного круга. Полученные данные о составе и конструктивных элементах головных уборов с бахромой привели нас к мысли о необходимости поиска дополнительных этнографических аналогий.

Как известно, в XIX—XX вв. бахромой украшались русские головные уборы разных типов. Например, в с. Ружном²⁰ бывшей Брянской губернии поверх кички надевались кисти из зеленого шелка с бахромой длиной 20 см. Бахромой украшались также различные платкообразные

¹⁶ Датировка памятников, включенных в статью, сделана на основании разработанной Т. В. Равдиной хронологии височных колец. См. Т. В. Равдина, Типология и хронология лопастных височных колец, «Славяне и Русь», М., 1968, стр. 136.

¹⁷ А. В. Арциховский, Курганы вятыней, М., 1930, стр. 101.

¹⁸ «Народы Европейской части СССР», т. 1 (сер. «Народы мира. Этнографические очерки»), М., 1964, стр. 113.

¹⁹ В. П. Левашова, Об одежде сельского населения, «Труды ГИМ», вып. 40, М., 1966, стр. 114.

²⁰ Н. И. Лебедева, Народный быт в верховьях Десны и в верховьях Оки, М., 1927, стр. 79, рис. 61 а, б.

головные уборы — «ширинки». В Курской области такой убор называли «хлусткой». По краям его были «мохры» — «остатки основки в виде баxромы»²¹. У южных великорусов баxромой украшался позатыльник²², который входил в состав женского головного убора. Известны и сороки, украшавшиеся спереди «мохрами»²³. По своим деталям археологические головные уборы безусловно ближе всего к головному убору Рязанской области, включавшему «увивку»²⁴, и Тамбовской области, включавшему «мохры»²⁵.

И «увивка» и «мохры» — баxрома, которую носили поверх головных уборов, состоящих из большого количества самостоятельных частей (сорока, кичка, позатыльник и др.) и делавшихся из разных тканей (шерсть, лен и т. п.). Баxрома спускалась на затылок и по сторонам лица. Увивка на рязанском головном уборе делалась из красных шелковых ниток длиной 10—12 см. Мохры тамбовского головного убора скрученены из красных шерстяных нитей длиной 20 см. Если баxрома рязанского головного убора крепилась на валике из холста, то у тамбовского головного убора она крепилась на шерстяной ленте, завязывавшейся вокруг головы (рис. 2).

Сопоставление археологических головных уборов с приведенными выше этнографическими конца XIX — начала XX в. расширило наши представления о возможных формах головных уборов исследуемого типа. Очевидно, древние головные уборы с баxромой тоже были сложными и, возможно, состояли из разных частей, именно об этом свидетельствует сочетание разных материалов в погребальных комплексах, а также ткань под баxромой и лентой. Баxрома из Иславской и Никольской курганных групп, так же как и на тамбовском головном уборе, шерстяная кручена, длиной 20 см. Однаково и крепление баxромы — на лентах. Интересно отметить и единство орнаментальных мотивов на ленте из Никольского и на очелье тамбовского головного убора — косой крест, ромб. Как известно, геометрический узор, включающий подобные фигуры, характерен для свадебных головных уборов русского национального костюма²⁶.

Рис. 2. Головной убор из д. Рудовки (Тамбовская обл.)

²¹ Н. И. Лебедева, Материальная культура сельского населения южновеликорусских областей (XIX—XX вв.), «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. LVII, 1960, раздел «Одежда», стр. 229.

²² Там же, стр. 231.

²³ Там же, стр. 232.

²⁴ Рязанский краеведческий музей, инв. № 2220; А. Г. Данилин, Крестьянская одежда района «Богословчины» Рязанской губернии, «Труды Общества любителей Рязанского края», вып. IX, Рязань, 1927, стр. 17, рис. 19.

²⁵ Ленинградский музей этнографии народов СССР, Русский отдел, инв. № 342—296, головной убор из дер. Рудовка Тамбовской обл.

²⁶ Л. Н. Молотова, Русские кокошкини — памятники народного искусства, «Труды Гос. Эрмитажа», вып. XV, Л., 1974, стр. 181.

Головные уборы с бахромой, включавшие «увивки» и «мохры», в XIX в. бытовали у южных великорусов. Носили их молодухи в течение года и более после замужества. Они входили в комплекс одежды с поневой. Клетчатые шерстяные и полуsherстяные ткани, близкие позднейшим поневым тканям, известны и по археологическим материалам ареала исследуемых головных уборов²⁷. Головные уборы с бахромой, очевидно, были распространены на более широкой территории, чем приведенные археологические памятники. Однако границы их бытования пока не очерчиваются — можно лишь констатировать их связь с семилопастными височными кольцами.

Данные исследования свидетельствуют еще раз о прямой преемственной связи между русским народным костюмом и его древнерусским прототипом. О связи русского национального костюма с костюмом домонгольского периода говорит как близость конструктивных элементов головных уборов с бахромой, так и характер входящих в них тканей и лент.

²⁷ М. Н. Левинсон - Нечаева, Указ. раб., стр. 25.

Ю. А. Колосова

**МАТЕРИАЛЫ ПЕРЕПИСИ 1970 г.
ПО ИНДЕЙСКОМУ НАСЕЛЕНИЮ США**

В 1971—1974 гг. были обработаны и опубликованы результаты девятнадцатой переписи населения США, проводившейся в 1970 г. Впервые весь материал переписи, относящийся к индейскому населению, опубликован в отдельном томе¹.

В этом томе помещено 18 таблиц, которым предпослано «Введение». Во «Введении» кратко излагаются история и особенности учета индейского населения в переписях. До 1890 г. индейцы, проживавшие на Индейской территории и в резервациях, не включались в суммарную цифру всего населения страны. Лишь в 1910 г. (и затем в 1930, 1950, 1960, 1970 гг.) собирались сведения о численности отдельных племен. В одной из таблиц отражаются изменения в численности индейцев с 1910 по 1970 г., причем в комментариях отмечаются необыкновенные колебания прироста индейского населения за этот период. Так, если за 1940—1950 гг. прирост составил всего 3,5%, то в следующем десятилетии он достиг 46,5%. Авторы «Введения» объясняют эти «скачки» главным образом изменением подхода к вопросу о том, кого считать индейцем. Например, как известно, при проведении переписи в 1950 г. лица смешанного происхождения (от браков между индейцами и белыми, индейцами и неграми) были отнесены к категории «другие расы». При проведении переписи в 1960 г. такие лица (за небольшим исключением) были отнесены к индейцам, что и отразилось на цифре прироста индейцев. К тому же, начиная с 1960 г., переписные анкеты заполняются самими респондентами (*self-enumeration*) и лишь в отдельных случаях уточняются дополнительно сотрудником Бюро переписей.

Согласно последней переписи, в США в 1970 г. индейцев насчитывалось на 269,1 тыс. (51,4%) больше, чем в 1960 г. Сведения, опубликованные в томе «American Indians» — результат выборочного (20%; по части вопросов — 15%) письменного опроса. Они касаются размещения населения, его половозрастной структуры и семейного положения, образовательного уровня, занятости, доходов, миграции. Таблицы (1—11) дают эти сведения по отдельным штатам, группам штатов, а также городским агломерациям, в каждой из которых проживает не менее 2500 индейцев.

Часть сведений (табл. 12—17) дается по резервациям и племенам (по более сокращенной программе). Используя эти данные, следует учитывать, что в переписи отражены лишь 115 более крупных резерваций,

¹ «1970. Census of population. Subject reports. PC(2) 1F American Indians», Washington, 1973. Другие выпуски этой серии: «1B — Negro population», «1C — Persons of Spanish origin», «1E — Puerto Ricans in the United States», «1G — Japanese, Chinese and Phillipinos in the United States».

т. е. около половины всех резерваций. К тому же часть их населения в момент переписи (1 апреля 1970 г.) могла находиться в других местах. Не очень надежны и сведения, касающиеся отдельных племен. В переписи приводятся материалы об индейских племенах, насчитывающих не менее 3800 чел., однако не объясняется, чем вызван выбор именно такого критерия. Классификация племен, как сказано во «Введении», «основана на исторических сведениях, географическом размещении и лингвистических данных» (стр. IX). В то же время отмечается наличие разногласий в вопросе о принципах такой классификации (в частности тех племен, которые проживают в Калифорнии и на северо-западе страны). Следует добавить, что около 20% опрошенного индейского населения не определили свою принадлежность к тому или иному племени. Все это говорит о несопоставимости данных о племенах, полученных в результате последней переписи, с материалами, публикуемыми Бюро по делам индейцев. И все же, несмотря на отмеченные выше недостатки, материал переписи 1970 г., касающийся индейцев, представляет определенный интерес.

Из 763,6 тыс. индейцев мужчины составляют 375,4 тыс., женщины 388,2 тыс., т. е. на 100 женщин приходится 96,6 мужчин (по США в целом — 94,8, у негров — 90,8). Возрастная структура индейского населения значительно отличается от структуры всего населения страны. У индейцев выше доля населения младших возрастных групп и значительно меньше доля лиц старших возрастов. Индейцев до 20 лет — 49,5%, во всем населении США — 38,3%. По группам 20—29 и 30—39 лет расхождения невелики, но далее разница становится все более значительной. Доля лиц старше 40 лет у индейцев составляет лишь 24,1%, во всем населении США — 36,1%. Доля лиц в возрасте 60 лет и более у индейцев равна 8,2%, во всем населении страны — 14,5%. В итоге индейское население «моложе» всего населения страны в целом. В то время как у индейцев средний возраст 20,4 года, в целом по стране он составляет 28,1 года². В особенностях возрастной «пирамиды» индейского населения находят отражение тяжелые условия проживания в резервациях, последствия расовой дискриминации, бедность, плохие бытовые условия, распространение тяжелых заболеваний, повышенная смертность и т. д.

Данные переписи позволяют судить о расселении индейцев. Почти половина их (379 тыс., или 48,4%) живет на Западе США; остальные приблизительно поровну распределяются между Югом и Севером³. Больше всего индейцев живет в Горных (230 тыс.), Тихоокеанских (150 тыс.), Юго-западных и Центральных (120 тыс.) штатах. В 18 из 50 штатов зарегистрировано более чем по 10 тыс. индейцев, в четырех штатах (Оклахоме, Аризоне, Калифорнии и Нью-Мексико) в каждом живет более 50 тыс. индейцев. Самое большое индейское население в Оклахоме (97 тыс.) и в Аризоне (94 тыс.).

Уровень урбанизации индейского населения (44,6%) гораздо ниже, чем у всего населения страны (73,5%); в 1960 г. он был еще ниже (27,7%). К собственно сельскому населению относится только 6,2% индейцев; остальное негородское индейское население (49,2%) живет в поселениях, насчитывающих до 2,5 тыс. жителей (американская статистика не относит их к городским⁴). На Северо-востоке и в Приозерных

² Здесь и далее данные приводятся по следующим книгам: «1970. Census of population. Detailed characteristics. United States summary», Washington, 1973; «Statistical abstract of the United States», Washington, 1973.

³ В 1973 г. Бюро переписей опубликовало карту «Number of American Indians by counties of the United States», Washington, 1973. В этой карте все графства (низовая административная единица в штате) разделены на 6 групп по числу индейцев (нижняя ступенька — до 25 человек, высшая — более 10 тыс.); сведений о резервациях и племенах на этой карте нет.

⁴ За исключением тех, которые входят в состав «урбанизированных ареалов» (зоны сплошной городской застройки).

штатах уже более половины индейцев сосредоточено в городах, а в таких штатах, как Калифорния и Нью-Йорк — соответственно 76 и 67%.

В материалах переписи приведены данные об индейском населении городских агломераций. В 30 агломерациях, каждая из которых имела в 1970 г. не менее 2,5 тыс. индейцев, живет 202,4 тыс., или почти две трети всего городского индейского населения. Самое крупное индейское население (23,9 тыс.) в Лос-Анджелесе; за ним следуют города Талса, Оклахома-Сити, Сан-Франциско, Финикс. В Нью-Йорке около 10 тыс. индейцев, в Вашингтоне 2,7 тыс.

Из 322,6 тыс. индейцев в возрасте 25 лет и старше 24,9 тыс. (7,7%) никогда не обучались в школе; еще столько же имеют образование лишь в объеме первых четырех классов начальной школы, 45% посещали то или иное время среднюю школу, но лишь 22% окончили ее полный курс. В ряде штатов уровень образования индейского населения еще ниже. В Аризоне и Нью-Мексико, например, 25% всех индейцев указанного возраста никогда не посещали школу, а в средней школе обучалось лишь 21—25%. Среди негородского индейского населения лиц, учившихся в средней школе, в два раза меньше.

Недостаточная образовательная и профессиональная подготовка отразилась на положении индейского населения в составе рабочей силы. В год переписи из белых мужчин (в возрасте 16 лет и старше) в состав рабочей силы входило 79,7%, у мужчин-индейцев — лишь 63,4%; соответствующие данные для женщин — 42 и 35,3%. В то же время доля безработных в 1970 г. у белых мужчин составляла 4,0% всей рабочей силы, у индейцев-мужчин — 11,6%⁵. В отдельных штатах уровень безработицы среди индейцев гораздо выше (на Аляске у мужчин — 23,5%, в Южной Дакоте — 26,3%, Северной Дакоте — 28,5%). Особенно высок уровень безработицы у индейской молодежи (что характерно для молодежи США в целом). Так, в штате Нью-Мексико в 1970 г. среди индейцев-мужчин в возрасте 16—19 лет безработными были 30%, среди женщин — 29,3%; аналогичны данные и по штату Южная Дакота — соответственно 29,5 и 23,3%.

Распределение занятой рабочей силы из числа индейцев (190,2 тыс. чел.) по отраслям в 1970 г. было следующим (в %):

Сельское хозяйство, рыболовство, лесное хозяйство	7,2
Горнодобывающая промышленность	1,5
Строительство	8,1
Обрабатывающая промышленность	23,3
Транспорт, связь	5,7
Торговля	13,9
Финансы	2,2
Сфера услуг	29,3
Государственная служба	8,7

Доля занятых в промышленности (в сравнении с данными по всему населению страны) у индейцев ниже, а в сельском хозяйстве и сфере услуг — выше. Следует иметь в виду, что для значительной части индейцев характерна кратковременная занятость. Так, по данным переписи, в 1969 г. 24% работавших мужчин-индейцев и 40% женщин были заняты менее 26 недель в году. Большинство работающих индейцев — малоквалифицированные и неквалифицированные рабочие. Лишь 10% относятся к группе профессионально-технических работников; во всем насе-

⁵ Официальная статистика США занижает действительное число безработных. На это не раз указывали американские прогрессивные организации. Так, далеко не всегда учитываются лица, переставшие отмечаться в бюро найма, ибо потеряли надежду на получение работы.

лении США доля этой группы в связи с научно-технической революцией повысилась до 15%.

В переписи 1970 г. в известной степени отражено тяжелое материальное положение значительной части индейского населения. Доход ниже официально установленного уровня бедности имели 49,7 тыс. семей (33,3%)⁶. В их число входят почти 22 тыс. семей, чей доход не составлял даже половины той суммы дохода, которая признается за грань бедности (стр. 120). При этом следует иметь в виду, что в индейских семьях обычно большее число детей. В целом по стране в 9,4% семей было 4 и более детей; у индейцев такие семьи составили 21%. В отдельных штатах процент бедных индейских семей еще выше (в Аризоне, например, 57,3%, в Южной Дакоте — 54,8%, в Юте — 49,4%). А в резервациях Папаго (в штате Аризона) и Лагуна в Нью-Мексико почти 80% семей имеют доход ниже уровня бедности. Эти данные говорят сами за себя.

В конце тома, посвященного индейцам, приведены сведения о численности и половозрастной структуре племен, проживающих в тех резервациях, которые отражены в переписи. Самые многочисленные племена: навахи (96,7 тыс. человек), чироки (66,1 тыс.), сиу (47,8 тыс.), чиппеа (41,9 тыс.) и пуэбло (30,9 тыс.). Поскольку, как уже отмечалось, около 20% индейцев при переписи не заполнили графу о племени, эти данные не могут рассматриваться как исчерпывающие.

Лингвистическая классификация индейского населения дана в переписи крайне схематично. 242,9 тыс. (31,9%) отнесено к назвавшим родным индейские языки (в том числе 106,6 тыс. атапасков). В 115 резервациях, отраженных в переписи, их доля — 58,2%. Половина всех индейцев — это знающие только английский язык (в резервациях — 25,8%), небольшая часть (3,2%) — испанский.

Таковы основные сведения об индейском населении в последней переписи населения США.

⁶ У белого населения США — 8,6% семей, у негров — 29,9%.

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

С. И. Вайнштейн, М. В. Крюков

«ДВОРЕЦ ЛИ ЛИНА», ИЛИ КОНЕЦ ОДНОЙ ЛЕГЕНДЫ

Немые руины

В красноватом мареве над широкой долиной, прорезанной реками Ташеба и Абакан, медленно опускалось солнце. Тишину хакасской степи нарушали в этот предвечерний час лишь монотонные глухие удары отбрасываемых комьев спрессованной веками сухой земли. Строилось шоссе, которое начиналось в столице Хакасии — г. Абакане. До конца рабочего дня землекопам предстояло срезать видневшийся впереди небольшой пологий холм, поросший жухлой травой и чахлыми кустами. Высоко в небе парил орел, вдали виднелись курганы — молчаливые свидетели минувших тысячелетий. Казалось, что и этот холм, край которого мешал строителям, — обычный в здешних местах степной курган. Рабочие не подозревали, что их лопаты, врезавшиеся в дерн, сделают открытие, страстные споры вокруг которого будут длиться десятилетия.

Неожиданно чья-то лопата со звоном ударила во что-то твердое, но хрупкое. Строитель выругался — это мешало копать. Поднял на лопату и отбросил. Десятник наклонился, в его руках была серая черепица правильной круглой формы. Такую он раньше никогда не видел...

Вскоре в местном музее зазвонил телефон. Директору сообщили, что при прокладке дороги всего в нескольких километрах к юго-западу от Абакана, вблизи поселка колхоза «Сила», была найдена целая груда какой-то странной черепицы. Если это интересно ученым, пусть они приедут и посмотрят.

И ученые приехали. Среди найденной на холме черепицы их внимание привлекли круглые диски с оттиснутыми на них иероглифическими надписями. Стало ясно, что когда-то в древности здесь находилось большое здание, причем большая часть развалин скрыта под холмом. Ввиду исключительной важности находок раскопки были начаты в ближайший полевой сезон, летом 1941 г.

...Продолжить свою работу экспедиция смогла лишь в первое послевоенное лето. В раскопках приняли участие сотрудники Института археологии Академии наук СССР, Хакасского института языка, литературы и истории, а также трех музеев — Государственного Исторического, краеведческих Хакасского и Минусинского. Как и в 1941 г., исследования проводились под руководством Л. А. Евтуховой и В. П. Левашовой. Через год раскопки были завершены.

Время не пощадило древнего дворца. Перед глазами археологов предстала нижняя часть глинобитных стен, сохранившихся на высоту до 1,8 м. Здание было прямоугольным, размером 45×35 м. Оно было ориентировано по странам света. В центральной части дворца находился большой зал площадью 132 м², а вокруг него — 20 комнат (в один ряд по северной и южной сторонам и в два ряда по западной и восточной). Комнаты сообщались между собой дверями. Стены некоторых комнат были очень толстыми, до 2 м. Пол был глинобитным. Когда его вскрыли, то обнаружили под ним отопительные каналы, выложенные по бокам и прикрытые сверху каменными плитками. Кроме того, на полу были

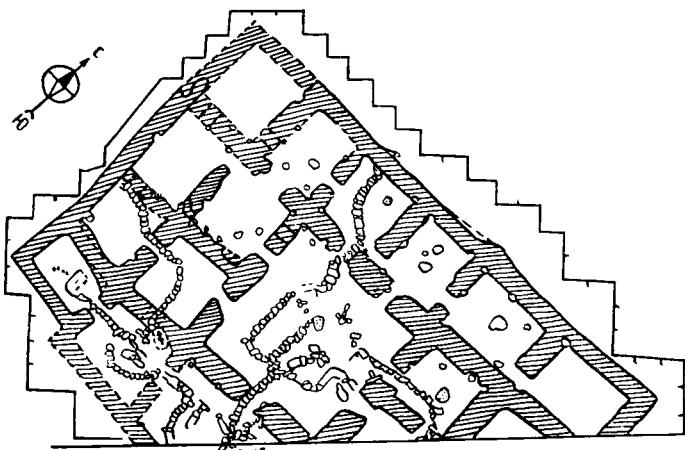

Рис. 1. План раскопанной части дворца близ Абакана (по Л. А. Евтуховой)

найдены следы жаровен, которые использовались для обогревания помещения, причем весьма длительное время, так как пол под ними прогнил на значительную глубину. Расположение черепицы указывало на то, что здание имело четырехскатную двухъярусную крышу. Кровля покоялась на деревянных колоннах, часть которых в свою очередь опиралась на каменные базы. Для сооружения крыши была использована черепица двух типов: основу составляли крупные и толстые четырехугольные плитки, стыки между ними были прикрыты рядами черепиц полуцилиндрической формы. По краю крыши были расположены круглые декоративные диски с надписями.

Деревянные двери дворца не сохранились. Но внутри помещения были найдены отлитые из бронзы дверные ручки — массивные кольца, укрепленные в рогатых личинах — звериные уши, длинные, завитые в кольца усы, нос с широкими ноздрями, бакенбарды и оскаленные зубы.

В комнатах была обнаружена также сравнительно немногочисленная бытовая утварь — железный нож, обломки глиняных сосудов, несколько украшений и др.¹.

И вот теперь, когда археологи могли уже представить себе первоначальный облик этого огромного дворца, возник главный вопрос: кем, когда и зачем он был построен здесь, среди безбрежной степи, где веками кочевали племена скотоводов?

¹ См.: Л. А. Евтухова, В. П. Левашова, Раскопки китайского дома близ Абакана, «Кр. сообщения Ин-та истории материальной культуры» (КСИИМК), вып. 12, 1946; Л. А. Евтухова, Развалины дворца в «земле хагас», КСИИМК, вып. 21, 1947; С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири, М.—Л., 1949; А. Н. Бернштам, Очерк истории гуннов, Л., 1951; Отчеты Л. А. Евтуховой о работе Саяно-Алтайской экспедиции в 1945 и 1946 гг., Архив ИА АН СССР, Р-1, №№ 71 и 198.

Руководители раскопок Л. А. Евтихова и В. П. Левашова пришли к выводу о возможности отождествить руины здания с дворцом китайского полководца Ли Лина, взятого в плен хунну в 99 г. до н. э. Важнейшим основанием для такого предположения явилась датировка надписи на черепице, прочитанной крупнейшим советским китаеведом В. М. Алексеевым. По характеру знаков и грамматическим особенностям текста он определил, что эти надписи относятся к эпохе Хань (III в. до н. э.—III в. н. э.). Дополнительным аргументом в пользу данной гипотезы было

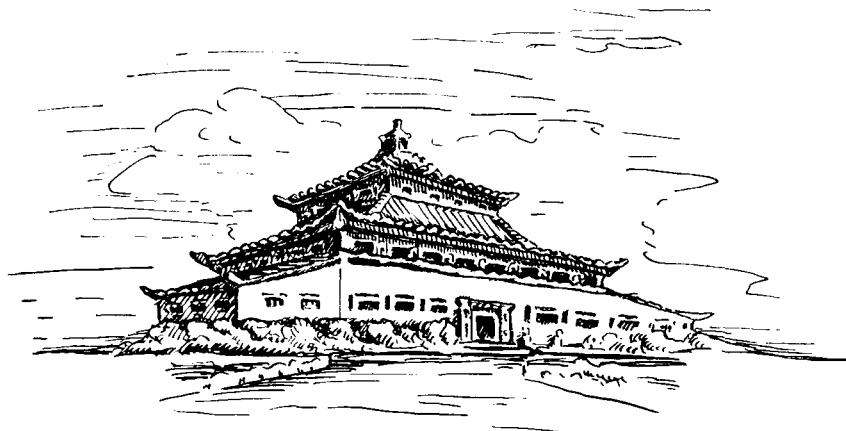

Рис. 2. Дворец близ Абакана (реконструкция архитектора Г. Б. Щукина)

то, что вещи, найденные в дворцовых помещениях, относились к гуннскому времени².

Против этой точки зрения выступил А. Н. Бернштам. Архитектурные детали, обнаруженные во время раскопок, могут быть отнесены к ханьскому времени, но продолжают существовать и позднее, утверждал он. Они характерны для традиционной китайской архитектуры вплоть до наших дней. С другой стороны, ряд технических особенностей (в частности, клинкерный обжиг черепицы) не известен ранее эпохи Тан (VII—X вв.). То же относится и к бронзовым личинам, аналогии которым известны в танское время. Наконец, А. Н. Бернштам ссылался на дошедшее до наших дней письмо Ли Лина из племени: китайский полководец описывает свою жизнь таким образом, что факт сооружения им дворца маловероятен³.

Вскоре после этого Л. А. Евтихова и В. П. Левашова опубликовали свой «Ответ А. Н. Бернштаму». В нем была повторена аргументация их первой статьи и подчеркнуто, что В. М. Алексеев ограничил возможность изготовления черепицы из абаканского дворца ханьским временем. Авторы далее отмечали, что они не настаивают на обязательной принадлежности этого дворца именно Ли Лину. Более того, они допускали теперь возможность отнесения его к эпохе Поздней Хань (I—III вв.)⁴.

Впрочем, спустя год Л. А. Евтихова выступила с новой статьей, где снова допускала, что дворец принадлежал Ли Лину⁵.

² Л. А. Евтихова, В. П. Левашова, Указ. раб., стр. 72—84.

³ А. Н. Бернштам, рец. на статью Л. А. Евтиховой и В. П. Левашовой «Раскопки китайского дома близ Абакана», «Изв. АН СССР. Отделение истории и философии», т. III, 1946, № 5, стр. 479—482.

⁴ Л. А. Евтихова, В. П. Левашова, Ответ А. Н. Бернштаму, «Изв. АН СССР. Отделение истории и философии», т. III, 1946, № 6.

⁵ Л. А. Евтихова, Указ. раб.

Материалы об этом памятнике были использованы С. В. Киселевым в его фундаментальном труде «Древняя история Южной Сибири». В специальном разделе, озаглавленном «Дворец Ли Лина?», автор настаивает на датировке памятника эпохой Хань. Знак вопроса, вынесенный в заголовок, свидетельствовал об определенных сомнениях в правомерности приписывания дворца Ли Лину, хотя в самом тексте этот вопрос не рассматривался⁶.

А. Н. Бернштам в своей книге «Очерки истории гуннов» вновь вернулся к этому вопросу. Он по-прежнему отрицал возможность того, что постройка была осуществлена в ханьское время. Дворец этот, по его мнению, не мог принадлежать Ли Лину; более вероятной является датировка его эпохой каракитаев (т. е. XII—XIII вв.)⁷.

В 1953 г. Л. Р. Кызласов в своей диссертации, посвященной таштыкской эпохе, пришел к выводу, что о Ли Лине как наместнике гуннов в Хакасско-Минусинской котловине сообщают китайские летописи и «археологические факты (китайский дом Ли Лина у г. Абакана, датирующийся началом I в. до н. э.)»⁸. В 1960 г. в книге, опубликованной Л. Р. Кызласовым по материалам этой диссертации, он вновь утверждал на основании предпринятого им исследования, что стратиграфические условия памятника и все найденные в нем предметы датируют его началом I в. до н. э. и, что «такая дата здания совпадает со временем пребывания Ли Лина на Енисее и позволяет обоснованно считать этот дом специально для него построенным зданием»⁹.

Проблема «дворца Ли Лина» заинтересовала и зарубежных ученых. Еще в 1946 г. Го Мо-жо, которого во время его пребывания в Москве познакомили со всеми материалами раскопок, полагал, что, хотя памятник и может быть отнесен к эпохе Хань, считать его принадлежащим Ли Лину нет оснований¹⁰.

Через 10 лет после этого была опубликована статья Чжоу Лянь-куяня, который привел ряд доказательств того, что абаканский дворец был построен в ханьское время, но не мог принадлежать Ли Лину¹¹.

Таким образом, если А. Н. Бернштам, характеризуя в 1951 г. суть развернувшейся дискуссии, писал, что «таким образом, существуют два мнения», то к концу 1950-х годов мнений на этот счет было высказано по крайней мере три. Однако к этому времени дискуссия о памятнике у г. Абакана, столь бурно вспыхнувшая сразу же после его открытия, прекратилась и точка зрения о принадлежности дворца Ли Лину в нашей исторической литературе уже никем не оспаривалась и превратилась из гипотезы в казалось бы бесспорный факт. Именно как факт излагалась эта точка зрения во многих работах, опубликованных в последующие годы. Так родилась и начала жить легенда о дворце Ли Лина, постепенно трансформируясь и обрастая все новыми и новыми деталями.

Кто же был в действительности Ли Лин — герой этой легенды?

Битва в степях

Лето 99 г. до н. э. На пограничной заставе Цзюцюань близ Великой Китайской Стены царит необычное оживление. Вот уже несколько часов подряд через настежь открытые ворота проходят конные и пешие подразделения императорских войск, направляющихся на север, где сре-

⁶ С. В. Киселев, Указ. раб., стр. 268—272.

⁷ А. Н. Бернштам, Очерк истории гуннов, стр. 71—74.

⁸ Л. Р. Кызласов, Таштыкская эпоха (I в. до н. э.—V в. н. э. в истории Хакасско-Минусинской котловины), Автореферат канд. дис., М., 1953, стр. 11.

⁹ Л. Р. Кызласов, Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины, М., 1960, стр. 164.

¹⁰ Го Мо-жо, Заметки о посещении СССР, Шанхай, 1946, стр. 136 (на кит. яз.).

¹¹ Чжоу Лянь-куань, Развалины дворца в китайском стиле, обнаруженные в Южной Сибири, «Каогу сюэбао», 1956, № 4, стр. 55—66.

ди бескрайних степеней раскинулись земли хунну. Командует тридцати тысячным войском знаменитый Ли Гуан-ли, одержавший недавно блестящие победы в Западном крае. Да вот и он сам — в легкой колеснице, прикрытой от палящих лучей солнца небольшим шелковым навесом. Впереди шагают тяжеловооруженные воины охраны, а чуть поодаль отряд конницы. Слышатся глухие удары боевых барабанов и визгливые звуки дудок. На лицах солдат, бесконечной вереницей проходящих под сводами ворот, ни тени сомнения в легкой победе над врагом и скромом возвращении домой.

В многовековой истории борьбы хунну с Китаем кровавые схватки время от времени перемежались периодами мира, когда Китай, отчаяв-

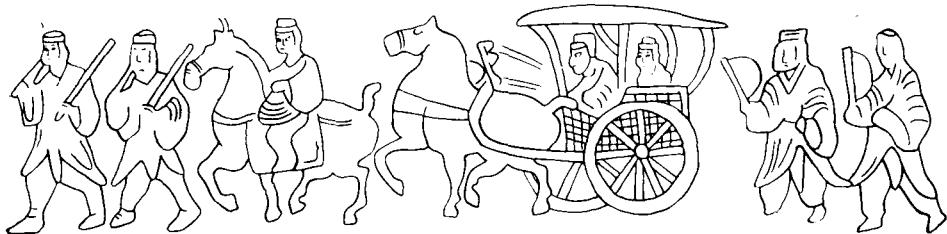

Рис. 3. Китайский полководец, едущий во главе войск (с ханьского барельефа)

вшись добиться подчинения степных кочевников силой оружия, стремился утвердить свое влияние средствами дипломатии. Один из эпизодов хунну-китайских отношений был связан с именем основателя ханьской династии императора Гао-цзу, который, отправившись в поход на кочевников, попал в засаду и лишь чудом избежал плена. В конце перепуганный правитель завещал своим потомкам избегать войн с хунну. Почти два века китайские правители не отваживались предпринимать активных действий против северных соседей. Они даже вынуждены были пойти на заключение с хунну «договора о мире и родстве». Обещание не тревожить границ Срединной империи покупалось у хунну ценой ежегодных обильных даров — шелковых тканей и ваты, предметов роскоши, зерна, а иногда и... принцесс, которых выдавали замуж за правителей хунну — шаньюев.

Положение изменилось в конце II в. до н. э. Император У-ди, уверовав в могущество Срединной державы, решил отказаться от политики своих предшественников и покончить с хунну силой оружия. Поход Ли Гуан-ли был одной из первых военных акций против хунну, предпринятых У-ди. Но генерал не оправдал надежд: он был окружен в степи и потерял в бою почти половину своей армии.

На помошь ему из резерва был срочно послан новый отряд пеших воинов во главе с энергичным и честолюбивым Ли Лином. События, последовавшие за этим, сыграли решающую роль в судьбе не только самого Ли Лина, но и его современника, «отца китайской истории» Сыма Цзяня. Предоставим слово последнему.

«... Ли Лин был во главе солдат неполных пяти тысяч, а углубился в землю варваров-номадов так далеко, что уже переступил он ставку хана... Перед ним было войско в десятки и сотни тысяч; с шаньюем сражался самим он несколько раз подряд, и в этих боях провел он десяток и более дней... И вот вся страна напала на солдат Ли Лина отовсюду. На тысячу ли развернулись бои... Все стрелы иссякли, дорога зашла в тупик. Вспомогательных войск никаких не пришло. Солдаты, начальники падали мертвыми, раненых тоже кучи лежали...»¹².

¹² Сыма Цзян, Ответ Жэнь Шао-цину, в кн. «Китайская классическая проза в переводах академика В. М. Алексеева», М., 1964, стр. 86.

В императорском дворце тем временем с нетерпением ждали вестей с севера. Первый прискакавший в столицу гонец Ли Лина привез доклад об удачном начале сражения. Двор охватило ликование. Император праздновал победу, и приближенные по очереди поднимали чаши с вином, желая ему «десять тысяч лет жизни». Веселье продолжалось несколько дней. И вдруг новое донесение: войска Ли Лина разбиты, а сам он попал в плен.

Трудно описать ярость услышавшего это известие правителя Срединного царства. Он никого не хотел видеть и даже «ел без приятности вкуса». Началось расследование дела Ли Лина. Приближенные думали лишь о том, как им избежать гнева императора. Каждый стремился доказать свою непричастность к позорному поражению и усугубить вину Ли Лина.

Сыма Цянь близко знал Ли Лина, считал его порядочным и достойным человеком, талантливым военачальником — «даже какой-нибудь древний известный, большой полководец не мог бы его в этом смысле никак превзойти». Сыма Цянь полагал, что Ли Лин сделал все, что было в его силах. И поэтому, будучи вызван к императору, Сыма Цянь смело сказал ему это, желая ободрить государя. Последствия были ужасны. «Сочли, что я обманывал царя, и вот я наконец был отдан на сужденье и действия тюремных палачей». Отец китайской истории был подвергнут жестокому и унизительному наказанию — кастрации, а вся семья Ли Лина — его престарелая мать, жена, братья и сыновья — была казнена.

А что же Ли Лин?

Хуннуский шаньюй проявил гуманность по отношению к пленному полководцу. Он не только не казнил Ли Лина, как можно было бы ожидать, но, оставив его в живых, даже приблизил к себе и женил на своей дочери. Позднее У-ди несколько раз направлял к хунну послов с предложением Ли Лину вернуться. Ли Лин встречал послов одетым по-хуннуски. Он наотрез отказался вернуться в Китай, заявляя: «Уважающий себя человек не унижается дважды»¹³. Решив навсегда связать свою судьбу с хунну, Ли Лин даже принимал участие в военных действиях против Хань. Прожив среди хунну свыше 20 лет, Ли Лин умер в 75 г. до н. э.

Но был ли у Ли Лина дворец — об этом источники умалчивают.

Чаши весов

Для ответа на вопрос о том, кому мог принадлежать дворец, раскопанный археологами в хакасской степи, первостепенное значение имеет датировка этого памятника. Читатель помнит, что мнения специалистов на этот счет разошлись. Необходимо было вернуться к первоисточнику и заново изучить материалы раскопок, хранящиеся в музеях Советского Союза.

Совершенно естественно, что нам, москвичам, удобнее всего было начать свою работу с изучения вещей из «дворца Ли Лина», хранящихся в фондах Государственного Исторического музея. Дирекция сразу же пошла нам навстречу и предоставила возможность детально ознакомиться со всем, что нас интересовало. Вместе с главным хранителем музея А. И. Шкурко спускаемся в хранилище. Александр Иванович замечает наше волнение. Да и можно ли оставаться равнодушным, когда берешь в руки предметы, пролежавшие в земле многие столетия и известные тебе лишь по книжным иллюстрациям?

Прежде всего надо тщательно осмотреть черепицу и, главное, концевые диски, некогда украшавшие крышу абаканского дворца. И вот

¹³ Бань Гу, Ханьшу (Ханьская история), т. 8, Шанхай, 1964, стр. 2458 (на кит. яз.).

Рис. 4. Декоративные керамические диски, украшавшие дворец близ Абакана (ГИМ, колл. № 82170)

они перед нами — массивные круглые керамические плитки светло-серого цвета, диаметром около 20 см. На каждой из них надпись, состоящая из 10 иероглифов. Достаточно беглого взгляда, чтобы стало ясно: все надписи стандартны, но выполнены разными штампами. Некоторые из иероглифов были вырезаны на этих штампах неодинаково. Просто удивительно, что раньше никто из изучавших материалы «дворца Ли

Лина» не обращал на это внимания. Сразу же делаем по нескольку оттисков с каждого диска — предстоит еще большая и сложная работа по сопоставлению и палеографическому анализу надписей.

Затем мы осматриваем вещи, хранящиеся в другом помещении, — фрагменты глиняных сосудов, украшения и великолепные маски-ручки.

Для того чтобы получить наиболее полное представление о памятнике, один из нас побывал в Абаканском, Красноярском и Минусинском краеведческих музеях, где хранится остальная часть интересующих нас находок, а также на том месте, где когда-то возвышался дворец.

Рис. 5. Маски-ручки, найденные во дворце близ Абакана

Сейчас, когда все предметы, найденные во дворце, прошли через наши руки, мы можем с уверенностью утверждать: мнение А. Н. Бернштама о том, что сооружение дворца относится к XII—XIII вв., является ошибочным.

Для датировки рассматриваемого нами памятника существенное значение имеют обнаруженные в нем бронзовые дверные ручки (рис. 5). Близкие аналогии им известны на территории Китая. Ручки с кольцами, вставленными в личины-маски, получили там широкое распространение начиная с V—IV вв. до н. э. В ханьское время они становятся неотъемлемым элементом дворцовой и храмовой архитектуры. Их можно видеть на многочисленных барельефах эпохи Хань¹⁴. Известны находки и самих дверных ручек с кольцами, относящихся к ханьскому времени (рис. 6).

Изучение сравнительного материала позволяет разъяснить одно недоразумение, связанное с масками-ручками из Абакана. Многие исследователи усматривали в них антропоморфные черты. Более того, утверждалось даже, что «при рассмотрении этих предметов бросаются в глаза характерные особенности европеоидного типа лица, чем они сильно напоминают некоторые погребальные маски таштыкской культуры»¹⁵. Полагая, что на дверных ручках из Абакана воспроизведены изображения лица местного физического типа, ряд исследователей считали их произведениями местных мастеров-художников.

¹⁴ См., например, Цзэнь ЧжАО-ЮЙ и др., Отчет о раскопках погребений с каменными барельефами из Инаня, Пекин, 1956, стр. 103—105 (на кит. яз.).

¹⁵ Л. А. Евтухова, Южная Сибирь в древности, в кн.: «По следам древних культур. От Волги до Тихого океана», М., 1954, стр. 204.

Предоставляем читателю самому решать, имеют ли абаканские ручки сходство с погребальными масками таштыкского времени (рис. 7), действительно передающими некоторые существенные черты внешнего облика населения долины Енисея в III в. до н. э.—II в. н. э.¹⁶ Но дело в том, что на китайских масках-ручках изображалось не человеческое лицо, а морда мифического животного. С этой точки зрения определить расовый тип, представленный на абаканской маске, оказывается в действительности не менее затруднительным, чем скажем, установить, к

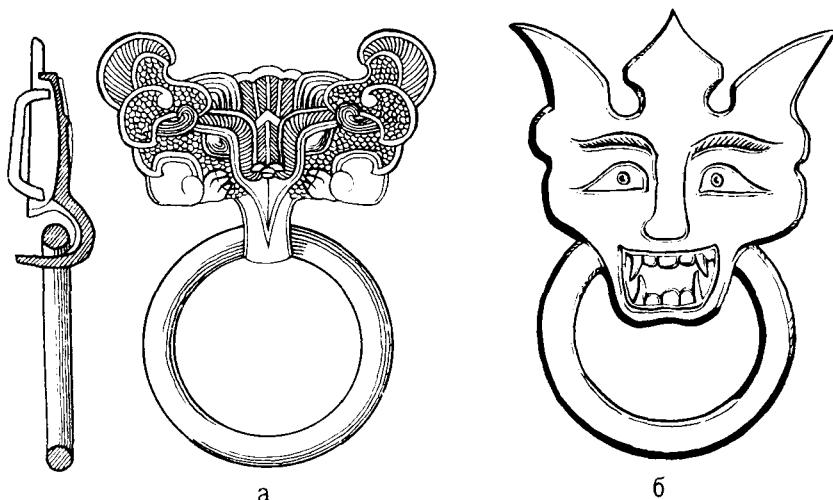

Рис. 6. Прорисовки масок-ручек ханьского времени из Китая.
а — бронзовая ручка из провинции Хунань (II в. до н. э.); б — изображение ручки на каменном барельефе из провинции Шэньси (II в. н. э.)

какому виду по системе Линнея относится восточноазиатский дракон. А если это так, то тезис о влиянии китайской традиции на художественное мышление местных мастеров оказывается лишенным оснований.

Решающее слово в вопросе датировки дворца близ Абакана принадлежит надписям на черепице. В. М. Алексеев был несомненно прав, отнеся их к ханьскому времени. Следует отметить, что вообще обычай украшать край крыши декоративными дисками появляется в Китае почти одновременно с масками-ручками. Но до III в. до н. э. концевые черепичные диски никогда не имели надписей. В ханьское время получает распространение стандартный набор надписей-благопожеланий, которые наносились не только на черепицу, но и на ткани, зеркала, поясные пряжки и даже на земледельческие орудия. На черепице из «дворца Ли Лина» мы читаем: «Сыну Неба тысячу осеней и десять тысяч лет вечной радости без горя».

Надписи такого типа известны в Китае на протяжении нескольких веков начиная с IV—III вв. до н. э. Характерно, что двусложные словосочетания, встречающиеся в нашей надписи (ваньсуй — «десять тысяч лет», цянъцю — «тысяча осеней», чанлэ — «вечная радость», вэйян — «не знать горя»), употреблялись в ханьское время и в качестве личных имен. В «Ханьской истории» Бань Гу упоминается о деятеле по имени Лю Вань-сүй, а людей по имени Цянь-цю мы найдем там не менее дюжины; столь же распространенными были в то время имена Чан-лэ и Вэй-ян.

¹⁶ Г. Ф. Дебец, Антропологическое исследование погребальных масок таштыкской культуры, «Краткие сообщения о научных работах Научно-исследовательского ин-та и Музея антропологии при МГУ», М., 1941.

Но есть в абаканской надписи одна на первый взгляд малозначительная деталь, позволяющая дать памятнику гораздо более точную датировку. В словосочетании чанлэ («вечная радость») первый иероглиф заменен другим знаком, имеющим то же чтение и значение. Случайность? Но в исторических хрониках сохранилось свидетельство о том, что император Ван Ман, узурпировавший престол в 9 г. н. э., издал указ об изменении написания иероглифа «chan» в названии столицы империи, города Чанъянь («Город вечного спокойствия»), а также в названиях некоторых чиновничих должностей. После реставрации ханьской династии в 23 г. эти нововведения были отменены. Поэтому все

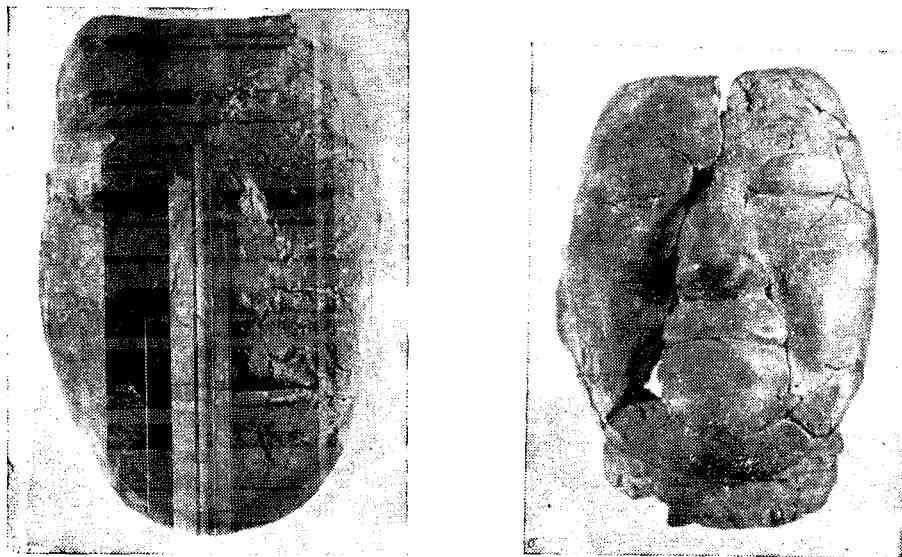

Рис. 7. Погребальные маски таштыкской эпохи (Минусинская котловина, ГИМ, колл. № 72 956). а — маска, изображающая лицо человека европеондного облика; б — маска изображающая человека с монголоидными чертами

эпиграфические надписи ханьского времени со специфическим написанием иероглифа «chan» сейчас надежно датируются временем Ван Мана. Это означает, что черепица из абаканского дворца могла быть изготовлена не раньше 9 г. и не позже 23 г., т. е. в течение каких-то 15 лет!

Учитывая это, крайне трудно поверить, чтобы Ли Лин мог жить во дворце, построенном спустя почти век после его смерти. Чаши весов склонились явно не в пользу версии, связанной с именем злополучного полководца.

Принцесса в «высоком шалаше»

Но если Ли Лин оказывается тут ни при чем, то кто же в таком случае мог быть владельцем таинственного дворца?

Рассуждая логически, можно считать, что мы знаем об этом незнакомце следующее:

- 1) он жил в самом начале I в.;
- 2) он был либо китайцем, либо человеком, прекрасно знакомым с особенностями китайской культуры и повседневного быта;
- 3) он пользовался поддержкой и благосклонностью китайского императора: только в этом случае объяснимо появление слов «Сын Неба» на черепице, украшавшей его покой (это обстоятельство, между прочим, совершенно не учитывалось сторонниками версии «дворца Ли Лина»);

4) дворец был построен тогда, когда хунну временно отказались от военных действий против Китая, иначе они в свою очередь не могли бы допустить благопожеланий китайскому императору;

5) владелец дворца постоянно жил на берегах Енисея, за тысячи километров от тех мест, где находилась в этом время ставка хуннского шаньюя¹⁷.

Попробуем оценить с точки зрения этих «примет» владельца абаканского дворца гипотезу Го Мо-жо о том, что здание принадлежало одной из китайских принцесс, выданной замуж за шаньюя в соответствии с «договором о мире и родстве»¹⁸. Работа Го Мо-жо была известна С. В. Киселеву¹⁹, но он, очевидно, не разделял этой гипотезы, так как даже не упомянул о ней. Отвергает точку зрения Го Мо-жо и китайский историк Чжоу Лянь-куань.

В самом деле, решение ханьского императора послать принцессу в далекие степные края и выдать ее замуж за «варвара-кочевника» рассматривалось китайскими историографами того времени как явление чрезвычайное, нуждающееся в тщательной и подробной фиксации. Изучение письменных источников показывает, что за всю историю Срединного царства вплоть до I в. н. э. включительно это случалось лишь пять раз. Последний раз — в 33 г. до н. э., когда некая Чжао-цзюнь была выдана за шаньюя Хуханье.

Читатель может задать вопрос: а что вообще известно о жизни китайских принцесс, волею судеб попавших в столь непривычную для них обстановку?

В 107 г. до н. э. внучка императора У-ди была отправлена в далекие степные края, где она должна была стать женой могущественного правителя усуньских племен. Свадебный поезд снаряжали со всей подобающей случаю тщательностью. Император считал нужным пожаловать невесте богатые подарки — колесницы, одежду, драгоценности и снабдить ее штатом прислужников и возниц, надеясь этим скрасить жизнь новобрачной вдали от отчего дома. Прошло несколько лет, и прибывший в Чанъян усуньский посол вручил императору стихи, написанные принцессой:

Выдали меня замуж
на край света
в далекую чужую страну
за усуньского царя.
Цюнлу служит мне домом,
войлок — стенами,
мясо — едой,
молоко — питьем.

Все время тоскую о родной земле,
сердце мое разрывается от скорби.
Хотела бы стать перелетною птицей,
чтобы вернуться в родные края²⁰.

Что же такое цюнлу, служившее жилищем принцессы?

Н. В. Кюнер, основываясь на толковании комментатора Сюй Суна, переводит термин «циюнлу» словами «высокий шалаш»²¹. Некоторые авторы считают, что речь здесь идет о юрте²², но это не вполне точно: для юрты характерен складной решетчатый остов, появляющийся позднее.

¹⁷ Чжоу Лянь-куань, Указ. раб., стр. 62.

¹⁸ Го Мо-жо, Указ. раб., стр. 136.

¹⁹ С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири, М., 1951, стр. 479, примеч. I.

²⁰ Бань Гу, Указ. раб., т. 12, стр. 3903

²¹ Н. В. Кюнер, Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока, М., 1961, стр. 78.

²² В. С. Таскин, Материалы по истории сюнну, М., 1968, стр. 142, 143.

Однако несомненно, что цюнлу — это типичное для гуннского времени кочевническое жилище с неразборным сплетенным из ивовых веток каркасом, крытое войлоком.

В конце II в. н. э. знатная китаянка Цай Вэнь-цзи была выдана замуж за влиятельного хунну — наследника шаньюя. Она провела в степях Центральной Азии 12 лет и вернулась в Китай в 208 г. Цай Вэнь-цзи владела незаурядным поэтическим даром и оставила потомкам большую поэму в 18 частях, в которой описывалась ее жизнь среди хунну. Мы узнаем, что одеваться ей приходилось в овчинный тулуп, а питаться мясом и молоком, казавшимися ей несъедобными. Жила же она в цюнлу, о чем упоминается в одном из разделов поэмы, где описываются «чуждые обычай и иные нравы». Много позднее, уже в минское время (XIV — XVI вв.) поэма Цай Вэнь-цзи была проиллюстрирована неизвестным художником, который изобразил жилище поэтессы в виде юрты, распространенной у кочевников в его время (свиток хранится ныне в Нанкинском музее) ²³.

Таким образом, имеющиеся в нашем распоряжении сведения позволяют сделать вывод, что как во II в. до н. э., так и четыре столетия спустя китаянки, выданные замуж за кочевников, жили в «высоких шалаших». Вопреки старой истине, что с милым и в цюнлу рай, они в своих стихах горько жаловались на судьбу и, по-видимому, были бы непрочь обменять свой шалаш на дворец.

Итак, может быть, это — Чжао-цзюнь?

Но такое решение проблемы владельца абаканского дворца вызывает несколько недоуменных вопросов. Во-первых, почему она получила такой прекрасный подарок лишь на склоне лет, когда ей шел уже по крайней мере седьмой десяток и она вряд ли могла рассчитывать на нежность и внимание со стороны своего варвара-супруга? Во-вторых, почему дворец был построен не в ставке шаньюя, где надлежит пребывать его супруге, а на берегах далекого Енисея? Нет, видимо, и принцессу Чжао-цзюнь приходится вычеркнуть из списка возможных претендентов на роль владельца роскошного дворца.

И все-таки не исключено, что Чжао-цзюнь имела некоторое отношение к нашему рассказу. Она была выдана замуж за шаньюя Хуханье, но пережила своего мужа и в соответствии с обычаями хунну стала женой его старшего сына от другой женщины. У Чжао-цзюнь родилась дочь по имени Имо, которая была отправлена в Китай и стала там одной из придворных служанок императора Ван Мана. Затем Имо вернулась к хунну, после чего вышла замуж за Сюйбудана — наместника «правых земель». Как сама Имо, так и ее муж были сторонниками примирения Хань и хунну. Это совпадало с намерениями Ван Мана, занятого проведением внутренних реформ. Очевидно для Имо и былозведен этот дворец на Енисее, где могла находиться постоянная ставка Сюйбудана.

Хунну и Китай

«О, судьбы людские!» — любил повторять Овидий.

Лопата, прорезавшая дерн, со звоном ударила во что-то твердое, но хрупкое. Так началась история открытия и изучения «дворца Ли Лина». История эта во многом поучительна.

И в самом деле, при жизни Ли Лину фатально не везло. После смерти ему, напротив, были приписаны подвиги, совершившие под силу не всякому. Сам того не подозревая, Ли Лин превратился в «гуннского наместника в земле хягас», в человека, получившего от шаньюя «в управление область и племя хягасов». Между тем в достоверных источниках ханьского времени нет никаких упоминаний о том, что Ли Лин был на-

²³ Го Мо-жо, Цай Вэнь-цзи, Пекин, 1959 (на кит. яз.).

местником хунну на Енисее. Лишь тысячу лет спустя авторы китайской династийной истории «Таншу» вспомнили о Ли Лине в разделе, посвященном племени хягас. Люди этого рыжеволосого племени с голубыми глазами якобы считают тех своих собратьев, у кого карие глаза, потомками Ли Лина. С легкой руки Иакинфа Бичурина, использовавшего эту версию в своем «Собрании сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена»²⁴, Ли Лин обосновался на берегах Енисея, где он, по всей вероятности, вообще никогда не бывал. Что же касается вопроса о том, мог ли Ли Лин столь существенно повлиять на расогенез целого народа, то мы не беремся судить об этом и адресуем вопрос специалистам в области популяционной генетики.

Не подтверждается и еще одна, последняя сторона легенды, о том, что дворец близ Абакана принадлежал наместнику гуннов, пришедших на берега Енисея, уже подвергнувшись «сильному китайскому влиянию», и что этот дворец «является лучшим свидетельством и уровня развития, достигнутого местным обществом, и влияния на него более древних центров цивилизации»²⁵.

Мы не знаем в лицо владельца загадочного дворца. Но можем утверждать, что строительство его было явлением экстраординарным, возможным лишь при стечении целого ряда необычных обстоятельств. Многолетнее археологическое изучение памятников культуры северных хунну в Монголии, Забайкалье и Южной Сибири не дает никаких оснований утверждать, что эти кочевые племена испытали значительное китайское влияние. Китайские вещи, попадавшие к хуннуской знати в виде даров ханьского двора, не могли существенно изменить общий облик самобытной кочевой культуры северной ветви хунну, живших на территории Монголии и юга Сибири. Кстати говоря, не заметил этого влияния на хунну и сам Ли Лин, проживший в их среде долгие годы. В своем письме к Су У он подчеркивает резкие различия в культуре и быте хунну и китайцев и сетует на то, что, живя среди кочевников, вынужден был «укрываться от ветра и дождя кожаной одеждой и войлочной палаткой, а голод и жажду утолять вонючей бараниной и молоком»²⁶.

Таким образом, нет решительно никаких оснований рассматривать памятник близ Абакана ни как «дворец Ли Лина», ни как жилище «наместника гуннов» на Енисее, ни видеть в нем результат китайского влияния на сибирские племена, ни свидетельство уровня развития, достигнутого местным обществом.

²⁴ Н. Я. Бичурин, Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I, М.—Л., 1950, стр. 73, 351.

²⁵ А. М. Хазанов (при участии Л. Е. Куббеля и С. А. Созиной). Первобытная периферия докапиталистических обществ, в кн.: «Первобытное общество», М., 1975, стр. 165.

²⁶ Ли Лин, Ответ на письмо Су У, в кн: «Древние тексты», Шанхай, б. г., т. 2, стр 156 (на кит. яз.).

К IV ВСЕМИРНОМУ КОНГРЕССУ ПО СОЦИОЛОГИИ ДЕРЕВНИ

Очередной IV Всемирный конгресс по социологии деревни, который готовит Международное общество по социологии деревни, состоится 9—13 авг. 1976 г. в Торуни (ПНР) в созданном после второй мировой войны Университете им. Миколая Коперника.

Предстоящий конгресс посвящен комплексному исследованию людских и природных ресурсов в деревне. Это новая и необычная сфера для социологов села. Несомненно, что тематика конгресса будет интересна не только для социологов деревни, но также для этнографов, специалистов по экологии, географов, экономистов, а также для специалистов по градостроительству и ландшафтной архитектуре. Тематика Торуньского конгресса с ее акцентом на экологические аспекты особенно актуальна для представителей высоко индустриализованных стран. Для делегатов из стран «третьего мира» такие проблемы пока еще не столь актуальны. Но они важны для исследований, которые развернутся в этих странах в будущем. Более того, чем раньше подобные вопросы станут объектом научного исследования, тем больше появится возможностей для их кардинального решения. Нет сомнений в том, что проблемы рационального использования природных ресурсов уже вскоре встанут перед всем человечеством. Их значимость и возможности их решения будут, конечно, различными в разных странах (в зависимости от географического положения, социальных условий, политического строя и т. п.). Но не следует забывать, что в настоящее время с точки зрения экологии мир един, а потому угроза природной среде в одной стране создает проблемы и трудности для других стран и даже для целых континентов.

Международный форум ученых, на котором будут обсуждаться проблемы развития хозяйства и культуры народов земного шара, будет, несомненно, способствовать укреплению мира и международного сотрудничества.

Как обычно, главная тематика конгресса определяет рамки его работы в целом, но не ограничивает свободы дискуссии на отдельных семинарах в соответствии с научными интересами их участников.

Помимо пленарных заседаний планируются заседания 21 семинара, посвященные следующим конкретным проблемам.

1. Концепция и главное направление исследований комплексного развития человеческих и природных ресурсов.

2. Последствия экономического роста для развития человеческих и природных ресурсов.

3. Технологические изменения в сельском хозяйстве и модернизация сельской жизни как условия интегрированного развития.

4. Демографические изменения и направления развития.

5. Общее и региональное планирование как стратегия развития.

6. Социальные изменения в сельской местности и земельные реформы.

7. Коллективное и кооперативное хозяйство как главное направление интегрированного развития.

8. Крестьянские объединения и проблемы развития.

9. Будущее крестьянских объединений в индустриальных обществах.

10. Сельские группы и кооперативы: их роль в интегрированном развитии.

11. Занятость, профессиональная структура и главное направление интегрированного развития.

12. Социальная структура и мобильность сельского населения как результаты интегрированного развития.

13. Национальные меньшинства и этнические группы в процессе интегрированного развития.

14. Изменение роли женщин в сельских обществах.

15. Сельская молодежь, связанные с ней надежды, или трудности развития общества.

16. Современная сельская семья.
17. Изменяющаяся сущность религиозных институтов в деревне.
18. Роль государства в интегрированном развитии.
19. Формирование среды и качество жизни.
20. Отдых, досуг и направление интегрированного развития.
21. Представления об образе жизни (ценностные ориентации), их влияние на процессы развития.

Как видим, семинары охватывают широкий круг проблем, связанных с главной тематикой конгресса.

Рабочими языками конгресса будут английский, французский, немецкий и русский. На эти языки будут переводиться доклады и выступления на пленарных заседаниях.

Польские социологи надеются, что предстоящий конгресс позволит установить тесные контакты между учеными, занимающимися проблемами развития деревни в эпоху индустриализации и технического прогресса.

З. Т. Вежбицкий

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ НА IV МЕЖДУНАРОДНОМ КОНГРЕССЕ ФИННО-УГОРОВЕДОВ

9—15 сентября 1975 г. в г. Будапеште (ВНР) состоялся IV Международный конгресс финно-угроведов. В нем приняли участие 700 делегатов из 25 стран и около 300 гостей, главным образом научная молодежь. Наиболее представительными были три делегации: Венгерской Народной Республики (свыше 200 чел.), Финляндии (около 200 чел.) и СССР (190 чел.). Президентом конгресса был избран академик Дьюла Ортути (ВНР).

Одной из отличительных черт IV Международного конгресса финно-угроведов по сравнению с тремя предыдущими было расширение его профиля за счет повышения удельного веса исторической проблематики. Это отразилось как на структуре конгресса, так и на профессиональном составе делегаций¹.

На работе конгресса положительно сказалось то обстоятельство, что Международный организационный комитет заранее выдвинул узловые проблемы, а основные доклады почти за полгода были опубликованы и разосланы делегатам. Кроме того, к открытию конгресса были напечатаны тезисы многих докладов².

Была принята следующая структура конгресса: пленарные заседания, секционные заседания, совещания по специальным темам («круглые столы»), заседания по свободно избранным темам.

Состоялось четыре пленарных заседания. Параллельно проводились заседания четырех секций — языковедческой, этнографической, археолого-историко-антропологической и литературоведческой. «Круглые столы» по профилю рассматриваемых проблем соответствовали секциям.

Всего во время конгресса было прочитано более 150 докладов, а также значительное число содокладов и сообщений.

На первом пленарном заседании обсуждались проблемы развития финно-угроведения и методика исследований. С основным докладом на тему «Состояние и направление исследований в финно-угроведении» выступил Д. Лако (ВНР), крупный исследователь в области лингвистики, сосредоточивший внимание на проблемах языкоznания в финно-угроведении. Докладчик отстаивал значимость сравнительно-исторического метода в языкоznании, незаслуженно, по его мнению, принижаемого в современных исследованиях. Д. Лако ограничился главным образом лингвистическими проблемами, причем остановился лишь на ранних исследованиях в этой области. Именно поэтому выступавшие в дискуссии отмечали недостаточное освещение в докладе вопросов современного финно-угроведения.

Существенным дополнением к основному докладу явились два содоклада советских ученых — языковеда Ю. С. Елисеева и этнографа Н. Н. Чебоксарова. Ю. С. Елисеев осветил развитие современного советского финно-угорского языкоznания, подробно охарактеризовал исследовательскую работу во всех центрах финно-угроведения в СССР. Н. Н. Чебоксаров говорил о задачах и методах комплексного изучения

¹ В состав делегации Советского Союза входило 40 этнографов и фольклористов, 19 археологов, 6 антропологов, 7 собственно историков. Делегаты конгресса от Отделения истории АН СССР представляли центральные, союзно-республиканские и автономно-республиканские научные учреждения, вузы и музеи.

² Основные доклады напечатаны в кн.: «Congressus Quartus Internationalis Fennougristarum», Budapest, 1975; тезисы напечатаны в кн.: «Congressus Quartus Internationalis Fennougristarum», Budapest, 1975.

финно-угорских народов. Обсуждение выдвинутых в содокладах проблем было продолжено на секционных заседаниях.

На втором пленарном заседании с основным докладом на тему «Языковые, этнические и культурные границы» выступил К. Вилкуна (Финляндия). Используя данные различных гуманитарных наук, докладчик подверг критике некогда широко распространенный взгляд, которого придерживался и он сам, о полном совпадении языковых, культурных и этнических границ. К. Вилкуна убедительно показал, как внутри определенного языкового ареала возникают различные культурные области, рассмотрел вопрос о мере совпадения этнических и языковых границ. В докладе широко привлекались и материалы по Советскому Союзу. К. Вилкуна обратил внимание на социально-экономические и политические факторы для рассмотрения этих проблем.

С содокладом «Современные этнические процессы у финно-угорских народов СССР» выступили на этом заседании И. С. Гурвич и Л. Н. Терентьева (Москва). Они поддержали основные положения, выдвинутые К. Вилкуна, и показали их справедливость в применении к современному этническому развитию финно-угорских народов СССР. Вместе с тем в содокладе были высказаны критические замечания относительно некоторых суждений К. Вилкуна. В частности, И. С. Гурвич и Л. Н. Терентьева говорили о том, что природные условия влияют на развитие общества не непосредственно, а опосредованно, через социально-экономические условия. Кроме того, докладчики обосновали понимание этноса как историко-социального явления, подчиненного законам социального развития, а не как явления биологического порядка, главные определяющие черты которых — расовые свойства, как указывал К. Вилкуна.

Второй содоклад, А. Халикова (Казань), был посвящен локализации финно-угров Поволжья и Приуралья по данным археологии.

На первом заседании этнографической секции рассматривались проблемы общественного строя финно-угорских народов. В основном докладе Т. Бодроги (ВНР) поставил вопрос о соотношении систем родства венгров и других финно-угорских народов. Как отмечали участники заседания, некоторые положения доклада были неточными. Так, Т. Бодроги утверждал, что поскольку изменения в системе родства ведут к изменениям в номенклатуре родства, сегодняшняя терминология отражает современную структуру родства. В действительности же современные термины родства отстают от современных норм брачных отношений. Кроме того, в этих терминах отражаются напластования различных эпох. Не нашел места в докладе также и вопрос о возрастных классах.

Доклад Т. Бодроги был дополнен рядом содокладов. З. П. Соколова (Москва) подняла вопрос о происхождении дуально-фратриальной организации хантов и манси, подчеркнув ее древний характер. И. Футаки (ФРГ) изложил свои выводы, основанные на анализе материалов видного немецкого финно-угроведа В. Штейница по обским уграм и советского исследователя Л. А. Файнберга по иганасанам. Он вступил в полемику с Т. Бодроги по вопросу о соответствии терминов родства брачным нормам и сделал ряд замечаний относительно методики исследования. Ю. Морвой (ВНР) охарактеризовала венгерскую систему родства, отметив в ней следы возрастных ограничений, а также вторичный характер некоторых ее архатических форм. В. И. Васильев (Москва) в содокладе «Генезис фратриально-родовой организации сибирских ненцев» высказал мнение о позднем происхождении ненецких фратрий.

На втором заседании секции этнографии обсуждался круг вопросов, затронутых в основном докладе С. В. Иванова (Ленинград) «Традиционное искусство финно-угорских народов». На основании исследования археологических и этнографических источников докладчик выделил три основных комплекса геометрических мотивов в орнаменте, известных всем финно-угорским народам Советского Союза, Финляндии и Венгрии. Первый встречается на изделиях из бересты, второй — на предметах из дерева и кости, третий — в орнаменте вышивок, в ткачестве и вязании. Истоки первого комплекса уходят в эпоху неолита, второй комплекс складывается, видимо, в эпоху бронзы. Датировка третьего комплекса, исторически более позднего, требует уточнения. С. В. Иванов обратил внимание на необходимость коллективных усилий ученых Советского Союза, Финляндии и Венгрии — этнографов, археологов и историков искусства — для всестороннего изучения искусства финно-угорских народов, призвал к созданию альбомов по орнаменту отдельных этносов. Докладчик высказал мысль о целесообразности выделения вопросов, связанных с изучением народного орнамента, в особую область знания — орнаментоведение.

В содокладе Л. С. Грибовой (Сыктывкар), построенном в основном на археологическом материале, ставилась цель выявить в искусстве приуральских финно-угров XIX — начала XX в. элементы так называемого пермского звериного стиля (в резьбе по дереву, на украшениях из металла, меховой мозаике). Л. С. Грибова рассмотрела также основные этапы сложения пермского звериного стиля. В содокладе Г. Н. Климовой (Сыктывкар) характеризовался орнамент коми-зырян и коми-пермяков. Выделенные ею признаки этого орнамента нанесены на карту, причем, по ее наблюдениям, ареалы многих локальных особенностей орнамента совпадают с границами распространения диалектов языков коми. В содокладе С. Н. Виноградова (Ижевск) был поставлен вопрос о семантике так называемых «солярных знаков» в орнаменте удмуртов, анализировались древние представления этого народа о солнце. Ю. А. Савватеев (Петрозаводск) рассказал об открытии в 1967—1974 гг. новых петроглифов на

Онежском озере, об их сюжетах, а также о семантике некоторых наскальных изображений. Докладчик считает целесообразным пересмотреть исторический возраст этих древнейших памятников изобразительного искусства на Европейском Севере СССР. Ю. Кюш (ВНР) показала, как проявляются традиции народного искусства в современных финских народных промыслах.

Третье заседание секции этнографии было посвящено проблемам изучения финно-угорской народной музыки. В основном докладе Д. Сомьяш - Шиффера (ВНР) «История и итоги сравнительного изучения финно-угорской народной музыки» был дан обзор венгерских исследований в этой области начиная с работ А. Лауниса и З. Кодан и до настоящего времени. С работами советских ученых докладчик, очевидно, незнаком и о них не упоминал. Во второй части доклада была предпринята попытка провести параллели между древнейшими типами венгерских народных напевов и мелодиями других финно-угорских народов. Однако теория Д. Сомьяш-Шиффера о родстве венгерских причитаний и других мелодий с напевами карельских песен цикла Калевала, а также эстонскими двухстroичными мелодиями с квинтовым звукообъемом и со спускающимся направлением мелодической линии представляется спорной, так как подобные напевы у прибалтийско-финских народов составляют относительно поздний слой напевов песен рунической формы. У этих народов (води, эстонцев и др.) сохранились более архаичные одностroочные напевы. Отметив это, председатель секции И. Рюйттель (Таллин) подчеркнула, что у венгров подобные мелодии не сохранились.

У. Колк (Тарту) в своем содокладе подчеркнул значение типологического анализа в сравнительном изучении финно-угорской музыки. Подробнее он остановился на напевах причитаний сету, в основном на характеристики их звукорядов. Поддерживая теорию Д. Сомьяш-Шиффера, докладчик высказал мнение, что эти напевы составляют самый архаичный слой эстонской музыки. Однако, как отмечалось в прениях, подобные причитания характерны только для сету, музыкальная культура которых сильно отличается от народной музыки населения других районов Эстонии, поэтому их едва ли можно рассматривать как древнейший вид эстонских напевов вообще.

Л. Викар (ВНР) в содокладе ознакомил слушателей со своей работой по собиранию, изучению и публикации музыкальных произведений приволжских народов (мари, чувашей, удмуртов, мордвы и татар). По его мнению, новые исследования ставят под сомнение распространенный прежде среди венгерских ученых взгляд о родстве венгерских и марийских напевов. Л. Олшвай (ВНР), напротив, поддержал старую теорию о родстве венгерских мелодий с мелодиями приволжских финно-угров. И. Тынуррист (Таллин) выступил с содокладом, посвященным истории кантеle и гуслей.

Первое заседание «круглого стола» по этнографическим проблемам было посвящено жанровой структуре народной поэзии финно-угорских народов. В. Фойт (ВНР) охарактеризовал главные методы изучения жанровой системы финно-угорского народного творчества в Венгрии — лингвистический, типологический и генетический. Э. Я. Кокаре (Рига) поставила задачу показать проницаемость двух жанров эстонского и латышского фольклора — пословиц и народных песен. И. Катона (ВНР) рассказал о жанровой структуре венгерского фольклора, о типологии и структуре венгерских песен. Т. Деметер (ВНР) осветила результаты изучения венгерской народной драмы. П. К. Поздеев (Ижевск) на основании новых материалов доказывал существование у удмуртов особого жанра эпических песен. В своем выступлении К. Т. Самородов (Саранск) показал разнообразие жанров мордовской свадебной поэзии. Подробнее он анализировал причитания и песни, связанные со свадебным обрядом, раскрыл их функции в свадебной игре. Э. Шмит (ВНР) охарактеризовала типологию жанров фольклора манси и хантов. Подвергнув критике существующие системы их классификации, она предложила свою, в основу которой положена функция жанра. Однако предложенная Э. Шмит системой классификации не была безоговорочно поддержана выступавшими в прениях. И. Криза (ВНР) посвятила свое выступление структуре венгерской баллады.

Второе заседание этнографического «круглого стола» по теме «Социальные функции народных обычаяев финно-угорских народов» открылось докладом Г. Н. Грачевой (Ленинград) «Половозрастные категории и погребальный обряд у инганасан». На основании анализа собственных полевых материалов она пришла к выводу о зависимости погребального обряда и способа захоронения от пола и возраста умершего. К. Кехальми (ВНР) в докладе о культе медведя у манси, опираясь на работы советских ученых А. П. Окладникова, Г. М. Василевич, С. В. Иванова, высказала точку зрения о зарождении этого культа в Сибири в период неолита. Ю. Пентикайнен (Финляндия) в докладе «Типология сверхъестественных представлений (на лопарском материале)» рассказал о своем методе, который он использовал при исследовании утери информации или изменения ее интерпретации у одного и того же информатора с течением времени. Применение этого метода привело его к заключению, что создание информации — социальный процесс; ее интерпретация меняется со временем и с изменением социальной среды. Народная память коммуникатива; ее изменение влияет на объяснение информатором сверхъестественных представлений. В. А. Акторин (Йошкар-Ола) в своем докладе охарактеризовал исторический процесс трансформации верований и обрядности у мари, особо остановившись на интернациональном характере их духовной культуры в настоящее время. В докладе А.-Л. Кууси (Финляндия)

рассматривались основные этапы начала шаманской деятельности сибирского шамана, усвоения им определенных знаний, приобретения «мастерства». Это сообщение было построено на материалах советских исследователей, в частности Е. Д. Прокофьевой. М. Хоппал (ВНР) в докладе «Система верований, мировоззрения и мифологии» высказал мнение, что для анализа любого мифологического текста необходимо учитывать: 1) представления о мире, 2) факты, которые подтверждают эти представления; 3) логику мышления автора текста. Докладчик подчеркнул необходимость сравнительных исследований.

Третье заседание этнографического «круглого стола» было посвящено вопросам дифференциации и интеграции в материальной культуре финно-угорских народов. С докладом «Оленеводство в Северной Евразии» выступил Я. Кодолани (ВНР), выразивший мнение, что оленеводство в Северную Евразию принесли самодийские народы, от которых оно было воспринято обскими уграми и коми-зырянами. Переход к оленеводству привел к тому, что культура северных групп стала сильно отличаться от культуры остальной части этих народов. Это способствовало дифференциации культуры. Что касается эволюции лопарского оленеводства, то если оно генетически связано с самодийским, то эти связи были давно нарушены, и развитие оленеводства у лопарейшло своим путем. Н. В. Шлыгина (Москва) в своем докладе анализировала развитие женской одежды у малых финноязычных народов, живших в конце XVIII — начале XX в. на территории современной Ленинградской области. По мнению Н. В. Шлыгиной, этнографические материалы позволяют судить о сильном проникновении русских элементов в одежду води и ижоры в XIX в. Можно говорить о переходе к русским формам одежды уже на рубеже XIX—XX вв. Это вполне закономерное явление, отражающее общую направленность этнических процессов у данных народов. Л. Н. Жеребцов (Сыктывкар) в своем докладе проследил процесс формирования особенностей в народной культуре коми под влиянием контактов с соседними народами. В докладе А. Виреса (Таллин) на примере изучения транспортных средств прибалтийско-финских народов была показана роль различных факторов, влияющих на дифференциацию и интеграцию материальной культуры: природных, экономических и историко-культурных. Доклад Л. Кеси-Ковача (ВНР) был посвящен проблеме доместикации лошади, доклад Л. Такача (ВНР) — способам отметки границ владения при подсечном земледелии у венгров.

Первое заседание археолого-историко-антропологической секции было посвящено проблеме южных связей древнего населения Урала в каменном веке. Л. Я. Крижевская (Ленинград) в дополнение к опубликованному тексту своего основного доклада «Южные связи уральских культур в эпоху позднего каменного века» сообщила об открытии нескольких новых памятников мезолита в Среднем Зауралье. Г. А. Панкратушев (Петрозаводск) в содокладе «О единстве культур на территории Карелии и Финляндии в мезолите и раннем неолите» стремился показать, что эти области заселялись в X—IX тысячелетиях до н. э. выходцы с востока, вероятнее всего из Приуралья, постепенно осваивавшие освобождавшиеся из-под ледника пространства.

И. И. Гохман (Ленинград) в содокладе «О происхождении финно-угров по данным краинологии и палеоантропологии» высказал мнение, что ослабленная профилированность лица и переносья, свойственная населению Северо-Восточной Европы, восходит к антропологическим типам Олениостровского и Нижнеднепровских могильников, находит некоторые аналогии в верхнепалеолитических погребениях на Сунгире (под Владимиром) и выражает различия между населением северных областей Восточной Европы и южными европеоидами. Граница между этими типами проходила, по-видимому, вдоль лесостепной зоны от Северного моря до Приуралья. Население северных областей Восточной Европы могло быть тем основным субстратом, на базе которого в древности в процессе контактов с южными европеоидами и сибирскими монголоидами складывались расовые особенности финских и угорских народов.

Второе заседание секции обсудило тему «Возникновение производящего хозяйства у финно-угров». Основной доклад по этой теме «Возникновение производящего хозяйства и финно-угры» был подготовлен ныне покойным А. П. Смирновым (Москва).

Я. Матолци (ВНР) в своем содокладе привел материалы о возникновении скотоводства у древних финно-угров. Э. С. Мугуревич (Рига) посвятил свой содоклад производящему хозяйству у даугавских лайлов X—XV вв. В содокладе М. Ф. Жиганова (Саранск) говорилось о развитии производящего хозяйства у древней мордовы. Р. Д. Голдина (Ижевск) выступила с сообщением о производящем хозяйстве у коми-пермяков.

В дискуссии приняли участие К. А. Смирнов (Москва), С. Лазул (Таллин), А. Барта (ВНР). Выступавшие подчеркнули роль заимствований. В частности отмечалось, что сам процесс одомашнивания животных не характерен для финно-угорских народов. В заключительном выступлении председатель секции К. Мейнандер (Финляндия) отметил большое значение археологии для изучения истории финно-угров.

На третьем заседании археолого-историко-антропологической секции обсуждалась тема «Заселение венграми современной территории и его предпосылки». Основной доклад по этой теме был сделан Д. Ласло (ВНР), который отметил, что источники содержат много указаний, противоречащих представлению об однократном переселении предков венгров в Прикарпатье. Д. Ласло предположил, что уже в 670 г. вместе с булгарами в Прикарпатье переселилась большая группа оногуров, которые утвердили

венгерскую речь. Р. Г. Кузеев и Т. М. Гарипов (Уфа) в содокладе поддержали гипотезу ряда ученых, что мадьярские племена во второй половине I тыс. н. э. обитали между Уралом и Волгой — в области, условно называемой «Великой Венгрией». Одним из доказательств справедливости этой гипотезы может послужить наличие среди названий венгерских племен ряда имен, обнаруживающих аналогии в башкирских этнонаимах (юрматы, тархан, кесе, нагман, юлман, булгар и др.) Содоклад И. Диенеша (ВНР) был посвящен анализу элементов изобразительного искусства на древневенгерских изделиях. Сопоставив древневенгерское искусство с иранским и сибирским, докладчик пришел к выводу, что точка зрения Д. Ласло о раннем проникновении предков венгров в Прикарпатье не находит подтверждения. В содокладе М. Руся (СРР) характеризовались памятники второй половины I тысячелетия н. э. на территории Трансильвании. Докладчик показал, что здесь значительные группы болгарского населения сосуществовали с аварским населением. Большое значение имел и славянский компонент. В содокладе Е. А. Халиковой (Казань) анализировались находки из могильника Большие Тиганы на Нижней Каме, датируемого VII—IX вв. н. э. Погребальный обряд и вещевой комплекс сравнивались с аналогичными данными, полученными в результате раскопок могильника венгров Арпада IX—X вв. в Прикарпатье. По мнению Е. А. Халиковой, обнаруженные аналогии позволяют считать Нижнюю Каму первоначальной территорией обитания древних венгров накануне их переселения в Прикарпатье. Этот вывод вызвал оживленную дискуссию. Большинство выступавших отмечало, что могильники на Каме и в Прикарпатье свидетельствуют о больших различиях в погребальном обряде, керамике, костюме; поясные наборы в абсолютном большинстве происходят из среднеазиатских торгово-ремесленных центров. Это в какой-то степени противоречит точке зрения о прямых этнических параллелях между Прикамьем и Прикарпатьем.

О связях элементов материальной культуры венгров и народов Поволжья говорили Г. А. Архипов (Йошкар-Ола), выступивший с сообщением «Общие элементы в материальной культуре марийцев и венгров по археологическим данным» и Е. П. Казаков (Казань), посвятивший свое выступление угорскому этническому элементу в средневековых памятниках Среднего Поволжья. В. А. Семенов (Ижевск) выделил угорские элементы в поломской культуре, легшей в основу формирования удмуртского этноса.

На одном из заседаний «круглого стола» была обсуждена тема «Место исторической науки в финно-угорских исследованиях». С основными докладами выступили К. И. Козлова (Москва) — «О ясашной общине у мордвы в XVII в.» и А. С. Жербин (Петрозаводск) — «Советская историческая наука о карелах». Участники заседания отметили, что историки внесли значительный вклад в изучение проблем финно-угроведения.

Историки и этнографы на заседании «круглого стола» обсудили также тему «История и современные процессы в развитии финно-угорских народов». Доклады и выступления сгруппировались по трем проблемам: 1) историческая этнография, общественные и этнокультурные связи; 2) современная история, общественные и международные связи финно-угорских народов; 3) современные этнические процессы у финно-угорских народов СССР.

Первой проблеме были посвящены четыре доклада — венгерского ученого П. Вереша (ВНР) и советских исследователей А. Х. Магометова, Т. Исламова и Т. В. Лукьянченко. П. Вереш предпринял попытку реконструировать традиционные социальные и этнические общности манси на основе сравнения географического распространения мансийских диалектов и говоров в XVIII—XX вв. и границ административных единиц на территории расселения манси. В результате он пришел к выводу о том, что мансийские диалекты в основном совпадают с бывшими племенами. А. Х. Магометов (Орджоникидзе) на основе исторических источников, фольклорных и этнографических данных проследил политические и этнокультурные связи древних венгров и алан-осетин. Т. В. Лукьянченко (Москва) показала, что народная одежда саамов позволяет установить древние связи их как с финно-угорскими народами, так и с другими соседями, а также проливает свет на некоторые моменты истории этого небольшого народа. Т. Исламов (Москва) посвятил свой доклад методическим проблемам.

Вопросы, связанные со второй проблемой, были затронуты П. Тайншимидтом (ГДР), показавшим влияние международной обстановки и политики СССР на революционное движение венгров 1930—1940-х годов, и А. Менгером (ГДР), остановившимся на отношении разных слоев немецкого населения к финскому освободительному движению в начале XX в.

Третьей проблеме были посвящены доклады и выступления С. В. Дорожкина (Саранск), М. Н. Власовой (Петрозаводск), Л. В. Хомич (Ленинград), Е. В. Рихтер (Таллин), Н. П. Павлова (Ижевск), Н. Ф. Мокшина и В. А. Балашова (Саранск). Эти ученые широко использовали статистические и социологические данные для исследования современных этнолингвистических и собственно этнических процессов.

Одно из заседаний «круглого стола» было посвящено вопросам антропологической дифференциации финно-угорских народов в связи с вопросами их формирования. П. Липтак (ВНР) в локладе «Палеоантропология и этногенез древних венгров»

на краинологических сериях с территории Венгрии, относящихся к концу I — началу II тысячелетия н. э., используя определения расового типа индивидуума, выделил большое число расовых типов самого разного происхождения. Отмечалось, например, присутствие «кроманьонского», «южносибирского», «памирского», «нордического» типов в одной или нескольких близких краинологических сериях черепов. Особенно разнообразны, с точки зрения П. Липтака, серии аварского времени, где он выделяет антропологические типы, относящиеся к разным хронологическим этапам и этническим общностям (в докладе упоминались «нордические», «кроманьонские», «иранские» наряду с «протомонголоидами», «синидами»).

В докладе Я. Немешекери (ВНР) «Антропология современных популяций Венгрии» говорилось об обследовании более чем 40 региональных и этнических групп современного населения Венгрии в западной части страны, в междуречье Дуная и Тисы, в северо-восточной Венгрии. Докладчик, используя типологический метод, выделил в современном населении и «уральские типы» и «кроманьонские элементы».

В приведенных выше докладах использованы обширные материалы, но применяемая исследователями методика не позволяет в полной мере их оценить.

В совместном докладе Т. Д. Гладковой (Москва) и Т. Тота (ВНР) было показано, что по признакам дерматоглифики венгры относятся к европеоидным популяциям. Не удалось выявить какие-либо «сибирские» (угорские) черты.

К. Ю. Марк (Таллин) в докладе «Соматология угорских народов» показала существенные различия в антропологической характеристики венгров Закарпатья и обских угров. Ею были привлечены палеоантропологические данные (в частности, высказывалась точка зрения о гетерогенности «андроновцев» на Южном Урале, часть из которых могла быть предками древних угров, ушедших на запад в составе кочевников). В докладе И. М. Золотаревой (Москва) «Антропология самодийских и угорских народов Западной Сибири» были представлены австрополигические характеристики ногайсов, энцев и ненцев в сопоставлении с хантами и манси. Докладчица продемонстрировала существенные различия по комплексу признаков между уграми и самодийцами. Г. М. Даудова (Москва) в своем выступлении показала сочетание у манси сильной степени уплощенности лицевого скелета с относительно светлой пигментацией (не свойственной, как известно, монголоидам). В выступлении высказано предположение, что подобное сочетание можно считать проявлением древнего антропологического комплекса, лежащего в основании уральской группы типов, как это предполагает В. В. Бунак. С сообщением о территории, древности и происхождении финского элемента в Восточной Прибалтике выступила Р. Я. Денисова (Рига).

На этом же заседании Х. Форсиус (Финляндия) представил новые материалы по трем финским группам Северо-Восточной Финляндии. Он остановился на проблеме финско-лопарских контактов на этой территории (выводы сделаны на основании анализа материалов по пигментации глаз и волос). По мнению докладчика, можно отметить промежуточность некоторых характеристик изученных групп между финнами Южной Финляндии и лопарями.

Заключая работу «круглого стола» по теме «Антропологическая дифференциация финно-угорских народов», Н. Н. Чебоксаров отметил успехи антропологического финно-угроведения. Он напомнил, что планомерное изучение антропологии финских и угорских народов началось еще в 20-е годы главным образом советскими учеными. В настоящее время эти народы в антропологическом отношении изучены лучше многих других. Результаты антропологических исследований важны для воссоздания этнической истории финно-угров.

Доклады по свободно избранным темам были объединены в три группы. Первая и вторая группы, представленные на этнографической секции, были посвящены проблемам фольклора, народной хореографии и театра, а также вопросам развития хождения, материальной культуры и социальной организации финно-угорских и самодийских народов. Среди них отметим доклады Э. Н. Таракиной (Саранск) «Жанровая структура современного детского фольклора», А. Ковач (ВНР) «Проблемы ритмики фольклорных текстов», Л. Майдока (ВНР) «Возможности и задачи изучения загадок финно-угорских народов», Л. Фельфельди (ВНР) «Источники хореографической культуры обских угров», А. Филипа (ВНР) «Жилищная и домашняя культура венгров в средневековье», С. И. Вайнштейна (Москва) «Проблемы социальной организации южносамодийских народов». Третья группа докладов по историко-археологической секции включала доклады по вопросам этногенеза и древних этнокультурных связей финно-угорских народов. Среди них упомянем доклады А. П. Окладникова (Новосибирск) «Сейминская культура и ее восточные связи», Э. Тыниссона (Таллин) «Некоторые аспекты процесса зарождения и развития прибалтико-финских народностей», П. Ваци (ВНР) «Прадолина венгров в свете исторических источников» и др.

Работа конгресса была плодотворной; он способствовал развитию дальнейших контактов финно-угроведов. Благодаря широкому гостеприимству венгерских ученых и большой работе венгерского оргкомитета, делегаты смогли познакомиться со страной и ее столицей Будапештом.

И. М. Золотарева, З. П. Соколова, Л. Н. Терентьева

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ
«КОЧЕВНИКИ В ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТИ»
(Лейпциг, 11—12 декабря 1975 г.)

Международный симпозиум «Кочевники в истории и современности» был организован Лейпцигским музеем этнографии и кафедрой этнографии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова в рамках совместно разрабатываемой научной проблемы «От племени к государству». В симпозиуме участвовало более ста ученых из 11 стран (ГДР, СССР, ВНР, ЧССР, ФРГ, Голландии, Дании, США, Кувейта, Сомалийской Демократической Республики и Демократической Республики Судан), специалисты по этнографии, истории, археологии, социологии, сельскохозяйственным наукам и другим дисциплинам.

Во вступительной речи директор Лейпцигского музея этнографии В. Кёниг подчеркнул рост политического и научно-практического значения исследования кочевничества, особенно вследствие развивающейся интеграции кочевого и оседлого населения во многих молодых государствах Африки и Азии.

Симпозиум открылся докладом Г. Е. Маркова (Москва) «Отношения зависимости и эксплуатации кочевников Азии». Докладчик отметил, что возникновение кочевого скотоводства сопровождалось разложением первобытнообщинных отношений и возникновением значительной имущественной и социальной дифференциации. Наиболее распространены среди кочевников были военная и экономическая формы зависимости и эксплуатации. Военная зависимость выражалась главным образом в даннических отношениях, а также в использовании вооруженной силы зависимых племен. Внекономическая зависимость внутри кочевого общества не могла иметь сколько-нибудь широкого распространения вследствие поголовного вооружения народа. Зато существовали разнообразные и развитые формы экономической зависимости и эксплуатации богачами основной массы непосредственных производителей. Наиболее распространеными были наем пастухов, отдача скота на выпас, использование сезонных рабочих, злоупотребление обычаями взаимопомощи. При оседании кочевников возникала феодальная, а в новейшее время капиталистическая эксплуатация.

Эти положения получили дальнейшее развитие в докладе В. Кёнига (Лейпциг) «Вопросы общественной организации кочевников». Докладчик отметил, что общественная организация кочевых народов — отнюдь не непосредственный результат эволюции первобытнообщинной общественной структуры, а качественно новое явление. Уже в эпоху возникновения кочевничества скот превратился в частную семейную собственность. Однако в таких условиях индивидуальные семьи не могли существовать самостоятельно, что влекло за собой сложение кочевнической племенной структуры. Семьи объединялись по формально-генеалогическому принципу, и реальное родство существовало обычно только между самыми мелкими подразделениями племенной структуры — семейными группами, связанными общими хозяйственными интересами. В высших элементах племенной структуры родство было фиктивным, и связи между крупными племенными подразделениями основывались главным образом на политических и военных соображениях. В относительно мирные времена семейные группы имели довольно большую самостоятельность, а высшие звенья племенной организации были аморфными. В период военных коллизий племенная структура приобрела форму военной организации, что привело к ее дальнейшему укреплению. При этом крупнейшие военные предводители получили значительную власть над соплеменниками, вследствие чего возникли военно-деспотические отношения, что видно на примерах так называемых «кочевых империй». После распада последних предводители теряли значительную часть своего влияния. Основную особенность общественной организации кочевничества составляли переходы общественной структуры из одного состояния в другое, что приводило к существенным сдвигам в социально-экономических отношениях.

Т. А. Жданко (Москва) в своем докладе «Проблемы этнического развития кочевых племен и народов в эпоху позднего феодализма (по материалам Средней Азии и Казахстана)» обосновала тезис о том, что еще до XVIII в. среди обитавших там народов выделились народности, отличавшиеся друг от друга по языку и этническим особенностям. Вместе с тем в их составе сохранились племена, что затрудняло быструю консолидацию народностей и было причиной типичного для кочевников «двойного самосознания», т. е. сознания одновременной принадлежности к племени и народности.

Б. Х. Кармышева (Москва) в своем докладе «Опыт типологии традиционных форм скотоводческого хозяйства в Средней Азии и Казахстане (XIX — начало XX в.)» рассмотрела выработанную в ходе составления этнографических карт классификацию типов кочевого хозяйства и основные черты этих типов.

В дополнение к этой классификации К. Петцольд (Росток) и В. Кёниг указали на тесную связь отдельных форм скотоводства с общественными, историческими, географическими и другими факторами.

В.-Д. Зайверг (Лейпциг) в докладе «Формы зависимости у кочевников северо-западной Африки» подверг анализу социально-экономические отношения в традици-

онном мавританском обществе, где экономика основывалась главным образом на пастушеском хозяйстве. Рассмотренный фактический материал привел докладчика к выводу, что отдача богачами скота на выпас обедневшим кочевникам приводила к тому, что последние оказывались в состоянии зависимости.

В докладе «Развитие кочевничества на Древнем Востоке по археологическим источникам в связи с проблемой последовательных колебаний климата» Б. Брентьес (Галле) высказал мнение, что кочевничество представляло собой боковую ветвь складывавшегося «аграрного» типа хозяйства (*Wirtschaftsweise*). При этом кочевничество возникло в ходе специализации и приспособления хозяйства в аридных областях. Б. Брентьес выступил как сторонник тезиса о невозможности происхождения кочевничества из охотничьего хозяйства. По его словам, имеющийся материал свидетельствует, что кочевое хозяйство прошло в своем развитии ряд ступеней, находившихся в известной связи с последовательными колебаниями климата.

Е. Еттмар (Гейдельберг, ФРГ) прочел доклад «Значение политических центров для возникновения раннего кочевничества в Центральной Азии». Исходя из археологических данных, он выдвинул гипотезу, согласно которой мнение об автохтонном возникновении кочевничества в Центральной Азии не соответствует действительности. Возникновению кочевничества предшествовало, по его мнению, вторжение в Центральную Азию воинственных иранских племен. Только после того, как они были вытеснены, началось интенсивное развитие местного населения, перерабатывавшего пришлые культурные элементы в соответствии со своей идеологией. В подтверждение своей гипотезы К. Еттмар указал на ряд новейших аналогий между находками из курганов и в погребениях на Гиндукуше.

С. Г. Кляшторный (Ленинград) рассмотрел в своем докладе «Новейшие исследования древнетюркских памятников Монголии» ряд важных исторических проблем, причем обратил особое внимание на значение симбиоза между кочевниками и оседлым населением уже на самых ранних этапах истории кочевничества.

С. Поляков (Москва) в своем докладе «Погребения кочевников как исторический и этнографический источник» остановился на проблемах формирования в Туркмении в X—XVII вв. этнических общностей, складывавшихся по хозяйственно-территориальному принципу.

В докладе «Начало оседания тувинцев в Западной Туве» Э. Таубе (Лейпциг) показала на основании обширных полевых материалов, собранных еще в 1966—1969 гг., изменения в хозяйстве и быту рассматриваемой группы населения. Докладчица отметила, что успешное развитие процесса оседания было связано с большой помощью государства: строительством оседлых поселений со школами, больницами и предприятиями по переработке молока. Освобождавшаяся рабочая сила направлялась на курсы переподготовки для получения новых специальностей. Вместе с тем, несмотря на эти крупные социально-экономические преобразования, в быту сохранились еще некоторые патриархальные пережитки и обычаи.

Новейшим проблемам кочевничества в зоне Сахеля (Западная Африка) были посвящены доклады Р. Герцога (Фрайбург, ФРГ) «Влияние последней засухи на кочевников Сахеля» и Л. Гусселя (Лейпциг) «Скотоводство в Сахеле, Западная Африка». Р. Герцог отметил последствия недавней засухи в Сахеле (1970—1974 гг.), в результате которой погибло до 42 млн. голов скота, и подверг критическому анализу выдвигаемые в настоящее время проекты по решению кочевнической проблемы в этом регионе. В противовес выдвигаемой рядом специалистов программе полного восстановления кочевничества и прежнего поголовья стад, Р. Герцог высказал мнение о необходимости сообразовываться с природными ресурсами и ограничить в разумных размерах поголовье стад.

Л. Гуссель отметил в своем докладе несовместимость традиционных методов кочевого хозяйства с задачами ведения товарного скотоводства. Развитие последнего в Сахеле докладчик связывал с интенсификацией всего хозяйства, строительством глубоких колодцев, организацией системы закупок скотоводческой продукции и т. п.

Л. Свободова (Прага) в докладе «Традиции кочевого быта у скотоводов фульбе Сенегала» рассмотрела их комплексное хозяйство, в котором при постепенном возрастании значения земледелия главную роль все еще играет скотоводство. Даже доход, получаемый от хлопководства, используется обычно для увеличения поголовья стад. Л. Свободова отметила также, что хотя фульбе считаются мусульманами, в их религиозных представлениях значительное место еще занимает анимизм.

В докладе «Махрам. Равенство между мужчиной и женщиной в пустыне» Г. Рейнтьенс (Кельн, ФРГ) обрисовала положение женщины у бедуинов Северной Аравии. Докладчица отметила, что в период «джахилии», т. е. доисламский, женщины пользовались значительной свободой, и что в специальной литературе содержатся неверные сведения относительно выплаты выкупа за невесту. В действительности, во многих племенах этот выкуп вообще отсутствует. Г. Рейнтьенс привела многочисленные примеры высокого положения женщины у бедуинов.

С докладом «Новые занятия у бедуинов» выступил Л. Штейн (Лейпциг). Он отметил, что благодаря усилиям правительства ряда развивающихся стран значительно ускорилось оседание бедуинов; причем этому процессу способствовал ряд других факторов. Большинство бедуинов, переходивших к оседлости, становилось земледельцами или поступало на службу в различные военные формирования. Кроме того,

немалое число бедуинов стало работать в промышленности, преимущественно подсобными рабочими и шоферами, в торговле — прежде всего в мелочной и посреднической, а также в сфере обслуживания туристов в качестве прислуги. Хотя служба в вооруженных отрядах больше всего отвечала привычному образу жизни бедуинов, она привела к наибольшему его изменению. Женщины из оседавших бедуинских групп находили применение своему труду главным образом в сельском хозяйстве, что консервировало их неполноправное положение в обществе. Но в странах с прогрессивным социальным строем женщины получают возможность для приобщения к квалифицированным специальностям. Эти факты полностью опровергают имеющую еще хождение точку зрения о том, что бедуины презирают всякий производительный труд, кроме скотоводства, и не могут вследствие этого интегрироваться в современном обществе. Л. Штейн отметил огромное значение школьного и профессионального образования в деле преобразования традиционного образа жизни бедуинов.

Два доклада суданских ученых были посвящены современным проблемам кочевничества в Демократической Республике Судан. Г. Ислам и рассмотрел «Всеобщие аспекты кочевничества в Судане», а А. эль-Курди прочел сообщение на тему «Значение проекта Хашм-эль-Джирби для оседания кочевников в Бутане». В 1964 г. суданское правительство предприняло переселение 50 тыс. нубийцев из зоны затопления Ассуанского водохранилища в Бутане. Так как это мероприятие значительно сокращало пастбищные площади местного населения, были разработаны мероприятия для оказания помощи кочевникам, желающим перейти к оседлости. Но эта помощь оказалась совершенно недостаточной, к тому же им запретили брать с собой в оседлую зону большие стада скота. Вследствие этого значительная часть населения вернулась из оседлой полосы на свои прежние места расселения, где опять стала заниматься кочевым скотоводством на оставшихся свободными пастбищах. К оседлости перешли только самые богатые и самые бедные хозяйства, причем богачи стали особенно усиленно эксплуатировать бедняков в качестве наемных пастухов.

Доклад сомалийского ученого А. Мирре «Собственность на скот, пастбища и воду у кочевников северного Сомали» был основан на новых материалах автора. А. Мирре считает, что хотя каждое племя пасет свой скот в нормальных условиях на одних и тех же пастбищах, это не создает для племен не только прав исключительного, но даже преимущественного владения ими. Так же обстоит дело с водными источниками, которые находятся в пользовании всех скотоводов, независимо от их племенной принадлежности. Стада представляли собой всегда семейную собственность и не подлежали разделу даже после смерти главы семьи. Однако в последние годы все больше стали проявляться тенденции к усилению имущественного и социального неравенства. Богачи стали сооружать частные колодцы, за пользование которыми они взимают значительные суммы.

К. Фердинанд (Орхус, Дания) изложил в своем докладе «Караванная торговля и базары в Центральном Афганистане — конец старой торговли» первые результаты своей экспедиции в Афганистан летом 1975 г. Расцвет караванной торговли и базаров в центральных областях Афганистана наблюдался в конце XIX в., когда базары на плоскогорьях функционировали по 40—50 дней в году. В новейшее время правительство переместило базары в области, где они оказались под контролем правительственных чиновников, взимавших с торговцев налоги. Это мероприятие значительно ослабило экономику кочевников, уже подорванную заменой караванной торговли грузовым автотранспортом.

Т. Гофман (Будапешт) прочел интересный историографический доклад «Содержание скота, кочевое хозяйство и крестьянская культура Европы».

В докладе Г. Майер (Дрезден) рассматривалась проблема исторического значения козоводства. Разведение коз, первоначально широко распространенное в Средиземноморье и Передней Азии, потеряло, по мере одомашнивания новых видов скота свое значение и превратилось во второстепенный вид хозяйства. До сегодняшнего дня козоводство сохраняется у гуанчей на Канарских островах и у бекерелей в Кашмире. На примере последних были охарактеризованы особенности пастухов-козоводов и показаны неудачные попытки перевести их на оседлость или распространить среди них другие виды скота.

Последним был прочитан доклад И. Эрдели (Будапешт) «Некоторые замечания об обществе аваров в свете археологических источников». Докладчик отметил, что в письменных источниках содержатся лишь скучные сведения о социальной структуре рассматриваемого народа, главным образом о его верхушке.

Археологические материалы доказывают наличие в обществе аваров значительной имущественной дифференциации.

По многим проблемам, затронутым на симпозиуме, развертывались оживленные дискуссии. При этом наибольшее внимание привлекли узловые вопросы социально-экономической истории кочевничества, а также актуальная проблема перехода кочевников к оседлости, путей их интеграции в современном обществе.

В заключительном слове, посвященном итогам работы симпозиума, Г. Е. Марков отметил большую работу, проведенную как организаторами совещания, так и его участниками. Эта совместная работа может рассматриваться как хороший образец международного научного сотрудничества, отвечающего духу разрядки напряженности в современном мире, сотрудничества, позволившего обсудить крупные и принципиаль-

ные научные проблемы. В заключение своего выступления Г. Е. Марков выразил общее пожелание, чтобы столь удачно начатая в Лейпциге работа получила дальнейшее плодотворное развитие в ходе последующих дискуссий.

Прочитанные на симпозиуме доклады, а также рефераты, присланные учеными, не имевшими возможности принять в нем личное участие, будут опубликованы в специальном выпуске «Ежегодника Лейпцигского музея этнографии».

В. Руш, Л. Штейн

ФОЛЬКЛОР И ОБЩЕСТВО

(СИМПОЗИУМ БОЛГАРСКИХ ФОЛЬКЛОРИСТОВ)

По приглашению Болгарской Академии наук (БАН) и Комитета искусства и культуры в мае — июне 1975 г. я знакомился с деятельностью болгарских коллег. Мне была оказана честь представлять советскую фольклористику на Третьем национальном симпозиуме болгарских фольклористов, который состоялся в небольшом старинном городке у подножия Осоговских гор — Кюстендиле.

Наряду с хорошо известными советскому читателю этнографами и фольклористами (Хр. Вакарелски, В. Маринов, С. Джуджев, П. Динеков, Р. Ангелова, Р. Кацарова, Е. Стоин) в симпозиуме приняли участие многие успешно работающие молодые специалисты, подготовка которых в Болгарии уделяется большое внимание. На симпозиуме присутствовали работники культурно-просветительных учреждений страны, местная интеллигенция, студенты и участники художественной самодеятельности; были здесь и гости из других социалистических стран. Столь широкую аудиторию привлекла актуальная проблема, обсуждавшаяся на симпозиуме,— «Фольклор и общество».

На первом заседании, после торжественного открытия и выступлений представителей общественности, было прочитано три доклада: «Фольклор в исторической судьбе болгарского народа» (директор Института фольклора БАН акад. П. Динеков), «Особенности и современные проблемы фольклора в Кюстендильском округе» (П. Петров) и «Современный фольклоризм» (В. Е. Гусев).

В последующие дни было заслушано и обсуждено свыше 30 докладов и сообщений. Тематика их была весьма разнообразной и охватывала как ранние этапы истории фольклора, так и его современное состояние. Большое внимание уделялось социальным функциям фольклора, его роли в национально-освободительной и революционной борьбе болгарского народа, месту и значению фольклора в социалистическом обществе.

В докладе П. Динекова на примерах из юнацкого эпоса, гайдуцких песен, преданий и других жанров были освещены разносторонние связи фольклора с исторической действительностью и рассмотрено отражение в фольклоре народного сознания. Подчеркнув прогрессивную роль фольклора в социальном развитии болгарского народа, П. Динеков поставил вопрос о функциях фольклора в развитии национальной культуры. Другую сторону этой проблемы обстоятельно рассмотрела С. Стойкова в докладе «Болгарский фольклор и культурное развитие». Она охарактеризовала обратное воздействие культурного прогресса на судьбы фольклора и отметила неравномерный и противоречивый характер этого процесса: распространение грамотности и образования, а также развитие средств массовой коммуникации ведет, с одной стороны, к сокращению сферы традиционных форм бытования фольклора, а с другой — к появлению и распространению его новых форм, репродукции и популяризации.

В некоторых докладах конкретизировались и развивались мысли, высказанные П. Динековым и С. Стойковой. Так, процесс взаимодействия традиционной народной культуры с профессиональной художественной культурой проиллюстрировала И. Холович в докладе «Фольклор и болгарское общество XIX в.». Современной трансформации фольклора в художественной самодеятельности и в творчестве композиторов был посвящен доклад П. Льондева «Художественное преобразование болгарского музыкального фольклора».

Глубокое теоретическое обоснование социологического изучения фольклора содержалось в докладах: Н. Георгиева «Общность, общество и фольклор», С. Джуджева «Общественные основы музыкального фольклора», Т. И. Живкова «Социологические аспекты фольклора». Последний доклад привлек внимание полемичностью содержащихся в нем положений. Т. Живков рассматривает фольклор как особый тип культуры, как определенную систему, функционирующую в обществе по специфическим законам. По мнению докладчика, фольклор надо рассматривать прежде всего как художественную культуру локальных этносоциальных коллективов (классическая форма — патриархальное село). Изучение «горизонтального плана» фольклора раскрывает систему многочисленных локальных форм; «вертикальный план» позволяет уста-

новить развитие фольклора в одном определенном социуме. Классовые и профессио-нальные различия в фольклоре существуют, но они подчиняются общей системе тра-диций. Фольклор принципиально отличается от профессиональной художественной культуры, функционирование фольклора в условиях социализма имеет иные формы, чем в условиях традиционного сельского быта.

Социальная обусловленность фольклора обсуждалась на симпозиуме не только в аспекте общих исторических, социальных и культурных закономерностей, но и применительно к классификации и периодизации фольклора, к процессу исполнительства, к стилистике фольклора, к проблеме вариативности. Так, Т. Тодоров в докладе «Теория фольклорных жанров», рассматривая развитие фольклора в связи с эволюцией художественного сознания творческих коллективов, предложил теоретическую схему периодизации музыкального фольклора на основе определенных мелодических типов. Методологическая проблема изучения стилистических пластов была рассмотрена в докладе Л. Ботушарова «Социальная и этническая обусловленность стилей в музыкальном фольклоре». Л. Парпулов в докладе «Социальные и эстетические аспекты вариативности в фольклоре» выделила как специфическую эстетическую категорию фольклора понятие «первообраза».

Разносторонне был проанализирован процесс исполнения фольклорных произведений в докладе Р. Ангеловой «Исполнитель и зритель-слушатель». Она отметила разные виды участия аудитории и различную степень ее активности при исполнении разных жанров фольклора. Под этим углом зрения в докладе рассматривались жанры, содержащие драматические элементы (игры, обряды). Р. Ангелова подчеркнула, что реакция аудитории, воспринимающей фольклор, представляет большой научный интерес для изучения вкусов и мировоззрения разных поколений и разных социальных групп. К аналогичным выводам, распространявших их на народную музыку, пришел Т. Джиджев в докладе «Исполнительский процесс и формы болгарского песенного творчества»; он анализировал диалектику личного и общественного элементов в тексте и мелодике и призвал к комплексному изучению фольклора.

Особую группу составили доклады, которые содержали анализ особенностей различных видов и жанров болгарского фольклора, проведенный на конкретном, в частности местном, материале: народного танца «рученница» (Р. Кацарова), народной музыки Кюстендильского округа (Е. Стоин), погребальных «оплакиваний» (Н. Каuffman), баллад (С. Бояджиева), мотива «изоляции» в волшебной сказке (И. Коцева), обряда «лазарования» (В. Кузманова) и «енькоданского» обрядового фольклора (Р. Калааджева).

В социологическом плане фольклор рассматривался в докладах А. Илиевой «Формообразующая роль социально-бытовых факторов в народной хореографии» и И. Манолова «Коммуникативные функции музыкального фольклора» (где на материале песен болгар-магометан Пиринского края была показана устойчивость национальной традиции). К этой группе относился доклад гостя из ГДР З. Неймана «Социальные функции народных швянков».

Общественной роли революционных и советских массовых песен, распространенных в Болгарии, были посвящены доклады К. Динчева и Е. Метеевой. Анти-религиозные и антицерковные мотивы в фольклоре проанализировали В. Вылечев и Е. Мицева. Отражение идеино-политических взглядов певцов в новых песенных вариантах было темой доклада И. Коинакова. Проявление эстетических вкусов народа в его материальной художественной культуре охарактеризовала Г. Михайлова.

Несколько докладов не было непосредственно связано с проблематикой симпозиума. Это доклады: «Некоторые языковые особенности Кюстендильского фольклора» (И. Уменски), «Структура мелодий Западной Болгарии» (И. Кумичин), «Фольклорный текст» (Е. Трифонова), «Народные легенды об Иване Рильском» (Е. Огнянова). Выступления докладчиков сопровождались дискуссией, живое обсуждение продолжалось и в перерывах между заседаниями. Заключительное слово произнес П. Динеков, который отметил плодотворные результаты симпозиума, обратил внимание на конкретные аспекты социологического изучения фольклора и продержал интерес молодых исследователей к теоретическим проблемам фольклористики.

В дни работы симпозиума его участникам была предоставлена возможность ознакомиться с бытом и народным искусством местного населения, с памятниками культуры (Рильский монастырь с его замечательными художественными и этнографическими коллекциями, музей великого национального художника Д. Майстора, археологические раскопки в Кюстендиле, церкви, мечети и мосты). Зарубежные гости посетили коллективное хозяйство в селе Коняво, где ознакомились, в частности, с организацией культурно-просветительной работы. При местном «читалище» «Светлана» существует любительский театр, хореографический и хоровой коллективы, в репертуар которых входят произведения фольклора. Жители Коняво и прилегающих сел охотно участвуют в художественной самодеятельности. В «книжарнице» «Русия», находящейся на центральной площади (где установлен памятник русским солдатам-героям войны 1877—1878 гг.), крестьяне могут найти литературу по всем интересующим их вопросам. Почти сплошная грамотность сельского населения, однако, не препятствует, как мы вскоре убедились, большой приверженности его местным обычаям и фольклорной традиции.

По окончании симпозиума все его участники присутствовали на одном из фольклорных «соборов», проходящих в это время года в разных краях Болгарии.

«Собор», который мы посетили, состоялся в живописной местности у подножия горы Рила — в Сапаревой Бане. В течение всего дня разные села демонстрировали замечательное мастерство своих певцов, музыкантов, танцоров и сказочников. На эстраде выступали преимущественно ансамбли из шести певиц (для них характерно антифонное пение — состязание двух «троек»). Но некоторые коллективы исполняли хоровые песни и народные танцы «оро» с музыкальным сопровождением на народных инструментах, а также включили в свою программу инсценировку различных обрядов (чаще всего эпизоды свадьбы). Примечательно, что после выступления участники «собора» располагались группами на лужайках, на пологих склонах горы или оставались на площади перед клубом и продолжали петь и плясать уже не для жюри, а для собственного удовольствия. Городок и его окрестности весь день оглашались звуками народных песен и танцевальных наигрышей. А по окончании фестиваля, когда опустел клуб, на площади и прилегающей к ней улице образовалось одно общее «оро», пламенеющее в лучах заходящего солнца яркими красками традиционных костюмов и женских украшений. В центре «оро» стояли неутомимые музыканты, игравшие уже в течение нескольких часов на гудулах, кавалах и гайдах. Все это оставило неизгладимое впечатление.

«Собор» в Сапаревой Бане — типичный местный фестиваль, заметно отличающийся от наших районных смотров художественной самодеятельности. Весь его репертуар был фольклорным и отражал живую местную традицию, хотя исполнение фольклорных произведений в условиях эстрадного концерта, разумеется, существенно отличается от традиционных форм бытования фольклора. Организация «собора», присутствие на нем представителей окружных партийных органов и органов власти, культурно-просветительных учреждений и учебных заведений как нельзя лучше свидетельствовало о том внимании, какое уделяется народному творчеству в Болгарии.

И сам симпозиум, и этот «собор», и моя поездка в последующие дни в Пиринский край с его самобытной фольклорной традицией (здесь периодически проводятся массовые фестивали) — все это убеждает в том, что тема «фольклор и общество» подсказана современной действительностью, теми процессами, которые протекают в социалистической культуре братской страны. В Болгарии общественность стремится создать опимальные условия для сохранения народных традиций и для творческого, тактичного включения их в современную массовую художественную самодеятельность. Об этом свидетельствуют и соответствующие мероприятия, проводимые Центром художественной самодеятельности при Комитете искусства и культуры (так, в 1974 г. в Бургасе им был организован специальный симпозиум на тему «Фольклор и художественная самодеятельность»), и материалы, публикуемые в журналах «Художествена самодейност» и «Българска музика», в газете «Народна култура» и в других органах печати. Встречи и беседы с руководством Центра и с редакцией журнала «Художествена самодейност» привели меня к заключению, что судьбы фольклора в современности воспринимаются здесь как одна из важных общественных проблем.

Не случайно и болгарские фольклористы уделяют этой проблеме постоянное внимание, в чем я еще раз убедился во время моих встреч с коллегами в Институте фольклора БАН (основан в 1973 г.) и в Институте музыкоиздания БАН. У болгарских фольклористов, имеющих ныне свой научный центр и специальный периодический орган¹, появляются новые возможности и перспективы для собирательской, исследовательской и издательской деятельности. Возрастает и общественная роль болгарских фольклористов.

Хочется пожелать, чтобы совместные усилия фольклористов-филологов, музыковедов и хореографов под эгидой единого научного центра сделали возможным подлинно комплексное изучение фольклора и его функций в современном обществе и в социалистической культуре. При этом важно сохранить и тесные научные связи фольклористики с этнографией, имеющие в Болгарии давнюю традицию, и укреплять ее связи с социологией.

В. Е. Гусев

¹ В дни работы симпозиума выпел в свет первый номер нового журнала «Български фолклор», открывшийся программной статьей его редактора П. Динекова «Болгарская фольклористика перед новыми задачами».

КОРОТКО ОБ ЭКСПЕДИЦИЯХ

С 20 июня по 6 июля 1975 г. на Бойковщине работала комплексная этнографическая экспедиция отдела этнографии Львовского музея этнографии и художественного промысла АН УССР. Маршрут экспедиции проходил по селам Битля, Карпатское, Либохора Турковского района Львовской области и селам Ужок, Волосянка, Гусный, Сухой, Тихий, Верховина-Быстрая и Люта Велико-Березнянского района Закарпатской области.

Основная цель экспедиции — изучение и сбор реликтовых этнографических материалов, а также комплексное исследование новых явлений быта, материальной и духовной культуры бойков-горцев. Материал собирался по следующим темам: земледельческое хозяйство в прошлом и настоящем, особенности местной агротехники, традиционные земледельческие орудия труда (В. А. Гавриленко — руководитель экспедиции); народные обычай и обряды в прошлом, изменения в народной обрядности за годы Советской власти (Н. И. Здоровега); юношеские и детские праздники в прошлом и настоящем (Л. С. Худаш); традиционное и новое в устном народном творчестве (Р. Ф. Кирчев); народная медицина (З. Е. Болтарович); еда бойков, посуда (Т. А. Гонтар); домашние промыслы по обработке кожи (А. И. Горинь).

Членами экспедиции опрошено около 150 информаторов. Образцы народной инструментальной и танцевальной музыки, произведения устного народного творчества записаны на магнитофон. Предметы материальной культуры засняты на фотопленку.

Экспедиция уделила большое внимание сбору этнографических коллекций — одежды, обувь, головных уборов, украшений, посуды, предметов домашнего обихода, земледельческих орудий труда и т. п. Собрано несколько полных комплектов мужской и женской одежды, праздничной и повседневной, летней и зимней. Преобладающая часть собранных экспонатов относится к началу XX в. и уже давно вышла из употребления. Экспонаты переданы на хранение в фонды Музея этнографии и художественного промысла АН УССР и будут использованы при работе над коллективной монографией «Бойковщина», к написанию которой приступили сотрудники музея.

Экспедиция подтвердила уже сложившееся мнение о том, что традиционная материальная и духовная культура населения Бойковщины отличается многими характерными особенностями, в частности, сохранением ряда архаических черт.

Собранные материалы еще раз свидетельствуют об этническом единстве бойков-горцев с украинцами, русскими и белорусами, а также о том, что за годы Советской власти вместе с новым бытом в духовную жизнь горцев Карпат прочно входят общенародные достижения советской культуры.

В. А. Гавриленко

* * *

В июле 1975 г. кафедра истории СССР досоветского периода Пермского государственного ун-та впервые организовала этнографическую экспедицию в Чердынский район Пермской области. В работе экспедиции участвовали 9 человек: преподаватель кафедры Г. Н. Чагин — руководитель экспедиции, 6 студентов-историков, художник, фотограф.

Цель экспедиции — изучение материальной культуры русского населения Чердынского района.

Для работы были выбраны деревни Пальники, Москали, Нижние, Средние и Верхние Ворцева (Ворцевский сельсовет), расположенные компактно на правом берегу р. Камы. При подготовке к экспедиции было учтено то обстоятельство, что эта территория — крайняя западная точка в Чердынском районе с русским населением; далее вверх по Каме проживают коми-пермяки, т. е. здесь проходит граница расселения двух народов.

Населенный пункт Ворцево упоминается с 1678 г., остальные возникли в XVIII в. Русское население проникло сюда из Поморья по рекам Северная и Южная Кельтма. До сих пор здесь проживает только старожильческое русское население.

Учитывая этническое своеобразие данного района, экспедиция сосредоточила главное внимание на изучении хозяйства, поселений, жилых и хозяйственных построек, одежды и быта. Все члены отряда работали по специальным тематическим

вопросникам. Составлялись схемы поселений, делались зарисовки объектов, вещей, производилась их фотосъемка.

Во всех поселениях в прошлом преобладала беспорядочная застройка, причем в деревнях Пальники и Москали выделяются патронимические центры. Уличная планировка стала вводиться только в начале XX в. Среди построек нам удалось обнаружить два комплекса крестьянских усадеб, типичных для XVIII в., что является чрезвычайной редкостью. Усадьбы состоят из жилой избы с сенями, к которым примыкает хозяйственная клеть с перерубом на погребе. В плотную к клети поставлен двухъярусный двор. У домов сохранились крыльца со спуском вдоль стен, внешняя сторона их опирается на столб.

Экспедицией собран также материал по народному костюму. У местного населения в прошлом широко бытовали понитки, гуни, шубы, сарафаны, запоны, кокошники, валеные шляпы, шапки из овчины. В конце XIX — начале XX в. появляются новые черты в одежде: юбка с кофтой вытесняют сарафан, а моршень заменяет кокошник. Для изготовления одежды вплоть до 1950-х годов широко использовалась дотоканая пестрянь, набивные ткани распространены были мало, хотя здесь и проживал мастер-синильщик. В изучаемом районе широко бытовал ткацкий станок очень старой конструкции. Основа его укреплялась на трех колах, прибиваемых к полу. О таком станке здесь говорят «ткать с кола». Экспедицией собрано 30 поясов: кушаки, покромки и тельники. Богатая орнаментация, традиционная цветовая гамма делают их настоящими произведениями народного искусства. Эта коллекция требует внимательного и глубокого изучения.

Собраны также разнообразные бытовые предметы: деревянная резная и плетеная посуда, солонички в форме уток, костяные резные вилки, кованые изделия, а также прялки и т. д.

Весь полученный экспедицией материал свидетельствует о том, что в материальной культуре русского населения этого региона четко выражены северорусские черты. Новые этнографические данные еще раз подтверждают, что русские Северного Прикамья — выходцы с Европейского Севера.

Во время работы экспедиции было занято более 300 кадров черно-белой и цветной пленки, сделано около 20 эскизов

и рисунков, приобретено более 180 экспонатов, которые переданы на постоянное хранение в Чердынский краеведческий музей имени А. С. Пушкина. Подобные экспедиции кафедра планирует проводить систематически.

Г. Н. Чагин

* * *

В августе — сентябре 1975 г. в Ханты-Мансийском национальном округе Тюменской области работала северная музыкоэтнографическая экспедиция Союза композиторов СССР (руководитель — композитор-фольклорист И. А. Бродский). Цель экспедиции — сбор материалов для Музыкального фонда СССР, для нотной антологии «Музыка народностей Севера» и одноименной антологии грампластинок. Работа велась в селах Полноват, Теги и др. Березовского р-на, его центре — п. Березово и в Ханты-Мансийске. Экспедиция обследовала музыкальный быт, выявляла и фиксировала музыкальные и музыкоэтнографические материалы.

Записано на магнитофон 56 музыкальных и словесных произведений хантов и манси, нешев и русских, а также десятки вариантов произведений и их исполнения, музыкоэтнографическая информация. Сделано 60 фотоснимков, написан дневник.

Интересны колыбельные песни (у хантов *юхатли ариль*), личные именные песни (у хантов *ма арэм*, у манси *амки эрьгум*) трех разновидностей: песня-подарок новорожденному; песня, сочиненная к своему совершенолетию, и песня-автобиография пожилого человека; песни «праздника медведя» (у манси *вортолнэ ойкэ эрги*) и песни Турума (Торма), записанные от знатоков фольклора К. В. Новьюхова, А. Н. Пендаховой, П. И. Тымапова и др. Особый интерес представляют сведения о неизвестных музыкальных инструментах хантов и манси: деревянной трещотке (у хантов *тори нёдэль*, у манси *тарихноле*), музыкальном луке (у манси *ёвт*) и др. Звукозаписи хранятся в Москве в Музфонде СССР (инв. №№ 1853 и 1854).

После экспедиции Союз композиторов пригласил народных музыкантов Югры в Москву. Хантыские народные певцы М. Вагат, М. Гындыш, К. Новьюхов и Н. Отшам в декабре 1975 г. выступили на концерте музыкального фольклора народов СССР во Всесоюзном Доме композиторов и на Первой Всесоюзной фольклор-

но-экспедиционной сессии Всесоюзной комиссии по народному музыкальному творчеству ССК. На основе 27 хантыйских песен, записанных от них фирмой «Мелодия», готовится грампластинка «Хантыйские песни».

И. А. Бродский

* * *

С 25 июля по 10 сентября 1975 г. автор заметки совершил индивидуальную поездку в Таджикскую ССР. Поездка была предпринята в соответствии с планом полевых исследований сектора народов Средней Азии и Казахстана Ин-та этнографии АН СССР (Ленинградская часть). Цель поездки — сбор полевых материалов по традиционным способам перевозки (переноски) на гумно снопов и их обмолота, а также сбор сведений по дореволюционным сельскохозяйственным орудиям на территории Ферганской, Зеравшанской и Гиссарской долин (в пределах Таджикской ССР) для Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана. Экспедиция явилась продолжением работ, проводившихся в 1972—1974 гг. по изучению указанных тем на территории Таджикской ССР.

Первым пунктом моего пребывания стала Гиссарская долина — г. Регар и его окрестности, Гиссарский, Ленинский и Файзабадский районы. Затем полевые изыскания проводились в Ферганской (Исфаринский, Қанибадамский, Ходжентский и Уратюбинский районы) и в Зеравшанской долинах.

При сборе полевого материала основное внимание уделялось выявлению существовавших в прошлом у местного населения хозяйственных традиций и установлению границ распространения тех или иных способов перевозки урожая, его обмолота и др. Изучение показало, что по основным способам перевозки урожая Гис-

арскую и Зеравшанскую долины при картографировании в основном можно отнести к одной зоне. Ферганская долина, где бытовали несколько иные приемы перевозки, оказывается за пределами этой зоны. Но некоторые дополнительные способы перевозки, например с помощью выюков, были распространены во всех трех долинах.

Знакомство с земледельческими орудиями местного населения показывает, что главным видом традиционного пахотного орудия у таджиков, так же как и у других народов Средней Азии, был *омач*, называвшийся так в районах к северу от Гиссарского горного хребта. К югу же от него это орудие называлось *испор*. Несволько возникает вопрос: как лингвистическая характеристика орудия согласовывалась с его типологической конструкцией? Выяснилось, что в Зеравшане (кроме долины р. Ягиб) и в преобладающей части Гиссарской долины одному типу орудия соответствовали два термина *омоч* (*умоч* или *омач*) в Зеравшане и *испор* в Гиссарской долине. В Ферганской долине название местного пахотного орудия совпадало с зеравшанским, но форма его была иной. Довольно любопытный материал дает также изучение вариаций размеров корпуса пахотного орудия. Беглый взгляд на материал позволяет наметить известную закономерность: по мере удаления с севера (из Ферганской долины) на юг (в Гиссарскую долину) длина стойки корпуса орудия постепенно уменьшается, а длина по лоза возрастает.

В экспедиции были собраны также материалы по дореволюционному общественному быту таджиков. Удалось собрать и привезти в Ленинград для МАЭ комплект пахотных орудий таджиков Ферганской долины — *омач*, *ярмо*, *борону* и металлический наконечник.

Собранный материал обрабатывается.

Р. П. Рахимов

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Этнография в странах социализма. Очерки развития науки. М., 1975, 342 стр.

Активное творческое сотрудничество этнографов социалистических стран становится год от года все более тесным. Гуманистическая платформа и стремление использовать этнографический материал для прогрессивного современного развития своих народов, общность методологического подхода к материалу — все это создает реальные предпосылки для дружной совместной работы. И такая работа уже ведется. В ряде случаев она имеет и давние, восходящие подчас даже к XIX в. традиции (речь более всего идет о связях этнографии некоторых зарубежных славянских стран Европы с русской этнографией, а также о традициях русских исследований в Монголии).

Все это сделало необходимым создание обобщающего труда, дающего как бы панораму развития и современного состояния этнографии во всех социалистических странах, тесно сотрудничающих в этой научной области. Сейчас уже недостаточно статей, характеризующих состояние этнографии в отдельных социалистических странах (такие статьи не раз появлялись, например, в журнале «Советская этнография»); нужен более обстоятельный труд, дающий систематизированную картину развития этнографической науки в странах социализма.

Таким трудом и стала рецензируемая книга (ответственный редактор — Ю. В. Бромлей, члены редакционной коллегии — С. И. Брук, И. Р. Григулевич, Н. Н. Чебоксаров, ответственный секретарь — Э. А. Рикман). Она показывает развитие этнографии почти во всех социалистических странах Европы, Азии и Америки. По замыслу редакционной коллегии этнография каждой из стран показана через характеристику научных учреждений, ведущих здесь этнографические исследования — институтов, музеев, кафедр. Имелось в виду рассмотреть сдвиги в методологии и методике исследований за годы народной власти, изложить основные бытующие среди этнографов этих стран теоретические концепции (в их связи с традициями «своих» и иностранных научных школ) и, наконец, информировать о важнейших этнографических исследованиях, осуществленных учеными этих стран или проводимых ими в настоящее время. Самый этот замысел надо признать очень удачным: в своей комплексности он обеспечивает высокую предметность, информационную емкость, разноплановость и историчность характеристик; переходя от страны к стране, читатель видит и своеобразие развития в них этнографии, и общность современных принципиальных теоретических позиций. Скажем сразу же, что он в общем успешно осуществлен.

Книга содержит 15 статей, характеризующих развитие этнографии (преимущественно в послевоенный период) в следующих двенадцати социалистических странах: СССР (Ю. В. Бромлей и К. В. Чистов), НРБ (Л. В. Маркова), ВНР (две статьи — М. Иштвановича и Л. Коша), ГДР (Г. Штробах, Р. Вейнхольд, Б. Вейссель и И. Зельнов), ДРВ (две статьи — А. Н. Дементьевой-Лескинен и Нгуен Куок Лока), КНДР (Р. Ш. Джарылгасинова), МНР (две статьи — Х. Ц. Ральдина, Г. Г. Стратановича и Н. Л. Жуковской), ПНР (А. Кутшеба-Пойнарова), Республике Куба (Э. Г. Александренков), СРР (И. Вледуци), ЧССР (А. Пранда) и СФРЮ (Ю. В. Бромлей, М. С. Каушуба).

Фамилии авторов, которые я только что назвал, сами свидетельствуют о тесной связи этнографов социалистических стран. Большинство статей охватывает все стороны развития этнографии в той или иной стране; лишь в отдельных случаях очерки тематически сужены до отдельной проблемы.

Чтобы покончить с характеристикой внешних черт книги, отмечу, что все статьи богато оснащены библиографией. Практически научному аппарату отведено не менее одной трети объема книги. Это хорошо отвечает поставленной задаче.

Этнографию большинства стран, представленных в книге, как бы объединяет не только общность целей, которые по мере успехов социалистического строительства в этих странах все более четко вставали перед этнографами, но и ряд других черт.

Следует помнить, что народы многих из этих стран были еще сравнительно недавно лишены своего независимого государственного бытия, что не могло не сказаться на развитии в них этнографической науки. Существовала, в частности, тенденция, проявлявшаяся в повышенном интересе к чертам этнического своеобразия, особом внимании к этим чертам, часто мелким и лишь внешним. Другая тенденция, также вытекавшая из стремления к самоутверждению, это повышенное внимание к проблемам этногенеза.

Общим для этнографии рассмотренных в книге социалистических стран Европы, Азии и Америки стало то, что наука об этносах, не пользовавшаяся до победы народной власти широкой государственной поддержкой (но потенциально очень важная для национального самосознания), уподобляется в условиях социалистического строительства ранее скатой, а сейчас распрямляющейся пружине: она стремительно «растет количественно», успешно усваивает марксистско-ленинские принципы, в преимуществах которых наглядно убеждается, активно поворачивается лицом к практике общественной жизни. Этнография зарубежных социалистических стран широко опирается на опыт советской этнографии; велика и роль взаимообмена научными идеями связанных с совместными исследованиями.

В книге нет обобщающей статьи, в которой были бы показаны как общие черты, так и различия — от страны к стране — в путях реализации этих черт. А различия, несомненно, имеются, и подчас они значительны; разным оказывается «научное наследство», полученное от досоциалистического периода, в разной степени преодолена инерция досоциалистических исследований, разными аспектами обернулся поворот к практике строительства новой культуры — да и сама эта практика ставит разные задачи в связи со спецификой этнических ситуаций в отдельных социалистических странах. Отсутствие такой сравнительной обобщающей статьи ощущается как пробел в книге.

Впрочем, рецензент сознает, что написать такую статью было бы далеко не просто. Даже если бы все статьи по отдельным странам, представленным в книге, были составлены строго по одному плану (а на деле, как увидим дальше, это совсем не так), сопоставление состояния этнографических исследований в разных странах, создание общей картины, в которой бы отражались как их сходство, так и особенности представило бы немалые трудности (хотя бы в силу только что отмеченных различий в исходных предпосылках развития этнографической науки). Возможно, что лишь имея уже такую, как рецензируемая, книгу, в которой словно проинвентаризировано все существенное в этнографии отдельных стран, можно приступить к подобному сравнительному анализу. И, конечно же, такой анализ было бы трудно уместить в одной статье. Таким образом, надо, видимо, ожидать новой книги, которая продолжила бы то, что заложено в «Этнографии в странах социализма».

Так как труд этот состоит из отдельных очерков, объединенных не столько сходным планом, сколько общими замыслами и целью, очерки эти не только различаются по уровню и манере изложения, но и по кругу проблем, поставленных в центр рассмотрения; нередко это отражено и в их заглавиях. Отмету также «разномасштабность» очерков. В одних, характеризующих скромный круг этнографических работ, есть возможность конкретно назвать практически каждую из них; в других же, освещающих состояние этнографии в тех странах, где она получила большее развитие, естественно, можно показывать лишь главные его направления, иллюстрируя изложение очень выборочно, только важнейшими работами. «Разномасштабность» усиливается тем, что по некоторым странам книга содержит не одну, а по две статьи.

На отдельные очерки наложило свою печать и то, что многие авторы имеют свои более узкие интересы в рамках традиций этнографии своей страны, и, соответственно, сосредоточивают свое внимание на более близких им сюжетах; да и манера их письма отражает академические традиции данной страны.

Таким образом, книга не однородна. Я указываю на это не как на недостаток («неравномерность» характеристики состояния науки в разных странах — явление естественное и неизбежное); я бы даже сказал, что разный ключ, в котором написаны отдельные очерки, различие «голосов», которые звучат в книге, делают ее интереснее, тем более, что голоса эти принадлежат знатокам вопроса. Но рецензента это обстоятельство обязывает рассмотреть каждый очерк в отдельности.

Открывающая книгу статья «Основные направления развития советской этнографии» (стр. 7—51) мастерски обобщает огромное содержание не только советских, но частично и дореволюционных русских этнографических исследований. Ценность ее я вижу и в том, что она показывает достаточно сложный путь становления в СССР теории этнографической науки, не сразу ставшей полностью на правильные позиции. Некоторые методологические вопросы и сейчас решены лишь в общих чертах, и авторы не закрывают на это глаза. Рассмотрение главных направлений советской этнографии ясно показывает ее место в системе исторических наук; но одновременно читатели видят и тесные системные связи этнографии с другими общественными, а также естественными науками; на их границы в последнее время возникла целая серия особых синтетических спутников этнографии: этническая антропология, этническая география, этническая лингвистика, этноботаника и т. д. Весьма тесные узы связывают этнографию с фольклористикой. Особое внимание к изучению современных форм общественной жизни сближает этнографию с такими науками, как конкретная социология, демография, география (стр. 23).

Хорошо показано значение для развития советской этнографии ее связей с практикой социалистического строительства, роль советской этнографии как передового отряда марксистской науки в борьбе против расизма и других реакционных и чelовеконенавистнических социальных «теорий».

Весьма высоко оценивая данную статью, можно указать лишь на один недостаток, притом не столько ее самой, сколько иллюстрирующей ее библиографии: последняя состоит в значительном большинстве из публикаций Института этнографии АН СССР (либо статей, опубликованных в органе этого института — журнале «Советская этнография»). Ссылки на работы, выполненные в союзных республиках или периферийных научных центрах, гораздо скучнее; так, очень мало отражены труды этнографов республик Прибалтики, Грузии, Татарии (нет, например, ни одной ссылки на работы видных этнографов Татарии — Е. П. Бусыгина и Н. Н. Воробьеву). К сожалению, не упоминаются труды Восточной комиссии Всесоюзного географического общества. Так, нет ссылок на серию «Страны и народы Востока». Недостаточно отражено и участие советских этнографов в международных конгрессах.

Хорошо выполняет свою роль очерк «Этнографическая наука в Народной Республике Болгария» (стр. 52—93). В нем достаточно сбалансирован показ как истории развития этнографии в Болгарии, так и круга проблем, решаемых после победы народной власти, по мере перестройки самой болгарской этнографии (в частности, включения ее в систему исторических наук, развертывания в стране сети музеев и т. п.). Рельефно показана роль крупнейших современных болгарских этнографов: Х. Вакарельского, М. Велевой, Р. Пешевой-Поповой и др. Обращение к проблемам этногенеза и этнической истории привело к победе славянских концепций. Узковещеведческий подход к материальной культуре сменяется более многосторонним анализом связей объектов исследования с явлениями общественной жизни; например, особенности одежды связываются с ее функциями, изучение одежды позволяет вскрывать общебалканские славянские исторические связи (М. Велева). Конкретно-социологическое изучение современности ведется с применением системного подхода, раскрывающего модели взаимосвязей бытовой деятельности с ее результатами (Р. Пешева-Попова); при этом определяющим фактором системы быта Р. Пешева считает материальное производство (стр. 77).

Венгерская этнография представлена двумя статьями: «Из истории изучения традиционной духовной культуры в ВНР» (стр. 94—101) и «Этнографическое изучение истории материальной культуры в ВНР в 1945—1970 гг.» (стр. 102—115). Обе статьи принадлежат перу венгерских ученых; по объему они невелики и трактуют лишь отдельные аспекты венгерской этнографии. Первая в значительной степени сведена к рассмотрению фольклористики (правда, трактуемой в ВНР расширительно). Показан поворот венгерской этнографии к марксистской интерпретации современных этнических проблем и роль в этом повороте Дьюла Ортути.

Вторая статья разбирает историю отдельных отраслей хозяйства (скотоводство, виноградарство и возделывание других земледельческих культур, рыболовство, хлебопечение и т. п.). При этом показаны особенности отдельных частей страны (в частности, трансформация ландшафтов Альфельда в результате деградации здесь земледелия в XV в.). Рассматриваются и региональные различия в эволюции типов жилищ и поселений.

Обе статьи взаимно дополняют друг друга, но все же и вместе они освещают современное развитие венгерской этнографии не полностью. Поскольку сюжеты ограничены, к ним приложена менее обширная библиография, чем к другим статьям сборника.

Статья четырех этнографов ГДР, озаглавленная «Некоторые проблемы этнографической науки в ГДР» (стр. 116—140), рассказывает о работе Института немецкой этнографии АН ГДР и других этнографических учреждений ГДР. В ней обстоятельно показано прогрессивное влияние политики СЕПГ на развитие в ГДР общественных наук, в частности, этнографии. Для развития этнографии в ГДР характерны: преодоление остатков нацистской идеологии и ряда буржуазных этнографических концепций, поворот этнографии к изучению духовной и культурной жизни трудящихся масс и их революционных традиций, переосмысление с марксистских позиций традиционных для немецкой этнографии исследований по истории сельского хозяйства и различных промыслов, типов поселений, народных песен и музыки и т. п. Критически был перестроен теоретический багаж этнографии, относящийся к закономерностям развития первобытного общества; получив доступ к архивам германского (имперского) Министерства колоний, этнографы ГДР смогли дать интересный анализ колониальной политики и антиколониальных повстанческих движений. С большой силой статья показывает значение помощи советских ученых для послевоенного развития этнографии в ГДР (циклы лекций, прочитанные С. А. Токаревым в университетах Лейпцига и Берлина, и т. п.). Очень полон библиографический обзор. Сожаление вызывают шероховатости перевода статьи, обороты, вроде «деланы первые шаги в направлении повышения интенсивности к такому сотрудничеству» (стр. 133), «из области народных рассказов следует... назвать серию сборников сказок народов мира» (стр. 126).

Краткий, но содержательный обзор «Этнографическая наука в Демократической Республике Вьетнам» (стр. 141—152) констатирует, что главное место в своих исследованиях вьетнамские этнографы уделяют проблемам этногенеза и этнической истории, особенно вьетов. Этот очерк хорошо дополняет статья «Этнографические работы в

ДРВ о малых народах Вьетнама (1960—1970 гг.)» (стр. 153—166), написанная вьетнамским ученым. Рассмотрены вьет-мынгские, тайязычные, тибето-бирманские, мон-кхмерские и другие малые народы, их миграции и ареалы современного расселения, подразделения на этнографические группы, хозяйствственные уклады и семейный быт, типы поселений и т. д. Большое внимание уделено эволюции этнонимов. Хотя новейшие исследования вьетнамских ученых позволили в ряде случаев пересмотреть прежние взгляды французских этнографов, в классификации малых народов Вьетнама еще остаются неясные вопросы. Статья убедительно показывает, как изучение малых народов Вьетнама связывается с решением практических задач, заключающихся в том, чтобы направить их развитие, минуя капитализм, к социалистическому обществу.

Библиография, приложенная к обеим статьям, дает весьма полное представление о трудах вьетнамских этнографов. Как досадный огрех отмечу, что важная коллективная работа, вышедшая в Ханое в 1959 г., названа в первой статье «Малые народы Вьетнама», во второй — «Национальные меньшинства Вьетнама», что затруднит для читателя их идентификацию.

Очерк «Изучение истории материальной культуры этнографами КНДР» (стр. 167—183) дает не только достаточно полное представление о трудах этнографов КНДР в области материальной культуры, но частично и об общем положении этнографии в этой стране. Хорошо показаны традиции корейской этнографии, восходящие еще к средневековым описаниям и географическим энциклопедиям. Среди работ по современной материальной культуре большое внимание уделяется изучению жилища (особенно отмечена здесь монография Ли Чонмока, пересказ содержания которой, на мой взгляд, мог бы быть короче, так как она подробно рецензировалась в «Советской этнографии», 1965, № 1).

Очерки «Этнография в МНР» (стр. 184—198) — обстоятельный обзор, в котором хорошо сбалансировано освещение всех разветвлений этнографических исследований в МНР. То обстоятельство, что статья написана совместно монгольским и советским учеными, позволило особенно рельефно показать плодотворность многолетнего научного сотрудничества обеих стран. Характерно, что на «слой» древнемонгольских, китайских и тибетских памятников, бесценных для историко-этнографического изучения монгольского народа, как бы наложились материалы русских, а позже советско-монгольских археологических экспедиций (от Н. М. Ядринцева до А. П. Окладникова); синтезом являются современные исследования широкого спектра, которые проводят монгольские этнографы,— от проблем этногенеза до частных вопросов современных этнических процессов, например, перехода к оседлости, урбанизации.

Несколько выпадает из общего плана книги короткий очерк «Изучение традиционных религиозных верований в МНР» (стр. 199—205), долженствующий дополнить предыдущий, но несколько уводящий внимание читателя в сторону от главного замысла книги. Сам по себе, однако, он достаточно интересен.

Очерк «Традиции, современное состояние и задачи этнографической науки в ПНР» (стр. 206—239) стремится дать представление о всех сторонах издавна многогранно развитой польской этнографии. Объем статьи не позволил, однако, сделать это достаточно полно. Показав, что до победы народной власти в Польше были представлены все этнографические школы, причем сильны были и марксистские веяния, автор очерка затем характеризует две задачи, поставленные государством перед этнографами после освобождения страны от фашистской оккупации: «изучение исчезающих традиций в культуре и прежде всего — художественного народного творчества...; исследование процесса культурно-бытовых изменений и формирования новой культуры» (стр. 213). Новейший этап польской этнографии связывается с развитием ее в системе учреждений Польской Академии наук. К сожалению, автор главным образом ограничился перечислением научных центров, кафедр, сменяющихся их руководителей; это утомляет читателя, дает ему обедненное представление о содержании решаемых научных задач (о них удается судить почти исключительно по отсылкам к библиографии, которая очень обширна). В тексте статьи вряд ли правомерна «руссификация» написания польских фамилий («ский»; особенно режет глаз окончание женских фамилий: «ская» вместо отчетливо звучащего по-польски «ska»).

В очерке «Этнография в Республике Куба» (стр. 240—261) показано, что до революции 1959 г. этнографические исследования на Кубе велись лишь по некоторым проблемам отдельными выдающимися учеными (особенно замечательны труды Ф. Ортиса, главным образом о кубинских неграх, впервые названных им «афро-кубинцами»). Другая распространенная в это время тема — кубинские индейцы (изучались лишь археологически). В 1961 г. президентским декретом был образован Национальный институт этнологии и фольклора, начавший систематическое развитие этнографических исследований с проведением обширных полевых работ и истолкованием их результатов с марксистско-ленинских позиций. Антирасистские гуманистические взгляды Ф. Ортиса продолжают питать кубинскую этнографию (например, при изучении синкреметических культов). Кубинские этнографы широко сотрудничают со своими коллегами из других социалистических стран, особенно СССР. Они занимают ведущие позиции в ходе изучения населения африканского происхождения соседних латино-американских стран.

Очерк «Этнография в Социалистической Республике Румыния» (стр. 262—285) принадлежит перу румынского этнографа. В статье показано, что современные за-

дачи этнографии реализуются в Румынии в значительной степени в региональных работах, чаще всего комплексно характеризующих материальную культуру и быт населения в пределах определенного «куста» поселений. Работы румынских этнографов группируются в очерке дважды: на стр. 264 и на стр. 274, причем эти группировки не совпадают; первая менее логична, вторая (построенная по территориальному принципу), более приемлема. Очерк в целом носит характер обзора-перечня; он оснащен очень обширной библиографией.

Чешскому автору принадлежит очерк «Некоторые аспекты этнографического изучения современной народной культуры в ЧССР» (стр. 286—308). Его внимание сосредоточено на вопросах изучения традиционной и урбанизированной народной культуры. Подчеркнуты разные социально-экономические предпосылки, способствующие приобщению народов Чехии и Словакии к урбанизированной культуре (в последней в досоциалистическое время центральной фигурой был полурабочий — полукрестьянин, который «в фабричной среде чувствовал себя скорее крестьянином, а в деревне — скорее рабочим», стр. 287). Некоторое недоумение вызывает попытка автора (стр. 299) противопоставить методику изучения городской культуры в СССР и ЧССР; он считает, что большой приток населения в советские города якобы делал центрами культурной жизни заводские клубы, в то время как в ЧССР объектом изучения становились соседские контакты.

Можно пожалеть, что содержание очерка по этнографии в стране, столь богатой традициями этнографической науки (достаточно вспомнить, что это родина Нидерле!), ограничено хотя и важным, но частным сюжетом: автор показывает сдвиги народной культуры к урбанизированной. Несколько неравномерно освещен вклад в разработку этой проблемы чешских и словацких этнографов (некоторые научные учреждения, в которых работают чешские этнографы, даже не упомянуты). Отмечу и неуклюжие обороты перевода («пределах наемных домов и микrorайонов», стр. 286; «основы профессиональных научных неэтнографических институтов», стр. 290).

Замыкает книгу очерк «Современная этнографическая наука в Социалистической Федеративной Республике Югославия» (стр. 309—335). Этническая пестрота этой страны, ее бурное историко-этнографическое прошлое делало задачу обобщения проводимых здесь обширных этнографических исследований очень трудной; тем не менее она успешно решена. Очерк характеризует и существующие в Югославии этнографические учреждения, издаваемые ими труды и главные направления выполняемых работ (с указанием всех ведущих ученых¹), и региональные исследования, часто связанные с конкретными задачами практики социалистического строительства. Очерк дает (вместе с обстоятельной библиографией) весьма полное представление о развитии и состоянии этнографии в Югославии. Этот очерк — один из лучших в книге.

Как бы сквозной темой, пронизывающей все очерки, является информация о работах в соответствующей стране над этнографическими атласами.

Советские читатели получили яркую и насыщенную фактами картину развития социалистической этнографии от Чукотки до Адриатики, от Эльбы до реки Красной. Я не сомневаюсь, что книга вызовет интерес и в зарубежных социалистических странах; возможно, что там потребуются ее переводы.

В. В. Покшишевский

¹ Вряд ли правы авторы, заявив (стр. 317), что они отказываются от обстоятельной оценки влияний И. Цвичика на современные работы югославских ученых — оно слишком значительно. Впрочем, практически они вынуждены все равно время от времени обращаться к его наследию; очень кстати приведена ими и выразительная оценка трудов самого Цвичика, данная С. А. Токаревым. На мой взгляд, Цвичик, несмотря на сопровождавшую его работы «антропогеографическую вывеску», стоит гораздо ближе к французской географической школе, чем к Ф. Ратцелю.

НАРОДЫ СССР

М. М. Громыко. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII — первая половина XIX в.). Новосибирск, 1975, 350 стр.

Для рецензируемой книги характерна общая этнографическая направленность. Основное внимание автор концентрирует на трудовых традициях сибирского крестьянства в земледелии, скотоводстве и добывающих промыслах — охоте, рыболовстве, сборе дикорастущих «даров» леса (кедровые орехи, хмель и т. д.). Трудовые и бытовые традиции прослеживаются М. М. Громыко преимущественно в среде крестьян-

земледельцев, освоивших в рассматриваемое время южную часть таежной и лесостепной полосы Сибири. Четкость постановки основных вопросов позволила автору добиться целенаправленности книги, что имеет существенное значение в разработке общей проблемы народной культуры сибирского крестьянства. На первой же странице исследования М. М. Громыко объясняет замысел и цель работы. «В силу эмпирического характера знаний и примитивности орудий труда самый процесс производства в феодальном обществе был возможен только благодаря закреплению и передаче опыта традиций», — пишет автор. Исходя из этой посылки, М. М. Громыко определяет свою задачу следующим образом: «выяснить практическое содержание этих традиций у русских крестьян Сибири, способы их хранения и закрепления, а также место традиций в системе общественного сознания крестьянства» (стр. 3). Подчеркивая роль традиций в хозяйственной и духовной, семейной и общественной жизни крестьян, их значение в общем производстве сибирской деревни, М. М. Громыко анализирует их и в этническом и в социальном аспектах. Она придерживается твердо установленвшейся в советском сибиреведении точки зрения, согласно которой сибирские крестьяне рассматриваются как локальная часть русского крестьянства; в их культуре доминировали общерусские черты, но имелись и свои особенности, объяснявшиеся приспособлением к местным климатическим и ландшафтным условиям и феодальной эксплуатацией, осуществлявшейся непосредственно государством при отсутствии, как правило, лично-зависимых крепостнических отношений.

Замысел автора, учитывая его стремление уловить многосторонность основного сюжета исследования, нельзя не признать оригинальным и творчески целесообразным. Воплощение его в жизнь возможно лишь при наличии подробной этнографической характеристики сибирского крестьянства. Между тем обобщающей этнографической работы, отражающей современный уровень представлений о народной культуре крестьянства Сибири, пока еще не существует. Поэтому перед М. М. Громыко, естественно, возникали особые сложности и ее труд тем более заслуживает внимательного разбора. М. М. Громыко сделала существенную оговорку о том, что ее исследование касается именно старожильческого населения, т. е. по крайней мере второго поколения переселенцев, уже приспособившего свое хозяйство и быт к сибирским условиям. Таким образом, трудовые традиции рассматриваются как отражение хозяйственно-бытового опыта поколений, принесенного из Европейской части России или приобретенного в Сибири.

М. М. Громыко стремится показать прежде всего общность у всех сибирских крестьян хозяйственных и бытовых традиций, наличие которых способствовало устойчивому существованию сложившихся элементов народной культуры.

Земледельческие традиции М. М. Громыко прослеживает в последовательности полевых и огородных работ, в типологии орудий, приемах земледелия и землепользования. Наибольшее внимание привлекают данные, взятые главным образом из литературы, о господствовавшей почти повсеместно в Сибири залежной системе земледелия, ее порайонных особенностях и появлении элементов пара. Следует согласиться с утверждением М. М. Громыко о том, что архаичное подсечно-огневое земледелие Сибири представляло собой отнюдь не пережиток, а результат определенного сочетания социальных и географических условий (стр. 33). При этом традиция подсеки отражала не только систему земледелия, известную русским крестьянам и возрожденную ими в условиях нетронутых сибирских земельных просторов и отсутствия прикрепления крестьян к земле, но и агротехническую меру. Земледельцы, опаливая поля и выжигая кустарник и дерн, очищали пашню от трав, избавляли ее от вредителей и облегчали пахоту, что было весьма существенно при освоении больших пространств.

Кратко характеризуя животноводство сибирских крестьян, М. М. Громыко указывает на существенную местную специфику в комплексе знаний и приемов, в котором содержались многочисленные элементы, нехарактерные для европейской русской традиции (стр. 76). Наконец, подробный очерк, основанный преимущественно на литературных данных, посвящен приемам, навыкам и организации охотничьего и рыболовного промыслов. Наибольший интерес представляют систематизированные сведения о традиционной организации промысловой артели и порядках в ее производственной деятельности.

М. М. Громыко справедливо стремится рассматривать хозяйственные и бытовые традиции в их внутренней логической взаимосвязи. К сожалению, это слабо прослеживается в разделе «Дом и быт» (стр. 233—283), занимающем существенное место в книге. В нем описание различных элементов быта (жилого помещения, одежды, пища) связано в большей степени с обрядовой стороной, нежели с рациональным приспособлением их к хозяйственному строю крестьянской жизни.

Разумеется, этнографическое исследование немыслимо без пространной описательной части. В перечисленных разделах описательность превалирует, но этот недостаток имеет свое объяснение и следствия. Проблематика этнографии сибирского русского крестьянства лишь сравнительно недавно привлекла пристальное внимание исследователей, а потому уже одно это ставит перед нами немалые сложности. Как уже указывалось, большая часть материала основана на литературных источниках, которые только дополняются привлеченными М. М. Громыко архивными данными, прежде всего ответами на Программу РГО для сбора этнографических сведений (см. стр. 13—17). В недавно опубликованном историографическом труде группы авторов пришла к вы-

воду о том, что имеющиеся литературные данные недостаточны для выявления всего многообразия (тем более в разных областях Сибири) материальной культуры русского населения, его поселений, жилища, одежды¹. Книга М. М. Громыко подтверждает этот вывод. К тому же следует учитывать еще и характерную для современного этапа изучения проблему слабость источниковедческого анализа известных типов источников. А это тем более затрудняет освещение вопросов о специфичности элементов народной культуры в Сибири. М. М. Громыко смогла лишь проследить общие для русского населения Сибири явления в материальной культуре и имела очень ограниченные возможности для выявления местного традиционного своеобразия. Хорошо известно, что переселенцы, преимущественно из северорусских областей Европейской части России, приносили свои хозяйствственные традиции и в процессе освоения различных частей Сибири вынуждены были приспосабливаться к местным условиям. Учет этих обстоятельств существенно углубил бы исследование и выявил бы трудовые традиции, во-первых, не в обобщающем статичном состоянии, а в процессе их утверждения и развития, и, во-вторых, по всей вероятности, дал бы возможность проследить степень приживаемости привносимых традиций в отдельных областях Сибири. В известной степени сама М. М. Громыко не использовала в этом отношении имеющихся в ее распоряжении возможностей. Избирая объектом изучения собственно старожильческое население, она хронологически ограничила свое исследование XVIII веком, тогда как костики этого населения складывались еще в XVII в., и некоторые имеющиеся литературные данные об этом времени дали бы возможность датировать начало процесса становления тех или иных традиций. Во всяком случае, о системах землепользования, трехкамерном жилище и промысловых артелях можно так или иначе судить уже начиная с XVII в.

Поэтому отдельные места рецензируемой книги вызывают некоторое сомнение. Так, М. М. Громыко перечисляет пахотные орудия и, очень кратко касаясь их морфологической характеристики, указывает на бытование около 30 видов конструкций сох. Вibiliи этих вариантов автор видит порождение многовекового опыта хлебопашца, приспособившего соху к конкретным климатическим и социальным условиям (стр. 25—29). Однако вопрос можно поставить и иначе. Разумеется, приспособление орудий проходило хотя и медленно, но непрерывно. Однако для характеристики прогресса земледелия не меньший интерес представляет и процесс унификации орудий, что, в частности, известно по материалам конца XIX — начала XX в.².

Заслуживает уточнения понятие «плодосмена» как важнейшего элемента земледельческой культуры в его сибирской специфике. Судя по стр. 40 работы М. М. Громыко, можно также предположить обязательность двух-трехрядовой пахоты для каждой культуры, тогда как при наличии парового поля такой прием возможен лишь при посеве одной какой-либо культуры.

Значительное место в книге М. М. Громыко заняло описание обрядности, отражавшей те или иные хозяйствственные или бытовые представления крестьян. Автор не без основания связала ее с хозяйственными традициями, но наряду с обрядностью, отражавшей рациональные хозяйствственные представления, а тем самым и трудовые традиции, уделила слишком много места магии и заговорам, относящимся в большей степени к идеологии, что само по себе представляет большой интерес и постоянно привлекает внимание этнографов, но в данном случае в известной степени выходит за рамки книги. Особенно заметно это прослеживается в разделах «Весенний цикл аграрных праздников» и «Хозяйственная магия», занимающих шестую часть всей книги (стр. 93—150). Вместе с тем в разделе «Приметы о хозяйстве и природе», описательном и очень кратком (стр. 150—155), можно было бы обстоятельнее показать путем сравнения с аналогичным сравнительным материалом, относящимся к Европейской части страны, традиционно устоявшиеся реалистические представления сибирских крестьян, их своеобразие и, в частности, локальное приспособление к церковному календарю. М. М. Громыко ограничилась лишь выводами фольклористов о том, что «подавляющая часть пословиц и поговорок известна в общерусском составе; для примет отмечалась значительность доли местных сибирских» (стр. 150). Для целей настоящей работы одной такой констатации слишком мало.

Значительно более оригинально поставлен М. М. Громыко вопрос о закреплении, сохранении и передаче трудовых традиций, их этической стороне и влиянии на формирование социального характера крестьянства. Этому посвящена значительная часть книги. Пожалуй, в этнографической литературе подобная проблема в таком объеме ставится впервые. М. М. Громыко развивает свои наблюдения о передаче и сохранении

¹ А. А. Лебедева, В. А. Липинская, Л. М. Сабурова, А. В. Сафьянова, Издание материальной культуры русского населения Сибири (XVIII—XX вв.), «Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири», М., 1974, стр. 46, 58, 76, 92.

² В. М. Суринов, Производительные силы сельского хозяйства Западной Сибири по материалам историко-этнографических экспедиций (конец XIX — начало XX в.), «Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири», М., 1974, стр. 134.

традиций в различных аспектах — в результате личных взаимоотношений, внутри и межсемейных, родственно-соседских, наконец, в деятельности общины как основной носительницы всех традиций, вплоть до семейно-бытовых. Автор приводит интересные доказательства того факта, что основным средством в сохранении и передаче трудовых традиций были коллективные работы крестьян в разных сферах их хозяйственной деятельности. Эта четко проводимая мысль обогащает представления об организации трудовой жизни русской деревни, основу которой составляла деятельность индивидуальных крестьянских хозяйств. В данном случае мысль автора можно было бы развить, ибо коллективные работы (в частности, обойденная М. М. Громыко так называемая навозница) были одним из факторов приспособляемости крестьян к тяжелым условиям Сибири и в то же время консервации сложившихся трудовых традиций. Вывод М. М. Громыко о коллективном характере передачи хозяйственного опыта дает дополнительные возможности для дальнейшего изучения вопроса о широком освоении Сибири русскими переселенцами.

Последнее соображение — наиболее веский аргумент для признания книги М. М. Громыко не только интересной и полезной, но и создающей предпосылки для новых исследований в сибиреведении, особенно в области этнокультурных связей русского и аборигенного населения, влияния миграций из-за Урала и внутри Сибири на состояние традиционно сложившегося хозяйства, особенно в разных ландшафтно-почвенных зонах. Высказанные соображения в связи с разбором книги М. М. Громыко лишь убеждают в необходимости целого ряда новых исследований, без которых обобщающий труд, посвященный культуре сибирского крестьянства, создать нельзя.

B. A. Александров

Н. А. Миненко. Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в. Историко-этнографический очерк. Новосибирск, 1975, 308 стр.

Исследование Н. А. Миненко посвящено вопросам этнической истории, хозяйства и культуры населения Северо-Западной Сибири в период освоения ее русскими. Работа основана на большом архивном материале, хранящемся в московских, ленинградских и сибирских архивах, малоизвестном историкам и этнографам.

Автор ставит перед собой задачу осветить проблемы освоения севера Западной Сибири в XVIII в. Н. А. Миненко подробно останавливается на характере колонизационных процессов и результатах адаптации русского населения в условиях севера, на взаимодействии существующих формаций и культур пришлого и коренного населения. В целом задачи, поставленные автором, решены удачно. Книга дает яркое представление о расселении, численности, динамике населения, хозяйстве и культуре, взаимоотношениях русского и коренного населения — хантов и ненцев, в меньшей степени — манси и селькупов.

Рецензируемая работа состоит из введения, трех глав и заключения.

Во введении автор формулирует задачи исследования и дает краткий историографический обзор, останавливаясь при этом на характере привлекаемых архивных источников. Архивные документы, на которые опирается автор, весьма ценные и интересны. Разделы, посвященные анализу таких документов, как «Материалы по обычному праву ненцев, хантов и манси», «Топографическое описание Тобольского наместничества», являются подлинным вкладом в источникование. Совершенно правильно, на наш взгляд, оценивает Н. А. Миненко значение для последующих исследователей опубликованной только в 1947 г. работы В. Ф. Зуева и вскрывает компилиативный характер работ И. Г. Георги и Ф. Белянского. Что касается М. А. Кастрена, то автор, видимо, несколько переоценивает его заслуги в «разработке вопроса об общественном устройстве ненцев и хантов» (стр. 9). На наш взгляд, финский ученый не смог разобраться в этом вопросе, в частности фратрии («роды... включающие сотни и тысячи лиц») были приняты им за роды.

Автор совершенно правильно оценивает характер и значение такого архивного источника, как ревизские сказки. В разное время они привлекали внимание многих историков и этнографов. Материалы ревизских сказок — переписей — дают ценные сведения по численности, динамике населения, его составу. Уникальны материалы ревизских сказок по именам некрещеного населения Обдорской волости Березовского уезда¹. Однако данные по семье в них не всегда точны, это выявляется при сопоставлении их с исповедными росписями метрических церковных книг.

Наиболее удачны первая и третья главы работы Н. А. Миненко. В первой главе («Русское население Северо-Западной Сибири в XVIII — первой половине XIX в.») автор исследует динамику, размещение, сословный и социальный состав, хозяйство, некоторые особенности культуры и быта, духовную жизнь русского населения север-

1 См. З. П. Соколова, Наследственные, или предковые имена обских угров и связанные с ними обычаи, «Сов. этнография», 1975, № 5.

ного Приобья. Н. А. Миненко оперирует статистическими материалами, приводит яркие конкретные примеры, почерпнутые из неизвестных до сих пор источников, характеризующие историю, хозяйство, культуру и быт первых русских наследников Сибири. Особо интересны разделы «Хозяйство», «Некоторые особенности культуры и быта», «Духовная жизнь». Значительная часть вопросов, поднятых в исследовании, еще мало изучена советской исторической наукой. Закономерно выделение Н. А. Миненко группы русских наследников Северо-Западной Сибири в этнотерриториальную общность — этнографическую группу, особенности которой хорошо показаны. Совершенно справедливо ставится вопрос о большом влиянии коренных обитателей края на духовную жизнь русских переселенцев.

Н. А. Миненко в целом правильно оценивает взаимоотношения русского и коренного населения, их культурные контакты, хотя, на наш взгляд, иногда их несколько идеализирует. Так, вряд ли можно утверждать, что «русские поселенцы... считали себя до известной степени ответственными за судьбу аборигенов края» (стр. 129). Правительственные указы и предписания, стремившиеся оградить коренное население от пагубного влияния новых контактов (ограничение продажи вина, поездки торговцев в селения, закрепление промыслового угода за пришлым населением), готовились не без влияния отдельных представителей местной русской интеллигенции и прогрессивно настроенных чиновников, о чем ярко свидетельствуют многие страницы книги (стр. 53, 54 и др.). Однако приписывать подобные стремления всем русским поселенцам нет оснований. Большинство их было вынуждено осваиваться на новых землях — промышлять или торговать (даже казаки!), что неизбежно должно было привести к столкновению и конфликтам с местным населением. Кстати, это нашло отражение и в документах, приведенных автором (стр. 54, 55, 59, 60). Точно так же сомнительными представляются «дружба» коренного населения с торговцами из среды местных русских и оценка русскими смешанных русско-хантыйских браков как «вполне нормального явления» (стр. 129). Во-первых, такие браки в то время были единичными, во-вторых, хантыйские женщины чаще оказывались в положении наложниц, а не жен. К тому же смешанные браки вряд ли могли повлиять на семейный быт русских (стр. 118). Более критически следует, вероятно, относиться и к документам, где говорится о том, что местные русские купцы продавали товары «на совесть» (стр. 69) и что местное русское население добывало рыбу только для себя (стр. 51).

Большой интерес представляют опубликованные в первой главе таблицы 5 и 6, характеризующие структуру семей русского населения. Жаль только, что они не унифицированы.

Во второй главе книги («Коренное население Северо-Западной Сибири в XVIII — первой половине XIX в.») затрагивается обширный круг вопросов: этнический состав, численность и расселение, хозяйство и особенности материальной культуры, социальные и семейные отношения, духовная культура аборигенного населения.

Однако в отличие от первой главы автор не смог избежать здесь некоторых, на наш взгляд, серьезных недостатков.

Описывая хозяйство и культуру хантов и ненцев, автор использует архивные материалы, дополняя их сообщениями современников — В. Ф. Зуева, Ф. Белявского, М. А. Кастрена, Г. Новицкого, И. Г. Георги, а также работами Н. Абрамова. Довольно обширная этнографическая литература последующих лет, а также советского периода, хотя и указана в историографическом очерке, но практически почти не использована. В результате ряд проблем изложен Н. А. Миненко как бы на уровне эписаний XVIII — начала XIX в. Автор в своем изложении не разделяет хантов и ненцев, недостаточное внимание удалено манси и селькупам.

Интересен вопрос о формировании ляпинско-сосьвинской группы манси. Состав ее, по всей видимости, действительно смешанный — хантыйско-мансиjsкий. Однако этот процесс смешения, скорее всего, был весьма длительным. Мы никак не можем согласиться с мнением Н. А. Миненко о том, что «процесс ассимиляции хантов, попавших в мансиjsкое окружение, может завершиться в течение жизни одного поколения» (стр. 145). Пример (с фамилией Рохтымовых), который приводится в подтверждение этого мнения, как раз свидетельствует об обратном. Наличие одинаковых фамилий или имен, легших в основу этих фамилий, в разных регионах может быть объяснено двумя причинами: миграциями населения и существованием имен, одинаково звучащих на разных диалектах одного языка и означающих какое-либо сходное явление или предмет (например, фамилия Хотанев может происходить от имени или прозвища: Хатын — лебедь, Хатань — татарин). Устанавливать причину такого сходства фамилий или имени необходимо в каждом конкретном случае, привлекая все возможные материалы, чего автор рецензируемой работы, видимо, сделать не смог. Так, фамилия Рохтымов могла образоваться от имен Рехтан (Сосьвинская волость, 1633 г.) и Рахтан (Куноватская волость, 1650 г.). В 1648 и 1650 гг. в Сосьвинской волости жили Рохматовы (в другом написании — Рахматовы, Рахметовы), а в конце XVIII в. в Ляпинской и Куноватской волостях — Рохтымовы, в Казымской волости — Ректымовы. Связь этих имен и фамилий несомненна, разница в написании очень невелика, что может быть объяснено как различиями в диалектах, так и искажениями их писцами. Этот пример может свидетельствовать лишь об общности имен и фамилий у разных групп хантов (обских) и манси (ляпинско-сосьвинских) и возможных миграциях представителей данных групп.

Второй раздел главы «Хозяйство» в целом написан хорошо, содержит много ярких примеров, новых данных. Совершенно правильно оценивает автор большую роль охоты с луком у хантов и ненцев. Отметим, что у хантов она сохранялась еще в начале нашего столетия. К сожалению, в этом разделе много неточностей, происходящих, видимо, от недостаточного знакомства автора с этнографическими материалами. Так, клей варится не из осетров (стр. 162), а из осетровых пузьрей; коты — это не «маты из тонких жердочек» (стр. 157), а специальные запоры — изгороди с ловушками, плетеными из тонких планок или тальника; пимы и чики (русские термины местных «сапог» и «чулок») различаются не только материалом (стр. 106), но и функцией и техникой шитья: первые использовались как обувь и шились мехом наружу, вторые — чулки — шились мехом внутрь и т. п.

Пожалуй, слишком категорично некоторые домашние занятия хантов и ненцев, например изготовление лодок, циновок, мереж, веревок и др., названы ремеслом (стр. 162). Эти занятия даже в XIX в. не носили ремесленного характера.

Большие возражения вызывает третий параграф рассматриваемой главы («Социальные отношения»). Сам по себе пересмотр установившихся в литературе точек зрения на род у обских угров заслуживает одобрения. Автор правильно говорит о невозможности установить род по тамгам, о трудности его локализации (стр. 173). Н. А. Миненко считает, что в описываемое время для хантов и манси была характерна патронимия. С одной стороны, не совсем ясно, что понимает исследователь под этим термином («особая, свойственная патриархально-родовому строю общественная форма» — стр. 175, «селение-патронимия» — стр. 175, «община родового типа» — стр. 176), с другой — этот термин то и дело заменяется термином «род» (стр. 186, 187). По мнению автора, патронимия — новообразование, возникшее «на основе подлинных родов», «под влиянием активных миграций хантов и манси с конца XVI в.». Вместе с тем Н. А. Миненко пишет, что «патронимия возникает в результате дробления семейных общин» (стр. 175). Патронимия характеризуется, по ее словам, общей территорией, экзогамией, наличием собственного князца, многофамильностью (стр. 174). В то же время угодья, по утверждению автора, делились между семьями и пользование ими становилось наследственным (стр. 177), а «патронимийные старейшины» были выборными лицами (стр. 181). Трудно себе представить, как многофамильность сочеталась с патронимией. Вывод Н. А. Миненко о патронимии как основной социальной единице обских угров в рассматриваемое время неубедителен и не подкреплен конкретными материалами. Их анализ показывает, что в это время патронимия для обских угров не была характерна, селения-юрты имели различный социальный состав. В Березовском уезде они были населены большими и малыми семьями, не всегда состоящими в родстве между собой, а в Сургутском уезде селения чаще всего были заселены членами только одной большой или малой семьи.

Большую ценность представляют материалы, касающиеся института «князцов», «старейшин» и «почетных родовичей» у обских угров, суммированные автором на основе различных источников (стр. 181—184), однако не следует распространять на все группы хантов данные М. А. Кастрена о родовых старейшинах у северных хантов и ненцев (стр. 174).

В разделе «Семейные отношения» Н. А. Миненко приводит интересные архивные данные о браках малолетних и многоженстве; анализирует обычное право хантов и ненцев. На наш взгляд, она совершенно правильно оценивает форму брачных отношений хантов и ненцев в тот период как более соответствующую парному, а не моногамному браку (стр. 194, 195). В книге приводятся обширные материалы, доказывающие равноправное положение женщины в семье хантов и ненцев, и правильно отмечается, что экономической его основой были «особенности ее имущественных прав» (стр. 192), т. е. большая роль приданого в браке, которое было личной собственностью женщины. Следовало бы также отметить, что в условиях северного промыслового хозяйства роль женщины в обработке и консервации продуктов промысла (особенно рыболовства) была не меньше, чем роль добытчика-мужчины.

Н. А. Миненко справедливо говорит о сравнительно недавнем возникновении представлений о неполноценности женщин, развитии этих представлений под влиянием ясачной политики. Она правильно подмечает особенности семейного быта хантов и ненцев — обычай сдержанного отношения супругов друг к другу при посторонних и др. (стр. 193). Однако объяснение запретов, касающихся женщин, в частности запрета перешагивать через промысловые орудия, дано ею не совсем верно (стр. 192). Дело не в представлениях об особой магической силе женщины, а в древнейших обычаях охотничьи-рыболовецких народов, всегда стремившихся к тому, чтобы промысловые орудия и снасти не восприняли человеческого запаха, особенно женского.

В разделе «Духовая культура» наиболее интересен, по нашему мнению, анализ обычного права хантов и ненцев. Абсолютно правильна, на наш взгляд, оценка обычая дарения, связанного с взаимопомощью. Однако вряд ли, как нам кажется, «возникновение феномена взаимного дарения было связано с распадом старого института родовой взаимопомощи» (стр. 213). Напротив, это скорее реликт древнего обычая, когда все члены общества были обязаны помочь друг другу и делиться всем, кто чем может. В разделе содержатся оригинальные материалы и выводы автора, хорошо показан синcretизм религии хантов. Жаль лишь, что данные о формах религиозных представлений, искусстве, народных знаниях не совсем точны и ясны. Так, например,

неясно, что такое «патронимийный культ» (стр. 200); какая связь между патронимийными кладбищами и священными культовыми местами хантов Эсталинских юрт (?!), между культом медведя и почитанием лесного бога (?!); какова связь промыслового культа с культом деревьев, почему медведь и волк до XVIII в. были «когнатными родовыми тотемами» (стр. 202).

Третья глава работы («Государственные власти и население Северо-Западной Сибири в XVIII — первой половине XIX в.») посвящена особенностям управления и правительственной политики в крае. Здесь Н. А. Миненко сообщает много нового. Большинство из рассматриваемых ею проблем оставались до сих пор почти неизученными. Существующая литература затрагивала лишь вопросы, связанные с реформой Сперанского, освободительным движением и христианизацией хантов и иенцев. Н. А. Миненко рисует яркую картину злоупотреблений администрации на севере Сибири. В разделе, посвященном политике правительства в отношении коренного населения, весьма ценные данные, касающиеся сбора ясака, подготовительной работы, предшествующей реформе Сперанского, распространения православия среди народов Севера. В оценке реформы Сперанского автор расходится со своими предшественниками (Л. И. Светличная, В. Г. Карцов), считая, что устав 1822 г. был продолжением старой политики консервации культуры и быта коренного населения. Думается, что в данном случае автор не совсем прав, так как реформа Сперанского была, безусловно, прогрессивным явлением.

По-новому подходит Н. А. Миненко к оценке методов крещения народов Западной Сибири. Ею правильно отмечено, что предоставление новокрещеным различных льгот, особенно в уплате ясака, способствовало распространению православия. Но совершенно очевидно, что при этом применялись и насильтственные методы. Автор, кстати, приводит яркие тому примеры (стр. 279, 280). Тот факт, что миссионеров всегда сопровождали солдаты и казаки, даже если они и были необходимы «для помощи при передвижении по труднодоступным районам севера» (стр. 271), не мог не устрашать население.

В целом же капитальное исследование Н. А. Миненко представляет большой интерес для историков и этнографов. Безусловным достоинством работы являются как публикация и интерпретация обширных и новых архивных материалов, так и нешаблонный, самостоятельный, оригинальный подход автора к решению ряда сложнейших проблем.

З. П. Соколова

Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки (азиатские эскимосы, чукчи, кереки, коряки и ительмены). Составление, предисловие и примечания Г. А. Меновщикова. М., 1974, 646 стр.

В рецензируемой книге опубликовано 206 текстов сказок и мифов народов Крайнего Северо-Востока СССР. Из них эскимосских 55, чукотских 56, керекских 12, корякских 35, ительменских 48. Некоторые из представленных сказок (например, 27 эскимосских, 23 чукотских, 17 корякских) можно встретить в более ранних изданиях, выходивших в свет небольшими тиражами в местных издательствах (Магадан, Хабаровск). Такие сборники нередко публиковались на чукотском, корякском и других языках народов Чукотки и Камчатки и не всегда снажались необходимым научным аппаратом.

В данной книге помещен фольклорный материал, собиравшийся в разные годы, причем как в сборе, так и в переводе его на русский язык принимали участие представители местной национальной интеллигенции. Так, например, часть сказок и мифов была записана чукчами В. Ятыргиным, Ф. Тынэтгыном и П. И. Инэнликеем, эскимосами Н. Рукактак и В. Анальквасак, коряками К. Кеккетыном и Х. Нутэвзы, ительменкой Н. К. Старковой. Основная часть публикуемых фольклорных текстов собрана и переведена известными специалистами по языкам народов Севера Е. С. Рубцовой и Г. А. Меновщиковым (фольклор эскимосов), Л. В. Беликовым и П. А. Скориком (фольклор чукчей), С. Н. Стебнищком, А. Н. Жуковой и И. С. Вдовиным (корякский фольклор), А. П. Володиным (ительменский фольклор), В. В. Леонтьевым (керекский фольклор).

Особое место занимают в сборнике разделы, посвященные фольклору ительменов и почти неизвестному ранее фольклору кереков. По разным причинам фольклор этих народностей, во многом еще мало изученных, ранее почти совершенно не публиковался. В рецензируемой книге помещено 48 сказок и мифов ительменов, собранных известной исследовательницей народов Севера Е. П. Орловой (12 образцов), Н. К. Старковой (5), А. П. Володиным (10). 21 текст (в переводе на русский язык А. П. Володина) перепечатан из книги И. В. Иохельсона, изданной в 1961 г. на английском языке. Для фольклористов, историков, этнографов эти разделы представляют большую ценность.

Книга подготовлена, тщательно прокомментирована известным специалистом по языку эскимосов Г. А. Меновщиковым. Каждый образец фольклора хорошо документирован. В комментариях сообщается много ценных сведений по культуре, фольклору, истории эскимосов, чукчей и их соседей. В «Этнографической справке» (стр. 596—599)

приведены краткие данные о численности, расселении, самоизменениях народов Крайнего Северо-Востока, основных этапах исторического развития, истории изучения их языков. Приведен словарь географических названий и терминов (стр. 633—637), а также список основной литературы (стр. 638—641).

В предисловии, озаглавленном «Об устном повествовательном творчестве народностей Чукотки и Камчатки» (стр. 3—48), Г. А. Меновщиков дает общую характеристику различных жанров фольклора. Он говорит о тесных контактах народов Крайнего Северо-Востока, обусловивших общность сюжетов и сходство фольклорных персонажей. «Явления исторического взаимодействия культур родственных по языку чукотско-камчатских народностей с культурой иноязычных азиатских эскимосов позволяют рассматривать устное творчество всего чукотско-камчатского региона в совокупности. Это, однако, не исключает выделения локальных особенностей фольклора каждой народности» (стр. 7—8).

Автор предисловия, несомненно, прав, утверждая, что включенные в сборник тексты «дают достаточное представление об общих типологических особенностях основных жанров и циклов фольклора аборигенов Чукотки и Камчатки в целом и о специфических чертах фольклора каждой народности в отдельности» (стр. 9).

Г. А. Меновщиков выделяет не только своеобразие разных жанров фольклора, но и общие черты, свойственные фольклорным произведениям изучаемых народов (стр. 10—14), что отмечалось и прежде многими исследователями. Он привлекает сравнительный материал, отмечая особенности тех или иных сюжетов и вариантов. В результате он констатирует: «К основным жанрам устного творчества палеоазиатов Чукотки и Камчатки, включая азиатских эскимосов, согласно отмеченным выше классификационным схемам чукотского и эскимосского фольклора и бытующим видам этого словесного народного искусства у коряков и ительменов, можно отнести следующие: 1) мифические (или космогонические) предания; 2) волшебно-мифические сказки с подразделами: а) волшебно-героические сказки о фантастических похождениях героев по разным мирам и их борьбе с враждебными силами, б) сказки о кэле, нынвитах и тунгаках, в) сказки о дружественных и брачных союзах человека и животного, г) сказки о непокорной дочери, д) сказки о сироте, е) сказки о шаманах; 3) героические сказания; 4) исторические предания; 5) сказки о животных; 6) бытовые сказки (рассказы); 7) заговоры; 8) песни; 9) загадки (последние отмечены только у коряков)» (стр. 16).

Для историков и этнографов, занимающихся проблемами этногенеза народов Севера, большое значение имеют высказанные еще В. Г. Богоразом, а затем развитые различными исследователями идеи о древней этнической общности народов Северо-Востока, американских индейцев и гренландских эскимосов. Эти теории основываются на бытованиях у всех этих народов так называемого «Вороньего цикла» — мифов и сказок о Вороне — «культурном герое». Г. А. Меновщиков показывает различия в представлениях об этом персонаже у ительменов, коряков, чукчей и эскимосов (стр. 16—24). На наш взгляд, для целей этногенетических исследований было бы плодотворно рассмотреть также и отдельные сюжеты, а не только «Вороний цикл» в целом.

Разумеется, фольклор каждого из народов Северо-Востока имеет значение не только для этнографических исследований, но является и показателем духовных возможностей, разностороннего творческого гения каждого народа. Огромный интерес представляет выявление специфики фольклора не только у каждого народа, но и внутри различных его групп, например у оленных и оседлых чукчей и коряков, у чаплинских, сиреникских и научанских эскимосов.

К сожалению, в комментариях к сборнику приведено мало данных о том, как именно бытовал в прошлом (и как бытует в настоящее время) фольклор, кто преимущественно хранит его (мужчины, женщины), какие сюжеты и жанры наиболее любят и т. п.

Большой интерес для фольклористики представляет изучение творчества отдельных сказителей. В «Примечаниях» названы их имена, однако такого перечня недостаточно. Лишь на стр. 616—617 приведены некоторые сведения о выдающемся рассказчике, собирателе фольклора, поэте-чукче Ф. Тынэтэгне.

Для изучения прошлого бесписьменных народов очень важны те данные фольклора, которые находят прямые подтверждения в различных исторических документах. Так, И. С. Вдовин обнаружил ценные параллели, позволяющие чрезвычайно высоко оценивать фольклор (в частности коряков) как исторический источник¹.

В то же время ученые неоднократно обращали внимание на необходимость очень осторожного обращения с таким источником, как фольклор при исследованиях традиционного быта, культуры, верований, социальных отношений в прошлом и т. п., поскольку в нем отсутствуют хронологические показатели; трудно «вычленить» заимствования из фольклора соседних народов и учесть временные изменения в отраженных в фольклоре явлениях и т. п.². Кроме того, всегда имеет место³ проникновение в

¹ И. С. Вдовин, О соотношении фольклора с историко-этнографическими данными, «Фольклор и этнография», Л., 1970.

² А. М. Решетов, Об использовании данных фольклора для изучения ранних форм семейно-брачных отношений, «Фольклор и этнография», Л., 1970, стр. 238—255.

³ Г. А. Меновщикова, Устное народное творчество азиатских эскимосов как историко-этнографический источник, М., 1964.

фольклор одного народа отдельных мотивов, образов, сюжетов из фольклора другого народа при тесных контактах между ними.

Приведем некоторые этнографические материалы, которые можно извлечь из рассматриваемого сборника фольклора. В дальнейшем на основании этих и других фольклорных данных может быть написано специальное исследование, посвященное быту и культуре народов Северо-Востока. Опубликованные в сборнике тексты позволяют также судить о занятиях этих народов. Характерно, что в специальных научных описаниях некоторые бытовые подробности, отраженные в мифах, не учитывались. Так например, в сказке № 4 перечисляются орудия морского промысла (гарпун, наконечник и др.); показаны способы охоты: загарпуненный зверь сначала тянулся за собой каяк с охотником, потом охотник подтягивал животное и бил его по голове каменным молотком. Затем он надрезал шею убитого зверя, надувал его и бусировали к берегу (№ 17); рассказывается также о том, как добывали моржа зимой в полынье (№ 35). Приведем еще несколько примеров. Бедные семьи, не имевшие каяков, добывали животных только на берегу (№ 33); эскимосы ловили навагу, сидя у лунок, защищаясь от ветра стенкой из снега (№ 20). Рыбу ловили сетями (№ 2). В одной из сказок говорится о бедной семье эскимосов (бабушка, оставшаяся с внуком на руках), не имевшей никаких орудий лова; бабушка плела силки, а внук ставил их на куропаток (№ 22).

В приведенных в рецензируемой книге сказках содержатся данные об охоте эскимосов с луком на диких оленей, чукчей — на медведя с метательным копьем (№ 63, 64). Много говорится и о женских занятиях — сборе съедобных трав и кореньев в тундре и на берегу моря (№ 31 и др.).

В ительменском фольклоре герой сказок Ворон живет, как человек. Он ловит вместе с женой рыбу в реке запорами (№ 172). В многочисленных корякских и ительменских сказках упоминается об охоте на горных баранов, а также о добыче кереками весной и летом кайр на птичьих базарах (№ 113).

Большой интерес не только для этнографов, но и для археологов представляет описание процесса изготовления эскимосами глиняной посуды (№ 33). Жители Севера стали заниматься гончарным промыслом сравнительно поздно, поэтому он не нашел отражения ни в других образцах фольклора, ни в литературе, ни в исторических документах.

Для исследователей материальной культуры народов Севера важны описания в сказках, хотя бы и очень краткие, старинных подземных жилищ эскимосов, например, упоминания о коридорах, пологах, нишах в стенах, «верхних нарах» и т. п.

При описании землянок кереков (*валькарам*) упоминаются дымовые отверстия и пологи (№ 113). В сказках ительменов говорится о жилище с чердаком русского типа (№ 190).

Многие сказки содержат подробное перечисление деталей одежды, в частности у охотников-эскимосов. Они надевали, отправляясь на промысел, два дождевика (второй толстый, предназначенный специально для охоты в каяке). На одну руку надевали короткую, на другую длинную рукавицу; над глазами закрепляли солнцезащитный козырек (№ 17). В корякской сказке № 146 упоминается о борцовских торбазах и штанах, специально надевавшихся во время соревнований.

В опубликованных в сборнике сказках и мифах эскимосов почти полностью отсутствуют сведения об упряжном собаководстве. Герои всех сказок и зимой ходят пешком — от землянки к землянке, по берегу, по тундре, от селения к селению, на промысле, на поиски пропавшей жены, ребенка и т. п. Юноши много тренируются в беге и ходьбе, взрослые состязаются в беге и ходьбе. Эти мотивы встречаются почти во всех сказках (№ 10, 11, 16 и др.). Гости также приходят, а не приезжают.

Чукчи также повсюду ходят пешком, о собаках упоминаний почти нет. В то же время можно встретить сказки, где говорится о том, что жених везет невесту на ручной нарте, причем тянет ее сам (эскимосские сказки № 37, 41, чукотская № 80). В сборнике более 100 эскимосских и чукотских сказок, но лишь в одной из них (чукотской) упомянуто о езде на собаках (№ 58). Из 45 текстов эскимосских сказок, записанных Е. С. Рубцовой у эскимосов⁴, лишь в № 12 говорится о езде на собаках.

Исследователи, занимавшиеся изучением средств передвижения, считали, что старинная собачья нарта приморских чукчей и эскимосов не отличается от оленной чукотской⁵. Все это наряду с фольклорными данными свидетельствует об очень позднем возникновении транспортного собаководства у эскимосов и приморских чукчей⁶.

Из сказок и мифов рецензируемого сборника можно узнать о вере чукчей, эскимосов и коряков — в хозяев моря, которым приносили жертвы (№ 11, 125, 113 и др.), владычиц неба (№ 24, 31 и др.), хозяев вселенной (№ 17), хозяина огня (№ 22). Сказки позволяют выявить представления эскимосов и чукчей о судьбах душ умерших и утонувших. В сказках рецензируемого сборника, как и в сказках многих народов мира, отражаются представления о населении подземного, верхнего, подводного миров, веду-

⁴ Е. С. Рубцова, Материалы по языку и фольклору эскимосов, М.—Л., 1954.

⁵ «Историко-этнографический атлас Сибири», М.—Л., 1961, стр. 58.

⁶ Приведенные данные подтверждаются чукотским фольклором. См. И. С. Вдовин, Очерки истории и этнографии чукчей, М.—Л., 1965, стр. 42.

шем обычную земную жизнь. Животные в сказках — косатки, волки, медведи, лисы — благожелательно расположены к людям и ведут человеческий образ жизни. Может быть именно поэтому в сказках люди вступают в браки с животными, рожают от них детей (например, женщина рожает китенка, моржонка, вступает в связь с птицами). Попутно отметим, что у народов Крайнего Северо-Востока очень много сказок не только о Вороне, но и об Орлах-великанах (легенды о птицах-великанах отмечены также у многих народов Приамурья — орочей, ульчей, ороков, нанайцев).

Большой интерес в фольклоре народов Северо-Востока представляют женские персонажи, выступающие в качестве хозяек «верхнего мира», воинов-богатырей (№ 21, 85, 89, 95 и др.), протестующих против притеснений со стороны мужей или отцов (№ 16), свободно выбирающих себе мужей (№ 17, 39). Они не хотят выходить замуж и становятся «создательницами» оленей, морских зверей, селений. Последний сюжет был известен эскимосам (№ 15), чукчам (№ 56) и корякам (№ 141).

В собранных в книге сказках и мифах отражены обряды-праздники, посвященные китам, обычай добровольной смерти (№ 56, 96); рассказывается об обменном браке (№ 74) и т. п. Сказки народов Северо-Востока проникнуты оптимизмом. В большинстве из них человек выступает как победитель злых сил (великанов, оборотней и т. п.).

Сказки и мифы народов Чукотки могут служить также хорошим источником для изучения этнической психологии малых народов Севера, ибо здесь во многих случаях раскрывается не только духовный мир людей, но и приводится мотивировка многих их поступков (естественно, обусловленная в повседневной жизни обычаями, религиозными верованиями т. п.).

В фольклоре находит отражение также социально-экономическая жизнь. В сказках говорится о старшинах селений, могущество которых, в частности, основывалось на умении владеть байдарой; о сиротах, нуждающихся и гонимых (№ 30, 55 и др.). Особенно четко социальная дифференция проявлялась у оленеводов. В сказках № 24, 42 и др. отражен натуральный обмен между приморскими жителями и оленеводами. Повествуется и о столкновениях («войнах») между оленеводами — чукчами и коряками — за обладание оленями и другим имуществом (№ 85, 86, 88, 91 и др.). В сказках № 17 и 19 говорится о том, как одна эскимосская община отомстила другой за то, что ее жители убили выращенного ими кита («за своего кита отомстили» — № 19, стр. 107). Члены другой общины в свою очередь «отомстили за своего человека» (там же). Однако в комментарии к сказке (стр. 604) говорится, что здесь отражена борьба за промысловые угодья для морской охоты этих двух общин. Такая трактовка необоснована: эскимосов было очень мало на огромном побережье, расстояния между небольшими селениями измерялись сотнями километров⁷. Какие же могли быть основания для борьбы за угодья?

В фольклоре народов Крайнего Северо-Востока можно отметить и известные элементы модернизации. Больше всего они проявляются в сказках коряков. Здесь встречаются упоминания об огнестрельном оружии, о злом духе кэле, едущем на коне (стр. 438). На руке у сказочного великана неожиданно появляются часы (стр. 432), другой дух кэле «оказанный... Храпит, все равно как трактор громыхает» (стр. 423). Духи кэле в коряцких сказках моются в бане (стр. 428, 429). Герои сказки сели оленю на спину и «все равно как на велосипеде покатали» (стр. 423).

Разумеется, мы не могли затронуть в кратком отзыве все традиционные сюжеты.

Читатели получили прекрасный свод сказок и мифов народов Крайнего Северо-Востока нашей страны. Вышедшая работа привлечет внимание историков, этнографов, историков религии, этнопсихологов, фольклористов и представителей многих других наук, которые по достоинству оценят ее.

Отсутствие в сборнике текстов на языках народов Севера является недостатком издания. Можно пожелать, чтобы в будущем выходили публикации на языках оригиналов с параллельным переводом на русский язык — это, несомненно, обогатит и историю и лингвистику.

А. В. Смоляк

⁷ Не вызвал бы удивления факт борьбы за моржовые лежбища, но в фольклоре нет таких данных. В указанной работе Г. А. Меновщикова «Устное народное творчество...» (стр. 4) говорится, что в этом сказании отражено существование кровной мести. С такой трактовкой можно согласиться.

Н. В. Новиков. Образы восточнославянской волшебной сказки. Л., 1974, 253 стр.

В советской фольклористике не ослабевает внимание к народной сказке. Об этом свидетельствуют монографии, посвященные исследованию специфики, происхождения и судеб русской, белорусской и украинской сказки, появившиеся в послевоенные годы (В. Я. Проппа, Е. М. Мелетинского, В. П. Аникина, Э. В. Померанцевой, Л. Г. Барага и др.). И все-таки восточнославянская сказка изучена все еще недостаточно. До сих пор

еще не было фундаментального исследования, в котором бы русские, украинские и белорусские сказки анализировались в сравнении.

Монография Н. В. Новикова «Образы восточнославянской волшебной сказки», посвященная сравнительному изучению русских, украинских и белорусских волшебных сказок, анализу системы их образов и выявлению специфических национальных и общих межнациональных черт, восполняет этот пробел и представляет большой научный интерес.

Автор поставил перед собой чрезвычайно сложную задачу — исследовать огромный по объему материал: проанализировать многие тысячи текстов сказок из нескольких сотен опубликованных и архивных сборников, изучить многочисленные исследования советских и зарубежных ученых, теоретически осмыслить этот материал, обобщить и изложить его в стройной научно обоснованной системе.

С поставленной задачей автор успешно справился.

Монография состоит из предисловия, четырех глав, заключения и обширной библиографии.

Рассматривая различные классификации сказок, предлагавшиеся фольклористами, автор не обходит и вопрос об определении жанра. Особенности сказки как жанра выводятся им из ее отношения к действительности: «Сказка по отношению к действительности изначально остается сказкой, т. е. произведением, объективно основанным на художественной фантастике, независимо от того, верят или не верят рассказчик и его слушатели в реальную возможность всего того, о чем в ней рассказывается» (стр. 14). Н. В. Новиков полностью соглашается с В. Е. Гусевым, который в своей книге «Эстетика фольклора» писал: «Основным жанровым признаком сказки является стражение некоторых существенных коллизий и конфликтов в сфере социальных и семейных отношений, разрешение которых в конкретно-исторической действительности оказывалось невозможным, в силу чего оно и приобрело характер фантастического вымысла¹. «Специфика этого „фантастического вымысла“,— отмечает далее Н. В. Новиков,— в сказке составляет, на наш взгляд, то, что не вмещается в обыденные рамки реальной действительности — будь то событие или поступок, либо одушевленный и неодушевленный предмет и т. п.» (стр. 15). Однако можно было бы возразить, что «существенные коллизии и конфликты в сфере социальных и семейных отношений, разрешение которых в конкретно-исторической действительности оказывалось невозможным», могли отражаться в столь же фантастической форме и в других жанрах (например, в былинах, песнях-небывальщинах). Поэтому вряд ли этот признак можно считать главным, специфически сказочным. Определение сказки как жанра — сложный вопрос, нередко вызывающий дискуссию сказковедов. У фольклористов-сказковедов нет единого мнения по этому вопросу. На наш взгляд, сказку как жанр народной прозы можно выделить только по совокупности нескольких признаков, тем более, что по содержанию и форме сказки неоднородны.

Впрочем, этого не отрицает и Н. В. Новиков. «Для того чтобы точнее определить, к какому жанру относится та или иная сказка,— пишет он,— следует, помимо отмеченного нами основного ее признака, принимать во внимание и другие существенные моменты, которые в том или ином качестве обнаруживаются в характере ее образов, сюжете и стиле» (стр. 15, 16). Вероятно, точнее было бы говорить не о «других существенных моментах», а о «других признаках»?

Значительное место в предисловии отводится изучению отношения народа к содержанию сказки, к сказочному вымыслу. Исследователь делает правомерный вывод: «Одновременно с ослаблением веры в сказку усиливается ее эстетическое содержание и ее герои все более воспринимаются как художественные образы» (стр. 22).

Указывая на особенности сюжета восточнославянской сказки, автор устанавливает сюжетное разнообразие волшебных сказок. Он отмечает, что в русском сказочном репертуаре насчитывается 144 сюжета, в украинском 187, в белорусском 230. Вместе с тем в книге убедительно показывается, что основной сюжетный костяк волшебно-фантастических сказок в равной степени популярен как у русских, так и у украинцев и белорусов. Автор определяет наиболее известные среди трех братских народов сюжеты и называет сюжеты, которые не являются общими для русских, украинцев и белорусов. Он показывает, что национальная традиция определяет и характер контаминации сюжетов.

В монографии рассматривается система сказочных образов как совокупность персонажей. Центральное место в этой системе, указывается в книге, занимают положительные герои, наделяемые идеальными чертами, во втором ряду находятся помощники героя, в третьем — его противники.

Сказочный образ в силу специфики фольклорного обобщения определяется автором как тип, сохраняющий весьма устойчивые, обязательные для него признаки, по которым мы можем безошибочно узнать персонаж, независимо от того, под каким именем он выступает и какие нюансы приобретает в устах отдельных сказочников. В связи с этим автор поставил себе целью раскрыть совокупность таких признаков.

Из нескольких положительных типов восточнославянской сказки автор выделяет тип богатыря (в белорусской сказке — «асилка») и тип «иронического удачника». Вы-

¹ В. Е. Гусев, Эстетика фольклора, Л., 1967, стр. 124, 125.

деление их оправдано тем, что эти типы получили наибольшее развитие в восточнославянской сказочной традиции. В монографии подробно характеризуются сказочные герой-богатыри: Покатигорощек, Медвежье Ушко, Иван Зорькин, Иван Сучин, Иван-царевич, а также женщины-богатырши.

Анализируя все известные сказки, в которых встречаются образы богатырей, автор предпринимает попытку определить степень древности некоторых сюжетов. Сказку о Медвежьем Ушке, например, он относит к той древнейшей эпохе, когда еще существовала вера в происхождение человека от животного, в данном случае — от медведя. Проникновение сатирических и юмористических элементов в сказку справедливо связывается с более поздним временем. Свидетельство правильности такого вывода — отражение в этих сказках социальных отношений. В сказке о Медвежьем Ушке проявились, например, антицерковные настроения народных масс.

Полемизируя с некоторыми исследователями (А. П. Беликом, К. С. Давлетовым и др.), автор подтверждает свою точку зрения многочисленными убедительными примерами. Так, например, он правильно возражает А. П. Белику, который относит образ Ивана-царевича к отрицательным персонажам. Вместе с тем автор не соглашается и с теми исследователями, которые считают образ Ивана-царевича идеальным. Анализируя конкретный материал, Н. В. Новиков характеризует образ Ивана-царевичаialectически: он идеален в тех сказках, где показывается единственным или самым младшим из трех родных сыновей. В тех же произведениях, где рядом с ним действуют представители низших слоев, идеализируются всегда эти последние, а Иван-царевич наделяется недостатками или высмеивается (например, в сказках на сюжеты «Верный слуга» — Андреев, 516 и «Слепой и безногий» — Андреев, 519). Слабосильный, трусливый и легковерный царевич противопоставляется в них сильному, храброму и умному слуге.

Процесс демократизации сказки автор видит и в замене героя царского происхождения героем из более низких социальных слоев — из купцов, крестьян, солдат. В качестве примера называется белорусская сказка «Асілак» (в книге называется неточно — «Асылак»). Эта сказка выделяется в ряду волшебных высокой идеиностью содержания, страстным призывом к борьбе против помещиков. Вот к чему призывает асилак:

«Браткі, калі б паноў чорт уязў, то б свет бяды не маў, а без гарапашнікай мужыкоў не было б ні хлеба, ні асьмакоў. А каб гэтае ліх зламаць, трэ' усім, як адзін чалавек, стаць; не грызціся паміж сабою да ад варагоў барапіцца гурбою»².

Подобный призыв к коллективной борьбе с классовым врагом трудно отыскать в какой-нибудь другой волшебной сказке. Следовало бы отметить это и в книге.

На основе анализа сказок о женщинах-богатырях делается вывод о том, что женские положительные образы в волшебных сказках показываются «в едином героико-романтическом плане, без привнесения каких-либо унизительно-дискриминационных элементов, связанных со средневековой феодальной идеологией» (стр. 70).

Подытоживая анализ сказок о богатырях, автор выделяет главные отличительные черты героев — их силу, гуманный характер деятельности, патриотическую настроенность, трудолюбие.

С интересом читаются страницы, посвященные анализу образов «иронических удачников» — Незнайки, Иванушки-дурачка, Емели-дурака, — дающемуся во второй главе монографии. Наблюдения над многочисленными сказками о Незнайке позволили автору показать, что Незнайка симпатизирует простым людям, например солдатам. Вместе с тем для сказки о Незнайке характерна тенденция находить положительного героя в купеческой среде. Однако исследователь правильно отмечает, что «и в купеческом обличье Незнайка, подобно былинному Садко, остается народным героем в самом широком и полном значении этого слова».

Нам представляется также правомерным вывод автора о проникновении образа Ивана-дурака в волшебную сказку в сравнительно позднее время и, возможно, под влиянием новеллистической (анекдотической) сказки.

Сравнительно более позднего происхождения, как считает Н. В. Новиков, сказка о Емеле. Он отмечает ее комический характер, что достигается путем гиперболизации лени героя, подчеркнутого контрастирования его необыкновенного облика, образа действий и поступков с обликом, действиями и поступками окружающих его людей. Предположение, что образ Емели (как и другие так называемые образы «иронических удачников») был удобной фигурой, с помощью которой можно было донести до слушателей сокровенные мысли, не очень опасаясь гонений со стороны властей, — вполне оправдано.

Н. В. Новиков категорически возражает тем исследователям, которые смешивают образы Ивана-дурака волшебных сказок с набитым дураком бытовых сказок. Наличие некоторых черт, объединяющих этих разнотипных героев, не исключает различий между ними как между сложившимися художественными типами сказок.

Обстоятельно характеризуются в третьей главе книги помощники героя — жена, Баба-Яга («дарительница»), встречные богатыри (великаны), чудесные искусники. Подчеркивается большая роль помощников героя в динамической системе образов вол-

² А. К. Сержпутовский, Сказки и рассказы белорусов-полешуков, СПб., 1911, стр. 90.

шебно-фантастической сказки. При этом усиление или ослабление их роли автор ставит в зависимость от жанровой принадлежности сказки.

Четвертая глава монографии посвящена анализу противников героя — Бабы-Яги (отрицательного типа), Змея, Кащея Бессмертного, царя, барина и др. Исследователь аргументированно опровергает утверждение В. П. Аникина о том, что в большинстве сказок Баба-Яга выступает в роли дарительницы и добréй советчицы. Конкретный материал не подтверждает этого вывода: в двух третях всех сказочных сюжетов с образом Бабы-Яги она выступает противником и гонителем героев.

Вполне обоснованы и соображения Н. В. Новикова о генезисе образа Бабы-Яги, его мифологической сущности, о переосмыслинии этого образа в процессе вызревания патриархальных отношений. Очень интересно и доказательно характеризуется образ Кащея Бессмертного — один из самых ярких образов восточнославянской сказки.

Анализ образов волшебной сказки закономерно завершается характеристикой типов социальных противников сказочного героя — царя, барина, попа и др.

Социальную и бытовую сатирику автор считает одним из замечательных признаков восточнославянской сказки. Он показывает, что в сказке рядом с фантастическими существами, обрисованными в гротескно-сатирической манере, действуют отрицательные персонажи, взятые из самой жизни и «придающие сказке ярко выраженную социально-политическую остроту и окраску» (стр. 22). И все-таки, на наш взгляд, исследователь слишком категоричен, когда утверждает, что «по силе сатирического обличения многие волшебно-фантастические сказки не уступают бытовым (новеллистическим), а по широте охвата объектов изображения даже превосходят их» (стр. 221). Точнее было бы сказать, что есть волшебные сказки, которые по силе сатирического обличия не уступают отдельным бытовым (но не вообще бытовым). Что же касается широты охвата объектов изображения, то трудно найти такую волшебную сказку, в которой действительность изображалась бы только в сатирическом плане и так широко, как это бывает во многих бытовых сказках.

В заключении автор подводит итоги исследованию, обобщает выводы об особенностях системы образов восточнославянской волшебной фантастической сказки, в общих чертах рассматривает специфику обрисовки образов в сказке в сравнении с образами других жанров, показывает связь сказки с действительностью, объясняет сходство сказок восточнославянских народов и их образной системы прежде всего общностью происхождения и исторических судеб русского, украинского и белорусского народов, определяет национальную специфику сказок.

Кроме сделанных выше замечаний, следует указать также на некоторые неточности в цитировании белорусских текстов и на отдельные опечатки (стр. 19, 40, 42, 54, 87 и др.).

Все наши замечания носят частный характер и ни в коей мере не снижают общей высокой оценки монографии. Книга Н. В. Новикова «Образы восточнославянской волшебной сказки» — капитальный труд, вносящий значительный вклад в фольклористическую науку.

А. С. Федосих

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

И. М. Семашко. Бхилы. Историко-этнографическое исследование. М., 1975, 168 стр.

В советской этнографической науке, как и в отечественном востоковедении в целом, не было создано ни одного исчерпывающего монографического исследования, посвященного какому-либо одному отдельно взятому народу Индии. Рецензируемая книга является первой монографией, всесторонне (в пределах доступного материала) освещющей жизнь бхилов — одного из малых народов (или, точнее, одной из групп близкородственных малых народов) Индии, расселенного на этнических территориях трех крупных народов: гуджаратцев, раджастханцев и маратхов. Необходимость в такой работе давно назрела, и поэтому ее выход в свет следует приветствовать.

Уже во «Введении», определяя задачи своего исследования, автор выявляет важнейшие процессы, характерные для жизни всех малых народов современной Индии. Это: «их ассимиляция крупными народами, а в некоторых случаях и появление тенденции к собственной этнической консолидации, наконец их влияние на другие народы» (стр. 4).

Каждому из советских специалистов по Индии адресован вывод автора о необходимости пристального внимания к изучению процесса «социально-экономического и культурного роста малых народов, который индийское государство стремится целенаправленно регулировать» (стр. 4—5).

Во «Введении» дается хороший обзор источников — по крохам собраны сведения о бхилах, рассеянные на страницах научной и нарративной литературы. Положительная оценка той большой работы, которую ведут в этой области этнографы и антропологи Республики Индия, и четкое противопоставление их исследований публикациям английских ученых XIX — первой половины ХХ веков дают читателю представление о бурном росте обществоведческой науки в Индии в период независимости.

В обзоре происхождения бхилов с исчерпывающей полнотой рассматриваются разные точки зрения, существующие в науке, и поскольку ни один ученый пока не построил убедительно аргументированной концепции этногенеза этого народа, автор достаточно обоснованно полемизирует с целым рядом исследователей.

Анализируя данные, касающиеся антропологического типа бхилов, И. М. Семашко приходит к совершенно правильному выводу, что «бхилы являются продуктом смешения двух основных пластов —aborигенного и пришлого населения» (стр. 34). При этом автор критически относится к утверждениям большинства исследователей, что протобхилы — это скорее всего нишады — народ, постоянно упоминаемый в памятниках древнеиндийской литературы (стр. 20). Нишадов ученые чаще всего относят к мундаязычным народам и, связывая бхилов с нишадами, подчеркивают предполагаемую мундаязычность протобхилов. Поскольку все это спорно, и до сих пор вопрос о том, какой пласт индийского населения древнее — мунда или дравиды, остается открытым, автор освещает на страницах монографии все точки зрения, касающиеся соотношения субстратных элементов, прослеживаемых как в бхильском антропологическом типе, так и в бхильских диалектах, и это само по себе является первой и очень ценной сводкой материалов, нужных каждому специалисту.

Особенно важны все сведения, позволяющие связать протобхилов с населением ареала цивилизации Хараппы, которое почти все современные исследователи признают дравидоязычным. Излагая точки зрения ряда выдающихся ученых, сближавших протобхилов с мунда, автор не упускает ни малейшей возможности найти в доводах исследователей данные, подтверждающие древние бхило-дравидийские связи.

К сожалению, автор не развел сформулированные в книге положения о том, что неарийская лексика в бхильском языке относится, в основном, к земледельческим традициям, а это «может свидетельствовать в какой-то мере и о древности земледелия... у бхилов» (стр. 25). Ведь именно эти данные ставят под удар принятые многими учеными предположение, что дравиды нарекли бхилов «бхилами», т. е. «лучниками», произведя это название от дравидийского слова «бил» — «лук». Каждый, кто соглашается с возможностью такого «наречения», поневоле должен признавать бхилов и дравидов разнородными этносами, а этим опять же косвенно подтверждается мнение о том, что бхилы относятся к мундаязычным народам.

Возможно, настало время сделать более решительную попытку отойти от укоренившейся тенденции сближать бхилов главным образом с мунда. Следовало бы собрать все доступные материалы (видимо, этот вопрос заслуживает того, чтобы посвятить ему отдельную работу), связывающие бхилов и с дравидоязычными народами. Не исключено, что совсем не дравиды, а индоары дали им название «бхил» (от «бил»), в силу того, что лук был основным оружием бхилов — народа, занимавшегося в западных областях Индийского субконтинента земледелием (при сохраняющих большое значение в хозяйстве занятиях охотой и рыболовством).

В связи с этим хочется немного дополнить собранные автором данные о дравидийских корнях в бхильских диалектах и о бхильских топонимах в Западной Индии (стр. 22, 25, 26).

Процессы начальной ассимиляции арьами местного населения протекали с большой активностью в северо-западных областях. Интересно, что именно к областям Гуджарата, Раджастана и Панджаба относятся некоторые древнейшие упоминания о столкновениях арьев с теми неарийскими народами, в которых ученые обычно усматривают бхилов, и о расселении здесь этих народов. К тем топонимам, которые перечислены в рецензируемой книге, можно добавить еще некоторые другие. Так, в Ригведе упоминается топоним Арбуда (Ригведа, кн. VIII, гимн 3), который локализуется в Гуджарате. Этот топоним не является санскритским и соотносится с древними языками местного населения, на что обратил внимание С. Конов еще в начале 1920-х гг.¹. В Ригведе говорится, что Арбуда была оплотом народа шамбара и других даса, или дасбу (то есть неарьев). Там же указывается, что эти народы спускались с гор и грабили арьев, угоняли их коров. Из ведической и эпической литературы известно, что Арбуда — это гора, которая позже, в эпиграфических памятниках средневековья, уже именуется, как и в наше время, Абу. Она расположена у границы двух штатов — Раджастана и Гуджарата, на местах древних боев арьев с шабарами.

Ряд ученых считает шабаров мунда, но никаких доказательств принадлежности этого народа (или группы народов) к носителям языков мунда нет. Нам кажется, что более обоснованы предположения о принадлежности шабаров к дравидоязычным народам; описываемые области в древности входили в ареал цивилизации Хараппы, как известно, реликтовой группой древнего населения северо-западных областей субконтинента считается дравидоязычный народ брагуи, живущий и доныне в Пакистане, тогда

¹ S. Konow, The Aryan gods of the Mittani people, Oslo, 1921.

как территория расселения мундов, признанных создателями культуры медных кладов и желтой керамики, лежала дальше к востоку.

Судя по именам, а также по надписям и указам гуджаратских царей рубежа и начала новой эры, придворным языком к этому времени здесь уже стал санскрит², а это позволяет утверждать, что арьянизация этих областей завершилась во второй половине I тыс. до н. э. Ввиду интенсивной языковой ассимиляции, местные народы утратили свои языки, но наличие в современном индоарийском языке бхилов неиндоарийских земледельческих терминов говорит скорее всего о том, что арии непосредственно ассимилировали протобхилов, составлявших часть земледельческого населения Хараппы, и что эти протобхилы были скорее всего носителями какого-то из древних дравидийских языков. Видимо, в том именно и состоит столь четко прослеживаемое в древних памятниках индоарийской литературы различие между шабарами и нишадами, что шабары были дравидоязычным населением северо-западных и западных областей, а нишады, вполне вероятно, мундаязычными народами Центральной Индии.

Автор монографии приходит к выводу, что не следует непосредственно сопоставлять данные антропометрических измерений современных бхилов с современными народами, живущими вокруг них, равно как и с описанными в древнеиндийской литературе племенами, которых обычно считают бхилами. Такие сопоставления неправильны в силу того, «что некоторые группы бхилов настолько смешались с окружающим их населением европеоидного типа, что почти не отличаются от последнего» и, вместе с тем, «само это европеоидное население уже несет своеобразные черты взаимного смешения сaborигенным субстратом...» (стр. 33).

Ценная часть книги — описание истории отдельных территориальных групп бхилов, являющееся кратким сводом малоизвестных материалов и поэтому имеющее большое информационное значение (стр. 35—48).

Собранные автором данные о занятиях и материальной культуре (глава 2), об общественных отношениях и социальных институтах (глава 3), а также о духовной культуре бхилов (глава 4) тщательно систематизированы и распределены по отдельным разделам — «Земледелие», «Социально-экономические отношения», «Гермины рода-ства», «Семья и семейные отношения», «Народное творчество» и т. п. Все эти данные, несмотря на сравнительно небольшой объем книги, имеют исчерпывающий характер на данном уровне изучения бхилов и являются небольшой энциклопедией, представляющей в распоряжение всех, кто занимается индологией, общей этнографией и социологией, подобранные со знанием дела сведения о самых разных сторонах жизни и культуры бхилов.

Совершенно правилен вывод автора, что процессы ассимиляции разных групп бхилов более крупными этническими массивами зашли очень далеко, но, несмотря на это, в их материальной и духовной культуре все же сохраняется ряд своеобразных черт, в известной степени общих для всех бхилов, вне зависимости от того, какие этносы их окружают. Крайне важен конечный вывод, что несмотря на усиленную ассимиляцию бхилов и несмотря на утрату ими своего языка и усвоение языков окружающих народов, в их среде развивается движение за национальное самоопределение, а это служит явным свидетельством формирования их национального самосознания (стр. 151—152).

Как и в каждой работе, посвященной слабо исследованным проблемам, в книге встречаются некоторые спорные утверждения, и автору можно было бы сделать не сколько замечаний.

Так, желательно было бы поместить в книге дословный перевод текстов, где упоминаются бхилы, в таком древнем памятнике, как эпическая поэма Махабхарата, или в более позднем произведении — «Катхасаритсагара» кашмирского автора Сомадевы. Равным образом хотелось бы, чтобы не так бегло был рассмотрен период истории бхилов от рубежа н. э. до средневековья.

Нельзя признать правомерным термин «индусские народы», которым автор иногда пользуется, — ведь «индуисский» означает «исповедующий индуизм», а в Индии нет монорелигиозных народов (да если бы и были, то по этому признаку народы в общем контексте книги выделить не следует).

В целом же такая книга, безусловно, нужна как специалистам, так и всем, кто интересуется жизнью и культурой народов этой многонациональной страны.

² H. D. Sankalia, Studies in the historical and cultural geography and ethnography of Gujarat, Poona, 1949, p. 160—163.

НАРОДЫ АМЕРИКИ

В. А. Кузьмищев. Тайна жрецов майя. М. 1975, 256 стр.

В серии «Эврика» вышла вторым изданием книга советского американиста В. А. Кузьмищева «Тайна жрецов майя». Насыщенность книги интереснейшей научной информацией, своеобразное построение и яркие «живые картины» истории древнего населения Мексики несомненно привлекут к этой книге внимание самого широкого круга читателей.

В книге В. А. Кузьмищева органично совмещены и удачно дополняют друг друга научно-популярный очерк, повествующий об основных вехах истории древних майя, и художественные новеллы, иллюстрирующие отдельные ее эпизоды. Автор знакомит нас с тем, как по велению католического епископа Диего де Ланды было покончено с духовным наследием целого народа и как затем ученыe по крохам собирали случайно уцелевшие обрывки рукописного наследия древних майя, чтобы попытаться с их помощью воссоздать жизнь строителей замечательных городов, затерянных в тропических лесах Южной Мексики и Гватемалы. Это удалось лишь в последнее время благодаря трудам Ю. В. Кнорозова, посвятившего много лет дешифровке письменности древних майя. В. А. Кузьмищев ведет читателя в творческую лабораторию учёного, показывая и стоявшие перед ним трудности, и те новаторские приемы, которые были успешно применены Ю. В. Кнорозовым для прочтения рукописей. Нужно обладать большим талантом популяризатора, чтобы ярко и доступно рассказать читателю-непрофессионалу о таких сложных и специальных вопросах, как определение характера письменности, анализ «алфавита Ланды» и сложнейшая структура майяского счета и календаря. Автор «Тайны жрецов майя» уверенно справляется с этой задачей, создавая у читателя впечатление участия в работе над рукописями.

Рассказ о дешифровке переплетается в книге с изложением сведений по истории майя и соседних народов до испанского завоевания. Она известна нам прежде всего по археологическим данным. Особую живость и достоверность описаниям майяских древностей в книге придают те впечатления, которые автор вынес из посещений древних городов Мексики во время своего путешествия по этой стране. В. А. Кузьмищев хорошо знаком и со специальной литературой по археологии майя, но иногда, увлекаясь развитием стройной концепции древней истории этих индейцев, он забывает о сложном и часто неоднозначном решении ряда ее проблем. Так, он приписывает протомайя заслугу доместикации кукурузы (стр. 241—242). Но по современным данным, истоки культуры майя прослеживаются лишь до конца II тыс. до н. э., а введение кукурузы в культуру и переход к земледелию произошли здесь гораздо раньше, в IV—III тыс. до н. э.

Автор рецензируемой книги придерживается мнения о приходе майя с севера и об их родстве с загадочными ольмеками (стр. 17—20). Однако существует и другая точка зрения, высказанная исследователями, которые видят предков майя в племенах раннеархаического периода (II тысячелетие до н. э.), живших в Южной Мексике, горной Гватемале и Гондурасе. Согласно этой концепции, в среднеархаический период (первая половина I тысячелетия до н. э.) они расселились к северу и северо-востоку, на территорию низменной части Гватемалы и полуострова Юкатан. Здесь и были созданы Тикаль, Паленке, Бонампак, Колан и другие города-государства. Но они не были окружены морем кочевых охотников и собирателей, как может показаться из текста «Тайны жрецов майя» (стр. 58, 59, 140, 141 и др.). Цивилизация майя расцветала в соседстве с другими древнемексиканскими цивилизациями — сапотекской, теотиуаканской, тотонакской и тольтекской.

Автор рецензируемой книги резко и совершенно справедливо выступает против точек зрения, согласно которой классический период существования майяской цивилизации (I тысячелетие н. э.) был временем гармоничного и мирного развития (стр. 94 сл.). На примере Бонампака и других памятников он показывает, что это было время глубоких внутренних противоречий и ожесточенных военных столкновений между городами-государствами. Именно такие противоречия и войны ослабили майяскую цивилизацию, сделав ее легкой добычей иноземных захватчиков-тольтеков.

С разрушением городов-государств классического периода и с социальными потрясениями этого времени автор, вслед за Э. Томпсоном, связывает намеренную порчу каменных стел и других скульптур (стр. 100). Но испорченные скульптуры встречаются на протяжении всего периода существования классических городов майя и часто непосредственно связаны с перестройками храмов, где они стояли. Известны и случаи вторичного использования стел в стенах более поздних построек. Не отрицая «насильственной» порчи ряда этих монументов, можно предполагать, что были и другие причины, по которым стела могла потерять свое сакральное значение и быть использована даже в качестве простого строительного материала.

История падения Древнего царства майя очень увлекательна и в целом исторически верно описана В. А. Кузьмищевым (стр. 140—146). Действительно, в X в. тольтеки в союзе с другими племенами несколькими путями двинулись на страну майя и, покорив ее разрозненные города-государства, создали так называемое Новое царство

на Юкатане. Но автор «Тайны жрецов майя» неправ, когда пишет, что «в течение нескольких столетий (до прихода тольтеков — В. Б.) никто не решался вторгаться во владения грозных и могущественных городов-государств классических майя». Уже в VII в. территория горной Гватемалы подпала под власть выходцев из Теотиуакана. Позже, в VIII—IX вв. с запада в низменные районы страны майя вторглись племена пипиль. Тольтекское завоевание в X веке лишь завершило эпоху военных столкновений.

Роль организатора и верховного военачальника в этом завоевании В. А. Кузьмищев отводит Кетсалькоатлю, или Кукулькану. Под этими именами в книге выступает Се Акатль Топильцин — бывший правитель тольтеков, изгнанный из их столицы Толлана и поднявший против городов майя окружавшие их варварские племена. Такая трактовка событий опирается на легендарные сведения некоторых источников, но вряд ли ее можно признать единственно возможной. Слишком уж скучны эти сведения. Да и сам образ Се Акатля Топильцина на страницах книги тоже очень противоречив. Если под именем Кетсалькоатля он выступает как религиозный реформатор типа египетского Эхнатона, заменивший кровавый культа бога войны Тескатлипоки более гуманным культом обожествленного правителя, то позже, под именем Кукульканы, именно он引进ит в страну майя обычай человеческих жертвоприношений. Но как бы то ни было, избранная В. А. Кузьмищевым версия позволила ему создать новеллу «Проклятье пернатого змея» — лучшую из четырех, включенных в книгу. С ее страниц встает яркий образ мудрого правителя Толлана, вынужденного бежать из города от гнева народа, подстрекаемого жрецами Тескатлипоки. Описание бегства и побоища в Синалоа — наиболее впечатляющий эпизод новеллы. И конечно, автор был вправе выбрать для художественного изложения ту историческую версию, которая показалась ему наиболее драматической и насыщенной чисто человеческим содержанием. Новое царство майя просуществовало на Юкатане до конкисты, раздираемое расприями и борьбой городов-государств за гегемонию. Эта эпоха тоже ярко показана в «Тайне жрецов майя».

Касаясь причин покорения огромных древнемексиканских государств кучкой испанских авантюристов, В. А. Кузьмищев возвращается к легенде о Кетсалькоатле — белом бородатом боге, ушедшем на восток, откуда и появились новые завоеватели, якобы так похожие на него. Автор полагает, что именно сходство белых людей с возвратившимся богом было одной из причин пассивности ацтеков в борьбе с испанцами. Но дело в том, что в этом виде легенда возникла не ранее XVI в. и, видимо, специально распространялась католическими монахами, чтобы облегчить окончательное покорение индейцев и подчинение их «Святой церкви». Легкость, с которой испанцы овладели огромной страной, объясняется другими причинами, о которых в книге рассказано достаточно подробно (стр. 202—210). Но легенда о Кетсалькоатле не имеет к ним прямого отношения. Поэтому вряд ли правильно и описание внешности Се Акатля Топильцина как светлокожего бородатого старца, данное в соответствующих главах книги.

Неточности, на которых мы останавливались, имеют частный характер и отнюдь не портят общего впечатления от «Тайны жрецов майя», являющейся, несомненно, заметным вкладом в популяризацию достижений советской американистики. Советской, потому что книга основана в первую очередь на результатах работ Ю. В. Кнорозова как в области дешифровки письменности майя, так и в области исторического истолкования ее результатов. Но не ограничиваясь этим, В. А. Кузьмищев высказывает ряд интересных самостоятельных положений, опирающихся на глубокое знание мексиканских древностей и связанной с ними научной проблематики. Такова, например, мысль о разрушительной роли жестокой религии ацтеков в момент их столкновения с европейцами (стр. 205—208).

Очень украшают книгу вставные новеллы, позволяющие читателю окунуться в атмосферу древних майских городов, которую мастерски воссоздает автор, присутствовать на религиозных церемониях и при таких общественных потрясениях, как восстания рабов и извержение правителей, наблюдать за созданием замечательных памятников искусства и архитектуры. Живой рассказ обо всех этих событиях как бы оттеняет изложение чисто научных положений. Но и «сухие» научные материалы ожидают под пером В. А. Кузьмищева, который прекрасно умеет передать увлекательность процесса поиска в науке. Можно только приветствовать инициативу издательства «Молодая гвардия», предпринявшего переиздание «Тайны жрецов майя» и тем самым предоставившего еще более широким кругам советских читателей возможность познакомиться с одной из интереснейших цивилизаций Древней Америки.

В. А. Башилов

НАРОДЫ АФРИКИ

Ж. Маке. Цивилизация Африки южнее Сахары. 1974, 165 стр. илл.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука» издала в переводе Г. А. Матвеевой под редакцией Д. А. Ольдерогге книгу известного бельгийского ученого Жака Маке, представляющую собой своеобразные этнографические этюды, посвященные Африке южнее Сахары. Автор обособил названную часть Африки не из принципиальных соображений («делить континент на два культурных региона, разграниченных Сахарой, нет оснований», — пишет Маке на стр. 15): просто территория южнее Сахары — поле многолетних полевых и литературных изысканий автора.

Знакомясь с книгой, задаешь себе вопрос: чем привлекло издательство это произведение? И ответ дать несложно: обилием первичного материала, метких этнографических наблюдений, интересных деталей. Книга цenna также антиколониалистским и антирасистским взглядом автора на проблемы Африканского материка, на судьбы ее народов. «Сомнительно,— пишет Маке,— чтобы колонистам Южной Африки удалось надолго сохранить свое расистское государство... Отвечая насилием на любое изменение, угрожающее их привилегиям, они рискуют лишиться не только этих привилегий, но даже возможности жить на африканской земле» (стр. 136). В целом правильно, хотя чуть наивно по форме и несколько упрощено излагает автор книги существо неоколониализма (не называя, впрочем, этого слова), имеющего целью продолжение эксплуатации слаборазвитых стран в условиях их политической независимости (стр. 134).

Нельзя не отметить ряда правильных теоретических положений Маке, относящихся к категории общеафриканских и даже глобальных. Назовем утверждение о существующей среди западных ученых путанице между понятием расы, языка и культуры (стр. 17, 18) — эту проблему затрагивает в своем содержательном послесловии и Д. А. Ольдерогге. Упомянем также тезис об Африке — колыбели человечества (стр. 28 и сл.).

Интересны и в общем правильны рассуждения автора книги (стр. 74, 75) об обогащении вождей в традиционном африканском обществе (а отсюда — шаг до тезиса о разложении общины), о роли денежных налогов в разложении этого общества (стр. 139). Конечно, для ученых-марксистов эти положения не представляют собой чего-то нового, но появление их в книге буржуазного ученого достаточно симптоматично.

Конечно, далеко не все теоретические положения Маке могут быть приняты. В первую очередь вызывает недоумение предлагаемая им классификация африканских цивилизаций. Маке выделяет и рассматривает цивилизации: лука, леса, зернохранилища, копья, городов и, наконец, промышленную цивилизацию. Нетрудно заметить, что в названиях «цивилизаций» нет определенной логики; нет ее и по существу. И это не случайно, так как, по справедливому замечанию автора послесловия, «понятие „цивилизация“, употребляемое в этой книге, имеет весьма условное значение, оно расплывчато и недостаточно ясно» (стр. 152). Правда, там, где Маке не выходит за рамки традиционного хозяйства, традиционного образа жизни и стереотипа поведения, его понятие «цивилизация» близко к представлению о хозяйственно-культурном типе, принятом многими советскими этнографами.

Такая расплывчатость в понимании и классификации основного явления, анализируемого автором книги, приводит к расплывчатости в выявлении основных черт и внутреннего «содержания» каждого выделенного типа, что не могло не отразиться и в характеристике названных типов: о каждом из них сообщается нечто интересное — в одних случаях более общее, в других — частное, конкретное, в третьих — просто занимательное. Все это и вызывает наибольший интерес к книге, так как представляет собой, несомненно, ценный фактический, иногда несколько обобщенный материал к теме «Этнография Африки» — материал, к сожалению, лишенный четкой внутренней логики, что нашло свое отражение даже в названиях отдельных разделов книги, терминологической непоследовательности (например, у автора в одной классификационной системе находятся «идеалистическое и классическое искусство» (стр. 103), термины «щелкающие языки» и «хамито-семитская семья» (стр. 19), традиция «изобразительная и абстрактная» (стр. 26). Некоторые терминологические «неурядицы», возможно, результат издержек перевода. Например, термин «первообытная индустрия» (стр. 34, 35 и др.) скорее всего должен был быть заменен словосочетанием «первобытое производство».

Нередко, несомненно, правильные положения Маке соседствуют с неточными. К примеру, справедливо подмечая, что «географические границы некоторых цивилизаций совпадают с рубежами природных областей» (стр. 13), автор книги склонен поддерживать устаревшее представление о том, что «чем менее развиты практические способы и приемы, тем большее значение приобретает естественная среда» (там же). Опыт современного индустриального общества опровергает это крайне упрощенное представление о взаимоотношении общества и природной среды.

Наивны рассуждения Маке о соотношении экономики и государственности (стр. 13) или о войнах в традиционном африканском обществе (стр. 90). В этих и многих других

случаях, по-видимому, проявилось стремление Маке высказать в самом сжатом очерке «все об Африке» и даже не только о ней. Неудивительно, что в небольшой книжке этого сделать не удалось без определенных (и немалых) издержек.

Нельзя согласиться с Маке (и об этом сказано в послесловии Д. А. Ольдерогге), что в науке преувеличивается значение для Африки периода колониализма (который, кстати говоря, сужается автором книги до нескольких десятилетий — стр. 17). Автору следовало бы, наоборот, говорить о некоторой недооценке того огромного следа¹, который оставила колониальная эпоха во всей жизни африканских народов, того глубокого «отпечатка», который лег на все типы африканских цивилизаций (если использовать термин Маке).

В книге «Цивилизация Африки южнее Сахары» есть отдельные неточности, часть которых связана с более поздними открытиями (о них сказано в послесловии), иные — с давно оставленными представлениями (пример: Калахари — пустыня², стр. 36, 37, и др.).

Вместе с тем Маке нередко знакомит читателей с современными научными взглядами (антропологические находки в Африке и их значение для теории происхождения человека, датировка археологических находок в связи с использованием современных аналитических методов и т. п.), излагает отдельные гипотезы, отмечая, например, сходство между наскальными рисунками Южной Африки, Сахары и Испании и ставя гипотетический вопрос о возможности существования («когда-то!») единой культуры от Испании до мыса Доброй Надежды (стр. 34).

Как видно, книга Маке представляет собой сложное соединение достоинств и недостатков. Для специалиста отделить их друг от друга не столь уж трудно (ибо единого сплава они, к счастью, не образуют), и читатель, который проделает эту несложную операцию, по достоинству оценит те многочисленные страницы книги, которые в наш математизированный век (!) следуют обозначить знаком «плюс». А отсюда и естественный вывод: советский читатель получил еще одну возможность расширить свои представления об этнографии Тропической Африки, традиционной культуре ее народов. Написанная видным исследователем Африки и квалифицированно переведенная на русский язык работа Ж. Маке «Цивилизация Африки южнее Сахары» вызовет несомненный интерес у всех интересующихся проблемами «черного континента».

¹ См. об этом: Д. А. Ольдерогге, Колониальное общество — этап в этническом развитии Тропической Африки, сб. «Проблемы населения и хозяйства стран Африки», Л., 1973.

² См. Ю. Д. Дмитревский, Об одной «традиционной» ошибке, «Изв. ВГО», 1952, № 4.

Ю. Д. Дмитревский

СОДЕРЖАНИЕ

XXV съезд КПСС и задачи советских этнографов Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробижева (Москва). Советский образ жизни: общее и национально-особенное	3
С. И. Брук (Москва). Этнодемографическая ситуация в послевоенном мире (изменения в этническом, расовом и религиозном составе населения)	10
Г. В. Старовойтова (Ленинград). К исследованию этнопсихологии городских жителей (по материалам опроса населения трех городов Татарской АССР)	23
Е. И. Клементьев (Петрозаводск). Национально-культурные ориентации карельского городского населения	45
М. А. Коростовцев (Москва). Египтология в свете этнографических иссле- дований Льюиса Генри Моргана	57
И. Л. Андреев (Владимир), Д. Д. Тумаркин (Москва). Общинные структуры и проблемы социально-экономического развития народов Океании	69
	75
Дискуссии и обсуждения	
Б. В. Андрианов (Москва). К изучению аграрной этнографии	89
Г. Г. Громов (Москва). Сельскохозяйственная техника и этнические традиции	98
К итогам дискуссии по аграрной этнографии	114
Сообщения	
К. К. Чербуленас (Каунас). Организация Музея народного быта Литов- ской ССР	116
М. А. Сабурова (Москва). Шерстяные головные уборы с бахромой из кур- ганов вятской	127
Ю. А. Колосова (Москва). Материалы переписи 1970 г. по индейскому на- селению США	133
Поиски, факты, гипотезы	
С. И. Вайнштейн, М. В. Крюков (Москва). «Дворец Ли Лина», или конец одной легенды	137
Научная жизнь	
З. Т. Вежбицкий (Варшава). К IV Всемирному конгрессу по социологии деревни	150
И. М. Золотарева, З. П. Соколова, Л. Н. Терентьева (Москва). Исто- рические науки на IV Международном конгрессе финно-угроведов	151
В. Руш (Берлин), Л. Штейн (Лейпциг). Международный симпозиум «Кочев- ники в истории и современности»	157
В. Е. Гусев (Ленинград). Фольклор и общество (Симпозиум болгарских фольклористов)	160
Коротко об экспедициях	163
Критика и библиография	
Общая этнография	
В. В. Покшишевский (Москва). Этнография в странах социализма. Очерки развития науки	166
Народы СССР	
В. А. Александров (Москва). М. М. Громыко. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII — первая половина XIX в.)	170
З. П. Соколова (Москва). Н. А. Миненко. Северо-Западная Сибирь в XVIII— первой половине XIX в. Историко-этнографический очерк	173
	189

А. В. Смоляк (Москва). <i>Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки (азиатские эскимосы, чукичи, кереки, коряки и ительмены)</i>	176
А. С. Федосик (Минск). <i>Н. В. Новиков. Образы восточнославянской волшебной сказки</i>	179
 Народы зарубежной Азии	
Н. Р. Гусева (Москва). <i>И. М. Семашко. Бхилы. Историко-этнографическое исследование</i>	182
 Народы Америки	
В. А. Башилов (Москва). <i>В. А. Кузьмищев. Тайна жрецов майя</i>	185
 Народы Африки	
Ю. Д. Дмитревский (Ленинград). <i>Ж. Маке. Цивилизация Африки южнее Сахары</i>	187

На первой странице обложки: Чукотско-эскимосский ансамбль народного танца «Уэлен». Поселок Уэлен. Фото С. Н. Иванова, 1974 г.

SOMMAIRE

Le XXVe Congrès du P. C. U. S. et les tâches des ethnographes soviétiques	3
Yu. V. Aroutiunian, L. M. Drobijeva (Moscou). Le mode de vie soviétique: le commun et le spécifique-national	10
S. I. Broutk (Moscou). La situation ethnodémographique dans le monde d'après-guerre (changements de la composition ethnique, raciale et confessionnelle de la population)	23
G. V. Starovoitova (Léningrad). Contribution à l'étude de la psychologie ethnique des habitants de villes (d'après les matériaux d'un interrogatoire de la population de trois villes de la R. S. S. A. de Tatarie)	45
Ye. I. Kliementiev (Petrozavodsk). Orientations nationales culturelles de la population urbaine carélienne	57
M. A. Korostovtsev (Moscou). L'égyptologie à la lumière des études ethnographiques de Lewis Henry Morgan	69
I. L. Andréiev (Vladimir), D. D. Toumarkine (Moscou). Structures communautaires et problèmes du développement socio-économique des peuples de l'Océanie	75

Discussions et délibérations

B. V. Andrianov (Moscou). De l'étude de l'agroethnographie	89
G. G. Gromov (Moscou). Techniques agricoles et traditions ethniques	98
Bilan de la discussion sur l'ethnographie agraire	114

Communications

K. K. Cerbulenas (Kaunas). Organisation du Musée du mode de vie populaire de la R. S. S. de Lithuanie	116
M. A. Sabourova (Moscou). Coiffures à franges en laine provenant des tumults des Viatitchi	127
Yu. A. Kolossova (Moscou). Matériaux du recensement de 1970 sur les populations indiennes (Etats-Unis)	133

Recherches, faits, hypothèses

S. I. Vainchtein, M. V. Kriukov (Moscou). Le «Palais de Li Linh», ou la fin d'une légende	137
---	-----

Vie scientifique

Z. T. Wierzbicki (Varsovie). Pour le IVe Congrès Mondial pour la sociologie rurale	150
I. M. Zolotariova, Z. P. Sokolova, L. N. Tierentieva (Moscou). Les sciences historiques au Congrès International des études finno-ougriennes	151
W. Rusch (Berlin), L. Stein (Leipzig). «Les nomades dans l'histoire et à présent» — un Symposium International (Leipzig, les 11 et 12 Décembre 1975)	157
V. Ye. Goussév (Léningrad). Folklore et société. Un Symposium des folkloristes bulgares	160
Missions en bref	163

Critiques et bibliographie

Ethnographie générale

V. V. Pokchichievski (Moscou). L'ethnographie aux pays du socialisme. Essais sur le développement de la science	166
---	-----

Peuples de l'U.R.S.S.

V. A. Aléxandrov (Moscou). <i>M. M. Gromyko</i> . Les traditions de travail des paysans russes de la Sibérie (XVIII ^e —Ière moitié du XIX ^e siècle)	170
Z. P. Sokolova (Moscou). <i>N. A. Minienko</i> . La Sibérie de Nord-Ouest aux XVIII ^e —Ière moitié du XIX ^e siècles. Essai historico-ethnographique	173
A. V. Smoliak (Moscou). <i>Contes et mythes de la Tchoukotka et de la Kamtchatka (Esquimaux asiatiques, Tchouktchi, Kérek, Koriak et Itélmien)</i>	176
A. S. Fiedocić (Minsk). <i>N. V. Novikov</i> . Les images du conte de fées slave oriental	179

Peuples de l'Asie hors l'U.R.S.S.

N. R. Goussieva (Moscou). <i>I. M. Siemachko</i> . Les Bhil. Une étude historico-ethnographique	182
---	-----

Peuples de l'Amérique

V. A. Bachilov (Moscou). <i>V. A. Kouzmichtchiev</i> . Le secret des prêtres Maya	185
---	-----

Peuples de l'Afrique

Yu. D. Dmitrévski (Léningrad). <i>J. Maquet</i> . Civilisations de l'Afrique Noire (traduit en russe)	187
---	-----

Sur la couverture: «Ouèlèn», ensemble de la danse populaire des Tchouktchi et Esquimaux. Bourg d'Ouèlèn. Chiché S. N. Ivanov, 1974.

Технический редактор Л. И. Глинкина

Сдано в набор 11/III-1976 г.	T-09036	Подписано к печати 20/IV-1976 г.
Зак. 4079	Формат бумаги 70×108/16	Усл. печ. л. 16,8 Бум. л. 6 Тираж 2750 экз.

2-я типография издательства «Наука», Москва, Шубинский пер., 10